Azərbajcani Θoqrənən Cəmijjətin Xəbərləri

آذربایجانی تدقیق و تتبع جمعیتی‌نیك اخباری

ИЗВЕСТИЯ

ОБЩЕСТВА ОБСЛЕДОВАНИЯ и ИЗУЧЕНИЯ АЗЕРБАЙДЖАНА

№ 5

BULLETIN
DE LA SOCIÉTÉ SCIENTIFIQUE
D'AZERBAÏDJAN

ИЗДАНИЕ
Общества Обследования и Изучения Азербайджана
Баку 1928 باكو

Azərbajcanı Өqrənən Cəmijjətin Xəbərləri.

آذربایجانی تدقیق و تتبع جمعیتی‌نیك اخباری

ИЗВЕСТИЯ

О-ВА ОБСЛЕДОВАНИЯ и ИЗУЧЕНИЯ АЗЕРБАЙДЖАНА

№ 5

Bulletins de la Société Scientifique d'Exploration et d'Étude d'Azerbaïdjan.

ИЗДАНИЕ
О-ва Обследования и Изучения
АЗЕРБАЙДЖАНА.
Баку. 1927 باكو

Печатано во 2-й Типографии
АЗГИЗА
Касум Исмаилова № 2
Главлит 1702 Тираж 850

К статье А. Алекперова „По искусству Азербайджана“, табл. I

Рис. 1

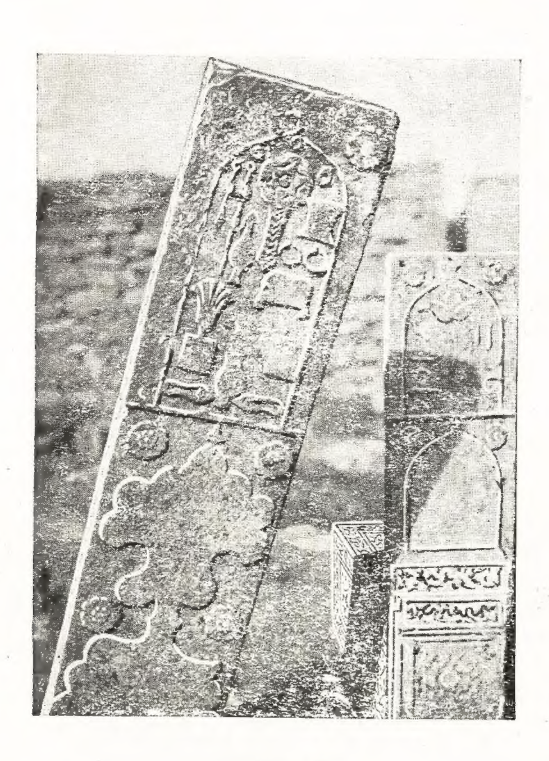
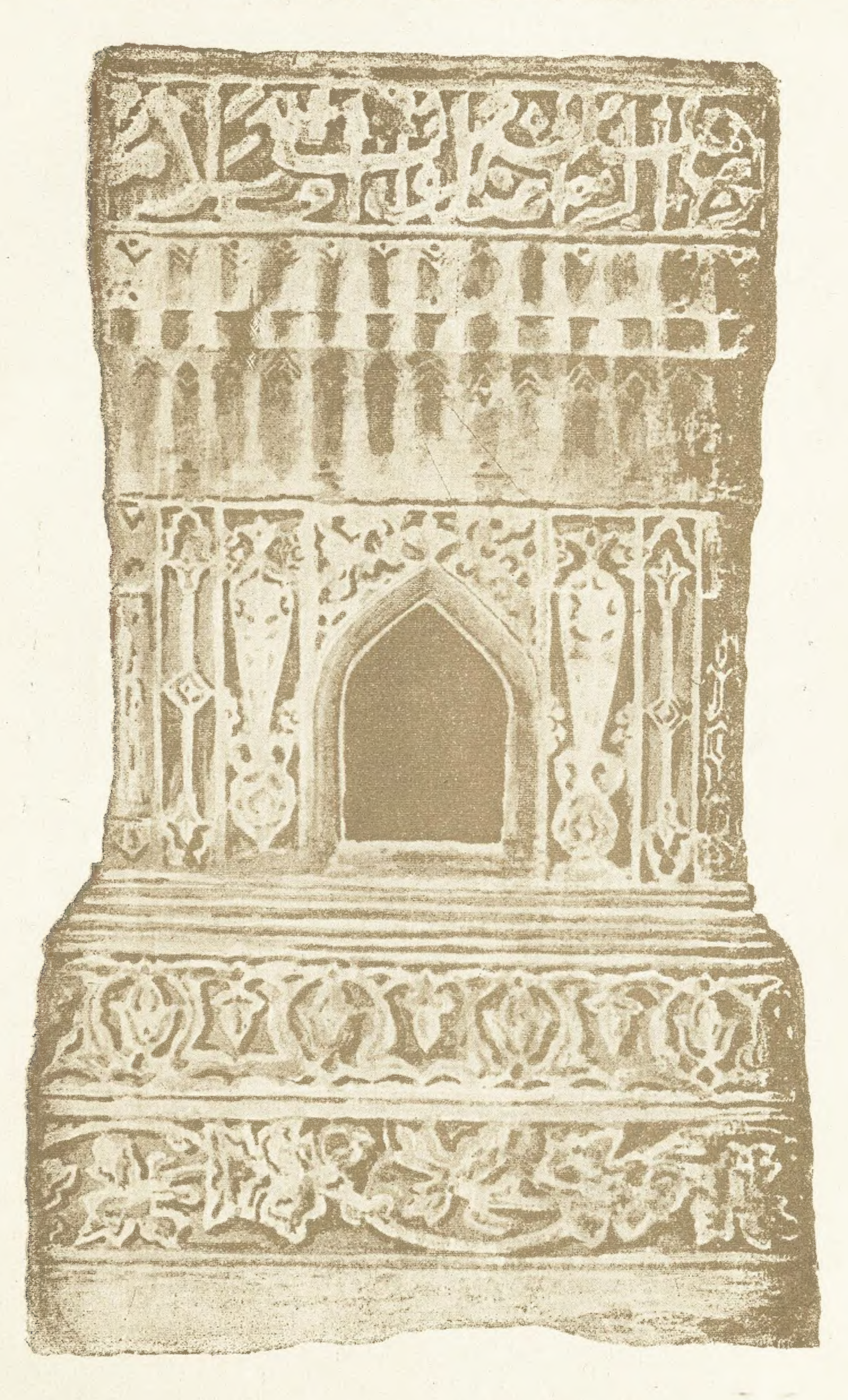

Рис. 2

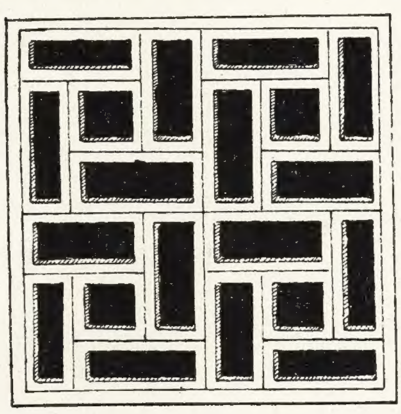
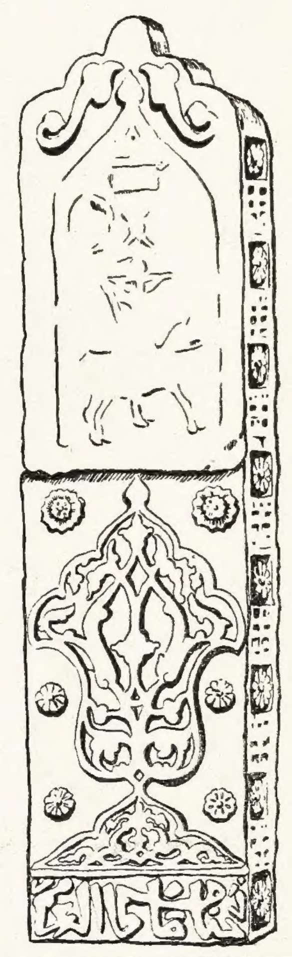
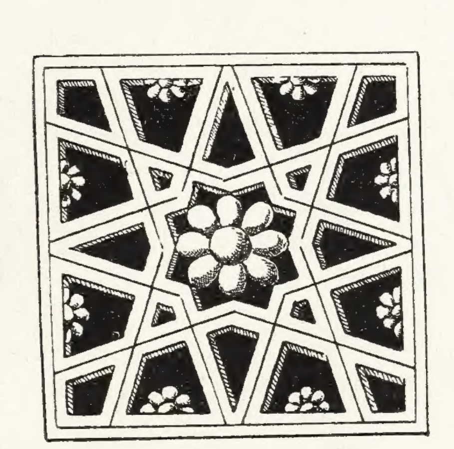
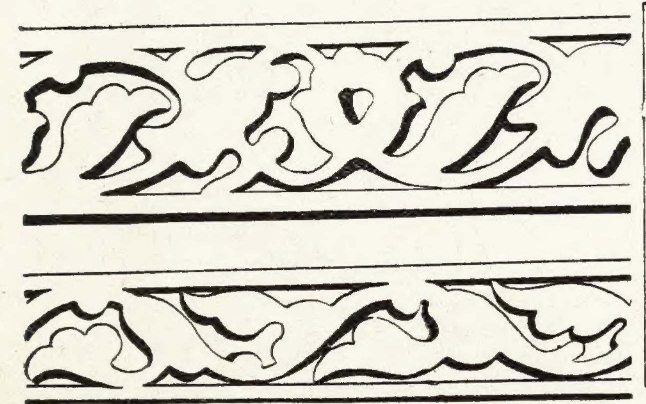
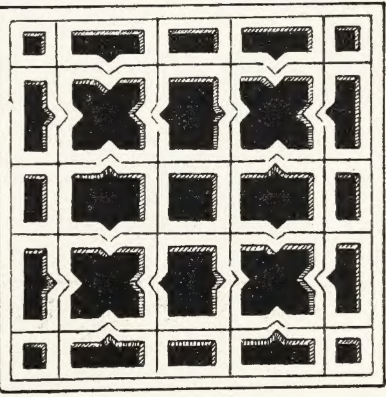

Рис. 3

К статье А. Алекперова „По искусству Азербайджана". Табл. II.

К статье А. Алекперова „По искусству Азербайджана". Табл. III

Проф. А. Н. Самойлович.

Персидский турколог XVIII века Мирза Мехди-хан.

(Посвящается памяти турколога Неваи).

Уроженец Персии и питомец персидских, по духу—средневеково-мусульманских, ученых, а затем уже европейский автодидакт, проф. А. К. Казембек (родился в 1802 г.) утверждал в своей речи 1836 г. в Казанском университете[1] на тему „О появлении и успехах восточной словесности в Европе и упадке ее в Азии" про Персию следующее: „Хотя грубый вкус Монголов скоро преобразовался, и властелины их сами начали покровительствовать Наукам, но просвещение с XV столетия начало видимо ослабевать в сравнении с прежним его состоянием: начало XVI века положило конец его успехам, и только ревность знаменитого *Мир-Али-Шира* поддержала еще последний его блеск на Востоке" (стр. 262-63). До попыток „просвещенного Аббас-мирзы" в начале XIX века вывести страну на путь европейской культуры (стр. 267) проф. Казембек видит в Персии на протяжении трех веков лишь работу богословов. „Науки—пишет он— оставались в одних фолиантах, закупоренных в сундуки или запыленных на полках" (стр. 264); „являвшиеся в разных временах таланты, которых прекрасные создания в Истории и Поэзии нам ныне известны, не были поддержаны ни поощрением Правительства, ни соревнованием Общества" (там же). Значительной поправкой к мрачной картине положения в Персии просвещения и науки в XVI-XVIII веках, по изображению персидского гражданина и русского профессора Казембека, могло-бы послужить более подробное сообщение о некоторых из тех отдельных талантов, которых вскользь коснулся Казембек, и „прекрасные создания" которых, добавлю я, не ограничивались историей и поэзией. Я в частности имею в виду персидского турколога XVIII века Мирзу Мехди-хана, научная деятельность которого в области чагатайского языка теснейшим образом связана с творениями вышеупомянутого турка-чагатайца Мир-Али-Шира Неваи и представляет собою одно из ярких свидетельств участия турецких элементов населения Персии в культурной жизни этой страны на протяже-

[1]) Журнал Минист. Нар. Просвещения за 1836 г., август, стр. 243-269.

нии многих веков, начиная с деспотичного и тщеславного турка Махмуда Газневидского (X-XI в.).

Приведенный отзыв проф. Казембека о состоянии культуры в Персии после XV века находит, если не полное, то все-же сильное подтверждение в суждениях по тому-же вопросу английскогоираниста, покойного проф. Э. Брауна, и особенно в приводимом Брауном мнении современного нам персидского ученого Мирзы Мухаммед-хана Казвинского. Последний утверждает[1]: „Наука, культура, поэзия и мистицизм полностью покинули Персию“; „во всяком случае за сефевидский период вместо великих поэтов и философов возвысились богословы, действительно великие, но суровые, сухие, фанатичные и формалисты“.

Проф. Браун (стр. 161) говорит: „Почти все те, кто писал о персидской литературе, уделяли количество внимания, которое я считаю чрезмерным и непропорциональным, поэзии и изящной литературе, и почти совершенно игнорировали более плоское, но более положительное поле истории, биографии, теологии, философии и древних наук“; однако он сам обошел молчанием в своем собственном труде область филологии (стр. 415), и в частности Мирза Мехди-хан кратко упоминается проф. Брауном только в качестве историка Надир-шаха (стр. 445).

Покойный венгерский турколог Жозеф Тури, сделавший в 1902 г. в Мадьярской Академии Наук доклад на мадьярском языке по истории изучения среднеазиатско-турецкого языка азиаткими и европейскими учеными, мог посвятить Мирзе Мехди-хану всего одну страницу[2], ограничившись внешним описанием составных частей его чагатайско-персидского словаря سنگلاخ (Санглах). Вамбери, при составлении своих „Tschagataische Sprachstudien“ (1867), знал филологический труд Мехди-хана лишь по имени (стр. 200-201). Акад. Вельяминов-Зернов вовсе не упоминает „Санглах“ среди известных ему чагатайских словарей в предисловии к изданному им чагатайско-османскому словарю „Абушка“ (1868). Французский турколог Паве-де-Куртейль в предисловии к своему „Dictionnaire turk-oriental“ (1870 г.) тоже только упоминает труд Мехди-хана, прибавляя, что не видал его и не знает, когда он был составлен (стр. IV-V). Германский турколог Ценкер указывает среди источников своего „Dictionnaire turc-arabe-persan“ (1866-1872 г. г.) „Санглах“ Мехди-хана (стр. IX), но Ж. Тури, резко критикуя

---

[1]) E. Browne. A history of persian literature in modern times (A. D. 1500-1924)- Cambridge. 1924 год, стр. 25-28, 354, 436.

[2]) Стр. 217 турецкого перевода этого доклада Ж. Тури в журнале ملی تتبعلر مجموعه‌سی год I, вып. 2.

чагатайскую часть этого словаря, утверждает (стр. 230), будто-бы на самом деле Ценкер „Санглах'ом“ не пользовался. Проф. П. М. Мелиоранский отметил в своем труде „Араб-филолог о турецком языке“ (1900), что по одной рукописи словаря „Санглах“ имеется в Британском Музее (каталог Rieu) и Бодлеянской библиотеке Оксфорда(каталог Захау и Эте), что „все существенное по части грамматики перешло оттуда в آل تمغای ناصری, как я имел случай убедиться лично“ и что „سنگلاخ“ безусловно заслуживает если не издания, то по крайней мере тщательного исследования и эксцерпирования“ (стр. LIX, сноска 1).

Английский знаток азиатских языков Денисон Росс издал, наконец, в 1910 году грамматическую часть труда Мирзы Мехди-хана, носящую название مبانی اللغت, в серии Bibliotheca Indica, по третьей из известных ныне в Европе рукописей „Санглах'а“, именно по рукописи, купленной Д. Россом на средства „Фонда в память Гибба“. Издание Д. Росса[1], всегда очень занятого человека, снабжено весьма кратким введением из 5 глав: I-описание грамматической части „Санглах'а“(стр. I); II-об авторе (стр. VI); III-анализ содержания грамматики (стр. VIII); IV-заметки и исправления (стр. XVIII); V-о цитатах в грамматике (стр. XXIV). О недостаточной тщательности работы Д. Росса свидетельствует между прочим то, что в главе V упоминается одна цитата из Бабур-намэ (стр. 97) и пропущено две (стр. 58 и 134 персидского текста), а кроме того совершенно не названы поэты Лютфи и Султан Хусейн, хотя цитата из произведений первого дана на стр. 26 персидского текста, а цитата из газелей второго—на стр. 58. Некоторых, допущенных Д. Россом недоразумений по части чагатайского языка в главе IV, я в данном случае касаться не буду.

Грамматика Мехди-хана и после ее издания Д. Россом не получила должного распространения; так, на ряду с другими, про нее не знал Ж. Дени, использовавший обширный туркологический материал в своей „Grammaire de la langue turque“ (1920 г.). И я сам, хотя и отметил своевременно появление издания Д. Росса[2], не использовал все-же грамматики Мехди-хана в грамматической части моей работы „Книга рассказов о битвах текинцев“ (1914 г.).

На обязанности прежде всего персидских туркологов, если они ныне имеются, лежит составление подробного жизнеописания одного из выдающихся их соотечественников. Европейские авторы могли привести только отрывочные данные по биографии Мирзы Мехди-хана, не найдя сведений о времени его рождения и смерти. По словам Д. Росса полное его имя было Ни-

[1]) A collection of oriental works published by the Asiatic Society of Bengal. New Series, № 1225. Calcutta.

[2]) Зап. Вост. Отд. Р. Археол. Общ., т. XX, стр. 094.

замуддин Мухаммед Хади аль-Хусайни ас-Сафави, отца-же его звали Мирза Мухаммед Насир. Родился Мехди-хан в Астрабаде, состоял секретарем и придворным историографом Надир-шаха, сопровождал своего повелителя в большинстве его знаменитых походов и исполнял для него ответственные политические и иные поручения. Он участвовал в посольстве к османскому султану и помогал греческим и армянским священникам переводить, по распоряжению Надир-шаха, библию на персидский язык[1].

Д. Росс допускает (стр. VII), что последнее обстоятельство могло послужить поводом для обвинения Мехди-хана Абуль-Хасаном Казвинским („Фаваиди Сафавия“) в атеизме. Кроме „Санглах'а“ Мехди-хан написал „Тарихи Надири“. Первая из этих исторических работ издана в оригинале в Азии (Тавриз, Тегеран, Бомбей—литографии; Калькутта—печатн.) и в переводе в Европе (W. Jones по-англ. и по-франц. 1770 и 1773 г.; Гадебуш по-немецки в 1773 г.), вторая издана литографически в оригинале в Бомбее.

Настоящая моя статья имеет целью дать общую характеристику грамматической части „Санглах'а“ Мехди-хана и указать место этого персидского турколога XVIII века в истории турокологии.

Грамматика чагатайского языка на персидском языке Мехди-хана занимает в издании Д. Росса 142 страницы. В предисловии (стр. 1-3) сообщается, что „Санглах“ явился результатом подробного изучения творений Неваи, как словарь, раз'ясняющий трудные места этого автора. Прежние словарные работы в той-же области представлялись автору не вполне удовлетворительными в разных отношениях. Мехди-хан упоминает два анонимных труда на анатолийско-турецком языке, без указания заглавий (вероятно, различные версии „Абушка“?) и не дошедшие до нас, судя по указанию Ж. Тури (стр. 217), труды на персидском языке Тали Гератского, Фераги, Незр-Али и Мирзы Абдуль-Джелиля Насыри.

За предисловием следует введение (стр. 3-5), в котором, между прочим, перечисляются 12 стихотворных и 9 прозаических произведений Неваи, использованных в „Санглах'е“; сообщается, что в конце словаря приложен список достойных внимания арабских и персидских слов преимущественно из стихотворных творений Неваи; наконец, указывается, что вопреки мнению Фераги турецкие языки обладают грамматическими законами, подобных которым по определенности нет ни в персидском, ни в арабском языках, и что автор изложил правила

[1]) Malcolm, History of Persia, 1815, II, p. 104, Browne, Persian literature in modern times, p. 137.

турецкого языка (имеется в виду среднеазиатско-турецкий язык за чагатайский период) в грамматике مبانى اللغت, состоящей из одного ترصيف и шести مبنا, для учащихся.

Автор считает свою грамматику первой научной грамматикой турецкого языка и просит читателей исправлять ее недостатки. Ясно, что Мирза Мехди-хан был в курсе изучения только литературного чагатайского языка и не знал о существовании более ранних работ о турецких языках арабоязычных филологов, возглавляемых знаменитым ныне Махмудом Кашгарским.

Отдел ترصيف (стр. 5-6) имеет целью раз'яснить, что не „масдар", а форма 2-го лица единственного числа повелительного наклонения является основой, от коей с помощью различных приставок (они перечисляются) образуются прочие формы. Приставки, как и основы, делятся закономерно в фонетическом отношении только на две группы: 1) типа ق или غ и 2) типа ك. Уже этот отдел весьма выгодно отличает автора даже от некоторых современных составителей турецких грамматик.

Этот-же отдел свидетельствует о том, что Мехди-хан во главе грамматики турецкого языка ставит глагол. Первое „мебна" (стр. 6-63), самое крупное по об'ему, посвящено образованию глагольных форм, второе (64-73)—также касается глагольных форм и в начале отмечает явление „сингармонизма" в глагольных образованиях. Третье „мебна" (73-78) трактует о личных и указательных местоимениях, четвертое (78-96)—о приставках склонения, послелогах, словообразовательных приставках; пятое (96-98)—об описательных и составных глаголах и о составных именах; шестое (99-142)—о правописании в связи с фонетикой.

Мехди-хан касается фонетической стороны языка и при рассмотрении отдельных грамматических форм. Например, описывая спряжение формы прошедшего категорического времени из'явительного наклонения на „ды" (стр. 20), автор различает: 1) алдым, 2) киттим, 3) урдум, 4) туттум, т. е., во-первых, явление ассимиляции согласных звуков по признаку звонкости или глухости (ал-ды, ур-ды, но кит-ти, тут-ты) и, во вторых, явление ассимиляции гласных звуков по признаку губности и не-губности (алд-ым, китт-им, но урд-ум, тутт-ум). О губной ассимиляции гласных говорится еще на стр. 64 тоже в отношении глагольных форм, а об ассимиляции согласных по признаку звонкости или глухости—еще на страницах 65 и 109. Всюду также различаются автором основы и приставки с задними (твердыми) и передними (мягкими) гласными и согласными (например, стр. 6, 89 про приставку „лык" 110-111). Автор касается и некоторых других фонетических явлений, например

—выпадения гласных звуков в конечных закрытых слогах при присоединении гласной приставки : „бойун—бойны, агыз – агзы“ (стр. 128).

Перечисленные фонетические наблюдения Мехди-хана, не представляющие ничего особенного по сравнению с прежними арабоязычными филологами, также возвышают автора над некоторыми значительно более новыми составителями грамматик.

Грамматические формы чагатайского языка подобраны Мехди-ханом с большой тщательностью, включительно до таких, которые встречаются у Неваи по одному только разу (например, на стр. 42, 43), и всегда с оправдательными цитатами. С подобной полнотой формы эти поныне не представлены в европейских грамматиках чагатайского языка.

Автор пытается выяснить происхождение некоторых слов, и мы можем выделить из этих попыток удачную и ныне общепризнанную этимологию слова „иштан“ = „брюки“ (стр. 130): „ич“ + „тон“ (собственно: „подштаники“).

Ценность Мирзы Мехди-хана, как турколога, увеличивается еще оттого, что он, при изучении литературного чагатайского языка, привлекал в качестве сравнительного материала литературные памятники и живые диалекты анатолийских и азербайджанских турков, с одной стороны, и живые диалекты Средней Азии, с другой. Автор отмечает (стр. 3), что „узбеки Турана и население Мавераннагра“ произносят начальный согласный звук в словах کیتماك، کیلماك، کورماك, как „к“, а „туркмены и население Хорезма“—как „г“ (первые—„китмек“, вторые—„гитмек“). Далее автор указывает (стр. 9-10), что „турки Рума и Ирана“ (т. е. анатолийцы и азербайджанцы) говорят „алан, гелен“ вместо „алган, кельген“; „башлайан, окуйан“ вместо „башлаган, окуган“. Форма типа „тапманам“ = „я не нахожу“, встреченная Мехди-ханом у Неваи только один раз (стр. 43), является, по словам автора, обычной у „турков Рума и Ирана“. Приводя форму 1-го лица множ. числа желательного наклонения типа „алалы“ = „возьмем-ка“, Мехди-хан прибавляет, что „некоторые турки Турана“ (стр. 62) говорят آلالینك (ссылка на Бабура). Чагатайским формам „алдым, бильдим, алыб, билиб“ противоставляются автором формы „алдум, бильдюм, алуб, билюб“ у турков Рума (стр. 64). Приводится свойственная „туркам Рума и Ирана“ глагольная форма на „дук“ с цитатой из Фузули и с „румским правописанием“ (стр. 20-21). Сопоставляются чагатайские формы „алгучи, туткучи“ с анатолийско-иранскими „алыджи, тутуджи“ (стр. 27). Об'ясняя общие черты в языках чагатайском и анатолийско-турецком тем, что „султаны Рума и большинство племен той страны происходят от татар (منشعب از ایل تاتاراند)“, Мехди хан

приписывает влиянию арабов особенности анатолийско-турецкого языка. В данном случае приходится внести существенную поправку: часть приводимых автором примеров отмечает особенности не языка, а только правописания анатолийских турков, действительно об‘ясняемые влиянием арабской письменности (طاغ вместо чагат. تاغ ; آط вместо чагат. آت ; صو вм. чагат. سو и т. д.), другая-же часть примеров никакого отношения к арабскому влиянию не имет:

Анатол.	درلو	قوطلو	آد	آلمز	ایده‌روز
Чагат.	تورلوك	قوتلوغ	آت	آلماس	ایتکابیز

Мехди-хан отмечает и словарные отличия между чагатайским и анатолийско-турецким языками, например—различия в значении глагола „йапмак“. По сравнению с прежними арабоязычными филологами эти экскурсы в область сравнительной диалектологии тоже ничего особенного не представляют, но на фоне изображенного проф. Казембеком упадка культуры в Персии и „восточной словесности“ в Азии, наукообразный характер труда персидского турколога XVIII века не может не вызвать у историка туркологии удивления и восхищения.

Мехди-хан резко разграничивает памятники чагатайского языка и памятники анатолийских и иранских (азербайджанских) турков, так что нередко цитуемый им Фузули совершенно определенно и основательно относится им ко второй, а не к первой категории, между тем как, например, из европейских турколог XIX века, ни Паве-де-Куртейль, ни Вамбери этой точности в разграничении литературы языков не обнаруживают.

Безупречным знатоком чагатайского языка Мирзу Мехди-хана все-же признать нельзя, и не даром персидский турколог XIX века Фатх-Али Каджар Казвинский, по данным Ж. Тури, подвергает его труд критике, однако, насколько мне представляется, чрезмерно суровой. Фатх-Али утверждает, будто-бы Мехди-хан не мог сам написать „Санглах“, и будто-бы этот труд только подписан Мехди-ханом, составлен-же одним туркестанцем[1]. Я думаю, что этот туркестанец был только сотрудником Мирзы Мехди-хана.

Переходя к промахам Мехди-хана, отмечу прежде всего следующее. Исправляя Насыри и Тали Гератского, Мехди-хан относит к числу форм повелительного наклонения образования на „у“ от глагольных основ типа „бар, ахтар, кайтар“ : „бару, ахтару, кайтару“ (стр. 26), между тем как это несомненно формы архаического деепричастия на „у“, о котором сам автор говорит (стр. 52) применительно к основам, оканчиваю-

[1]) Эти данные имеются в рукописи труда Фатх-Али, доставленной из Персии в библиотеку Лен. Гос. Университета проф. А. А. Ромаскевичем, который дает о ней статью в сборнике Ак. Наук в честь Неваи.

щимся на гласные „а, э“ : „ойнайу, истею“. Автор далее ошибается, когда утверждает, будто глагольные формы „алай“, или „алайын“, „итей“ или „итейин“ употребляются в значении первого, второго и третьего лица (стр. 63). В действительности это формы 1-го лица единственного числа желательного наклонения первого; настоящая ошибка намечается уже на стр. 54 и является результатом недостаточно внимательного анализа форм разного назначения: 1) „истей“—деепричастие „желая“, могущее употребляться и в значении 3-го лица настоящего времени из'явительного наклонения—„он желает“; 2) „истей“ или „истейин“—первое лицо единствен. числа желательного наклонения первого—„пожелаю-ка я“.

Для того, чтобы только на основании одной доступной мне грамматической части труда персидского турколога XVIII века Мирзы Мехди-хана наметить его место в истории туркологии, достаточно сопоставить его مبانى اللغت с некоторыми грамматическими работами по чагатайскому языку Мирзы А. Казембека, Н. И. Ильминского и Вамбери.

Грамматика Мехди-хана имеет некоторое преимущество перед „Общей грамматикой турецко-татарского языка“ (1846) проф. Мирзы А. Казембека, который по призванию не был языковедом и который, использовав для своего труда перевод И. Н. Березина французской грамматики османско-турецкого языка Жобера и русские грамматики чувашского языка и татарского диалекта, по каким-то, вероятно, совершенно уважительным причинам не только не привлек к делу, но и не упомянул достижений туркологии в Персии, хотя по своему происхождению, при благоприятных обстоятельствах, мог-бы явиться естественным посредником между туркологами Азии и Европы и одним из пионеров по установлению плодотворной преемственности между первыми и вторыми. „Чагатайское наречие“, под которое проф. Казембек подводил и узбекские говоры, не часто выделяется этим ученым[1] из общей группы „татарских“ (по старой терминологии) диалектов и представлено в его грамматике несравненно слабее, чем у Мехди-хана. В § 157 (стр. 112) ошибочно указано, будто по-чагатайски „я“ будет بن „бин“ (вм. правильного من ، مين), в § 127 (стр. 74-75) закономерная чагатайская форма غازانلق „казанский“, соответствующая старой османско-турецкой форме غازانلو об'явлена „неправильной“. Явления „сингармонизма“, именуемого проф. Казембеком „законами благозвучия“ (стр. 219) и вообще фонетика турецких языков представлены в грамматике Казембека не более, если не менее, выпукло, чем Мехди-ха-

---

[1]) Части I-II, §§11, 27, 43, 48, 90, 127, 157, 174, 195, 313, 323, 347, 372, 373, 378; часть III, §§ 107 (цитата из Абульгази), 121 (цитата из того-же автора).

ном. Во всяком случае, до сих пор не забытая, особенно в западной Европе, „Общая грамматика“ проф. Казембека, являющаяся первым опытом общей грамматики турецких языков и диалектов в Европе, а хронологически лишь продолжением таких-же грамматик в Азии, начиная с Махмуда Кашгарского, в отношении чагатайского языка сильно отстает от труда Мехди-хана.

Одной из лучших европейских работ в области исследования чагатайского языка поныне остается не лишенная некоторых промахов небольшая статья Н. И. Ильминского „Материалы для джагатайского спряжения из Бабер-намэ[1] (отдельный оттиск 1865 г.), в коей разобраны значения форм на 1) „ар, ыр“, 2) „гай“, 3) „гу“. Сопоставляя с этой статьей соответствующие места работы Мехди-хана, мы убеждаемся, что в отношении чагатайского языка оба автора, один—персидский XVIII века, другой—русский XIX века, стоят приблизительно на одинаковой высоте и друг друга дополняют. Если-бы Ильминский мог использовать труд Мехди-хана, его статья оказалась-бы еще более содержательной и точной. Мехди-хан с большей определенностью, чем Ильминский (стр. 4-10), устанавливает троякое значение формы на „ар, ур, р, мас“ : 1) имя действия („масдар“), 2) имя действующего лица („фаиль“) и 3) настояще-будущее время из‘явительного наклонения („музари“)[2]. Ильминский использовал-бы неизвестную ему и упоминаемую Мехди-ханом разновидность приставки „гай“, именно „га“ (стр. 106-107)[3] при правильном, по моему, установлении соответствия между чагатайской формой на „гай“ и османско-турецкой на „а“ (желательное наклонение второе; стр. 16-20). Если Ильминский более подробно, чем Мехди-хан, разбирает значения формы на „гу“, то, с другой стороны, Мехди-хан точнее, чем Ильминский, выясняет[4] значения форм на „гудек“ и „гулук“.

Занимающий всего 15 с половиной страниц грамматический очерк Вамбери в его книге „Tschagataische Sprachstudien“ несравнимо беднее по материалу, чем грамматика Мехди-хана, и к тому-же заключает в себе ряд форм, которых в действительности не было и нет ни в литературном чагатайском языке, ни в современных живых среднеазиатско-турецких диалектах. Так, например, в качестве личного местоимения 1-го лица множ. числа у туркменов, узбеков и турков китайского

---

[1]) Ученые Записки Казанского Университета за 1863 год.

[2]) Мехди-хан, стр. 7-8, 23, 24, 29, 31, 41. Ср. в моей работе „Книга рассказов о битвах текинцев“, стр. 038.

[3]) См. еще у Мехди-хана стр. 26, 27, 37, 66.

[4]) Форма на „гу“ у Мехди-хана на стр. 15, 56, 59-61; форма на „гучи“ на стр. 27, 66; на „гулук“—на стр. 57, 67; на „гудек“—на стр. 58, 67, 88.

Туркестана (стр. 15) Вамбери приводит „miz, mizler“ вместо единственно правильных „biz. bizler“. К несуществующим формам относится и указательные местоимения „mu, mular“ (стр. 18), равно как и послелог „mine—mit, durch“ (стр. 20). Неправильно утверждение Вамбери, будто (стр. 23) глагольные основы, оканчивающиеся на гласный звук, образуют в чагатайском языке и среднеазиатских диалектах настоящее время с помощью приставки „ja“: „okujamen“ „я читаю“ (правильно „okujman“, см. Мехди-хан, стр. 24-25). По сравнению с грамматикой XVIII века Мехди-хана очерк Вамбери, не имеющий ныне научного значения, есть безусловно большой шаг назад, как результат отсутствия преемственности в туркологической работе между Европой и Азией.

Мирза Мехди-хан, занимающий, как явствует из вышеизложенного, почетное место в истории турκологии, не был ни единственным, ни последним турκологом Персии. В упомянутом ранее докладе покойного Ж. Тури перечислены персидские исследователи среднеазиатско-турецкого языка на протяжении веков XVI—XIX, причем лучшим словарем чагатайского языка и в Азии и в Европе Ж. Тури признает труд 1841 года персидского турколога Фатх-Али Каджара Казвинского (стр. 220-2) بهجة اللغات, рукопись-unicum которого принадлежала самому Тури и второй экземпляр коего ныне находится, как я уже упоминал, в библиотеке Ленингр. Гос. Университета (Коллекция проф. А. А. Ромаскевича), но с другим заглавием.

Хотелось-бы надеяться, что великий Иран и в дальнейшем будет принимать видное участие в туркологической работе, которая после Первого Всесоюзного Туркологического С‘езда в Баку, с участием иностранных туркологов, должна принять еще более широкие размеры, стать более организованной и об‘единить вокруг себя ученых специалистов всего мира.

Хотелось-бы, чтобы в Иране, который естественно должен прежде всего стать одним из крупнейших центров ирановедения, вместе с тем создался и свой, горящий ярким пламенем науки очаг туркологии. Туркология не может не интересовать персидских филологов, так как на протяжении веков с Ираном соседят турецкие страны и так как в составе населения самой Персии с давних времен имеются значительные турецкие элементы, которые принимают участие в общей культурной работе страны и которых некоторые персидские граждане предпочитают именовать туркоязычными фарсами.

Детское село.
Китайская деревня.
Лето 1926 г.

А. Самойлович.

Prof. **A. N. Samoilovitch.**

MIRZA MEHDY-KHAN, TURCOLOGUE PERSAN DU XVIII SIÈCLE.

En 1834 le prof. A. K. Kazembek affirmait que dès le XV siècle la littérature persane ne s'occupait que de questions théologiques. E. Browne émet presque la même opinion s'appuyant sur les paroles de Mirza Mohammed-khân de Qazwin. Il faut dire que A. Kazembek garde silence sur le turcologue persan Mirza Mehdy-khân, et quant à E. Browne, il ne le mentionne qu'en passant et le classe parmi les historiens.

Mehdy-khân a été tout aussi peu étudié par d'autres savants européens. Vambery (1867) ne le connait que de nom. Véliaminoff-Zernoff en son catalogue des vocabulaires djagataï (1868) n'y fait aucune mention. Pavet de Courteille (1870) dit qu'il n'a même pas vu les oeuvres de Mehdy-khân. Zenker le nomme (1866-72) parmi les sources, dont il a puisé, quoique J. Thury n'admet pas qu'il le fît. P. M. Melioransky (1900) signale deux manuscrits du „Sanglah" au Musée Britannique et à Oxford; il appuie sur la nécessité de les étudier et affirme que cette oeuvre a fourni toutes les données essentielles sur les questions de grammaire pour le آل تمغای ناصری. J. Thury (1902) ne consacre à Mehdy-khân qu'une seule page, en relatant la teneur du „Sanglah".

Ce n'est qu'en 1910 que D. Ross publia une partie de l'oeuvre de Mehdy-khân, pourvue d'une introduction de l'éditeur, d'après le troisième manuscrit de la collection de „Gibb Memorial" mais on en a peu usé. Ainsi l'auteur du présent article n'y puisa pas pour son ouvrage „Livre des récits sur les batailles des turcomans". G. Deny n y fait aucune mention (1920).

La biographie de Mehdy-khân est peu connue en Europe. Selon D. Ross son nom complet était Nizam-ouddin Mohammed Hâdi al-Husseïni al-Safawi. Le nom de son père était Mirza Mohammed Nassir. Mehdy naquit à Asterabad; il a été le secrétaire et l'historiographe de la cour sous Nadir-chah; il remplit plusieurs de ses commissions; entre autre, d'après l'ordre du souverain il prit part à la traduction de la Bible en langue persane. Outre le „Sanglah" il écrivit „Tarikhi-Nadiri" (1747) et "Dourreï-Nadiré". Le premier de ces ouvrages a été publié en original (Tebriz, Téhéran, Bombay, Calcutta) et traduit (W. Jones, en angl. et en franç., 1770 et 1773; Gadebusch, en allem., 1773); quant au second ouvrage il n'a été édité qu'en langue persane (Bombay).

Le présent article a en vue de donner un aperçu général de la partie grammaticale du „Sanglah" et d'indiquer la portée et la place de Mehdy-khân dans l'histoire de la turcologie.

Le vocabulaire „Sanglah“ est le résultat de l'étude de la langue de Newaï. Dans l'avant-propos Mehdy-khân mentionne deux ouvrages anonymes en langue turque d'Anatolie (probablement les versions d'Abouchka) et, outre cela, les oeuvres qui ne nous sont pas parvenues de Tali de Hérat, Féragui, Nezr-Ali et Mirza Abdoul-Djélil Nassiri. Dans son introduction Mehdy-khân énumère 12 oeuvres en vers et 9 en prose de Newaï, dont il profita pour le „Sanglah“, et indique qu'à la fin de son ouvrage se trouve une liste de mots arabes et persans pris pour la plupart des poésies de Newaï. Mehdy-khân affirme contre Féragui que les langues turques sont régies par des lois qui n'existent pas dans l'arabe et le persan, et signale qu'il a composé une grammaire d'étude d'un ترصيف et de six مبنا .

L'auteur reconnait son ouvrage pour être la première grammaire scientifique de la langue turque; évidemment, il n'avait pas connaissance d'autres ouvrages sur le même sujet antérieurs au sien.

Dans ترصيف l'auteur démontre que la forme de la seconde personne du singulier du mode impératif est la forme primitive de laquelle dérivent toutes les autres à l'aide de 2 groupes d'affixes: du type de ق ou de غ et du type لا. Ainsi en chef des formes grammaticales il place le verbe.

Le 1-r mebna décrit la morphologie des verbes, le 2-me parle de la même question et aussi de la synharmonie dans les formes verbiales, le 3-me—des pronoms, le 4-me—des affixes etc., le 5-me—des verbes descriptifs et composés et des noms composés, le 6-me—de l'orthographe en connexion avec la phonétique. Mehdy-khân examine de même les questions de phonétique en examinant les formes grammaticales particulières, et signale le fait de l'assimilation des consonnes d'après les propriétés des sons sourds et sonores, ainsi que des sons labiaux et non-labiaux. Il distingue les radicaux et les affixes avec la voyelle ou la consonne par devant et par derrière et d'autres phénomènes linguistiques. Il étudia Newaï avec ampleur et un soin minutieux et donne toujours des citations démonstratives.

La valeur des études turcologiques de Mehdy-khân est d'autant plus grande qu'il emploie le mode comparatif d'investigation et puise des données des monuments littéraires et des dialectes turcs d'Anatolie, d'Azerbaïdjan et de l'Asie Centrale. L'existence des phénomènes communs aux langues djagataï et turque d'Anatolie Mehdy-khân explique par la provenance tatare des anatoliens, et attribue à l'influence arabe les singularités du diaecte anatolien, quoique une partie d'exemples signale non pas les singularités de la langue, mais celles de l'orthographe; quelques uns n'ont aucun rapport à l'influence arabe. Toutes ces

données nous sont connues par les philologues arabes, mais l'apparition d'une telle oeuvre scientifique en temps de décadence de la culture persane provoque chez un historien turcologue des sentiments d'étonnement et d'admiration.

Mehdy-khân distingue nettement les monuments littéraires en langue djagataï de ceux de la langue turque d'Anatolie et d'Azerbaïdjan; il place Fusouli parmi les écrivains employant la seconde. Pourtant, à cause de la connaissance incomplète du djagataï par Mehdy-khân, Fathali Kadjar de Qazwín désapprouve fort son „Sanglah" et affirme qu'il a été composé par un indigène du Turquestan, et Mehdy-khân n'a fait qu'autoriser son ouvrage; mais nous pouvons supposer que cet individu n'était que le collaborateur de Mehdy-khân. Il faut signaler aussi un certain nombre d'erreurs dans l'explication des exemples de formes grammaticales.

Pour mieux définir la portée des oeuvres de Mehdy-khân pour l'histoire de la turcologie il est aisé de les comparer aux études de A. Kazembek, de N. I. Ilminsky et de Vambery.

L'ouvrage de A. Kazembek, présent à la mémoire des savants de l'Europe comme le premier essai sur la composition d'une grammaire générale des langues turques, du point de vue chronologique est la continuation de pareilles études faites en Asie; cet ouvrage assigne peu le djagataï et, en ce sens, cède de beaucoup à l'ouvrage de Mehdy-khân.

L'article de N. Ilminsky, un des meilleurs ouvrages européens sur la langue djagataï, et l'oeuvre de Mehdy-khân se complètent mutuellement, étant à peu près de la même valeur.

L'essai de Vambery est de beaucoup plus pauvre en matière que la grammaire de Mehdy-khân; il contient une quantité de formes n'existant pas dans les monuments littéraires et présente plutôt un fait de retrogradation.

Enfin nous pouvons dire que Mehdy-khân, ayant sa place d'honneur parmi les philologues turcs, n'était pas l'unique ni le dernier turcologue persan. Ainsi J. Thury qualifie de meilleur le vocabulaire de la langue djagataï, qu'il possède en manuscrit, composé par Fathali Kadjar.

Il faut espérer qu'en Iran, qui devrait être le centre des études sur l'histoire et la langue iranienne, il apparaitra un foyer de science turcologique, car cette science doit intéresser les philologues persans à cause du voisinage et de l'influence mutuelle entre les iraniens et les peuples turcs.

Проф. А. И. Ашмарин.

Болгарские надписи, найденные около с. Тукмакла.

Помещаемые ниже копии надписей, высеченных на могильных камнях, находившихся около села Тукмакла (дальнейшая участь их, а равно и нынешнее состояние мне совершенно неизвестны), списаны мною собственноручно летом 1910-го г., во время моего непродолжительного пребывания в чистопольском уезде (ныне кантон Татарской республики), куда я был приглашен для чтения лекций по чувашскому языку на кратковременных педагогических курсах, устроенных тогда в с. Сунчелееве.

О названных здесь могильных памятниках я узнал впервые от одного из местных учителей, Г. Крылова, и сначала вместе с ним, а потом и один, посетил и самое место, где находились три первых памятника. Последнее надгробие я разыскал, по его приблизительным указаниям, сам.

Описание памятников, составленное мною вскоре после поездки и, к сожалению, очень неполное, так как неблагоприятные обстоятельства того времени не оставляли возможности для более или менее вдумчивой работы,—впоследствии затерялось, и в моем распоряжении остались только списки с надписей и кое-какие скудные заметки.

В настоящее время я даже не могу с уверенностью указать оффициальное название того села (Новое Ильдеряково?), около которого находились памятники, и потому привожу только его народное (чувашское) наименовани—Тукмакла.

Первый, второй и третий камни находились на значительном расстоянии от села, близь урочища Хула-ту („Крепостная Гора"), где некогда, как можно предполагать, существовало укрепление, защищенное с одной стороны оврагом, а с другой —крутизною берега речки Малой Сульчи(?). Камни стояли стоймя в поле, на пахотной земле.

На самом дальнем из этих камней (я назову его первым) была высечена углубленным куфическим письмом надпись, которая гласила:

الحكم لله العلى الكبير

يعقوب اول يونس

اول اسماعيل اول اسن
اول ابو (ابو؟ ايو؟) اوال حسين بلوك
ى رحمه الله عليه رحمه
واسعه تاريخ جيات
جورون جياتش (؟) جال ا [ت]

„Суд принадлежит богу, вышнему, великому. Памятник Хусейна, сына Абу (Аю?), сына Асана (?), сына Исмаила, сына Юнуса, сына Якуба. Да будет над ним милость божия милостью широкою! [Это] было в лето семьсот семнадцатое[1]“.

Буква ا в слове اوال, поставленном после имени ابو (?), высечена по ошибке. Точки над буквами и под буквами почти везде пропущены, что, при неисследованности тюркской ономатологии, создает большие затруднения в отношении чтения собственных имен.

Над надписью была изображена фигура в виде цветка, состоящая из кружка, окруженного восемью ланцетовидными лепестками, расположенными вокруг в радиальном направлении. По средине каждого из них проходила в том-же направ-

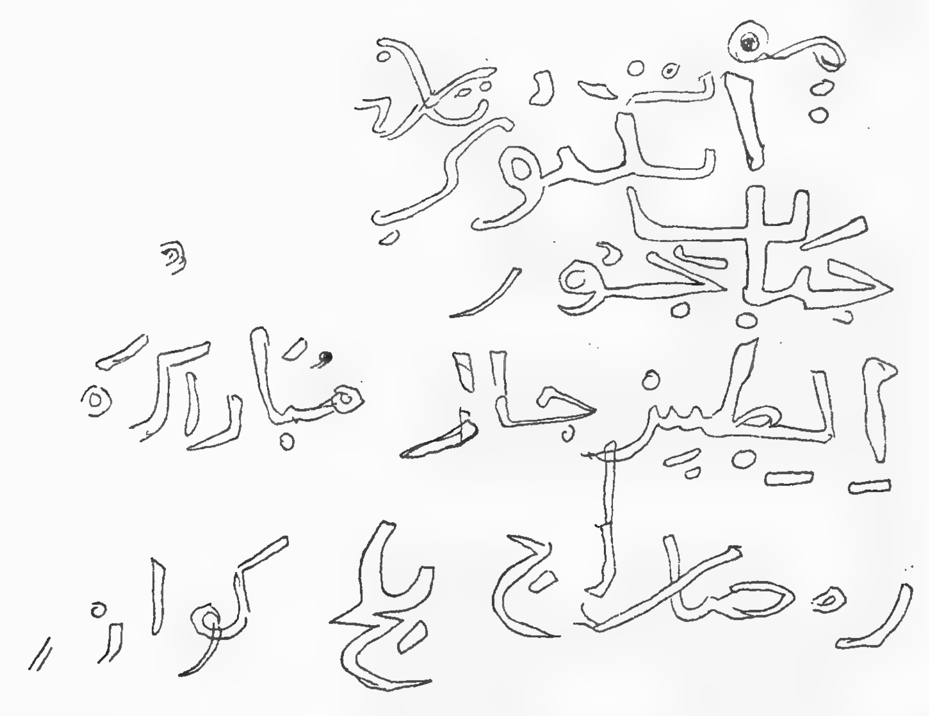
[1]) Т. е. в эпоху правления Узбека. Указанный в надписи год соответствует времени с 16 марта 1317 г. до 4-го марта 1318 г. по Р. Х.

лении прямая линия, разделявшая лепесток на две продольные половины. Лепестки были расположены по точному подобию розы ветров.

От надписи на втором камне сохранился только самый низ, остальная часть надписи, высеченной выпуклыми буквами, повидимому, была стесана острым орудием. Чуваши обнесли памятник деревянной оградой, но местные хулиганы разрушили ограду и уничтожили почти всю эпитафию.

Остаток ее гласил:

وفات بلكوى
جيات جور
الطش جال مبارك
رمضان ابح يلح كوان [ات]

„[Это] было . . . . памятник кончины. В год семьсот . . . . шестой, в первый день благословенного месяца рамазана".

Надгробие относится к XIV в. нашего летосчисления; число десятков, повидимому, было стесано. Здесь, как и на первом памятнике, мы встречаемся со странною формою числительных порядковых, как-будто образованною аффиксом „ш"; буквы ن здесь, кажется, совсем не видно.[1]

[1]) Срв., однако, то же числительное на камне, находившемся на „Архиерейской даче" в Казани (см. мою статью: „Об одном мусульманском могильном камне в загородном архиерейском доме в Казани"), где между буквами ط и ش стояла точка, может быть долженствовавшая изображать собою букву ن.

Числительное ياج, которое я читаю ӗлӗх=„первый" (срв. осм. ilk), на других известных нам памятниках не встречается. Сначала я читал *пилех* (т. е. пиллӗк=„пять"), но потом отверг это чтение ввиду формы بيالم, встречающейся на четвертом камне.

Надпись на третьем камне я списал, вследствие невыгодного солнечного освещения, плохо; однако дата эпитафии, заключавшая в себе числительное حرح = „сорок", не встречавшееся до сих пор на других памятниках, читалась совершенно отчетливо. Ее текст гласил:

الحكم لله العلى الكبير
اسن (؟) اول اسد (؟) اول
. . . .
بلوك رحمه الله عليه
رحمه واسعه تاريخ جيات جور
حرح سكر جال ات

„Суд принадлежит богу, высокому, великому. Памятник . . . . сына Асада (?), сына Асана (?). Да будет над ним милость божия милостью широкою! В лето семьсот сорок восьмое".

Из даты памятника видно, что он относится ко времени между 13-м апреля 1347 г. и 31 марта 1348 г., т. е. к эпохе хана Золотой Орды Джанибека. Третья строка надписи или была стерта, или не была заполнена при высекании эпитафии, или осталась мною не прочитанной. Конечная буква имени Асад вырезана так, что ее можно было бы принять и за ت, но без диакритических точек.

Над надписью была изображена фигура, напоминающая такую же, высеченную на первом памятнике, но с тою разницею, что кружок здесь был заменен шестиугольником, с коротенькой отвесной чертой посредине и шестью лепестками ромбической формы вокруг. По средине каждого лепестка проходит в радиальном направлении линия, начинающаяся несколько отступя от конца ромба, соединяющегося с шестиугольником, и не доходящая до вершины внешнего угла лепестка.

Точного снимка с этого памятника я не сделал, а эпитафию списал насхом.

Последний, четвертый камень лежал не дальше, как в 60 саженях от того же села, на загоне, плашмя, надписью вверх; первоначально он, конечно, как и прочие, стоял отвесно, но потом упал, и разыскать его в жниве я мог только благодаря указанию одного мальчика-чувашина, случайно бывшего в поле. Настолько я теперь припоминаю, камень имел больше сажени в длину и аршина полтора в ширину. Надпись на нем

вообще сохранилась в целости, но личные имена были повреждены.

Надпись читается так:

الحكم لله العلى الكبير .....
.... زيارتى وفات بلكو
ى تاريخ جيات جور ال سكر
جال ربيع الاخر ايخ ون بيالم
كوان ات رحمه الله
عليها رحمه واسعه
الموت باب وكل الناس داخله
الموت كاس وكل الناس
شار بها

„Суд принадлежит богу, вышнему, великому. Место погребения . . . . дочери (?) . . . . и памятник ее. Это было в лето семьсот пятьдесят восьмое, в пятнадцатый день месяца раби-уль-ахыра. Да будет над нею милость божия милостью широкою! Смерть есть дверь, и все люди войдут в нее. Смерть —чаша, и все люди испьют ее“.

Указываемая здесь дата соответствует 7-му апреля 1357 г.[1]

В надписи встречается впервые числительное ال (чув. алла, аль, ал)=„пятьдесят“.

[1]) В этом году умер в Закавказьи хан Золотой Орды Джанибек, и на его место сел сын его Бердибек.

Чуваши здешней местности, по рассказам, переселились сюда из чебоксарского уезда. Около могильных памятников, которые они называют здесь „палка" („палгы", а в других местах чистопольского уезда—чул-палак, ц'ул-балык), они приносят в известное время года в жертву погребенным гуся (хур таваççе). Об этом сообщила мне чувашка, подходившая к памятникам во время списывания надписей.

На урочище Хула-ту находят черепки посуды и разные вещи. Я видел найденные здесь небольшие глиняные кольца, очень хорошей работы. По этому поводу упомяну здесь о том, что в чистопольских песнях, собранных Н. И. Полорусовым, встречается, насколько припоминаю, название каких-то колец, надевавшихся на *стрелы*. Говорю об этом, не очень полагаясь на свою неверную память. Песни до сих пор не изданы; на необходимость напечатания их я уже кое-кому указывал и позволяю себе надеяться, что они будут изданы.

Н. Ашмарин.

Prof. N. I. Achmarin.

INSCRIPTIONS BULGARES TROUVÉES PRÈS DU VILLAGE TOUKMAKLĂ.

Ces quatres inscriptions sont copiées par l'auteur du présent article en été 1920, d'après les stelles funéraires, se trouvant près du village Toukmaklă (Novo Ilderiakowo?) du canton de Tchistopol, République Tatare. Le premier renseignement sur l'existence de ces stelles a été donné à l'auteur par le maître d'école de ce village, M. Kriloff. Les premières trois stelles se trouvaient dressées dans un champ assez éloigné de Toukmaklă, près du lien nommé Khula-tou (le Mont-Fort), tandis que la quatrième gisait près du village.

Les inscriptions sont en arabe, les années (717, 7*6, 748 et 758) sont datées d'après l'hégire, mais les numératifs sont bulgares. Quelques noms propres sont gravés en bulgare, mais, pour cause de peu d'élaboration de l'onomatologie bulgare, la lecture n'en est pas certaine. Au-dessus des inscriptions de la première et de la troisième stelle on voit un ornement en rosace. Dans la langue moderne tchouvache de pareils monuments se nomment *palka, palgy, tchoul-palak, tzul-balyk.* Au dire d'une femme du pays, c'est près d'eux, qu'en certains jours de l'année on sacrifie aux mânes une oie.

Р. Р. Фасмер.

О монетах саджидов.

В Journal Asiatique 1847 г.[1] напечатана работа Defrémery „Mémoire sur la famille des Sadjides“, которая, несмотря на то, что со времени ее издания прошло 80 лет, до сих пор сохранила значение важного пособия при изучении истории династии саджидов. Главными источниками Defrémery служили исторические труды Джемал-аддин-ибн-ал-Факиха ал-Халеби, Ибн-ал-Асира и Иоанна Католикоса.

Ставшие с тех пор доступными, важнейший источник Ибн-ал-Асира—Табари и его продолжатели Ариб и Мискавейхи, правда, дают иногда кое-какие подробности, которых нет у Ибн-ал-Асира, но по существу эти тексты мало прибавляют к тому, что о данной династии рассказывает Ибн-ал-Асир. Задача, которую я себе поставил в настоящей статье, заключается в пополнении исторического очерка Defrémery совершенно им не использованными и за последнее время сильно увеличившимися нумизматическими данными.

Исторические события я излагаю, пользуясь текстом упомянутых арабских авторов, а также имеющимися переводами армянских писателей, только, насколько это необходимо, с одной стороны, для получения по возможности ясного представления о хронологической последовательности исторических событий, с другой —для об'яснения описываемых мною нумизматических памятников. Подобный, но еще более краткий, чисто хронологический перечень событий напечатан Cl. Huart'ом в Encyclopédie de l'Islam, Livr. A, 51, который, однако, совершенно не касается нумизматического материала.

В своей работе я не ограничился историей и нумизматикой кровных представителей саджидской династии, а включил в поле зрения также и ближайших их преемников в Азербайджане, правивших этой областью до занятия ее саларидом Марзбан-ибн-Мухаммедом в 330=941/2 г.

Династия саджидов возвысилась во второй половине IX века и играла выдающуюся роль в истории халифата в начале X века.

Родоначальник династии саджидов *Абу-с-Садж-Дивдад* с 242 по 252 г. (856/7—866) был начальником дороги в Мекку[2]. В

[1]) Journal Asiatique, 4 série, IX, 409—446 и X, 396—436.

[2]) Tabari III 1436.

251 г. он был послан сторонником халифа Мустаина тахиридом Мухаммед-ибн-Абдаллахом в Мадаин для защиты этого города от возмутившихся против халифа турков[1], которые, однако, несмотря на первоначальный успех Абу-с-Саджа[2], захватили этот город и заставили его отступить[3]. В начале 252 (866) г. ему было поручено собрать подати в части Савада, орошаемой Евфратом[4], а затем подавить во входившей в состав его наместничества Куфе восстание алида Абу-Ахмед-Мухаммед-ибн-Джафара[5]. В 254 (868) г. он был назначен наместником области Дияр-Модар, Киннесрина и пограничной области[6]. В 261 (874/5) г. его назначили наместником Ахваза[7]. Состоя в этой должности, он неудачно воевал с зенджами. Когда в 262 г. саффарид Якуб-ибн-Лейс вторгся в Ахваз, Абу-с-Садж перешел на его сторону[8], за что впоследствии, после победы Муваффака над саффаридом поплатился всем своим состоянием[9]. Он умер в месяце 'раби' II 266 (879/80) г. в Джундей-Сабуре, на пути из лагеря Амр-ибн-Лейса в Багдад[10]. После него остались двое сыновей: Мухаммед-Авшин и Юсуф.

Абу-Убейдаллах Мухаммед-Авшин в 266 г. был назначен наместником священных городов и начальником дороги в Мекку[11]. Как только он прибыл в Мекку, ему пришлось воевать с Абу-Мугира-ибн-Иса-ибн-Мухаммедом ал-Махзуми, действовавшим от имени главаря зенджов и завладевшим этим городом в 265 (878/9)[12] г. 8 зулхиджа 266 (880) г. Мухаммед его победил. В 267 г. (880/1) войско Мухаммеда победило некоего Хайсама ал-Иджли и разгромило его лагерь[13], а в 268 г. его солдаты близ Васита убили Мухаммед-ибн-Али ал-Яшкари[14], голова которого после этого была выставлена на площади в Багдаде. Сам Мухаммед в 268 г. все еще охранял дорогу великого хаджа[15]. В 269 (882/3) г. он в Джидде перехватил два корабля ал-Махзуми с военным грузом[16] и был назначен наместником Анбара, Тарик-ал-Фурата и Рахбы[17]. В этой долж-

---

1) Ibn-al-Athir VII 100, Tabari III 1596, 1599, Weil II 387.
2) Tabari III 1616, 1620, 1624.
3) Ibn-al-Athir VII 104, Tabari III 1624.
4) Tabari III 1656, Ibn-al-Athir VII 113.
5) Tabari III 1682, Ibn-al-Athir VII 118.
6) Tabari III 1697.
7) Tabari III 1888.
8) Tabari III 1982.
9) Tabari III 1896.
10) Tabari III 1937, Dschemaladdin 34.
11) Tabari III 1937.
12) Tabari III 1936, Ibn-al-Athir VII 227.
13) Tabari III 1996.
14) Tabari III 2025.
15) Tabari III 2026.
16) Tabari III 2027.
17) Tabari III 2039, ср. Defrémery IX 414—415.

ности ему пришлось воевать с бедуинами и с населением Рахбы[1]. В 269 же году он занял Каркисию[2]. В 270 (883/4) г., после смерти Ахмед-ибн-Тулуна, Мухаммед соединился с губернатором Мосула Исхак-ибн-Кундаджем[3] для захвата Сирии, которой владел сын Ахмед-ибн-Тулуна, Хумаравейх. В этом предприятии они действовали с согласия багдадского правительства, которое еще в 269 г. назначило Ибн-Кундаджа губернатором земель, принадлежавших Ахмед-ибн-Тулуну[4] и Магриба[5], и послало им на помощь войско под начальством будущего халифа Мутадида. Халифское войско победило египтян при Шайзаре[6], но затем, в 271 г., потерпело поражение в битве при мельницах близ Рамлы[7]. Поссорившись затем с Исхак-ибн-Кундаджем, Мухаммед обратился за помощью к Хумаравейху и стал читать хутбу в подвластном ему Киннесрине за Хумаравейха. С помощью египетского войска он в 273 (886/7) г. завладел Месопотамией с Мосулом, изгнав оттуда Ибн-Кундаджа[8]. В 274 (887/8) г. Мухаммед поссорился с Хумаравейхом и, потерпев поражение близ Дамаска[9], лишился подвластных ему Химса, Халеба и Ракки. Преследовавшего его Исхак-ибн-Кундаджа он, правда, победил близ Мосула, но в Месопотамии удержаться все-таки не мог, и в раби‘ I 276 (889/90) г. отправился в Багдад, а Ибн-Кундадж овладел областями Дияр-Рабиа и Дияр-Модар[10].

В 276 (889/90) г. Мухаммед был назначен наместником Азербайджана. Здесь против него выступил правитель Мераги Абдаллах-ибн-Хасан ал-Хамадани. Мухаммед двинулся против него и осадил его в Мераге[11], которую завоевать ему, однако, удалось только в 280 (893/4) г.[12]. По Джемал-аддину[13] назначение Мухаммеда в Азербайджан состоялось лишь в 279 г. и ввиду того, что сам Ибн-ал-Асир сообщает, что Мухаммед в 278 г., во время последней болезни Муваффака находился в Багдаде[14], возможно, что сообщение Джемал-аддина правильно. Приблизительно одновременно с назначением Мухаммеда в

---

1) Tabari III 2048, 2049.

2) Tabari III 2049.

3) Tabari III 2105. Исхак-ибн-Кундадж у Kindi 235, Tabari III 1877, 1879, 1991, 2112, Исхак-ибн-Кундаджик у Tabari III 1930, 1931, 1939, 1942, 2049.

4) Tabari III 2348.

5) Tabari III 2084.

6) Ibn-al-Athir VII 287—288.

7) Ibn-al-Athir VII, 290—291, Tabari III 2106—2107, Kindi 235.

8) Ibn-al-Athir VII 295—296.

9) Kindi 238.

10) Ibn-al-Athir VII 299—301, Tabari III 2116, Weil II 432—435.

11) Ibn-al-Athir VII 305.

12) Ibn-al-Athir VII 305, 322, Tabari III 2137.

13) Dschemaladdin 34.

14) Ibn-al-Athir VII 308, Tabari III 2121 cp. Defrémery IX 429.

Азербайджан, по Асохику[1], в 340 г. армянской эры (891=277/8), в Армении вступил на престол Сембат сын Ашота. Иоанн Католикос[2] сообщает, что Мухаммед по этому поводу послал Сембату корону и другие подарки. В 281 (894/5) г. евнух Мухаммеда Васиф воевал с абу-дулефидом Омар-ибн-Абдалазизом, владетелем Испахана и, победив его, возвратился к своему господину[3]. В 284 (897/8) г. Мухаммед возмутился против халифа[4], но скоро опять покорился и в следующем году был снова утвержден в должности наместника Азербайджана и в придачу получил еще Армению[5]. В 286 (899) Мухаммед отправил своего сына Абу-л-Мусафира в Багдад в качестве заложника, в знак своего повиновения и покорности, и послал вместе с ним богатые подарки[6]. В 287 (900) г. евнух Мухаммеда Васиф отправился в Малатию и попросил халифа назначить его наместником военной границы (Киликии). Халифу удалось допытаться у посланных Васифом людей, что Васиф домогался этого назначения для того, чтобы сообща с Мухаммедом овладеть областью Дияр-Модар[7]. Мутадид отправился против Васифа в поход, который окончился взятием в плен этого бунтовщика[8]. В следующем году Васиф либо был казнен и распят, либо умер естественной смертью[9].

Иоанн Католикос[10] рассказывает еще о двух походах Мухаммед-Авшина против Сембата, царя Армении, но, к сожалению, не сообщает точных дат этих походов. Столица Армении, Двин, осталась после этого в прочном владении Афшина. В виду того, что о первом походе Иоанн Католикос рассказывает сейчас же после сообщения о землетрясении в Двине, которое разрушило почти весь город, а это землетрясение, по Табари[11], случилось в шаувале 280 (893/4) г., можно полагать, что первый поход был предпринят в начале 280-ых годов. По St. Martin'у[12], Сембат еще в 895 (281/2) г. совершил поход на север и покорил части Грузии и Албании[13], а в 896 (282/3) г. совер-

---

[1]) Acoxuk 108.

[2]) Jean Cath. 132.

[3]) Tabari III 2140, Mas'udi VIII 145.

[4]) Defrémery IX 435, Weil II 491, Huart 51, по Ибн-Халдуну, но в булакском издании я этой даты найти не мог.

[5]) Tabari III 2185.

[6]) Tabari III 2186.

[7]) Defrémery IX 436 и Weil II 492 поняли это место так, будто Васиф собирался овладеть Египтом, но из текста Табари и, особенно, Ибн-ал-Асира следует, что речь шла только о Дияр-Модаре.

[8]) Tabari III 2195, 2198, Ibn-al-Athir VII 343, Mas'udi VIII 196—200.

[9]) Tabari III 2205. По Mas'udi VIII 202, 1 мухаррема 289 г.

[10]) Jean Cath. 153—156, 165—167.

[11]) Tabari III 2139.

[12]) St. Martin, Mémoire sur l'Arménie I 352—353.

[13]) Jean Cath. 147, без указания даты.

шил поход в Месопотамию[1]. Первый поход Афшина St. Martin помещает между этими двумя походами Сембата. Согласно Иоанну Католикосу[2] этот первый поход Афшина окончился неудачно[3]. Второй же поход Афшина имел полный успех: были завоеваны Карс[4] и Васпуракан[5], и Сембат был вынужден заключить унизительный для него мир[6]. Этот второй поход Чамчиан относит к 896 (282/3) г.[7]. По Иоанну Католикосу[8] скоро после второго похода умер патриарх Георгий.

Мухаммед-Афшин умер в месяце раби‘ I 288 (901) г. от чумы[9].

До сих пор известна только одна монета с его именем. Этот диргем, находившийся в киевском кладе 1913 г. и приобретенный Эрмитажем, чеканен в Берда‘а, в 285 (898) г.

1. *Мухаммед-Авшин. Берда‘а,* 285 г. Диам. 23. Вес 2,95.

Av. В поле:	Rv. В поле, в круге.
	لله
لا اله الا	محمـــــــد
الله وحده	رســــــول
لاشريك له	الـــــــله
الافشين	المعتضد بالله
	و
Две обычные круговые легенды. Линейный ободок.	Обычная круговая легенда. Линейный ободок.

См. Фасмер Р.—Два клада, тбл. I,*a*.

На этой монете упомянуто не мусульманское имя Мухаммед-ибн-Аби-с-Саджа, а титул ал-Афшин. По Ибн-Хордадбеху[10] таков был титул царей Осрушны[11]. Принятие Мухаммедом этого титула указывает на средне-азиатское происхождение

1) Jean Cath. 163—164, без указания даты.

2) Jean Cath. 153—156.

3) Ср. сомнения Defrémery IX 438—439.

4) Jean Cath. 167.

5) Ѳома Арцруни, Brosset, Coll. I 194, Грен 81.

6) Jean Cath. 168.

7) Brosset, Additions 163, Coll. II 428.

8) Jean Cath. 169; по Асохику 108 и Моисею Каганкатваци 275, в 897 г. ср. Brosset, Coll. II 428.

9) Tabari III 2202. Ibn Khallikan, ed. Wustenfeld III, 20 № 220.

10) BGA VI 40.

11) В Эрмитаже имеется фельс, чеканенный в Осрушне, سروشنة, в 279 (392/3) г., от имени Сейр-ибн-Абдаллаха, который, однако, на монете называет себя не афшином, а просто эмиром. М. 112 № 1, ср. Бартольд, Туркестан 217.

династии саджидов. Justi[1] ставит этот титул в связь с именем местности Афшина, افشينة , около Самарканда, упоминаемой у Истахри[2] и Табари[3].

Как указал В. В. Бартольд[4], согдийский владетель Гурек в договоре с Кутайба-ибн-Муслимом называл себя ихшидом Согда и афшином Самарканда[5].

Упомянутая монета с именем Афшина представляет исключительный интерес и потому, что все прочие закавказские монеты этого времени, вплоть до 289 г., чеканены от имени халифа, без упоминания саджидского эмира.

Помимо более ранних монет, известны диргемы *Берда'ы*, чеканенные в 285[6], 287[7] и 288[8] г.г., а также *ардебильский* диргем 286 г.[9], на которых упомянут один только халиф. Точно также на монете 288 г., чеканенной в *Арминии*, т. е., вероятно, в Двине[10], имя саджидского эмира не упоминается[11].

II

После смерти Мухаммеда его войско избрало эмиром сына его *Дивдада*, но правление этого последнего продолжалось только один или два месяца. На Дивдада восстал брат Мухаммеда— Юсуф, который победил его и предложил ему либо оставаться при нем, либо отправиться в Багдад к халифу. Дивдад выбрал последнее и прибыл в Багдад в рамадане 288 г.[12].

Абу-л-Касим Юсуф-ибн-Дивдад родился в 250 (864/5) г.[13]. Из его предшествовавшей жизни известно следующее: в 271 (884/5) г., будучи наместником Мекки, он напал на предводителя хаджа Бедра, раба губернатора Медины Ахмед-ибн-Мухаммеда ат-Таи, и взял его в плен. Паломники, возмущенные этим поступком, освободили Бедра и отправили Юсуфа в Багдад[14]. В

Av. В поле, в круге, символ веры в трех строках.

Кругом: بسم الله ضرب هذا الفلس بسروشنة سنة تسع وسبعين ومائتين

Rv. В поле, в точечном круге: / لله / محمد / رسول / الله / سير /

Кругом: مما امر به الامير سير بن عبد الله ابقاه الله

Любопытно, что титул афшин, который, насколько мне известно, до сих пор на других монетах не встречался, сохранился лишь на монете, чеканенной в Закавказьи происходившим из Осрушны эмиром.

1) Iranisches Namehbuch 253.

2) BGA I 317, ср. Бартольд, Туркестан 90.

3) Tabari II 1462: مدينة من مدائن السغد.

4) Encyelopaedia of Islam I 177.

5) Ja'qybi, ed. Houtsma, II, 344.

6) Porter, N. Chr. 1921, 324.

7) Lane Poole, N. Chr. 1892, 161.

8) T. n⁰ 2886.

9) Br. Mus. IX 72, n⁰ 381 1.

10) T. XXIII.

11) T. n⁰ 2157.

12) Tabari III 2202—2205, ср. Defrémery IX 445, прим. 2.

13) Dschemaladdin 39.

14) Ibn-al-Athir VII 292.

280 (893/4) г. Юсуф из окрестностей Мосула доставил в Багдад 32 хариджитов, где 25 из них была отрублена голова, а семеро были посажены в тюрьму[1]. В 282 (295/6) г. Юсуф был послан на помощь Фатху ал-Каланиси, рабу Муваффака, в Саймару в Джебеле, но бежал к своему брату в Мерагу. По дороге он захватил караван с деньгами халифа[2]. Weil[3] ставит это в связь с возмущением Мухаммеда в 284 г.

Сделавшись эмиром Азербайджана, Юсуф в 295 (907/8) г. возмутился против халифа. Халиф послал против него войско в 4000 чел. под начальством Хакана ал-Муфлихи[12]. Юсуф скоро покорился и в 296 (908/9) г. был назначен халифом наместником Мераги и Азербайджана[5], а по Ибн-ал-Асиру[6] также и Армении. Последнее известие, повидимому, правильно, так как с этого времени, по армянским источникам, начинаются походы Юсуфа на Армению, во время которых был взят в плен и казнен царь Сембат[7].

К началу IV в. х. относится набег русов на юго-западное побережье Каспийского моря, во время которого они вторглись в Арран и Азербайджан, перебили много народу и награбили большую добычу[8].

После отставки везира Ибн-ал-Фурата в 299 (911/2) г. Юсуф стал задерживать часть податей, которые он должен был отсылать в Багдад, и стал готовиться к отложению от халифата. Эти приготовления продолжались до 304 (916/7) г., когда он заявил, что при отставленном в это время везире Али-ибн-Исе халиф прислал ему диплом на губернаторство Рея и что Али-ибн-Иса рекомендовал его халифу на эту должность. Собрав войско, он отправился в Рей и занял этот город, которым до того времени правил Мухаммед-ибн-Али Са'лук от имени саманида Насра[9]. Са'лук отступил в Хорасан, а Юсуф занял Рей, Казвин, Зенджан и Абхар. В виду того, что допрошенный по этому вопросу Али-ибн-Иса отрицал право Юсуфа на завоеванные им города, в 305 (917/8) г. против Юсуфа было послано войско под предводительством Хакана ал-Муфлихи. Не-

---

1) Tabari III 2138. Ibn-al-Athir VII 322 приписывает это Мухаммеду.

2) Tabari III 2146.

3) Weil II 491

4) Tabari III 2280

5) Tabari III 2284.

6) Ibn-al-Athir VIII 42.

7) Jean Cath. 230—233.

8) См. Mas'udi II 18—24. Fraehn, Charmoy и Dorn относят этот набег к 301 г. По Dorn'y он произошел или осенью 913 г. или весной 914 г. Fraehn, Journal Asiatique II 454—456. Charmoy, BASP 2 sér. 4, 190—197, Dorn, Caspia XI—XII, 18, 309. Ср. Margoliouth, Bulletin of the school of oriental studies, London Institution, 1918, 86, Якубовский, Византийский Временник 25, 91—92.

9) Ibn-al-Athir VIII 74, ср. Browne, Ibn-Isfandiyar 199.

смотря на численное превосходство, это войско потерпело поражение[1]. Халиф послал новое войско под предводительством Муниса, к которому присоединились остатки разбитого войска Хакана ал-Муфлихи. Тогда Юсуф начал переговоры. Сначала он просил оставить его правителем всех занятых им областей, под условием уплаты 700.000 динаров, помимо возмещения военных издержек, а когда на это не согласились, предложил очистить Рей и просил оставить ему прежние его владения. Но халиф и на это не согласился, требуя, чтобы Юсуф лично явился ко двору. Тогда Юсуф очистил Рей, ограбив его и собрав подати, и выступил против Муниса. 9 сафара 306 (918) г. произошла битва, которая, несмотря на огромное численное превосходство халифского войска, благодаря военной хитрости Юсуфа, окончилось полной его победой[2]. Все военачальники Муниса, кроме него самого, попали в плен, но были облагодетельствованы Юсуфом и отпущены на свободу, как и простые солдаты, которым он каждому велел выдать по динару и по одежде. Самого Муниса он легко мог бы тоже захватить, но нарочно этого не сделал[3]. Узнав о поражении Муниса и о его отступлении в Зенджан, халиф собрал новое войско, которое, под начальством того же Муниса, в мухарреме 307 г., наконец, победило Юсуфа близ Ардебиля, причем Юсуф был взят в плен и приведен в Багдад[4].

Азербайджаном после взятия в плен Юсуфа овладел его раб Субук, отличившийся в предшествовавших битвах[5]. Мунис послал против него войско под предводительством Мухаммед-ибн-Абдаллаха ал-Фарики, которое потерпело поражение, после чего, по просьбе Субука, управление Азербайджаном было поручено ему[6].

Рей, Дунбавенд, Казвин, Абхар и Зенджан были поручены управлению Али-ибн-Вахсудана, Испахан, Кумм, Кашан и Сава —Ахмед-ибн-Али, брату Са‘лука[7]. Али-ибн-Вахсудан в том же году был убит владетелем Тарма Мухаммед-ибн-Мусафиром[8]. Тогда пра-

---

[1]) Miskaweihi 44—46, Dschemaladdin 35.

[2]) Ibn-al-Athir VIII 74—75, Arib 70—71, Miskaweihi 46—47, Dschemaladdin 35—37.

[3]) Dschemaladdin, 36—37, Arib 71,Miskaweihi 47.

[4]) Arib 77, Ibn-al-Athir VIII 76. Kitab-al‘ujun (Misk. 47—49).

[5]) Dschemaladdin 36, Miskaweihi 47.

[6]) Ibn-al-Athir VIII 76, Dschemaladdin 38, Miskaweihi 50.

[7]) См. об имени этого лица Defrémery, X 410, 411, 407—408, Dschemaladdin 38.

[8]) У Ибн-ал-Асира VIII 76 он назван Ахмед-ибн-Мусафиром, но это имя, которое в соответствующем месте имеется и у Мискавейхи I 51, навряд ли правильно. По тому же Мискавейхи Марзбан и Вахсудан, овладевшие Тармом в 330 г. (941/2, Miskaweihi II 31) были сыновьями Мухаммед-ибн-Мусафира, а мать их, Харасуя, была дочерью Джастан-ибн-Вахсудана (Misk. II 151). Отец Марзбана и Вахсудана упоминается, как владетель Тарма, у Ибн-ал-Асира уже под 315 г. (Ibn-al-Athir VIII 142). В Тарихи Салихи (Dorn, Muham-

вителем принадлежавших Али областей был назначен Васиф Бектимури. Ахмед-ибн-Али двинулся из Кумма на Рей, но по приказанию халифа покинул этот город и вернулся в Кумм. Затем он возмутился, снова занял Рей и победил посланное против него правительственное войско[1].

Юсуф-ибн-Дивдад по ходатайству Муниса был выпущен из плена в 310 (922/3) году и тогда же был назначен наместником Рея, Казвина, Абхара, Зенджана и Азербайджана[2]. Юсуф выехал из Багдада в месяце джумада II[3]; когда он прибыл в Ардебиль, Субука уже не было в живых[4]. Из Азербайджана Юсуф двинулся на Рей, победил в конце месяца зулка'да 311[5] (февраль-март 924) г. Ахмед-ибн-Али, который пал в битве, и в зулхиджа 311 г. занял Рей[6]. В начале 313 г. Юсуф пошел на Хамадан, оставив в Рее своим заместителем своего раба Муфлиха, который, однако, не мог удержать за собой этого города. Население Рея напало на него и изгнало его из города. В джумада II 313 (сентябрь 925) г. Юсуф, к которому Муфлих бежал, вернулся и занял город[7].

В 314 (926/7) г. халиф поручил Юсуфу ведение войны с карматами и поставил его во главе всех восточных провинций с тем, чтобы из доходов с них было оплачено его войско. Битва произошла только 9 шауваля 315 (декабрь 927) г.[8] близ Куфы и кончилась полным поражением Юсуфа, несмотря на огромный перевес в численности его войска и на личную его храбрость. Юсуф сам был взят в плен и, короткое время спустя[9], убит[10].

В отличие от своего брата Мухаммед-Афшина, Юсуф-ибн-Дивдад оставил нам довольно значительное количество монет со своим именем.

---

medanische Quellen IV 774) сообщается довольно подробно, что Али-ибн-Вахсудан захватил Тарм, убив своего брата Джастана, после чего зять Джастана, Мухаммед-ибн-Мусафир убил Али-ибн-Вахсудана и затем, убив также и брата его, Хусрау-Фируза, и изгнав сына этого последнего, Махди, сам овладел Тармом. Уже Defrémery X 416 высказал сомнения в правильности показанного у Ибн-ал-Асира VIII 76 имени убийцы Али-ибн-Вахсудана, и я, по приведенным только что соображениям, вполне присоединяюсь к высказанному этим ученым мнению.

1) Ibn-al-Athir VIII 67—77, Miskaweihi 51—52.

2) Miskaweihi 32—83.

3) Ibn-al-Athir VIII 100.

4) Miskaweihi 83, Ibn-al-Athir VIII 100, Dshemaladdin 38. Иоанн Католикос 338—339 рассказывает, что Юсуф казнил своего раба Серпуха, которому он в свое время поручил ведение дел и который воспользовался его доверием для собственного обогащения.

5) По Джемал-аддину 38, 8 зулхиджа.

6) Ibn-al-Athir VIII 105.

7) Ibn-al-Athir VIII 105—106.

8) Miskaweihi, Mas'udi, BGA VIII 382. По Джемал-аддину между Хирой и ан-Нилом, 11 шауваля.

9) По Джемал-аддину 39—4 дня спустя, по Miskaweihi 178—в середине месяца зулка'да.

10) Misk. 174, 178, Ibn-al-Athir VIII 118, 124—126. Ср. de Goeje, Mémoire sur les Carmathes, 2 éd., 90—94

До сих пор известно 7 различных типов его монет.

I тип.

Av. В поле:

لا اله الا
الله وحده
لا شريك له
يوسف بن ديوداد

Две обычные круговые легенды.

Rv. В поле, в двух кругах:

لله
محمد
رسول
الله
المكتفى بالله

Одна круговая легенда.

По этому типу чеканены следующие диргемы 289 и 290 г. г.:

2) *Берда'а* 289 г.—Vasmer, в Sitzungsberichte der Gelehrten Estnischen Gesellschaft, 1926 (из фридрихсгофского клада 1913 г. Диам 26 мм., вес 4,01 гр.).

3) *Берда'а*, 290 г.—М. 977 *n*⁰ 1a (Lane-Poole, N. Chr. 1892, 161 и Sotheby *n*⁰ 299. Диам 25 мм., вес 2,86 гр.) и, вероятно, Tegnér, VHAAM 1883, 108 (найден в Botels, Hafdhem socken, Gotland, см. М. Топ. 71 *n*⁰ 94).

II тип.

Av. В поле:

لا اله الا
الله وحده
لا شريك له

Две круговые легенды.

Rv. В поле, в круге:

لله
محمد
رسول الله
المكتفى بالله
يوسف بن ديوداد

Одна круговая легенда.

Монеты этого типа чеканились с 291 по 294 г. Известны следующие:

Динары:

4) *Ардебиль*, 291 г.—Th. Ch. Tychsen, De defectibus 88 (Commentationes Societ. Reg. Scient. Gottingensis Recentiores V, 1819), ср. также J. H. Möller, De numis orientalibus in numophylacio Gothano asservatis, Gothae, 1826, 126 *n*⁰ *CXXVI* и Frähn, De mus. Sprew. 86.

5) *Берда'а*, 292 г. — колл. П. В. Зубова в Историческом Музее в Москве.

Диргемы:

6) *Берда'а*, 292 г.—М. 977 *n*⁰ 1 в (диам. 27 мм., вес 2,78гр.), Tornberg 247 *n*⁰ 1, tab. XII (М. Топ. 89 *n*⁰ 6, найден в Birsta,

Skön socken, Medelpad), Erman, ZN XV, 297 *n*⁰ 56 (найден в Polzin'e, Regierungsbezirk Köslin, Kreis Belgard, Pommern, ср. М. Топ. 128 *n*⁰ 46; тип этого экземпляра не указан).

7) *Берда'а*, 294 г. — М. 303 *n*⁰ 2 (из муромского клада 1868 г., М. Топ. 6 *n*⁰ 28, диам. 26 мм., вес 3,12 гр.). Диргемы этого типа отличаются от динаров тем, что на диргемах на аверсе между двумя круговыми легендами находится круг, а на реверсе поле обведено двумя кругами.

III тип.

Av. в поле:	Rv. В поле, в круге:
	لله
لا الـه الا	محـمـــــد
الـله وحده	رســـــول
لا شريك له	الـــــــله
الوزير ابوالحسن	المقتـدر بالـله
	يوسف بن ديوداد
Две круговые легенды.	Одна круговая легенда.

Известен только один динар этого типа:

8) *Ардебиль*, 297 г. Av. внизу, несколько правее середины, в конце внешней круговой легенды—S; Rv. внизу, несколько правее середины—о . Ghalib Edhem *n*⁰ 626.

IV тип.

Av. В поле:	Rv. В поле, в круге:
	لله
لا الـه الا	محـمـــــد
الـله وحده	رســـــول الله
لا شريك له	المقتـدر بالـله
الوزير ابوالحسن	يوسف بن ديوداد
Две круговые легенды.	Одна круговая легенда.

Монеты этого типа чеканились с 296 г. по 299 г. До сих пор известны следующие:

Динары:

9) *Ардебиль*, 299 г. —М. 303 *n*⁰ 4 (диам. 19,5, вес 4.35 гр.), Tiesenhausen, Mélanges *n*⁰ 96 (из колл. Гагарина).

10) ارميه (*Урмия* или искаженное *Арминия*[1], 298 г. Av. наверху и внизу по точке, нижняя точка несколько левее середины; Rv. по точке наверху, влево от لله и внизу, несколько правее середины)—колл. Зубова.

11) *Берда'а*, 298 г.—М. 977 *n*⁰ 3a (Sotheby *n*⁰ 399. Диам. 21 мм., вес 4,29 гр.).

---

[1]) Ср. Т. *n*⁰ 2194, 2162 стр. 324, а также ИАО III 392.

Диргемы:

12) *Берда'а*, 299 г. — Шерцль, *n*° 6355 (Tiesenhausen, Mélanges *n*° 95, Frähn, BASP 1 sér, IX 304, Савельев, Мухамм. нумизм, 40).

13) *ал-Мерага*, 296 г. (Av. между круговыми легендами круг.; Rv. 2 круга вокруг поля)—М. 303 *n*° 3 (диам. 22 мм, вес 2,62 гр., два раза пробит).

V тип.

Av. В поле:	Rv. В поле, в круге:
	لله
لا اله الا	محمد
الله وحده	رسول الله
لا شريك له	المقتدر بالله
	يوسف بن ديوداد
Две круговые легенды.	Одна круговая легенда.

Этот тип относится ко времени от 300 по 303 г. Известны следующие монеты:

Динары:

14) *Ардебиль*, 303 г.—М. 303 *n*° 5 (диам. 19 мм., вес 4,5 гр.) и, вероятно, Erman, ZN XI 66 (из колл. Höltzer, ни тип, ни город чекана не указаны, а говорится только о саджидском динаре 303 г.).

15) *Арминия*, 300 г.—колл. Вельяминова-Зернова в Эрмитаже. Диам. 19 мм., вес 4,05 гр.

Диргемы:

16) *Арминия*, 301 г.—М. 977 *n*° 4*a* (Sotheby *n*° 299. Диам. 25,5 мм., вес 2,98 гр.).

17) *Арминия*, 302 г.—Tornberg 247 *n*° 2, tab. XII (найден в Kattlunds, Grötlingbo socken, Gotland, ср. М. Топ. 72 *n*° 99).

18) *Берда'а*, 303 г.—М. 303 *n*° 6 (из муромского клада 1868 г. М. Топ. 6 *n*° 28. Диам. 23 мм., вес 2,84 гр.) и Т. *n*° 2249 (Weyl, *n*° 928).

VI тип в точности мне не известен.

Av. внизу: الوزير ابوالحسن   Rv. внизу: يوسف بن ديوداد

Диргемы:

19) *ал-Мухаммедия*, 311 г. На единственном известном экземпляре этой монеты Porter, N. Chr. 1921, 326, читал на Av. الواثق вместо الوزير, но я думаю, что чтение Porter'a неверно. Везир Абу-л-Хасан—это везир халифа Муктадира Абу-л-Хасан Али-ибн-Мухаммед, более известный под именем Ибн-ал-Фурата. Он занимал должность везира три раза: в 296—299, 304—306 и 311—312[1] г.г.

[1]) Weil 544—555.

Как видно из предлагаемого перечня монет Юсуф-ибн-Дивдада, имя этого везира находится на всех монетах, чеканенных Юсуфом во время первого везирства Ибн-ал-Фурата, а также на единственной до сих пор известной монете Юсуфа, чеканенной во время третьего его везирства. Монеты Юсуфа 304—306 г.г. до сих пор неизвестны.

Тизенгаузен[1] читал имя везира Абу-л-Хусейн и полагал, что под ним скрывается известный везир халифов Мутадида и Муктефи—Абу-л-Хусейн Вели-ад-дауля, имя которого находится на халифских и саманидских монетах 291 и 292 г. г.[2] Правильное чтение и толкование имени Абу-л-Хасана первый дал Frähn[3]. Так же толкует его, независимо от Frähn'a, Ghalib Edhem[4].

Весьма любопытно, что имя этого везира до сих пор встречалось только на монетах Юсуф-ибн-Дивдада и совсем не встречалось на монетах, битых в неподвластных Юсуфу городах. Известно, что Юсуф после своего восстания 295 г. в следующем году был назначен правителем Армении и Азербайджана именно везиром Ибн-ал-Фуратом[5]. Впоследствии, во время восстания Юсуфа 304—307 г. г., враги Ибн-ал-Фурата обвиняли этого везира в сообщничестве с саджидом[6]. Возможно, что Ибн-ал-Фурат действительно благоволил к Юсуфу и что упоминание имени могущественного везира на монетах Юсуфа об'ясняется какими-нибудь политическими соображениями этого последнего.

VII тип.

Av. В поле:	Rv. В поле, в круге:
	لله
لا اله الا الله	محمد
وحده لا شريك له	رسول الله
ابو العباس بن امير المو	المقتدر بالله
منين	يوسف بن ديوداد
Две круговые легенды.	Одна круговая легенда.

Дирхемы:

20) *Армения*, 31* г.—Br. Mus. IX 187 *n*⁰ 429 aa. pl. XI (Rv. внизу дуга, обращенная остриями вниз).

Может быть по этому же типу чеканен диргем:

21) *Армения*, 315 г., с именами халифа Муктадира и эмира Юсуф-ибн-Дивдада, из колл. Гагарина—Савельев, ИАО III 392, Tiesenhausen, Mélanges *n*⁰97, Weyl, G. *n*⁰ 929.

---

[1]) Mélanges *n*⁰ 95.

[2]) См. Т. *n*⁰ 2175, Тизенгаузен, Тр.В.О. I 103, 106.

[3]) BASP 1 sér. IX 304, ср. Савельев, Мух. нум. 40.

[4]) G. E. *n*⁰ 626.

[5]) Misk. 16.

[6]) Misk. 47, 48, 52, 60—61, ср. Weil II 631.

Весьма интересно, что из монет последнего периода могущества Юсуфа, 310—315 г. г., его имя до сих пор найдено только на одном мухаммедийском и на армянских диргемах, и что его нет на монетах, чеканенных в это время в коренных саджидских владениях, в Азербайджане. Известны *динар* и *диргемы*, чеканенные в 311 г. в *Ардебиле*. Они чеканены по общему типу халифских монет этого времени:

Av. В поле:	Rv. В поле, в круге:
لا اله الا	لله
الله وحده	محمد
لا شريك له	رسول
ابو العباس بن	الله
امير المومنين	المقتدر بالله
Две круговые легенды.	Одна круговая легенда.

Динар описан Lavoix I n^0 1115, диргемы—Lane Poole'ем, Br. Mus. I n^0 425 и Ahmed Ziya $n^0$596. Динар с аверсом, содержащим ту же самую легенду в ином распределении по строкам, имеется в Эрмитаже, n^0 980 d. На этом динаре символ веры аверса занимает только 2 строки; наверху находится буква ه.

Как видно из моего списка, имя Юсуфа до сих пор найдено несомненно на монетах, чеканенных в *Ардебиле*, *Мераге* (Азербайджан), в *Берда'а* (Арран), в *Арминии* и в *Рее* (*Мухаммедии*).

Мерага была столицей Мухаммед-Афшина. По Табари [1] Юсуф бежал к Мухаммеду в Мерагу. Ср. Istachri, BGA I 181, Ibn-Hauqal, BGA II 238, Hamdallah Qazwini, Nuzhet-al-qulub 75, а также Defrémery IX 444—445.

Юсуф разрушил стену, окружавшую этот город[2] и перенес столицу из Мераги в Ардебиль[3], главный город Азербайджана в IV веке хиджры[4].

Особого внимания заслуживают монеты, чеканенные в *Арминии* и в *Мухаммедии* (*Рее*).

Мухаммед-Афшин был назначен наместником Армении в 285 г.[5] На монетах это, повидимому, не отразилось: все чеканенные в *Арминии* монеты, вплоть до 293 (905/6) г. чисто

---

[1]) Tabari III 2146.
[2]) BGA I 181, II 239.
[3]) BGA II 238, ср. Dschemaladdin 37.
[4]) BGA I 181, II 237, III 375, 377.
[5]) Tabari III 2185.

халифского типа. Известны диргемы 286[1], 287[2], 288[3], 289[4] и 293[5] г. г. Последние из упомянутых только что монет относятся уже ко времени правления Юсуфа, к тому времени, когда между ним и царем Армении Сембатом были мирные отношения. Правда, уже в начале своего правления Юсуф предпринял поход в Армению, во время которого был занят Двин, но мирные отношения были скоро восстановлены[6]. Серьезное вмешательство Юсуфа в дела Армении началось после его возмущения в 295 г., когда возгорелась вражда между Сембатом и Гагиком Арцруни, и Юсуф принял сторону последнего[7]. Асохик[8] относит этот поход к 356 г. арм. эры=907 г. т. е. 294/5 г. х. Иоанн Католикос[9] относит этот поход Юсуфа только к весне 358 г.=909 г.=296 г. х. Правильна, вероятно, вторая дата, так как по арабским известиям в 295 г. против Юсуфа было послано халифом войско, а в 296 г. Юсуф вновь был признан наместником.

Победив в пасхальное воскресенье 296 г. ишхана Сюника[10], Юсуф занял Двин и, преследуя отступающего Сембата, который направился в Абхазию, вступил в Тифлис, занял Бочорму, в Кахетии, опустошил Картли, Самцхе и Джавахет и осадил и занял крепость Квел[11]. На зиму он вернулся в Двин, а Сембат возвратился в Эразгавор. Весной произошла битва в области Ниг, в которой войско Сембата было разбито, и сын его Мушег взят в плен[12]. После этого Юсуф занял Гугарк и Ташир, а Гагик Арцруни, по его поручению, осадил крепость Вахаршакерд в Баграванде, которую он, однако, не смог взять[13]. Сембат бежал в неприступную крепость Капуйт в аршаруникском округе у истоков Аракса[14] и, сдавшись Юсуфу, в 914 (301/2) г. был казнен[15].

---

1) T. *n*⁰ 2145, Nützel I *n*⁰ 1581, Östrup 67 *n*⁰ 99.

2) T. *n*⁰ 2149, M.303 *n*⁰ 1, T. *n*⁰ 2150, Nützel I *n*⁰ 1582, Östrup 67 *n*⁰ 103.

3) T. *n*⁰ 2157.

4) T. *n*⁰ 2162.

5) T. *n*⁰ 2193, Tegnér, VHAAM 1883, 98, Эрм. *n*⁰ 912a; T. *n*⁰ 2194 (Урмия?).

6) Jean Cath. 183—185.

7) Jean Cath. 199.

8) Асохик 112.

9) Jean Cath 204.

10) Jean Cath. 204.

11) Brosset, Histoire de la Géorgie I 275, ср. Brosset, Additions 148, прим. 3.

12) Jean Cath. 211, 217, Асохик 112.

13) Jean Cath. 222.

14) Jean Cath. 225—227.

15) Brosset считал наиболее правильной дату 914, которую дает Моисей Каганкайтваци 275 и которую принял Чамчиан (Brosset, Hist. de la Géorgie I 275, ср. MASP 7 s. 13, 88, и Brosset, Additions 165). 915 г. дают Асохик 113 и Самуил Анийский (Brosset, Coll. II 435) 913 г. значится у Мхитара Айриванского (MASP 7 sér. 13, 87) и у Степана Орбелиана (Brosset, Hist. de la Siounie, 116). По Иоанну Католикосу 233, Сембат царствовал 22 года. Brosset, Hist. de la Siounie 117, полагает, что Иоанн ведет счет не со смерти Ашота I (890), а с момента коронования Сембата в 892 г. (Brosset, Les ruines d'Ani 99).

Его сын Ашот очистил от арабов области Баграванд, Ширак, Гугарк, Ташир, дошел даже до Тифлиса, после чего грузинский царь его признал царем Армении[1]. Но успех этот был только временный. Юсуф снова ворвался в Армению, и проявленная им жестокость, в связи с продолжавшейся междоусобной войной, привела страну в крайне тяжелое состояние, вследствие чего патриарх Иоанн Католикос и царь Ашот с радостью откликнулись на посланное в 918 г.[2] константинопольским патриархом Николаем Мистиком Иоанну письмо с обещанием прислать им на помощь войско, если они оставят губительные распри и соединятся для борьбы с арабами[3]. Ашот для заключения союза лично предпринял путешествие в Константинополь, которое St. Martin относит к 921 (308/9) г.[4] Византийский император дал ему вспомогательное войско, с которым он и вернулся в Армению. Междоусобная война после этого продолжалась с переменным успехом еще долго[5], но в конце концов, может быть, уже после смерти Юсуфа, кончилась торжеством сыновей Сембата[6].

Монетный двор „*Арминия*", повидимому, находился в Двине, главном городе Армении, который в IV в. х. был больше Ардебиля[7] и который был занят Юсуфом в 296 г. К сожалению, монет 294—297 г. г. не сохранилось. До нас дошла монета 298 г., чеканенная от имени Юсуфа, но здесь имя монетного двора, может быть, следует читать как Урмия, которая, по Истахри[8], в IV в. х. была третьим по величине городом Азербайджана. В виду того, что Урмия, как монетный двор, в это время сомнительна[9], возможно, что здесь в данном сло-

---

¹) Jean Cath. 237—239.

²) Brosset, Additions 166 и Marquart, Osteurop. u. ostasiat. Streifz. 179. Но в 920 г. по St. Martin, Mémoire sur l'Arm. I 361, и Васильеву, Византия и арабы 215.

³) Jean Cath. 263—282, Васильев, 215.

⁴) St. Martin, I 361, Brosset, Hist de la Siounie 117, Additions 166, Les ruines d'Ani 99, Marquart 179, Васильев 216. По Самуилу Анийскому (Brosset, Coll. II 435), в 923 г. Согласно Асохику 116, византийское войско прибыло в Армению на втором году правления Романа Лекапена (919—944), с другой стороны, Ашот II умер в 928 г., прожив после отца 15 лет, из которых он правил 8. Титул шаханшаха он получил после своего возвращения из Константинополя. Если принять во внимание дату 921 г., то это сильно должно изменить основанное, в данном случае, исключительно на рассказе Иоанна Католикоса изложение событий у Грена 92 (ср. Lajard, Notice sur Jean Catholicos XXX). В 921 (308/9) г. в Армении и Азербайджане находился не Юсуф, а Субук, так что Юсуф не мог в это время короновать спарапета Ашота с целью разделить силы неприятеля. Субук же, по словам Иоанна Католикоса 319—320, признал шаханшахом Ашота, сына Сембата. Выходит как раз обратное: арабы, как-будто, уступили силе и сделали шаханшахом самого сильного из борющихся за власть претендентов на престол (ср. Defr. X 406) Другой же Ашот, племянник Сембата и спарапет, вероятно, был коронован уже раньше (ср., однако, Brosset, Hist. de la Siounie 118), еще во время пребывания Юсуфа в Азербайджане.

⁵) См. Marquart, 180 сл., Brosset, Additions 167—171, Грен 93—96.

⁶) Грен 93, Васильев 217.

⁷) BGA I 188, II 244.

⁸) BGA I 181, II 239.

⁹) См. выше прим. к № 10.

ве следует видеть искаженное Арминия. Несомненное Арминия находится лишь на монетах 300—302 г. г. На этих монетах назван Юсуф. Следующая известная монета Арминии чеканена в 307 г., уже после того, как Юсуф был взят в плен, в то время, когда принадлежавшими ему областями правил Субук, при котором Ашот сын Сембата получил от халифа титул шаханшаха Армении[1]. Этот диргем[2] имеет на аверсе, под символом веры, имя наследника престола „Абу-л-Аббас-ибн-эмир-ал-муминин", на реверсе—имя халифа Муктадира. После своего восстановления в прежних правах Юсуф назначил своим заместителем в Армении некоего Насра Серпуха[3]. Затем Наср был отозван в Азербайджан и оставил в Двине некоего Бишра[4]. Иоанн Католикос, которому мы обязаны этими сведениями, умер в 925 г.[5], так что назначение Бишра произошло не позже 312 г.

Согласно Фоме Арцруни[6], Юсуф, будучи отозван для борьбы с карматами, оставил в Армении некоего Фатха, повидимому идентичного с племянником Юсуфа, который был наместником Азербайджана после смерти Юсуфа (см. ниже). Весьма вероятно, что этот Фатх при жизни Юсуфа продолжал чеканить монеты с именем этого последнего.

Монета Британского Музея 31* г., с именем Юсуфа, а также и диргем 315 г., в виду отсутствия на них имени Ибн-ал-Фурата, вероятно чеканены после происшедшей в 312 г. отставки и казни этого везира, в то время, когда фактическим правителем Армении был Фатх, а номинальным—Юсуф.

Мухаммедийские монеты начала IV в. х. уже не раз приковывали к себе внимание ученых исследователей. О них писали Frähn[7] и Zambaur[8]. Они в значительной степени дополняют и исправляют данные исторических трудов.

Мухаммед-ибн-Али Са'лук упоминается у Ибн-ал-Асира[9], как правитель Рея, правивший этим городом в 304 г. по поручению саманида Насра. Мискавейхи[10] рассказывает, что Му-

---

1) Jean Cath. 319—320. Во время правления Юсуфа арабы, с целью вызвать раздор среди армянских князей, поддерживали сначала Гагика Арцруни (Jean Cath. XXXIV, 199—200, 203), потом спарапета Ашота (Jean Cath. 293).

2) M. 978 n^0 963a.

3) Этот Наср Серпух, по счастливой догадке Defrémery, X 425, вероятно, идентичен с упомянутым у Ариба, 71, Насром Субуки или Себкери, а не с Субуком, который, по свидетельству арабских источников, умер не позже 310 г. Правда, Ариб приписывает Юсуфу Субуки поступок, который прочими авторами приписывается Субуку (преследование Муниса. Ср. Defrémery, X 414), но из сличения рассказов арабских писателей с рассказом Иоанна Католикоса видно, что Наср Серпух другое лицо, чем Субук (против мнения Грена, 95).

4) Jean Cath. 365.

5) 312/3 г. х. Jean Cath. XLIV.

6) Brosset, Coll I 233.

7) Frähn, De musei Sprewitziani, 66—92, особенно 82.

8) Zambaur, Contributions I, 17—19, II, 39—40; NZ 55, 11.

9) Ibn-al-Athir VIII, 74.

10) Miskaweihi 45.

хаммед-ибн-Али первоначально сам завоевал область Рей и впоследствии на выгодных для себя условиях получил право сбора и доходов с казенных имений в рейском округе (قاطع عن لضياع والخراج مقاطعة خفيفة). В 304 г. он лично прибыл в Багдад и вернулся в Рей с богатыми подарками[1]. *Диргем* 301 г. (Эрм.) и *динар* 302 г. (Br. Mus. I n^0 416), на реверсе которых названы халиф и Мухаммед-ибн-Али, показывают, что Мухаммед в это время был непосредственно подчинен халифу.

На единственном до сих пор известном *динаре* 303 г. (Br. Mus. I n^0 417) имени Мухаммеда нет. Этот динар имеет чисто халифский вид.

Следующая монета, диргем, чеканена в 306 г. На ней названы халиф и *саманид Наср* (Schröder, Catalogus numorum cuficorum in numophylacio academico Upsaliensi, 1827 г., n^0 93, Тизенгаузен—Тр. ВО I 150). Вероятно, она чеканена после того, как Юсуф очистил этот город.

Дальше следуют монеты с именем *Ахмед-ибн-Али: динары* 308[2] и 309[3] г. г. и *диргемы* 310[4] и 311[5] г. г. Эти монеты все одного и того же типа:

Av. В поле:	Rv. В поле, в круге:
لا الـه الا	لله
الله وحده	محمد
لا شريك له	رسول الله
ابو العباس بن	المقتدر بالله
امير المومنين	احمد بن على
Две круговые легенды.	Одна круговая легенда.

Как сказано выше, в 311 г. Ахмед-ибн-Али был побежден *Юсуф-ибн-Диводадом*, который после этого сам занял Рей. Чеканенный им в этом году в Мухаммедии (Рее) диргем описан выше.

По Ибн-ал-Асиру, до начала 313 г. власть Юсуфа над Реем никем не оспаривалась. Тем более странно отсутствие его имени на монетах 312 и 313 г. г. Известные до сих пор монеты этих годов—двух типов: у обоих на аверсе, под символом веры, стоит имя наследника престола, на обоих на реверсе находится символ веры в трех строках и внизу имя халифа. От-

---

1) Miskaweihi 39.
2) Zambaur, Contr. n^0 35.
3) Ghalib Edhem n^0 632.
4) Hallenberg, Numismata Orientalia I 158, II 89, ср. Castiglioni, Monete Cufiche dell I. R. Museo di Milano, 1819, 32; Frähn, De mus. Sprew. 86, 82, BASP 2 sér. V 118 Anm. 11; Тизенгаузен, Тр. ВО I 159, Tornberg 110 n^0 481.
5) Codrington, NChr 1902, 272, pl. XII, 10.

личаются они между собою тем, что на одних монетах символ веры на аверсе занимает 3 строки,[1] на других—2 строки[2].

В 314 (926/7) г. правление Реем было снова передано *саманиду Насру*, который должен был отнять этот город у раба саджида Юсуфа, Фатика. Наср вступил в город в месяце джумада II, пробыл в нем два месяца и передал управление *Симджуру ад-Девати*, а затем *Мухаммед-ибн-Али Са'луку*.[3] На монетах 314 г. названы только халиф и саманид Наср,[4] на монетах 315 и 316 г. г. кроме них упомянут Мухаммед-ибн-Али.

Эти последние монеты все одного и того же типа:

Av. В поле:	Rv. В поле, в круге:
	لله
لا اله الا	محمد
الله وحده	رسول الله
لا شريك له	المقتدر بالله
محمد بن على	نصر بن احمد
Две круговые легенды.	Одна круговая легенда.

Таковы динары и диргемы 315 и 316 г. г.[5]

Интересный диргем этого же типа, но 310 г. издан Frähn'ом[6]. В виду того, что в 310 г. Реем правил Ахмед-ибн-Али, который на своих монетах кроме самого себя упоминал только халифа, а Мухаммед-ибн-Али в этом году в Рее не было, мне кажется, надо полагать, что при гравировке того штемпеля, которым чеканен данный диргем, произошла ошибка, состоявшая в том, что резчик пропустил слово, означающее единицы, что особенно легко могло случиться, если этот штемпель относился к 316 г., так как слово, означающее „шесть“ (ست или ستة) очень похоже на слово „года“ (سنة).

В начале ша'бана 316 г. (сентябрь 928 г.) Мухаммед-ибн-Али заболел и передал город *алиду Хасан-ибн-ал-Касиму* и *Ма-*

---

1) Динары 312 г. (Rv. внизу د)—Nützel I n^0 1651, и 313 г.—Lane Poole, NChr. 1885 230 n^0 12.

2) Динары 312 г.—Lavoix I n^0 1132, Lane Poole, Kh. L. n^0 651, M. 303 n^0 7, Эрм. n^0 484e, Casanova n^0 719 (тип не указан) и вариант: Rv. внизу د —Br. Mus. I n^0 418, IX 76 n^0 418a, M. 303 n^0 8; и 313 г.—Эрм. n^0 485a. Диргем 312 г.—Tornberg, Symb. II n^0 63 (может быть и первого типа). Динары 311, 312 и 313 г. г. находились и в коллекции Johnston'a (Sotheby n^0 235, 236) и оттуда были приобретены Зубовым. В каталоге Sotheby они отнесены к аббасиду Муктадиру, к сожалению, без описания.

3) Ibn-al-Athir VIII 121; Zambaur, Contr. I 18.

4) Динары—Ghalib Edhem n^0 802, M. 132 n^0 502.

5) Динары: 315 г.—M. 176 n^0 1 (Av. поле в круге, наверху о; вариант: Av. наверху 4 точки—Br. Mus IX 180 n^0 293 p; вариант, Av. внизу حمر—Stickel, ZDMG X 297 n^0 17.

316 г.—M. 176 n^0 4*u* (Av. наверху ب, поле в круге) и M. 176 n^0 3 и Casanova n^0 1039 (без описания).

Диргемы: 315 г.—M. 176 n^0 2 (Frähn, Numi Kufici 14 n^0 58, tab. XVIII, Тизенгаузен, Тр. ВО. I 165).

316 г.—M. 176 n^0 5 (Av. наверху с).

6) BASP. IV 2 sér. V 118 n^0 15 (Тизенгаузен, Тр. ВО. I 158).

кану-ибн-Кахи,[1] затем, покинув Рей, умер в Дамгане. По Арибу[2], Хасан и Макан силой заняли Рей, и Мухаммеду пришлось бежать. В это время Табаристан был завоеван *Асфар-ибн-Ширвейхом*, и Хасан и Макан поспешили обратно, чтобы отогнать этого неприятеля. Битва близ Сарии кончилась победой Асфара. Сам Хасан был убит. После этого Асфар овладел всеми незадолго перед тем завоеванными Хасаном городами: Реем, Казвином, Зенджаном, Абхаром, Куммом и Караджем и читал в них молитву за саманида Насра. Во время произошедшей вскоре после этого войны Асфара со своим наместником в Амуле, который стал на сторону алида Абу-Джафара, Рей был занят Маканом. Асфар, вернувшись, снова завоевал этот город[3].

На мухаммедийских монетах 317 и 318 г.г. названы только халиф и саманид Наср: Av. трехстрочный символ веры, Rv. того же типа, что на монетах 315 и 316 г.г.[4]. Существует разновидность динаров 317 г., отличающаяся от только что описанного типа тем, что реверсный символ веры занимает не две, а три строки[5].

Ибн-ал-Асир рассказывает, что Асфар, после того, как он достиг крупных успехов и овладел значительной областью, захотел основать независимое государство. Халиф послал против него войско, которое потерпело поражение. С другой стороны на него надвигался саманид Наср. Асфар покорился, обещав саманиду контрибуцию и произнесение в хутбе его имени. Скоро после этого против Асфара был составлен заговор в его собственных владениях, во главе которого встал *Мердавидж*, и ему пришлось бежать[6]. Известие о захвате Рея Мердавиджем прибыло в Багдад в месяце зулхиджа 318 (930)[7] г.

Диргем 318 г.[8] с именем одного только халифа на реверсе и именем наследника престола на аверсе, вероятно, чеканен в конце 318 г. уже Мердавиджем.

III.

После смерти Юсуфа, в месяце зулхиджа 315 г. (февраль 928 г.) халиф назначил наместником Азербайджана его племянника *Абу-л-Мусафира ал-Фатха*, сына Мухаммеда Афшина. Но уже

---

1) Ibn-al-Athir VIII 121-122.
2) Arib 137.
3) Ibn-al Athir VIII 139-140.
4) Динары 317 г.—M. 134 n⁰ 541—543, Ghalib Edhem n⁰ 803 и, вероятно, Casanova n⁰ 1027.
318 г.—Blau, ZDMG XI, 452 n⁰ 20, Фасмер, ИРАИМК III 312 n⁰ 11.
5) Frähn, Recensio 88 n⁰ 223 (Тизенгаузен, Тр. ВО. I 168), M. 134 n⁰ 540, Эрм. n⁰ 541a.
6) Ibn-al-Athir VIII 141—143.
7) Arib 154 cp. Miskaweihi 275.
8) Tornberg, Symbolae III n⁰ 41.

полтора года спустя, в ша'бане 317 г. (сентябрь 929 г.) ал-Фатх был в Ардебиле отравлен одним из своих рабов[1].

Сохранилось несколько *динаров* с именем ал-Фатха:

22) *Ардебиль*, 316 г.

Av. В поле:	Rv. В поле, в круге:
	لله
لا اله الا الله	محمد
وحده لا شريك له	رسول الله
ابو العباس بن	المقتدر بالله
امير المومنين	الفتح بن الافشين
	مولى امير المومنين
Две круговые легенды.	Одна круговая легенда.

Известны 2 экземпляра: Lane Poole, Kh. L. n° 640 и колл. Зубова (Av. наверху крупная точка и над ней вертикальная черточка и то же самое украшение на Rv., вправо от لله. Внизу Av. и Rv. по точке).

23) *Ардебиль* 317 г., как динар 316 г., но на Rv. не хватает последней строки.—Br. Mus, IX 188 n° 429 ff. pl. XI.

Ардебильский динар 316 г. без имени ал-Фатха находится в коллекции Н. П. Лихачева, получившего его от Н. И. Репникова, по словам которого он найден в 1921 г. в Старой Ладоге. С любезного разрешения владельца я его описываю:

Муктадир, Ардебиль, 316 г.

Av. В поле:	R. В поле, в круге:
و ○	لله
لا اله الا الله	محمد
وحده لا شريك له	رسول
ابو العباس بن	الله
امير المومنين	المقتدر بالله
ح	○
Две круговые легенды.	Одна круговая легенда.

Ал-Фатх-ибн-Мухаммед ал-Афшин—последний саджидский эмир Азербайджана. Его сын *Абу-л-Фарадж* был одним из полководцев и сторонников Мухаммед-ибн-Раика, первого эмир-ал-умера (324—326 г.)[2].

Рассказ о гибели ал-Фатха у Ариба несколько иной, чем у Джемал-аддина. По Арибу[3], в 317 (929) г. население Азербайджана восстало против Абу-л-Мусафира, который бежал

---

1) Dschemaladdin 39—40.

2) 936—938. Dschemaladdin 40.

3) Arib 145.

в Мерагу. Повстанцы его здесь осадили и, наконец, убили и выбрали из своей среды начальника, имя которого было Муфлих. Джемал-аддин[1] называет преемником ал-Фатха не Муфлиха, в *Васифа ас-Сиравани*, и нумизматические данные подтверждают это известие.

В коллекции Вельяминова-Зернова имеется *динар* 317 г., из Ардебиля, с именем Васифа ас-Сиравани, описанный Вельяминовым-Зерновым в рукописном каталоге его коллекции.

24) *Васиф ас-Сиравани, Ардебиль*, 317 г. Диам. 22 мм., вес 4,25 гр.

Av. В поле:	Rv В поле, в круге:
	لله
لا اله الا الله	محمد
وحده لا شريك له	رسول الله
ابو العباس بن	المقتدر بالله
امير المومنين	وصيف مولى
	امير المومنين
Две круговые легенды.	Одна круговая легенда.

См. Фасмер, Два клада, тбл. I,*в*.

Следующим эмиром Азербайджана был *Муфлих*, раб Юсуфа[2]. К сожалению, в исторических трудах не говорится, когда произошла эта смена правителей. Из того факта, что Ариб не упоминает о Васифе вовсе, и называет Муфлиха преемником ал-Фатха, можно вывести заключение, что правление Васифа было весьма непродолжительно. Во всяком случае, в 319 (931) г. правителем Азербайджана был уже Муфлих[3].

Об этом Муфлихе Ибн-ал-Асир рассказывает, что он в 311 (923/4) г. участвовал в походе своего господина, Юсуфа, на Рей, и в 313 г. был оставлен в этом городе в качестве заместителя Юсуфа. Удержаться он здесь, однако, не мог: он был изгнан восставшим против него населением города, и только в конце 313 г. Юсуфу снова удалось овладеть этим городом[4]. Следующее упоминание о Муфлихе относится уже к 317 г., когда он нанес поражение византийцам и вторгся в пределы византийской империи[5], а в третий раз он упоминается, уже в качестве наместника Азербайджана, в 319 (931) г. В рамадане этого года он победил армянина Ибн-Дирани, который действовал заодно с византийцами. Муфлих осадил его в кре-

---

1) Dschemaladdin 40.
2) Dschemaladdin 40.
3) Ibn-al-Athir VIII 173.
4) Ibn-al-Athir VIII 106.
5) Ibn-al-Athir VIII 159, Weil II 638, Васильев, 231 .

пости, в которой он заперся, и перебил население подвластной Ибн-Дирани области[1].

Известны 2 типа монет с именем Муфлиха:

I тип.

Av. В поле:	Rv. В поле, в круге:
	لله
لا اله الا الله	محمد
وحده لا شريك له	رسول الله
ابو العباس بن	المقتدر بالله
امير المومنين	مفلح اليوسفى
	مولى امير المومنين
Две круговые легенды.	Одна круговая легенда.

По этому типу чеканены:

25) *Ардебильские динары* 320 г. Lavoix I n⁰ 1116 pl. VI, и колл. Зубова.

26) *Ардебильские диргемы* 320 г.—Bartholomaei, BASP 2 sér. XV 150, из борчалинского клада 1857 г. Честь правильного определения этой монеты принадлежит Dorn'y[2] (M. 303 n⁰ 10; диам. 23, вес 2,92 гр.). Колл. Зубова.

II тип.

Av. В поле:	Rv. В поле, в круге:
	لله
لا اله الا	محمد
الله وحده	رسول الله
لا شريك له	الراضى بالله
	مفلح اليوسفى
	مولى امير المومنين
Две круговые легенды.	Одна круговая легенда.

Этого типа монеты 323 г.:

27) *Динар, Берда'а,* 323 г.—колл. Зубова.

28) *Диргем, Азербайджан,* 323 г.—Эрмитаж, n⁰ 11 (кругом обрезан, диам. 17 мм., вес 1,53 гр.).

Allan[3] упоминает об *ардебильском динаре* 318 г. без имени Муфлиха. В Эрмитаже имеется *диргем 319 г. из Берда'ы,* без этого имени[4]. Ahmed Ziya[5] описывает *ардебильский диргем* 322 г. с одним лишь символом веры на аверсе и символом веры и именем халифа Ради на реверсе. Об'яснить отсутствие имени

---

1) Ibn-al-Athir VIII 173, Weil II 638, Васильев 233.

2) В примечании к у. с. Bartholomaei.

3) NChr. 1919, 197.

4) M. 303 n⁰ 9 (T. n⁰ 2355).

5) Ahmed Ziya n⁰ 604.

Муфлиха на данных монетах, при скудости исторических сведений, не представляется возможным.

Следующим эмиром Азербайджана был *Дайсам-ибн-Ибрахим ал-Курди*, который раньше был офицером Ибн-Аби-с-Саджа. В котором году он овладел Азербайджаном, в точности неизвестно, но в 326 г. он уже упоминается в качестве наместника этой области. В этом году, рассказывает Мискавейхи[1], Азербайджаном овладел *Лешкери-ибн-Марди*, боевой товарищ Мердавиджа и бывший наместник его в Джебеле. Дайсам потерпел против него несколько поражений, и вся страна была занята Лешкери. Скоро после этого, однако, Лешкери погиб во время предпринятой им экспедиции в Армению, а его сын Лешкеристан был принужден бежать к Насир-аддауле в Мосул[2]. Побоясь ставленника и двоюродного брата Насир-аддаули Абу-Абдаллаха, *Дайсам*, с помощью зиярида Вашмгира, снова занял Азербайджан[3].

Весьма интересный диргем, чеканенный в *Берда'а* в 326 (937/8) г., описан Tornberg'ом[4]: на аверсе находится символ веры; на реверсе, после имени халифа Ради, другое имя, которое, по словам Tornberg'a, вследствие плохой выделки, очень трудно поддается чтению. Tornberg предлагает читать его или ابواحمد или المويراين. Эти два чтения, которые им признаются за одинаково возможные, до того различны, что, не видя самой монеты, никаких догадок делать нельзя.

Дайсам оставался у власти до 330 (941/2) г., когда страна была завоевана владетелем Тарма, в Дейлеме, Марзбан-ибн-Мухаммед-ибн-Мусафиром, первым правителем Азербайджана из династии саларидов[5].

К началу 330-х годов (941, сл.) относятся следующие диргемы:

Берда'а, 330 г., чеканен с обоих сторон одним и тем же аверсным штемпелем: под трехстрочным символом имя المه.. بالله—М. 884 n⁰ 0=Тизенгаузен, ЗВО VI, 233 n⁰ 8. Тизенгаузен полагал, что имя халифа ал-Муктадир, что, однако, навряд-ли правильно, так как вторая буква несомненно ـهـ, а не ـقـ.

Арминия, 331 г.—Т. n⁰ 2933=Bartholomaei, BASP 2 sér. XV, 156 n⁰ 105.

Арминия, 332 г.—М. n⁰ 1083. Оба с одним только именем халифа Муттаки.

Арминия, 333 г. Av. внизу الملك || محمد بن مـ.... Rv. чеканен старым штемпелем с именем халифа Муктадира—Tornberg, RNB 1870, 229 n⁰ 40=Т. n⁰ 2934.

---

1) Miskaweihi 398.
2) Miskaweihi 403.
3) Ibn-al-Athir VIII 263.
4) RBN 5 sér. II, 229 n⁰ 38 (T. n⁰ 2931).
5) Miskaweihi II 31.

История саларидов изложена в работе Cl. Huart'a „Les Mosafirides de l' Adherbaijan"[1]. Нумизматические памятники этой династии рассмотрены в моей статье „Zur Chronologie der Gastaniden"[2]. Там же приведено описание единственной, до сих пор известной, монеты с именем Дайсама, которая чеканена в *Ардебиле* в 340[3] (951/2) г., когда он на короткое время снова овладел Азербайджаном.

Список сокращений.

Асохик—Всеобщая история Степаноса Таронского Асохика Переведена Н. Эминым, Москва, 1864.

Васильев—А. А. Васильев, Византия и арабы, СПБ, 1902.

Грен—А. Н. Грен, Династия багратидов в Армении (Журнал министерства народного просвещения 1893, ноябрь, 52 и сл.).

ЗВО—Записки восточного отделения имп. русского археологического общества, СПБ, 1886 и сл.

ИАО—Известия императорского археологического общества, СПБ, 1859 и сл.

ИРАИМК—Известия российской академии истории материальной культуры.

М.—А. К. Марков, Инвентарный каталог мусульманских монет Эрмитажа, СПБ, 1896.

М. Топ.—А. К. Марков, Топография кладов восточных монет, СПБ, 1910.

Т.—В. Г. Тизенгаузен, Монеты восточного халифата, СПБ, 1873.

Тр. ВО.—Труды восточного отделения имп. археологического общества, СПБ, 1855 и сл.

Шерцль—Р. Шерцль, Описание медалей и монет харьковского университета. III. Восточные монеты, Харьков, 1912.

Эрм.—Эрмитаж.

Ahmed Ziya—Ahmed Ziya, Catalogue of islamic coins. Constantinople, 1910.

Arib—Arib Tabari continuatus, quem edidit M. J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1897.

BASP 1 sér.—Bulletins scientifiques publiés par l'Académie imp. des sciences de St. Pétersbourg, 1836 и след.

---

1) عجب نامه, A volume of oriental studies presented to Prof. G. Browne, Cambridge, 1922, 228—256.

2) Islamica III.

3) Фасмер, Два клада, тбл. I, с.

BASP 2 sér.— Bulletins de la classe historico-philologique de l'Académie imp. des scinces de St. Pétersbourg, 1844 и сл.

BGA—Bibliotheca Geographorum Arabicorum, edidit M. J. de Goeje I—VIII, Lugduni Batav. 1870—1894.

Br. Mus.—St. Lane Poole, Catalogue of oriental coins in the British Museum I—X, London 1875—1890.

Brosset, Additions—M. F. Brosset, Additions et éclaircissements à l'histoire de la Géorgie, St. Pétersbourg, 1851.

Brosset, Goll.—M. F. Brosset, Collection d'historiens arméniens, 2 vol., St. Pétersbourg, 1874, 1876.

Casanova—P. Casanova, Inventaire sommaire de la collection des monnaies musulmanes de S. A. la Princesse Ismaïl, Paris, 1896.

Defrémery—Defrémery, Mémoire sur la famille des Sadjides (Journal Asiatique IX 409—446, X 396—436, 1847).

Dschemaladdin—G. W. Freytag, Locmani Fabulae et plura loca ex codicibus, Bonnae, 1823.

Frähn, De mus. Sprew.—C. M. Frähn, De musei Sprewitziani Mosquae numis cuficis, Petropoli, 1825. (Mémoires de l'Académie de St. Pétersbourg X, 1826).

Frähn, Numi kufici—C. M. Frähn, Numi kufici ex variis museis selecti Petropoli, 1823. (Mémoires de l'Académie de St. Pétersbourg IX, 1824).

Ghalib Edhem—I. Ghalib Edhem, Musée impérial ottoman. Catalogue des monnaies des khalifes, Constantinople, 1894.

Huart—Статья Sadjides в Encyclopédie de l'Islam, Livraison A, 51.

Iвn-al-Athir—Ibn al Athiri chronicon, ed. C. J. Tornberg, 14 voll, Lugd. Batav., 1867—1876.

Jean Cath.—Histoire d'Arménie par le patriarche Jean VI, traduite par J. St. Martin. Paris 1841.

Kindi—The governors and judges of Egypt of el Kindi, edited by Rhuvon Guest (Gibb Memorial, series XIX).

Lajard—Lajard, Notice sur Jean Catholicos (введение к изданию St. Martin'a).

Lane Poole, Kh. L.—St. Lane Poole, Catalogue of the collection of arabic coins preserved in the Khedivial Library at Cairo, London, 1897.

Lavoix.—H. Lavoix, Catalogue des monnaies musulmanes de la Bibliothèque Nationale, I—III, Paris, 1887—1896.

MASP—Mémoires de l'Académie des sciences de St. Pétersbourg.

Mas'udi—Maçoudi, Les prairies d'or. Texte et traduction par C. Barbier de Meynard et Pavet de Courteille, I—IX, Paris, 1861—1877.

Miskaweihi—H. F. Amedroz and D. S. Margoliouth, The eclipse of the Abbasid Caliphate, vol. I—VII, Oxford, 1920—1921.

NChr.—Numismatic Chronicle, London.

Nützel— Konigliche Museen zu Berlin. Katalog der Orientalischen Münzen I—II, Berlin 1898, 1902.

NZ.—Numismatische Zeitschrift, Wien.

Östrup—P. Hauberg og J. Östrup, Tersler-Fundets Mönter (Aarböger for Nordisk Oldkyndighed og Historie, Kjöbenhavn, 1914, 63—75).

RBN—Revue Belge de Numismatique, Bruxelles.

Sotheby—Sotheby, Wilkinson and Hodge, Catalogue of the collection of greek, roman and mohammedan coins, the property of the late J. M. C. Johnston, London, 1906.

St. Martin—St. Martin, Mémoires historiques et géographiques sur l'Arménie, I—II, Paris, 1818—1819.

Tabari—Annales quos scripsit Tabari. Cum aliis edidit M. J. de Goeje, ser. I—III. Lugd. Batav., 1879—1901.

Tiesenhausen—Mélanges de numismatique orientale (Revue Belge de Numismatique, 1875).

Tornberg—C. J. Tornberg, Numi Cufici Regii numophylacii Holmiensis, Upsaliae, 1848.

Tornberg—Symbolae ad rem numariam muhammedanorum, I—IV, (Nova Acta Reg. Soc. Scient. Upsaliensis, Upsaliae, 1846, 1853, 1856, 1862).

VHAAM—K. Vitterhets, Historie och Antiquitets Akademiens Månadsblad, Stockholm.

Weil—G. Weil, Geschichte der Chalifen, 3 Bände, Mannheim, 1846—1851.

Weyl, A.—A. Weyl, Verzeichniss der reichhaltigen Sammlung orientalischer Münzen des Fürsten G., Berlin 1885.

Zambaur—Contributions à la numismatique orientale, I—II, Vienne, 1905—1906 (NZ, 36, 37).

ZDMG—Zeitschrift des Deutschen Morgenländischen Gesellschaft.

ZN.—Zeitschrift fur Numismatik, Berlin.

R. Vasmer.

DIE MÜNZEN DER SADJIDEN.

Der Stammvater der Sadjiden war Abu-s-Sadj Diwdad, welcher um die Mitte des III Jahrh. H. (IX Jahrh. n. Ch. G.) als Feldherr und Statthalter der Chalifen in Mesopotamien, im Irak und in Chuzistan eine Rolle spielte. Zu einer bei weitem hervorragenderen Stellung brachten es seine Söhne, Muhammed und Jusuf. Der ältere, Muhammed Afschin, nahm zuerst an verschiedentlichen Wirren in Mesopotamien und Syrien teil, wurde im Jahre 276 (889/90) oder 279 zum Statthalter von Azerbaidjan ernannt und errang als solcher eine gewisse Unabhängigkeit. Nachdem er im J. 288 (901) an der Pest gestorben war, vertrieb Jusuf Muhammeds Sohn Diwdad aus Azerbaidjan und riss die Herrschaft an sich. Unter Jusuf erreichte die Machtstellung der Dynastie ihren Höhepunkt. Schon Muhammed hatte zu seiner Statthalterschaft Armenien hinzugefügt, Jusuf fühlte sich stark genug seine Macht auch auf Rei auszudehnen und, als er beim Chalifen auf Widerstand stiess, sich offen zu empören. Die besten Truppen wurden gegen ihn ins Feld gesandt, doch gelang es den Feldherren des Chalifen erst nach wiederholten Anstrengungen ihn gefangen nach Bagdad abzuführen (307=919/20). Ein paar Jahre später (310) wurde er aus der Gefangenschaft befreit und zum Statthalter von Azerbaidjan, Rei und den dazwischen liegenden Ortschaften ernannt. Sein Ruhm als Heerführer war so gross, dass der von den Karmaten arg bedrängte Chalife ihn zum Oberbefehlshaber seiner Truppen ernannte. Als solcher fiel er im J. 315 (927/8) in einem unglücklichen Treffen in die Hände der Karmaten, die ihn hinrichteten. Nach seinem Tode bestätigte der Chalif Muhammeds Sohn al-Fath als Statthalter von Azerbaidjan, doch wurde dieser schon im J. 317 (929/30) von einem seiner Sklaven vergiftet. Dieser al-Fath war der letzte sadjidische Emir, der über Azerbaidjan geherrscht hat. Von den vier Sadjiden von Azerbaidjan haben drei Münzen in eignem Namen geprägt, nur von Diwdad, dessen Herrschaft etwa 2—3 Monate gedauert hat, sind bisher keine Münzen bekannt geworden. Der erste, der auf seinen eignen Namen Münzen prägte, war Muhammed Afschin. Der Verfasser beschreibt einen im J. 285 (898) in Berda'a geschlagenen Dirhem dieses Emirs und betont, dass dieser Dirhem die einzige ihm bisjetzt vorgekommene Münze mit dem Namen dieses Herrschers ist, denn alle sonstigen in Transkaukasien geprägten Münzen dieser Zeit tragen nur den Namen des Chalifen. Eine bedeutend regere Münztätigkeit entfaltete Jusuf. Der Verfasser gibt eingehende Beschreibungen von 20 nach Jahr und Ort verschiedenen Münzen dieses Emirs (8 in

Gold, 12 in Silber) von 7 verschiedenen Typen. Die Münzstätten sind: für Gold—Ardebil, Arminijja und Berda'a, für Silber—Arminijja, Berda'a, al-Muhammedijja und Meraga. Für besonders interessant, von historischem Standpunkte betrachtet, hält der Verfasser die Münzen von Arminijja und al-Muhammedijja (Rei), da diese Gebiete von den Sadjiden erst später erobert wurden, letzterer Ort nur vorübergehend in ihrem Besitz war. Indem er alle ihm bekannten Münzen des betreffenden Zeitraumes, die aus diesen beiden Prägestätten hervorgegangen sind, vorführt, sucht er die auf ihnen genannten Personennamen und Jahreszahlen mit den Angaben der Historiker in Einklang zu bringen. Bemerkenswert ist, dass auf einigen Münzen ausser dem Chalifen und Jusuf der Wezir Abu 'l-Hasan (d. h. Ibn-al-Furat) genannt ist, dessen Name auf anderen als sadjidischen Münzen bisher nicht angetroffen worden ist. Merkwürdig ist die Abwesenheit von Jusufs Namen auf Ardebiler Münzen des J. 311, zumal auf einem Dirhem desselben Jahres aus al-Muhammedijja sein Name wohl genannt ist. Vom letzten Sadjiden, al-Fath, sind dem Verfasser nur 3 Dinare bekannt, 2 v. J. 316, einer vom J. 317. Daneben gibt es einen ebenfalls in Ardebil geprägten Dinar des J. 316, auf dem nur der Name des Chalifen genannt ist. Nach al-Faths Ermordung wurde, Djemal-ad-din al-Halebi zufolge, ein gewisser Wasif as-Sirawani zum Statthalter von Azerbaidjan ernannt, während Arib den Freigelassenen Jusufs Muflih als Nachfolger al-Faths bezeichnet. Ein Ardebiler Dinar des Jahres 317 mit dem Namen Wasifs bestätigt die Richtigkeit von Djemal-ad-dins Angabe. Wann Wasifs Herrschaft endete und die Muflihs begann, ist leider unbekannt. Auf einem Dinar aus Ardebil d. J. 318 und einem Dirhem aus Berda'a d. J. 319 ist nur der Chalife erwähnt. Münzen mit dem Namen Muflihs sind nur vom J. 320 (932) an bekannt. Sie weisen 2 Typen auf, von denen der eine durch je 2 Gold-und Silbermünzen von Ardebil, 320, der andere durch einen Dinar aus Berda'a, 323 und einen Dirhem von Azerbaidjan, 323 vertreten ist. Auf einem Ardebiler Dirhem des J. 322 steht nur der Name des Chalifen. Muflihs Nachfolger war der Kurde Daisam ibn-Ibrahim, dem zuerst al-Leschkeri al-Mardi und, nach dessen Tode, der Sallaride Mersban ibn-Muhammed die Herrschaft streitig machte. Zwei von Tornberg edierte Dirheme, Berda'a 326 und Arminijja 333 die für unsere Kenntnis dieser Wirren von grosser Bedeutung zu sein scheinen, enthalten Namen, die, halb verwischt, bisher leider nicht entziffert werden konnten. Auf zwei weiteren Dirhemen, Arminijja 331 und 332, ist nur der Chalife genannt. Der einzige dem Verfasser bekannte Dirhem mit Daisams Namen ist im J. 340 (951/2) in Ardebil geprägt und gehört somit in die Zeit nach der Eroberung Azerbaidjans durch Merzban (330=941/2), in die Zeit als Daisam sich für eine kurze Zeit von neuem zum Herrn des Landes aufgeschwungen hatte.

Der Verfasser schliesst seine Arbeit, deren Ziel er in einer Ergänzung der von Defrémery und neuerdings von Huart gegebenen kurzen Abrissen der Geschichte der Sadjiden durch einen Überblick über die in diesen beiden Arbeiten unberücksichtigt gebliebenen Münzen dieser Dynastie erblickt, mit einem Hinweis auf einen Aufsatz über die Münzen der Sallariden, welcher in der Zeitschrift „Islamica" 1927 erscheinen soll und in gewissem Sinne als eine Fortsetzung der vorliegenden Arbeit betrachtet werden kann.

С. В. Безсонов.

Памятники сельджукской архитектуры в Эрзеруме.

(Отрывок из подготовленной к печати работы: Памятники искусства в верховьях Евфрата).

Первые исторические сведения об Эрзеруме относятся к 415-420 г.г., но несомненно и до этого времени в эрзерумской плодоносной долине был ряд поселений, среди которых наиболее крупными были армянские городки: Карин, по-гречески Карано, по-арабски Кали-кала, и Ардзе или Арзен. Весьма возможно, что именно здесь когда-то был расположен древний город Зимара, упоминаемый Плинием и находившийся, по указанию последнего, у истоков Евфрата.

Моисей Хоренский, историк Армении (кн. 3, гл. 57—59), рассказывает, что на месте городка Карин, по приказанию византийского императора Феодосия II (408 - 450), его полководцем Анатолием (магистр восточной армии 438—443) была построена крепость, торговые магазины и бани над горячими источниками, причем сооруженному городу, в честь императора Феодосия, дано было наименование Феодосиополь. То же самое об основании Феодосиополя пишет и другой историк Армении Стефанос Таронский Асохик. Историк Византии Прокопий Кесарийский, в своих сочинениях: „История войн римлян с персами“ (часть I, гл. 10) и „Сооружения“ (часть 3, гл. 5), рассказывает, что крепостные сооружения при Феодосии еще не были велики, и крепость усилил император Анастасий I (491—518), а после того, как она была разрушена персидским шахом Кавадом (502 г.), ее снова восстановил Юстиниан (527—565). В период времени с VI по XI век Феодосиополь неоднократно переходил из рук в руки, от греков к персам и обратно, и часто разрушался. В 647 году Феодосиополь берется арабами и также не раз у последних отнимается греками.

Город Ардзе, по свидетельству Аристакеса Ластивертского, жителя Ардзе и очевидца его разрушения турками-сельджуками, был одним из „всемирных“ городов, как по красоте зданий и торговле, так и по богатству и образованности жителей. Одно время в городе, по его словам, царило такое единодушие, что не было обманов в торговле, не брали процентов, не были известны взятки, жители отличались гостеприимством

и щедрою помощью бедным. Нравы испортились только тогда, когда в Ардзе проникли греки.

В 1049 году, как Феодосиополь, так и Ардзе, берутся турками-сельджуками у греков и оба города разрушаются до основания. Завоевателем Феодосиополя и Ардзе является полководец Тогрул-бека — Абд-ал-Мелик. Вместо разрушенных городов, сельджуки отстраивают новый, которому и дают название Арзен-ар-рум.

Тот же Аристакес рассказывает, что в 1049 году к Ардзе подступили персы и осадили город. Несмотря на отчаянное сопротивление, оказанное жителями, город был взят, истреблено до 150,000 человек жителей, сожжено 800 церквей, и город разрушен до основания. Спасшиеся жители ушли в Карин и стали в память Ардзе называть его Арзен-рум.

От Феодосиополя в настоящее время ничего не осталось: все, что не было разрушено при взятии города сельджуками, было постепенно сломано и заменено новыми сооружениями. Развалины же Ардзе мы видим недалеко от Илиджи, у селения Карарс, близ истоков Евфрата, верстах в 7 от Эрзерума. Там доныне показываются развалины большого собора „Рум-Килисе": на небольшом возвышении виден фундамент круглого строения. На могилах, вместо памятников, поставлены изображения животных, чаще всего баранов. Развалины города почитаются у армян до сего времени священными.

С 1049 года Эрзерум находится в управлении сельджукских наместников. В числе наместников Эрзерума был и знаменитый впоследствии султан Конии Ала-ад-дин Кай-Кубад (1219—1236). В 1203 году, при султане Конии Кылыдж-Арслане III (1203—1204), Эрзерум вошел в состав конийской монархии сельджуков.

В бытность Ала-ад-дина наместником Эрзерума, при Мелик-шахе (1072 1092), в Эрзеруме возникает ряд построек, сохранившихся до настоящего времени, а именно: Мергоф-мечеть и караван-сарай. Нашествие монголов подвергло Эрзерум двукратному разграблению. Бежавший от монголов шах Хорезма (Хивы), Джелал-ад-дин в 1226 г. взял и разграбил Эрзерум; в 1241 году следовавшие за Джелал-ад-дином, под предводительством Хулагу, монголы отняли у него Эрзерум и сделали его своей резиденцией, откуда в 1242—43 г.г. совершали в Малую Азию набеги. Монголы ставили в правители Эрзерума своих эмиров, преимущественно из племени кара-коюнлу (черного барана), которые заботились о городе, и памятью их надо признать Чифте-минаре и ряд мавзолеев, разбросанных по Эрзеруму и его окрестностям. Монголы подорвали сельджукскую монархию и в 1299 г. она пала. В XIV веке могущество на-

чинает сосредоточиваться в руках другого турецкого племени— османов, но нашествие Тимур-ленга в 1400 г. задержало это движение. Тимур берет в 1400 г. Эрзерум, в 1463 г. он ненадолго попадает к туркам-османам, в 1472 г. его захватывает персидский шах Узун-Хасан и, наконец, в 1516 г. он надолго поступает во владение турок-османов, в руках которых остается и до настоящего времени, за исключением трех месяцев в 1828 г. и времени со 2 февраля 1916 по конец 1917 г., когда Эрзерум временно находился в руках русских. Я изучал архитектуру Эрзерума с 22 июля по 5 сентября 1916 года, и, кроме того, бывал в этом городе несколько раз в конце 1916 и первой половине 1917 года[1].

От византийской эпохи из памятников архитектуры в Эрзеруме ничего не сохранилось. Особый интерес в Эрзеруме представляет ряд памятников сельджукской архитектуры, возникших в период времени после 1049 года и до 1299 года. Сельджукское искусство является связующим звеном между арабским, персидским и турецко-османским искусством. Выйдя из Туркестана через Персию в Малую Азию и здесь остановившись на большой промежуток времени, около трехсот лет, создав в Малой Азии мощное государство, часто возглавляемое не только храбрыми воинами, но и высоко-культурными по тому времени администраторами, сельджуки уделяли большое внимание искусству, которое и оформилось у них именно на этой территории, так как до того времени, не являясь оседлым государством, сельджуки не могли создать монументальных памятников искусства. Приняв мусульманскую религию, сельджуки естественно приняли и арабское искусство в том виде, как оно выявилось в багдадском халифате, а также и в Персии, через которую проходили сельджуки и которою они владели в XI веке. Таким образом, сельджукское искусство носит

---

[1]) Оставляя всецело на ответственности автора художественную оценку памятников и их датировку, редакция считает нужным отметить некоторую неточность в изложении исторических судеб Эрзерума с XI века. С конца этого столетия Эрзерум образует небольшое княжество, под управлением династии салдукидов, последний представитель которых, около 597 г. х.=1200/1 европ. эры, был свергнут султаном румским; вслед за этим эрзерумское княжество переходит во владение боковой ветви сельджукидов, в лице мелика Торгула, а затем его сына, Джаган-шаха. Последний, сперва вассал эюбидов, добровольно подчиняется в 626 х.=1229 г. хорезмшаху Джелал-ад-дину, занявшему в это время Хлат. При поражении хорезмшаха в следующем году, сражавшийся на его стороне Джаган-шах был взят в плен и казнен своим двоюродным братом, султаном Ала-ад-дином Кай-Кубадом I, Эрзерум же был присоединен к румскому (конийскому) султанству. Джелал-ад-дин Эрзерумом никогда не овладевал и его не разгромлял. Около 1241 г. город был взят монголами, но под предводительством не Хулагу, появившегося в Иране лишь лет 15 спустя, а Бачу-нойина. При дальнейшем движении монголов на запад, румские султаны покоряются им и до окончательного уничтожения своей династии, в первых годах XIV века, являются покорными вассалами монголов. Затем Эрзерум управляется хулагуидскими наместниками, из среды которых в 30-х годах выходит династия артенидов, правящих городом около 50 лет, после чего он переходит в руки туркменских династий кара-коюнлу и ак-коюнлу, а от последних, в первых годах XVI века, к персидским сефевидам, но занимается в 1514 г. турками-османами. *Ред.*

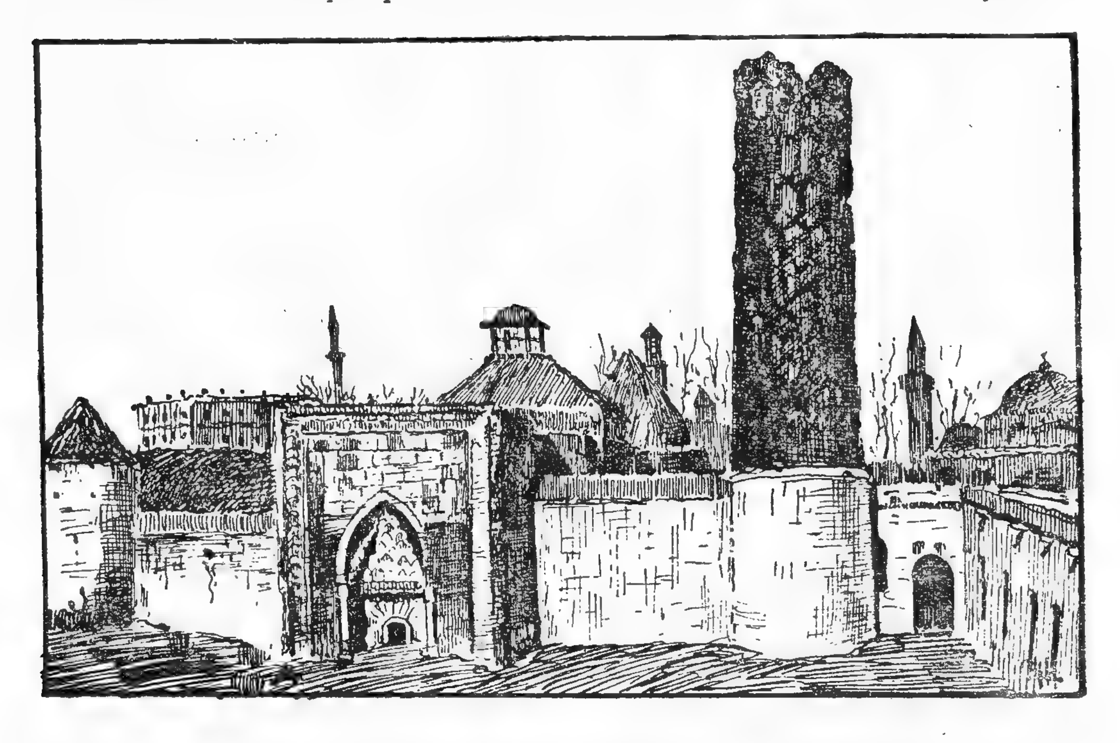
в себе следы арабского и персидского искусств, и, кроме того, в интересующем нас районе Эрзерума мы наблюдаем в сельджукских памятниках следы и армянских влияний, так как, завоевывая Армению, сельджуки столкнулись уже со зрелыми формами армянского искусства и многое из него восприняли. С другой стороны, мы не может отметить и того, что, с своей стороны, сельджукское искусство оказало влияние и на армянское искусство и, таким образом, нужно признать взаимное влияние между сельджукским и армянским искусством.

Говоря об эрзерумских памятниках сельджукской архитектуры, мы должны исключить в них сирийское и византийское влияние, которое наблюдается в памятниках Конии.

В центре города, на довольно высоком холме, расположена цитадель, известная под именем Уч-Кала. Стены цитадели выложены из серого базальта, имеют на углах небольшие башни без верхнего покрытия, и в свой состав вводят, как неразрывное целое: одну высокую башню, на которой до 1828 года были часы, и один мавзолей сельджукской эпохи, подробно о котором мы скажем ниже. Кроме этих стен, в Эрзеруме можно найти следы и остатки других стен, более древнего происхождения, возможно, если не византийского, то во всяком случае сельджукского. Много остатков стен сохранилось до сего времени на восточной и западной стороне от цитадели; видны даже бреши, которые приходилось пробивать в этих стенах вследствие необходимости расширить город. Некоторые стены в настоящее время являются составными частями домов, к ним пристроенных, и много каменных плит от стен взято жителями на свои постройки. Окружность древних стен имеет около пяти верст, и в свое время была защищена 62-мя башнями. В состав этих укреплений входило четверо ворот в город, которые существуют на местах и до настоящего времени, и носят название с давних пор по тем местностям, откуда в эти ворота идет дорога. С восточной стороны идет дорога в Эрзерум из Тавриза и Карса, почему и ворота называются Карс-капу или Тебриз-капу. Северные ворота называются Ольти-капу, так так через них идет дорога из Ольт, а так как, проехав эти ворота, попадаешь в армянский, разрушенный турками в 1915 г., квартал, где имеется ряд армянских храмов, то эти ворота называются также Клиссия-капу, т. е. церковные ворота. Западные ворота называются Стамбул-капу, и, наконец, юго-западные — Эрзенджан-капу или Харпут-капу, что указывает на направление путей от этих ворот. Ворота представляют из себя портал с двумя или тремя сквозными арками. Тексье, бывший в Эрзеруме в 1830-х годах, рассказывает, что он на воротах видел вырезанные на камнях стен греческие надписи и кресты, а Позер (1621 г.), кроме этих кре-

стов и надписей, описывает виденный им мраморный барельеф. Это же подтверждает и Гамильтон (1836 г.). Линч рассказывает, что Тейлор в 1860-х годах снял с барельефа копию и увез ее в Британский музей, но в Британском музее тейлоровской копии не оказалось. Кох (1843 г.) сообщает, что его спутник Розен снял со сторожевой башни цитадели куфическую надпись, которую обещал опубликовать, но обещание не было исполнено. Наши самые тщательные поиски (в 1916 г.) надписей и крестов не дали никаких результатов, и потому мы не можем с уверенностью говорить о времени, к которому относятся остатки этих стен,

К наиболее древним сельджукским памятникам надо отнести давно заброшенную и со всех сторон застроенную мечеть, под названием Мергоф-мечеть. Чтобы попасть к ее выходу, не-

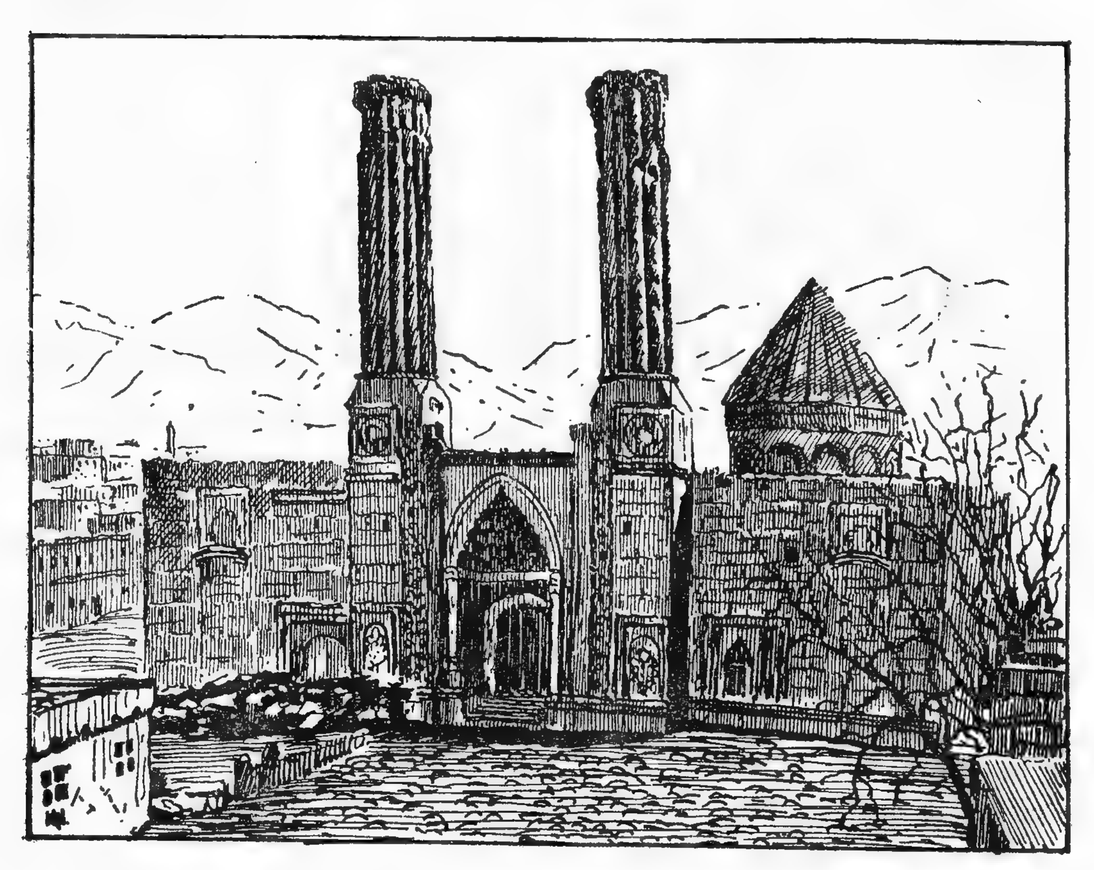
обходимо пройти здание военных казарм и интендантских складов. Перед мечетью обширный двор. Фасад мечети состоит из четырехугольного портала, с нишей для входа, которая оканчивается остроконечным сталактитовым сводом. Боковых ниш при входе нет. Орнаменты бордюров портала высечены из камня и состоят из геометрических узоров. Растительного орнамента, за исключением пальметт ассирийского типа, расположенных по обеим сторонам портала, не имеется. Пальметты расположены над типичными геральдическими персидскими львами, обращенными головами ко входу. Эти персидские львы чрезвычайно похожи на льва, находящегося на фасаде внутренней стены гор. Ани. В обе стороны от портала идет сте-

на, заканчивающаяся круглыми башнями, из которых башня, находящаяся с левой стороны от зрителя, незначительно возвышается над стеною и имеет конусообразное покрытие. Башня же с правой стороны от зрителя заканчивается минаретом, имеющим форму цилиндра, персидского типа, значительно возвышающегося над землею. Минарет вверху разрушен. Верхняя часть минарета, начиная от стены, построена из красного кирпича, причем по всей башне вставлены изразцы зеленого и голубого цвета. По рисунку отделки минарет похож на верхнюю часть минарета Таш-медресе в Ак-шехире, близ Конии. На крыше Мергоф-мечеть имеет один невысокий купол (заканчивающийся фонарем). Внутри, в мечети довольно темно. У задней стены, как обычно у сельджуков, мавзолей с конусообразным покрытием. Скупость и простота отделки фасада, тип минарета и общий силуэт здания приближают Мергоф-мечеть к указанной выше Таш-медресе в Ак-шехире (1216 г.=613 хиджры). Наличность только геометрических узоров на портале, присутствие львов (герба Персии), отсутствие двуглавых орлов (герба сельджукской монархии), говорит о том, что постройка мечети должна быть отнесена ко времени ранее образования конийского государства и, скорее всего, постройку мечети надо отнести к эпохе Мелик-шаха (1072—1092), который, вместе с везиром своим Низам-ал-мюльком, уделял большое внимание сооружению различных зданий в разных городах, завоеванных сельджуками. А если мы припомним, что в это время наместником Эрзерума был просвещенный Ала-ад-дин, то наше предположение может перейти и в уверенность. Профессор Кох, правда, говоря о Чифте-минаре, рассказывает, что в 1840-х годах на Чифте-минаре была надпись о том, что мечеть была основана неизвестным правоверным в эпоху халифатства Мелик-хана (sic) в 351 году хиджры (962 г.). Так как на Чифте минаре подобного рода надписи нами не обнаружено и так как Чифте-минаре по своему стилю должна быть отнесена к позднейшей эпохе, и, наконец, в виду того, что о времени постройки Чифте-минаре имеются определенные данные, относящие это событие к 1270 г., мы полагаем, что сведения Коха относятся именно к Мергоф-мечети, причем годы царствования Мелик-шаха определены неверно (1072 - 1092), и надпись должна считаться позднейшей. У Гамильтона и Тексье Мергоф-мечеть упоминается под названием Мурго-сарай; Линч уверяет, что в его время Мергоф-мечеть уже не существовала (1898 г.). Повидимому, Линч не мог пробраться к застроенной со всех сторон Мергоф-мечети.[1]

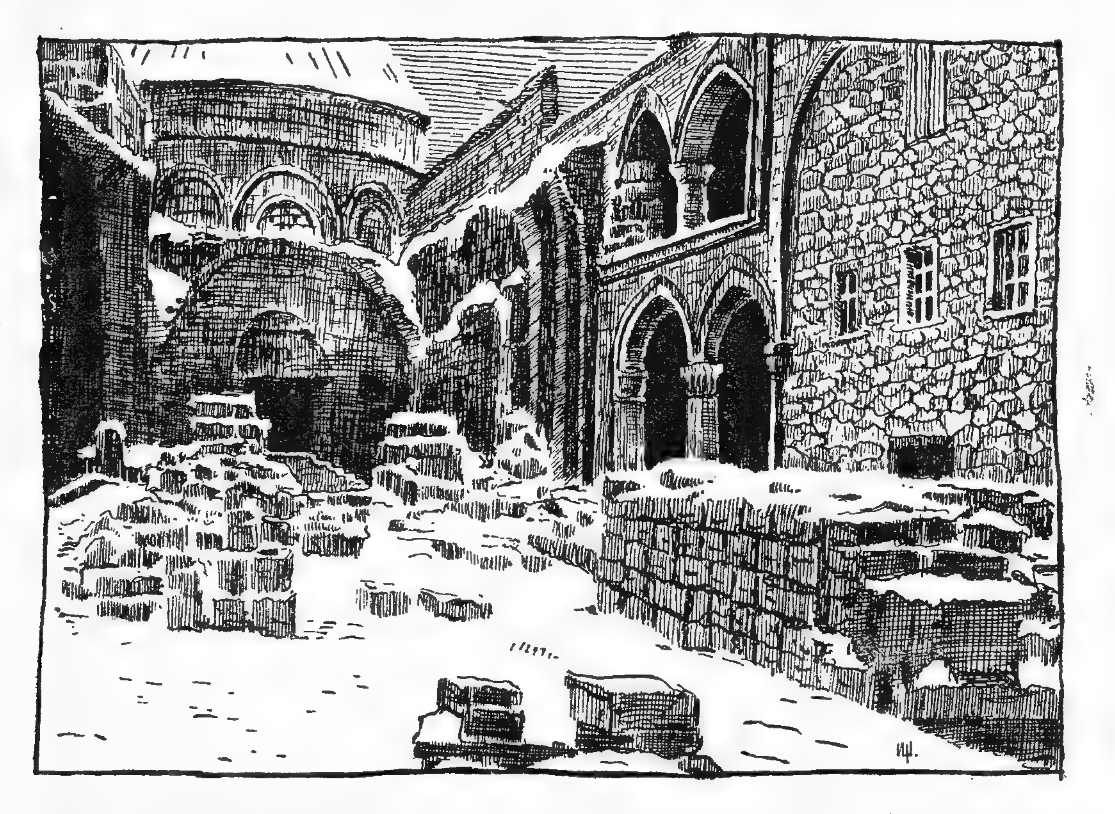
[1]) За отсутствием ссылки на источник, остается неизвестным, о каком Ала-ад-дине говорит автор. В отношении Мергоф-мечети им осталась неиспользованной надпись начала XIV в., расположенная снаружи, над порталом входа. *Ред.*

Из памятников гражданской архитектуры того же времени, как и Мергоф-мечеть, надо упомянуть находящийся в южной стороне от Мергоф-мечети, совершенно заброшенный караван-сарай. Это квадратное каменное здание имеет по пятидесяти сажень с каждой стороны. Крыша здания плоская; на каждой стороне ее возвышается по три купола, средина же здания не имеет покрытия. С четырех сторон во внутрь здания ведут ворота, расположенные в середине стен и имеющие форму килевидных арок, вокруг которых разбросан легкий углубленный плетеный орнамент. Внутри здания, в самой его средине, под открытым небом, устроен фонтан, в форме чаши, в настоящее время не действующий. Отсюда идут во все стороны ниши, предназначенные для торговых помещений. Здание это, насколько мне известны описания Эрзерума, никем не упоминается.

Еще при в'езде в Эрзерум бросается в глаза, находящееся недалеко от цитадели, здание с двумя высокими, отделанными цветными изразцами, минаретами. Это медресе, известное под именем Чифте-минаре, т. е. двойной минарет. Линч (1898 г.), по личным впечатлениям, и Зарре, на основании рисунков Тексье, считают, что здание это предназначалось для медресе, т. е. духовного училища, и его нельзя признать, как это делает

Тексье, за имарэ, т. е. госпиталь.[1] Здание это несомненно сельджукской постройки, и его нельзя отнести к 962 г. европейской эры, как это делает проф. Кох (1843 г.), тем более, что Кох не дает обещанных им надписей, а последующие путешественники, и в том числе мы, при тщательных розысканиях, их не обнаружили. Ближе к истине сообщение Гамильтона, которому в 1836 г. турок-проводник рассказывал, что здание построено „570 лет тому назад" иранским султаном, т. е. в 1276 году. По нашим данным, основанным на сообщениях двух эрзерумских мулл, в 1916 году, здание построено в 669 году хиджры или в 1270 году европ. эры. Эти сведения совпадают с мнением знатока турецкой старины и искусства Джелал Эссад-

бея, который постройку Чифте-минаре относит к тому же времени. И самый стиль постройки, отделка медресе, двуглавые орлы, находящиеся на портале, и сравнение этого здания с Мергоф-мечетью, говорят за то, что Чифте-минаре построено в эпоху, когда сельджукское искусство достигло своего расцвета. Построение Чифте-минаре надо отнести ко времени сельджукского султана Гияс-ад-дина Кай-Хусрау III (1267—1283), а именно к 1270 году.

Здание построено из песчаниковых плит, снаружи представляет из себя стену без окон; оно почти крестообразное в

---

[1]) Слово «имарэ», «имарет» (عمارة) имеет значение не «госпиталь», а вообще «постройка», «сооружение», «здание». *Ред.*

плане. Длина здания доходит до 40 саж., ширина около 15 саж., а высота около 6 саж., без минаретов. Здание было облицовано каменными плитами, в настоящее время в большинстве расхищенными. Часть плит лежит у входа, а часть, уже покрытая слоем земли, находится около мавзолея. Облицовку сохранил лишь фасад здания. Фасадом является поперечная сторона медресе: в средине этой стены устроен типичный сельджукский портал, украшенный резьбой по камню. Над порталом высятся две башни, отделанные изразцами и предназначавшиеся для минаретов. Высота минаретов от земли около 11-12 саж. С противоположной стороны от входа, к зданию примыкает большой мавзолей с коническим покрытием, похожий на ряд других, разбросанных по Эрзеруму, мавзолеев. Здание и минареты не были достроены еще в XIII веке. Местная легенда об'ясняет незаконченность здания таким образом: здание, будто бы, строилось опытным архитектором, которого пригласил в Эрзерум для этой цели из Испагани султан Ала-ад-дин (1219—1236). Мастер привлек к работе своего любимого ученика, подававшего большие надежды, причем постройку и отделку одного минарета мастер полностью поручил ученику, а другой минарет отделывал сам. Когда работа подходила к концу, мастер увидал, что минарет, построенный учеником, значительно красивее минарета его работы. Удрученный таким открытием, мастер взошел на верхушку своего минарета и оттуда бросился вниз и разбился. Увидав смерть учителя, ученик, жалея о потере выдающегося мастера и, может быть, своего друга, также бросился вниз и тоже разбился. С тех пор здание и осталось недостроенным, так как там, где пролита человеческая кровь (кровь правоверного), молиться Аллаху не приличествует. История дает нам другое об'яснение, почему медресе не было достроено. Конийское государство сельджуков приходило к концу, и в 1299 году закончило свое существование. Это обстоятельство, вместе с частой сменой наместников в Эрзеруме, с движением турок-османов, наверно, и помешало отстроить Чифте-минаре в то время. Уже в начале XIX века здание это было использовано турками под арсенал; в 1916 и 1917 годах здесь также помещался арсенал, что затрудняло доступ внутрь здания и делало совершенно недоступным вход в мавзолей.

Портал медресе украшен богатой орнаментовкой бордюров, которые обрамляют большую нишу для входа. Вверху карниз портала развалился от времени. Орнамент бордюров представляет резьбу по камню и, по своим геометрическим и растительным сюжетам, близок к орнаментам конийской мечети султана Ала-ад-дина (1220 г.=617 хидж.). Орнамент бордюров выходит из ваз с веерообразными листьями и лентообразными каймами. Очень похож этот орнаментальный мотив на укра-

шения портала Индже-минарели в Конии (1251 г.=649 хидж.). Рядом с бордюром, на столбах, служащих основанием для минаретов, в рамах, изображены пальметты ассирийского типа, внизу которых, по обе стороны дерева, извиваются змеи, а вверху помещен двуглавый орел—герб турок-сельджуков. Среди орнаментов, обрамляющих пальметту, обращает на себя внимание полумесяц, ненаблюдавшийся до сего времени в сельджукских памятниках. Орел, как геральдический знак, имеет свою, довольно древнюю, историю. Еще за 3000 лет до е. э. в Месопотамии, в теперешнем Телло, тогдашнем Лагаш-Ширпурле, на памятниках материальной культуры того времени часто встречается изображение распластанного орла с львиной головой. Такое изображение имеется на барельефах патеси Ур-Нина, на „стелле коршунов", на серебряной вазе Энтимены и на многих цилиндрах. Орел чаще всего изображается вцепившимся лапами в двух львов, которые бегут в разные стороны, стремясь как бы вырваться от орла, или разорвать его. Иногда львы пытаются укусить орла (барельеф Ур-Нина), реже орел держит в лапах антилоп, единорогов и даже керубимов. Здесь же орел получил дальнейшее развитие, и на булле эпохи царей Ура, найденной де-Сарзеком, мы видим уже двуглавого орла. Далее, изображение двуглавого орла встречается у хеттов, почти на всех их монументальных памятниках, находящихся в Богаз-Киойе и др. (1300—700 г.г. до европ. эры), например: в Язлы-Кайя, близ Богаз-Киойя, на знаменитой „скале с изображениями" две женские фигуры стоят на двуглавом орле. Такие же изображения видим в Эйюке, Кархемыше и других центрах хеттской культуры. Повидимому, сельджуки от хеттов и заимствовали орла для своего герба, сменив им свой более ранний герб—льва, вынесенного из Персии. Позднее, орел был принят, как герб, в Византии, а оттуда перешел в Россию, где являлся гербом до октябрьской революции 1917 года.

Входная ниша заключена между двумя витыми колонками и заканчивается остроконечной аркой со сталактитовыми сводами. По обе стороны входа устроены ниши, также со сталактитовыми, остроконечными верхушками. Такие же входы и такие же ниши имеются в конийских мечетях: Сырчалы-медресе (1242 г.=640 хидж.), Кара-Таи (1251 г.=649 хиджры) и в развалинах находящегося недалеко от Конии караван-сарая, известного под именем Султан-хан (1229 г.=627 хиджры). С левой стороны портала в стене устроен фонтан, а с правой—ниша.

По обе стороны от портала, на некотором от него расстоянии, ближе к концам здания, устроены полукруглые устои, заканчивающиеся полуконическим покрытием.

На устоях портала возвышаются два минарета, высотою около пяти саженей каждый. Основанием каждого минарета служит куб, который путем усечения его углов приближается к кругу, от которого и возвышается самый минарет. Эти минареты кирпичной кладки, отделанные изразцами красного и голубого цвета. Каждая башня минарета украшена восемнадцатью тоненькими полуколоннами, прикрепленными к основной массе минарета. В промежутках между каждой парой этих полуколонн находится треугольник, ребро которого обращено наружу. У самого верха минаретов видны следы сталактитов, при помощи которых архитектор расширял минарет и подготовлял переход к площадке для муэдзина.

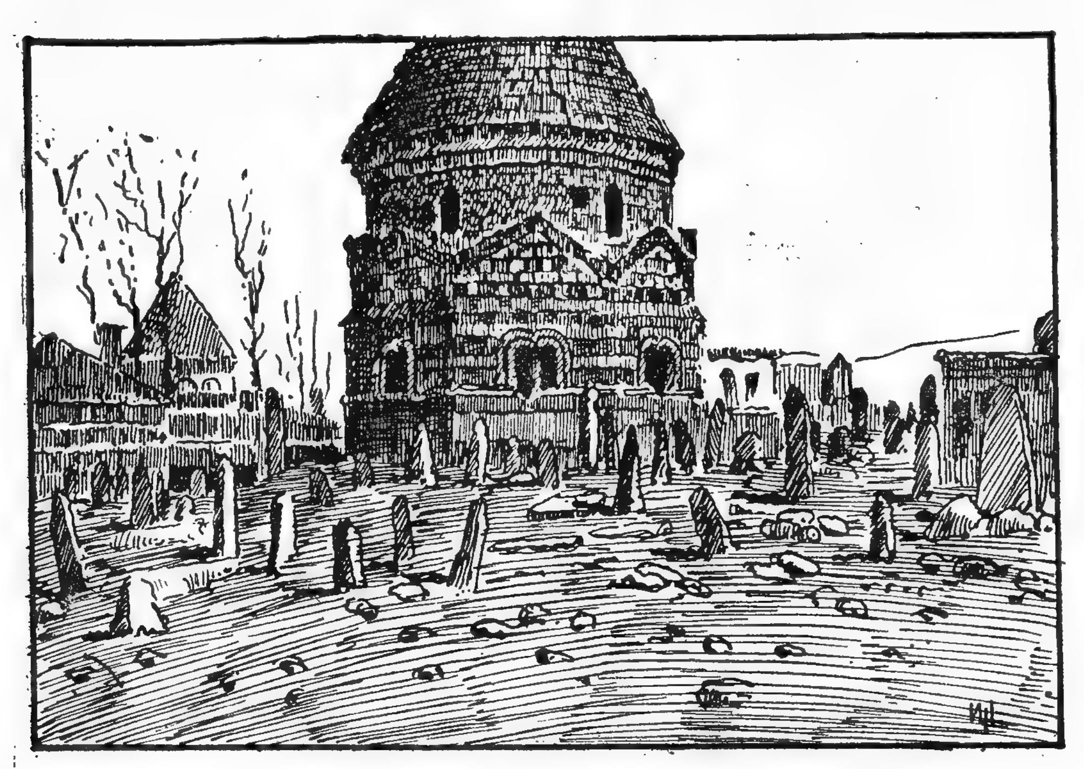
Минареты эти не были, как мы сказали раньше, закончены, и на старых рисунках мы видим, что над ними были устроены конусообразные прикрытия, из которых кверху устремлялся тонкий шпиль. Такой вид имеют минареты на рисунке, приведенном у Линча. В настоящее время этих прикрытий нет. Тип подобной отделки минаретов мы видим в конийской мечети Индже-минарели (1251 год=649 хиджры). Минареты эти украшены изразцами. Украшение зданий изразцами, весьма распространенное на востоке, ведет свое начало от Ассирии и Вавилона и, через Сузы и Экбатану, переходит в Персию, где некоторые персидские династии пользуются изразцами для украшения зданий. Отсюда изразец попадает на Кавказ к армянам, и турками-сельджуками переносится в Малую Азию. Минареты Чифте-минаре украшены изразцами двух цветов: красного и голубого, причем примитивность рисунка из изразцов свидетельствует о первых ступенях применения изразца, как декоративного элемента. Каждый кирпич этого рода глазирован по ребру, только в один цвет, и орнамент создается от расположения самых кирпичей. Каждый из минаретов Чифте-минаре имеет свой рисунок, не похожий на рисунок другого минарета. Может быть, это разнообразие рисунков и дало повод к утверждению легенды о двух строителях минаретов. Более простой рисунок имеет минарет, находящийся на левой стороне от зрителя, смотрящего на фасад здания. Сущность этого рисунка заключается в том, что среди красных кирпичей идет спиралью вверх ступенчатая полоса голубых кирпичей. Рисунок второго минарета, находящегося с правой стороны от зрителя, более сложен. Каждая полуколонка его украшена по красному фону поставленными на угол голубыми квадратами, расположенными один над другим, и в средине квадратов голубым пятном, из изразца. Как кубические основания минаретов, так и переходы от куба к кругу украшены также изразцами, причем рисунок этих изразцов значительно сложнее. Особое внимание обращает на себя, обращенный к

зрителю, квадрат основания, в котором вписан круг, а в кругу — арабская надпись с именем Аллаха. Цвета изразцов: красный, голубой и зеленый. В оба минарета со стороны портала ведут двери, над которыми вставлены изразцовые доски, установить рисунок которых не удалось. В средине минареты пусты, и лестницы в них отсутствуют. Украшенные изразцами, высоко царя над городом, эти минареты представляют лучшее украшение Эрзерума. Они ярко блестят, когда на них играет солнце, и красивым силуэтом высятся при свете луны.

Войдя в ворота, мы попадаем в открытый прямоугольный двор, окруженный двухэтажными аркадами, покоящимися на колоннах. Колонны эти имеют круглые базы, фуст без канелюр, капители колонн нижняго яруса имеют по ряду сталактитов, а капители колонн верхнего яруса чрезвычайно похожи на колонны в мечети Мануче, в гор. Ани. За колоннадами помещались проходы, а за ними были устроены жилые комнаты для учащихся в медресе. Посредине каждой боковой стороны двора устроен так называемый „ливан", т. е. высокая, идущая через оба этажа, ниша, заканчивающаяся остроконечной аркой. Ниши боковых сторон предназначались для чтения лекций, и в настоящее время заложены камнями; теперь в них устроены склады. Такие же ливаны со внутренней стороны здания устроены и на поперечных сторонах, при чем ливан, примыкающий к фасаду, украшает выход из медресе, а противоположный от входа ведет в мечеть и мавзолей, примыкающий к зданию. Верх последнего ливана и верх небольшой мечети пред мавзолеем в настоящее время разрушены. Еще в 1828 году, при взятии русскими Эрзерума в первый раз, все стены внутри Чифте-минаре и пол были выложены большими белыми мраморными плитами. Своды, карнизы, пилястры имели также мраморные украшения. Паскевич-Эриванский приказал разобрать мраморные стены и мраморный портал, ведущий в мавзолей и вывезти все это в Тифлис. Распоряжение было исполнено, но не до конца, так как ни в Тифлисе, ни в Эривани, после долгих и тщательных распросов, установить место нахождения этих мраморов не удалось, и даже никто не мог сказать, чтобы они сюда перевозились. Повидимому, к сожалению историков искусства, выломанные плиты, за тяжестью их, или по каким либо другим причинам, до места назначения не достигли и возможно, что были расхищены в самом Эрзеруме. Может быть часть этих обломков, покрытая слоем земли, находится около мавзолея Чифте-минаре с внешней стороны. Там следовало бы произвести раскопки.

В мавзолее, примыкающем к зданию медресе, по местному преданию, погребено тело строителя здания. Когда русские в 1828 году взяли Эрзерум, то нашли в мавзолее ряд гробниц,

а под ними, в нижнем этаже, сводчатое помещение, наполненное истлевшими костями. Говоря о мавзолее, необходимо упомянуть и о других нескольких мавзолеях такого же типа, как и этот, разбросанных по Эрзеруму и находящихся в его окрестностях. В самом городе я насчитал девять мавзолеев., Кроме мавзолея, примыкающего к Чифте-минаре, близ Тавризских ворот, при в'езде в Эрзерум от Гасан-калы имеется такой же мавзолей, только несколько меньших размеров, называемый „Гюмюшли-Кумбет", т. е. серебряная гробница. К югу от Чифте-минаре, на старом небольшом кладбище, чрезвычайно почитаемом турками и называемом ими „зиарет" — т.е. священное место, имеются три мавзолея, из которых один более похож на круглую армянскую часовню, а два другие такой же

формы, как и прочие мавзолеи Эрзерума. Один из мавзолеев считается местом погребения Абд-ал-Мелика, завоевавшего Эрзерум в 1049 году, другой считается местом погребения его жены, а третий — его духовного руководителя, какого-то хаджи. Могила Абд-ал-Мелика настолько чтилась турками, что при оставлении турецкими войсками Эрзерума в январе 1916 года турки взломали пол его гробницы и унесли его останки, как мне говорили, в Сивас. Один из мавзолеев вошел в состав стен цитадели, другой находится недалеко от армянского квартала, третий составляет неразрывное целое с Мергоф-мечетью, и, наконец, на окраине города, у склона Палантекенской возвышенности, имеется мавзолей, только четырехугольной формы,

над прахом Абд-ар-Рахман-Гази, знаменосца самого Мухаммеда. В окрестностях Эрзерума имеется тоже несколько мавзолеев подобной формы. У Кеприкейского моста, в сторону деревни Ягана стоит мавзолей с прахом, по народной легенде, строителя места. За Эрзерумом, по дороге к Мамахатуну, верстах в двадцати пяти от Эрзерума, у Енихана, имеется мавзолей, в котором похоронена персидская принцесса. Наконец, заслуживает особого внимания чудной пропорции звездообразный мавзолей в Мамахатуне. Общий вид мавзолеев, называемых в Турции кумбетами, таков: на четырехугольном основании со срезанными кверху углами возвышается круглая, цилиндрическая постройка, заканчивающаяся конической крышей. Здание имеет два этажа. Нижний, находящийся под квадратным основанием и лежащий глубоко в земле, предназначается для помещения останков погребаемого человека, и обычно после погребения заделывается наглухо. Верхний этаж представляет из себя круглую комнату, расположенную довольно высоко над землею, так что, чтобы попасть сюда, приходится, за отсутствием всходов, карабкаться. Второй этаж в Эрзеруме имеет один вход, напоминающий собою ниши в портале Чифте-минаре, со сталактитовым окончанием. С трех сторон здания намечены и редко пробиты окна, точно так же заканчивающиеся сталактитами. Снаружи стены цилиндра разбиты на части полуарками, похожими на романский поясок. По верхней части цилиндра идет фриз, иногда украшенный красивым геометрическим орнаментом, как это имеется в мавзолее при Чифте-минаре. Крыша конусообразная и крыта черепицей. Высота здания от 10 до 20 метров. Внутри вторые этажи представляют из себя комнату, обычно ничем не отделанную, и только в некоторых из мавзолеев потолок сведен сталактитами. На полу стоит надгробие, обыкновенно деревянное, в головах помещается на палке тюрбан. В зиарете у могилы Абд-ал-Мелика имеется, у надгробия, столик, на котором лежит коран. В Гюмюшли—кумбет никакой серебряной гробницы, или вообще какого-либо заслуживающего внимания украшения, не сохранилось. В Мамахатуне, на старом турецком кладбище, стоит круглая стена, сложенная из каменных плит; над входом ее возвышается полуразрушенный портал. По верхней части идет плохо сохранившаяся арабская надпись, снять этампаж с которой, в силу больших трещин, не представлялось возможности. Между тем, надпись эта дала бы разрешение вопроса о том, кто и когда похоронен в мавзолее, а может быть и кто его строил. Внутри стена имеет ряд полукруглых углублений; около портала идет лестница на верх стены. Пространство, окруженное стеной, устлано плитами, а в средине построен, из розоватого камня, мавзолей, несколько отличающийся от эрзерумских. В основание его поло-

жен куб, в котором имеется небольшая комната. В эту комнату ведет сход из пяти ступеней. Никаких признаков погребения в комнате нет. Потолок плоский, и стены комнаты ничем не отделаны. Окон в этой комнате нет. На кубическом основании поставлен цилиндр, отделанный снаружи в форме звезды. Ко входу во второй этаж ведет лестница в десять ступеней. Вход один; против него и с двух сторон имеется три окна. Второй этаж имеет внутри сталактитовый свод. Крыша черепичная, сведенная конусом. Высота мавзолея до 20 метров. Это самый красивый из всех, мною виденных мавзолеев.

Все эти мавзолеи, по времени своего построения, должны быть отнесены ко времени нахождения Эрзерума под властью сельджуков и монголов т. е. с 1049 г. по 1500 г. европ. эры. Такие же кумбеты в большом количестве строились у Ванского озера, близ города Ахлата, когда этот город управлялся наместниками монголов.

Тип такого рода мавзолеев ведет свое начало от ступ, разбросанных во множестве по Китаю, Индии и Туркестану. Ступами называются памятники, поставленные над могилами почитаемых лиц или над какими либо реликвиями (вроде ногтя Будды). Ступы устраиваются из обожженого кирпича и достигают нескольких саженей высоты. По внешнему виду ступы представляют из себя цилиндр с купольным или конусообразным покрытием. У турок, вышедших из Китая, была жива память о таких ступах, под которыми они оставили кости своих героев или вождей. Несомненно, и в новом своем отечестве, погребая своих полководцев, они ставили на могилах памятники, похожие на ступы Китая и Индии, дополняя только эти постройки новыми мотивами, заимствованными на новой территории. Так, кумбеты Персии хранят в себе отзвуки ступ во внешней форме и в плане. Позднее, турки, попав в Армению, в своих мавзолеях, разбросанных по Армении, начали употреблять некоторые элементы, заимствованные от армян. Постепенное движение кумбетов по пути следования турок подтверждает наше соображение. Мавзолей, построенный царем юэти, Канишком, в Пешаваре в VII веке европ. эры, напоминал, судя по его описанию, ступу. Обследованные академиком Ольденбургом ступы в китайском Туркестане, в Яре и Идикут-Шари, в турфанском округе, представляют из себя переходный этап от ступ Китая к мавзолеям Персии. Еще ближе к персидским мавзолеям стоят надгробные памятники, разбросанные по киргизским степям, например: Денгек (стол) в семиреченской области, имеющий в себе элементы мавзолея сельджуков и относящийся к китайской эпохе, могила Байтака в уральском уезде, представляющая из себя барабан со стрельчатыми окнами, устроенный на высоком квадратном основании, с конусо-

образной крышей. В сорока верстах от города Троицка описан Палласом мавзолей Кисене, имеющий у себя пристройку в виде портала со стрельчатой аркой. Переходя отсюда в Персию, мы находим там с XI века ряд мавзолеев: башня Кабуса 1007 года европ. эры, мавзолеи в Рее, в Куме, в Мерве, султана Синджара 1157 г. Эти мавзолеи, помимо тех основных элементов, которые свойственны всем подобного рода постройкам, ведущим свое начало от ступ, в то же время носят в себе уже и элементы персидского влияния, что ярко выявляется в орнаментовке. Отсюда нужно перейти к сельджукским мавзолеям Нахичевани, Эрзерума, Мамахатуна и Ахлата. Эти мавзолеи меньших размеров, чем персидские, но за то более изящны. Изяществу мавзолеев способствовало армянское влияние. Возьмите барабан купола армянской церкви, поставьте его на квадратное основание и вы получите точную копию любого сельджукского мавзолея. Таким образом, тип сельджукских мавзолеев выработался из постепенного слияния основ китайского, индийского, персидского и армянского искусства.

Наблюдается в этот период времени и обратное влияние: сельджукские мавзолеи создали у армян новую архитектурную форму постройки. С XI века у армян появляются маленькие, круглые или звездообразные в плане, часовни или церковки, с усыпальницей в нижнем этаже и с молитвенной комнатой во втором этаже. К таким постройкам надо отнести часовню Григория в Ани, построенную в 1040 году, и часовню искупителя, построенную в 1036 году в гор. Ани. Тождественным по типу сооружением с анийской часовней Григория будет находящийся в Эрзеруме мавзолей султана Мелика в „зиарете“, он чрезвычайно похож на армянские постройки и имеет мало общего со всеми другими мавзолеями, как находящимися в том же „зиарете“, так и вообще в Эрзеруме.

Вот те памятники турок-сельджуков, которые остались от них в Эрзеруме и его окрестностях. Необходимо также упомянуть, что по дороге от Эрзерума к Мамахатуну, около Енихана (верст 25 от Эрзерума), на противоположной стороне Карасу-чая, близ селения Аладжи, находятся развалины старинного города Аллое, построенного Ала-ад-дином Кай-Кубадом (1219—1236) и названного так по имени строителя. Город этот, кажется, был разрушен Тимур-ленгом в 1400-х годах, и больше не возрождался. Развалины эти заслуживают большого внимания со стороны археологов, так как могут дать представление о плане города и расположенных в нем построек.

Сельджукское искусство в основе своей имеет персидское искусство, с которым сельджуки познакомились в то время, когда стояли еще на низкой ступени культуры и государственности. Приняв через Персию мусульманство, сельджуки и по

религиозным соображениям стали пользоваться зданиями, построенными персами для мечети, и в дальнейшем, в основных своих частях сохранили персидский стиль для мечетей и других сооружений, как в Армении, так и в Малой Азии. В результате, на основе персидского стиля, армянского и даже византийского влияния, сельджуки выработали свою самостоятельную эстетику. Особенностями сельджукской архитектуры, на основании рассмотренных памятников, надо признать: свои молитвенные здания (мечети) первоначально сельджуки строят закрытыми—Мергоф-мечеть, позднее же, с выработкой самостоятельного искусства, строятся главным образом медресе, примером какового может служит Чифте-минаре и медресе Конии. Вместо персидской килевидной арки и стрельчатого портала, сельджуки вводят портал с остроконечной сталактитовой нишей, вводя в портал, как элемент сооружения, колонки. Чрезвычайно развита у сельджуков, как элемент украсительный, резьба по камню, которой они обильно украшают стены зданий. В силу местных условий, постройки производятся из различных пород камня, пригодного для обработки, а кирпич употребляется лишь в немногих случаях, когда нужно облегчить здание. Вместо цилиндрических минаретов, сельджуки начинают ставить минареты, состоящие из пучков колонок, отделанных изразцами, как это видно на Чифте-минаре. Переход от цилиндра минарета к площадке муэдзина устраивается через посредство сталактитов. Вместо куполов, развитых в Персии, сельджуки начинают употреблять конусы, свойственные армянским постройкам. Помимо зданий религиозного назначения, сельджуки уделяют большое внимание гражданской архитектуре и устраивают караван-сараи, госпитали и бани.

Изучение памятников сельджукского искусства, помимо самостоятельного исторического и художественного интереса, имеет большое значение для понимания искусства турок-османов и вообще позднейшего мусульманского искусства, и искусства Закавказья.

Источники, которыми пользовался автор:

Прокопий Кесарийский—История войн римлян с персами.

Его же—О сооружениях. СПБ, 1880.

Моисей Хоренский—История Армении. М. 1893.

Стефанос Таронский—Всеобщая история. М. 1864.

Аристакес Ластивертский—История нашествия сельджукских турок. Париж, 1863 г.

Крымский—История Турции. М. 1916.

Он же—История Персии. М. 1914.

Кулаковский—История Византии. Киев, 1910.

Мюллер—История ислама. СПБ. 1896.

Потто—Кавказская война.

Джелал Эссад – Константинополь. М. 1919.

Линч—Армения. Тифлис, 1910.

Saint Martin—Mémoires sur l'Arménie. Париж, 1818.

Hamilton—Researches in Asia Minor, Pontus and Armenia. Лондон, 1842.

Texier—Description de l'Arménie. Париж, 1842.

Koch—Reise in pontischen Gebirge und türkischen Armenien. Веймар, 1846.

Sarre—Denkmäler persischer Baukunst. Берлин, 1910.

Реклю—Всеобщая география, т. IX. СПБ. 1887.

Адонц—Армения в эпоху Юстиниана. СПБ. 1908.

Брюсов—Летопись историч. судеб армянского народа. М. 1918.

S. V. Bezsonov.

LES MONUMENTS DE L'ARCHITECTURE SELDJOUCIDE à ERZERUM.

Les premières données historiques, concernant la ville d'Erzeroum, se rapportent aux années 415—420; mais antérieurement plusieurs autres villes sont mentionnées, au même emplacement, par Pline, Moïse de Chorène, Procope et autres.

Au V siècle les byzantins fondèrent sur le même lieu la ville de Théodosiopol; elle était prise par les seldjouks en 1049. Dès lors elle prit le nom d'Arzen-Roum, car elle fut peuplée par les habitants d'Arzen, ville détruite vers la même époque. Dès le XIII s. Erzeroum tomba successivement sous la domination de khorezmchah Djélal-addin, des mongols, des turcomans, de Timour, des osmanlis, puis encore des turcomans; dès l'an 1516, la ville reste définitivement en possession des osmanlis.

L' auteur du présent article étudia l'architecture d' Erzeroum en 1916-17 quand la ville était entre les mains de l'armée russe.

Il n'y reste guère de monuments byzantins. L'art seldjoucide, issu des arts arabe et persan, se fait voir dans l'architecture d'Erzeroum; outre cela nous distinguons l'influence de l'art arménien, mais on ne trouve aucune trace ni de style syrien, ni de style byzantin.

Parmi les édifices les plus caractéristiques du style seldjoucide il faut nommer la citadelle avec sa tour à horloge et son mausolée, ainsi que les murs de l'enceinte, en partie détruites. L'auteur n'a pu trouver ni les inscriptions grecques, ni les croix, ni les bas-reliefs signalés par les voyageurs.

Le plus ancien édifice seldjouk est la mosquée Merhof, probablement construite sous Malek-chah (1072—1092), ainsi que le caravan-séraï, situé près d'elle.

La construction du Tschift-minar date de l'an 1270; parmi ses ornements on voit l'aigle à deux têtes—enseignes des seldjouks—et le croissant qu'on ne retrouve sur aucun autre monument seldjucide connu jusqu'à présent.

Outre ces édifices, la ville possède plusieurs mausolées. L'origine de la forme architecturales du mausolée remonte à la stoupâ bouddhique qui se propagea avec la migration des turcs. La plupart des mausolées d'Erzeroum a été construite dans la période de 1049 à 1500.

А. А. Кротков.

К вопросу о северных улусах золотоордынского ханства.

(Посвящается наровчатскому кружку краеведения).

Настоящее предварительное сообщение является результатом моих археологических изысканий в течение летних отпусков 1925—1926 годов, в г. Наровчате, пензенской губ., где мне, на средства пензенского об-ва любителей естествознания и краеведения и, главным образом, на средства и при горячем содействии наровчатского кружка краеведения, удалось провести ряд раскопок на площади, занятой нынешним г. Наровчатом, и обнаружить местонахождение значительного города золотоордынской эпохи, в котором я вижу не иной какой-либо населенный золотоордынский административный центр, как „загадочный“ Мохша (مخشى), фигурировавший на золотоордынских монетах в период времени от Узбек-хана до Пулад-Тимура включительно, т. е. с 713 по 768 год хиджры. К признанию остатков наровчатского городища, похороненных ныне под постройками жителей и лишь частью выходящих за черту города Наровчата, за золотоордынский крупный населенный пункт послужили следующие данные. Во-первых—обнаружено в 1916 году в Наровчате, в ограде соборной церкви, более 30 штук кубовидных и других форм белых известковых камней, из коих одни несли на себе капельник разных размеров, другие—арабесчатые украшения восточного чекана, какие встречаются на камнях в сооружениях г. Булгара[1], в мечетях Самарканда и других мусульманских восточных городов[2], и некоторые гладкие камни, без каких-либо украшений, но тщательно обработанные, с гнездами для укладки концов балок.

Второе—нахождение в земле большого количества монет джучидов, при рытье канав для постройки в 1916 году военного лагеря для запасных частей войск, а также сбора целого комплекса бытовых вещей золотоордынской эпохи.

Третье—последующее затем богатое собрание джучидских монет в разных частях нынешнего Наровчата, хорошо организованное наровчатским кружком краеведения.

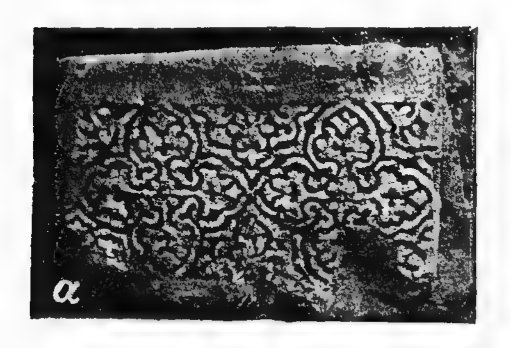
---

1) В. Ф. Смолин. „По развалинам древнего Булгара“, Госиздат ТССР, Казань. 1926 г.

2) См. атлас L'art arabe. D'après les monuments du Kaïre . . . Par Prisse D'Avennes. Pl. I, III, XI, и № XIV.

И четвертое—обнаружение, путем археологических раскопок и разведок, целого ряда остатков зданий из золотоордынского квадратного кирпича, кафельной стенной обкладки синего и голубого цвета, обычно встречаемой и на золотоордынских городищах нижнего Поволжья, и др. предметов быта XIV ст.

Арабесчатые известковые камни были обнаружены в Наровчате в 1870-х годах при постройке, после пожара, нового собора, на глубине 1—2 аршин, при копке канав и котлованов для бута[1]. Часть камней, мешавших работе, была извлечена наружу, часть пошла в бут, и неизвестно, сколько осталось их в земле, под собором[2]. Судя по размерам камней (длина от 27 до 85 снт., высота от 35 до 76 снт. и толщина от 25 до 50 снтм.), по тонкой, художественной обработке лицевых сторон (см. рис. № 1 а-г), по балочным гнездам в задних стенках,

можно с уверенностью говорить, что этот материал служил для постройки какого то весьма солидного здания, а таковым, можно полагать, в столь отдаленном пункте, как Наровчат, могла быть соборная мечеть. Последнее подтверждается еще и тем, что на этой же площади, вокруг предполагаемой мечети, находится обширный мусульманский могильник, затронутый мною пока лишь двумя небольшими траншейками (по 5 с. ╳ 1 с.).

Доставленные в 1916 году в саратовский археологический музей вещи с наровчатского городища состояли во 1-х) из кера-

---

[1]) Труды пенз. уч. арх. комиссии, кн. 1-я, журнал общего собрания от 9/IX 1902 г.

[2]) По показаниям священника П. Г. Инсарского, участвовавшего при постройке собора, и др. граждан-стариков г. Наровчата. Мой отч. сарат. нацмен. от 1923 г.

мических изделий—фрагменты красноглиняной, прекрасной по качеству, посуды с характерными многолинейным фестончатым и волнистым орнаментом, вполне сходные с таковыми же из золотоордынских городищ Поволжья, фрагменты фаянсовой посуды с разноцветным ангобом, части сфероконических сосудов и, вместе с тем, фрагменты черноглиняной грубой посуды; во 2-х) изделий из меди—шестиконечный звездчатый налобник от узды, с изображением в центре идущего влево зверя с поднятым хвостом, вполне сходный с таковым же налобником с Укäкского „татарского" городища близ Саратова (اوكاك); прорезные и фигурчатые медные бляшки для сбруи и поясов, такие же сюльгамы (застежки) с узкими, опущенными книзу, расплющенными параллельными концами, и др.; в 3-х) изделий из железа—паяльники, прорезные отвертки, пружинные замки с пластинчатыми ключами, топоры удлиненно-трапецевидной формы с кривым обухом и др. Вместе с этим оттуда же получено музеем до 200 почти исключительно медных монет[1]. Разборка и прочитка их, при любезном содействии покойного А. К. Маркова, показали, что до 60% из присланного собрания монет несут на себе место чекана مخشى (М$\frac{о}{у}$хша). Это явление как бы подтверждало уже ранее поставленный в саратовской уездной архивной комиссии вопрос о местонахождении этого города в каких то северных пределах золотоордынского ханства и намечало более твердо этот пункт в наровчатском городище, а не в Мокшане, как это в виде вопроса ставил П. Савельев[2], тем более, что последующие разведки в Мокшане не дали положительных данных о наличии здесь остатков какого-либо „татарского" городища.

А. А. Спицын[3] поставил вопрос о конкурентах наровчатского городища, как города Мохши,—о г. г. Кадоме и Темникове.

По наведенным справкам в темниковском кружке краеведения, хотя и получены указания на богатое наследство в здешнем музее от татарщины, в виде бытовых вещей, но не было там обнаружено пока „типичного" татарского городища таких же больших размеров, как наровчатское, и не имеется такого состава нумизматического материала, какой собран ныне с наровчатского городища. Кадом пока остается вне обследования, но и там, повидимому, нельзя ожидать встретить остатков крупного городища, иначе таковое было бы занесено автором в „Книгу, глаголемую Большой Чертеж", куда заносились все крупные остатки городищ, как напр., увешенское и наровчатое, сохранившиеся еще в XVI в.[4].

---

1) Серебряные монеты растаскали солдаты, строившие лагерь.

2) П. С. Савельев „Мухаммеданская нумизматика..." СПБ. 1847. Стр. LXVII прим. 111.

3) Письмо А. А. Спицына от 16 января 1917 г.

4) „Книга, глаголемая Большой Чертеж". Изд. Г. И. Спасского, Москва 1846 г. Стр. 119-128.

Разведками и раскопками на наровчатском, расположенном на левом берегу р. Шелдаиса, недалеко от ее устья при впадении в р. Мокшу, в 1925 году предварительно установлены, во 1-х)—размеры самого городища, которое занимает по площади не менее 4 кв. верст, частью покрытой постройками жителей нынешнего Наровчата, частью выходящей за пределы города и ныне распахиваемой крестьянами пригородной слободы „Старая сотня“.

Во 2-х, на площади этого городища, в разных местах, путем раскопок и шурфовки, случайными вскопками местных жителей в своих дворах, садах и огородах, обнаружены и зарегистрированы остатки многих зданий из квадратного золотоордынского кирпича (размеры его 5×6×1 и 6×6×1 в.[1] Нанесение на план этих зданий дает сейчас уже некоторое указание на направление улиц бывшего города. Сосредочение в известном районе нумизматического материала указывает и на торговый центр этого города, который локализуется вблизи того места, где предполагается нами существование и соборной мечети. Одно из вскрытых в 1925 году зданий в раскопанной части[2] представляет весьма солидную для своего времени постройку с своеобразной системой подпольного отопления, на подобие встречаемого в развалинах Булгара[3], каковую постройку, в согласии с А. А. Спицыным, можно почесть за остаток от общественной бани и доныне сохранившегося типа на ближнем востоке.

Второе здание, вскрытое в урочище „Мизгить“, в „Круглом“ поле, представляло остатки кирпичного жилого дома того же типа, какой описан в работе В. А. Городцова при раскопках в Маджаре[4]. Третье здание походило на второе по кладке и ориентации, но я полагаю, что не было ли оно остатком от обжиговой кирпичной печи, вследствие скопившегося около него большого количества брака из свежих, без извести, не бывших еще в деле, кирпичных обломков. Шурфовкой в урочище „Мизгить“ намечено еще 5 зданий, расположенных в виде короткой улицы, а в нынешней центральной части города, во дворах местных жителей, зарегистровано еще 13 построек из квадратного, „татарского“, по местному названию, кирпича, обнаруженных при рытье погребов и перекопке земли под посадки яблонь. При этом были находимы „голубая и синяя поливная штукатурка“, глиняные водопроводные трубы и др. бытовые вещи. Собранная за последние 2 года нумизматическая коллекция заведующим здешним музеем, В. П. Россиным, преимущественно из медных монет, дала в отноше-

---

1) Некоторые кирпичи с тамгами (Т).

2) Все здание занимает приблизительно площадь 6×8 саж., вскрыто 2×8 саж.

3) См. В. Ф. Смолин. „По развалинам древнего Булгара“.

4) В. А. Городцов. „Результаты археологич. исследований на месте развалин Мажар в 1907 г. М. 1911 г. Холмы № 1 и 3, рис. 118.

нии места чекана монет почти тот же результат, что и в 1916 г., т. е. монет с чеканом г. Мохши оказалось около 50%. Регистрация каждой монеты и нанесение их на план города дает возможность наблюдать их локализацию и делать соответствующие выводы.

Все вышеизложенные данные дают нам право говорить о нахождении в Наровчате не какого либо маленького „татарского" поселка XIV ст., не какой либо усадьбы золотоордынского магната-князька, а о существовании здесь значительного города, которому мы, согласно нумизматического материала и выводов, указанных в нашем сообщении „В поисках Мохши" [1], придаем значение областного, улусного центра, с наименованием его—г. Мохши (مخشى).

Ни у арабских писателей, посещавших З. Орду, ни в русских летописях мы не находим указания на существование г. Мохши у татар. Умолчание со стороны первых легко об'ясняется тем, что никто из них, посещая З. Орду и оставаясь главн. обр. в местах пребывания хана, не заглядывал в этот отдаленный, лежащий в стороне от Волги, глухой, расположенный в лесных местах городок. Умолчание же о Мохши в русских летописях об'ясняется тем явлением, что номенклатура золотоордынских городов у русских вообще не совпадала с номенклатурой тюрко-монголов, исключая, б. м., Сараев и Булгара, первых, воспринятых без изменения русскими, второго,—воспринятого без изменения тюрко-монголами.

По отношению к „Мохши" есть возможность сблизить его номен с финским „Наручадью", каковой был усвоен русскими, повидимому, до преобразования его в татарское „Мохши". По русским летописям, пребывание бездежского князя Тагая в Наручади, отнявшего себе „Наручадту страну", продолжалось с 1361 г. по 1365 включительно [2]. Захватывая страну, Тагай, естественно, не мог поселиться в каком либо временном кишлаке или яйлаке, а избрал достойное для себя место поселения. Таким местом мог быть уже готовый город, хорошо оборудованный соответствующими зданиями, расположенный где либо в центре захваченных земель, могущий притом давать тот или иной доход от ярмарок и торгов для пропитания князя, его челяди и военных отрядов. В центре этих земель в XIV веке мог быть лишь один такой подходящий пункт, это готовый уже татарский городок—Мохши, который в русских летописях занесен под именем „Наручади . Поэтому можно считать, что Мохши-Наручадь являются двумя разноязычными названиями одного и того же населенного пункта. Если у татар было обыкнове-

1) А. А. Кротков, „Труды об-ва ист., арх. и этногр. при сарат. ун-те, вып. 34 ч. 1. Саратов. 1923 г.

2) Полное собр. русск. лет. т. VIII. СПБ. 1859.

ние[1] называть страну, реку и население одним и тем же именем, то у русских остается до сих пор обыкновение сохранять, в большинстве случаев, номенклатуру живущего или жившего здесь населения.

Подтверждение этому можно видеть и в находке одной монеты хана Кильдибека на наровчатском городище, на чекане реверса которой, хотя и не особенно ясном, можно прочесть как будто имя города „Нурчай“ или „Нурджа$\frac{т}{н}$“. Проверка моего чтения, по отсылке монеты в Эрмитаж, не подтвердилась: Р. Р. Фасмер придерживается чтения имени города, как это указано у Френа, „Бузинкар“, хотя, нужно сказать, монета у Френа была худшей сохранности[2]. Не настаивая на своем чтении, я не могу не указать на то, во 1-х, что города Бузинкара в З. Орде не существовало, а во 2-х, на то, что монета с именем города „Нурчай“ или „Бузинкар“ найдена именно на наровчатском городище и до сего времени не встречена нами ни на одном из приволжских золотоордынских городищ, несмотря на то, что через мои руки прошла с них не одна тысяча медных монет. Кстати отметить, что на наровчатском городище до сего времени не найдено ни одной монеты с именем Тагая. За время его пребывания в Наровчате-Мохши обнаружены монеты или Кильдибек-хана или Пулад-Тимура, и потому считать Тагая владетельным, независимым князем в наровчатской стране нельзя, как равно нельзя считать его основателем г. Наровчата в XIV ст. Он прибыл в Наровчат как в уже развитой и хорошо обстроенный город, начало которому было положено еще при Узбек-хане, судя по тому, что здесь находят монеты с чеканом „Мохши“ от 713 года хиджры[3]. Те же нумизматические данные дают нам указание на то, что некоторые города Зол. Орды в первое же время оседания чингизидских масс тюрко-монголов на юговостоке русской равнины, и при организации административного строя, в процессе этого оседания получают значение областных центров, с правом чеканки монет со своим именем (Булгар, Хорезм, Маджар, Крым, Укӓк). Затем, с дальнейшим развитием, эти центры кое-где перемещаются, повидимому, в зависимости от перемены тех или иных административных, а б. м. и политических условий. Процесс этого перемещения наблюдается, между прочим, и в северозападной области З. Орды. Так, при Токтогу-хане центром этой, на правобережьи Волги и далее, к границам рязанского княжества, области был Укӓк, в котором и чеканилась монета с именем этого города, до 711 года хиджры, при Токтогу-хане[4] (находки монет, битых на Укӓке,

1) П. Савельев, Мухамм. нумизм. СПБ. 1847. Стр. LXVII и др.
2) Ch. M. Fraehn, Die Münzen der Chane... S. Pet. 1832. Стр. 17 № 148.
3) Ch. M. Fraehn, Die Münzen der Chane... S. Pet. 1832. Стр. 6.
4) Савельев П, Монеты джучидов.... СПБ. 1858. Монета за № 509.

имеются по саратовской и пензенской губерниям); при его преемнике, Узбеке, чеканка монет на Укäке прекращается, но за то с 713 года мы имеем монеты этого хана, битые уже в Мохши. Это явление и можно об'яснить перемещением административного центра с Увека в более северную часть, в мордовские земли, где, повидимому, к этому времени более или менее прочно обосновались беки и мурзы золотоордынские[1].

Северную часть нынешней саратовской губ., всю пензенскую, и южную часть нижегородской занимала мордва, две ее ветви: мокша и эрзя. Мокшанское население занимало бассейн р. Мокши, среднее течение Суры и спускалось несколько южнее от этих рек; эрзя же занимала более северные области на пространстве окско-волжского междуречья. Эти области, занятые мордвой с исстари, покрытые значительными площадями лесов, не были удобными для кочевого населения З. Орды, имея лишь узкие полосы степных и лесо-степных пространств, годных скорее для земледелия, чем для скотоводства[2]. Но для ханов З. Орды не были безразличными произведения мордовских земель: хлеб, мед, воск и продукты охоты—меха. Если Бату-хан обязывал таких далеких князей, как Даниила Галицкого и князей Болховских, сеять для потребностей З. Орды пшеницу и просо[3], таковой „тагарной“ данью можно было еще легче пользоваться в близ лежащих мордовских землях, не говоря уже о продуктах бортевого и гонного хозяйства.

Если в русских улусах всю процедуру сбора налогов, даней и выходов можно было возложить на более сильную, оформившуюся власть русских князей, то в мордовских землях, за отсутствием таковой, приходилось возлагать обязанность поборов на своих беков и мурз, с раздачею им в ленное владение участков земель. Эти условия вызывали необходимость иметь на территории мордвы известные опорные административно-торговые, а частью, б. м., и политические пункты, ибо нельзя игнорировать явления давнишнего устремления русских князей к проникновению в земли, занятые мордвой. Укäк и Булгар отстояли от коренных мордовских земель, особенно мокшанских или „наручадской страны“ наших летописей, довольно далеко, и поэтому при Узбек-хане, в период под'ема и особого усиления государственности, выявилась необходимость создания здесь централизующего пункта, каковым и послужил расположенный в центре мокшанских земель поселок Наручадь, превращенный

---

¹) Смирнсв И. Н., „Мордва“, Историко-этнографич. очерк. Казань 1895.

²) Спрыгин И. Н. „Борьба леса со степью в пензенск. губ.“ Пенза, 1922 г. и „Материалы к опис. степи“. См. также статьи Д. С. Аверкиева, А. И. Порхунова, Н. А. Покровского и А. А. Соколова в Трудах нижегородского научного об-ва по изучению местного края, т., I в 2, Н. Новгород 1927 г.

³) Карамзин, И. Г. Р. т. IV стр. 13. Изд. жур. „Север“. СПБ. 1892 г.

затем в благоустроенный золотоордынский улусный город Мохши[1] Пункт этот был удобен и по естественно-географическому положению, ибо Наровчат-Мохши лежал как раз на пути тех степных взлизов, один из которых простирался из южных саратовских степей, между вадовскими и цнинскими лесами, с одной стороны, и мокшанскими и сурскими, с другой. Эта полоса до сего времени продолжает давать находки золотоордынских монет, имея направление от саратовской губ. через чембарский, н/ломовский, и мокшанский уезды.

Так представляется нам возникновение г. Мохши, как улусного города, среди земель мордвы-мокши, все более и более подчинявшейся, со своими „биликами"[2]—ленными владениями татарских беков и мурз, золотоордынскому влиянию.

Что касается мордовско-эрзянских земель, то весьма возможно, что и там где либо мог быть таковой же административно-торговый центр, для эрзянского улуса, пользовавшийся также правом бить монету со своим именем. На это уже имеются намеки в нумизматической литературе: в работах Френа указываются монеты Пулад-хана, чеканеные в 815 г. хид., в городе „Ряджань[3]; таковые же указания имеются и у Н. А. Орешникова[4]. Последний автор говорит, что „татары могли устроить монетный двор близ древней Рязани, давая ему название Радджан". Но это подлежит еще дальнейшему обследованию и проверке.

A. A. Krotkov.

DÉCOUVERTES ARCHÉOLOGIQUES DANS LA RÉGION DES OULOUSSES DU NORD DE L'ORDE D'OR.

Le présent article expose les résultats des recherches archéologiques, faites par l'auteur, sur l'emplacement de la ville de Narovtchat au gouvernement de Penza. Il y établit l'existence d'une autre ville, celle de Mokhchy qui nous a été connue d'après les monnaies djoutchides de 713—768 de l'hégire.

---

1) Существование населенного мордовского пункта на месте Наровчата подтверждается обнаружением в пригороде Наровчата, „Старой Сотне, финского могильника XIII—XIV в., частично вскрытого мною при обследовании городища. Судя по ритуалу погребений, могильник этот относится к мордве-мокше.

2) См. у И. Н. Смирнова „Мордва", cit. стр. 30—70.

3) Френ., „Монеты ханов улуса Джучиева", стр. 32 № 295.

4) Орешников Н. А., „Окуловский клад русских денег". Изв. и. арх. ком. 1907 г.

Les fouilles et les découvertes, faites par hasard, ont mis au jour des édifices, des objets diverses et des monnaies du XIV siècle, ce qui indique l'existence d'une ville considérable. Quelques trouvailles de monnaies contiennent jusqu'à 60% portants le nom de مخشى.

Ni les annales russes ni les auteurs arabes ne mentionnent jamais ce nom, quoique la ville de Narovtchat leur a été connue avant la conquête tatare. Probablement ce ne sont que deux noms du même lieu qui, sous la domination des tatares, fut une ville oulous de la tribu mordouanne des mokhchys.

И. И. Мещанинов.

О пользовании этнографическим материалом при археологических работах.

В минувшем году, во время самого хода археологических работ экспедиции Общества, часто, как то невольно, появлялось желание углубиться в истолкование наблюдаемого в процессе производимых раскопок. Вполне учитывая то громадное расстояние, которое лежит между нами и культурою, раскапываемою лопатою археолога, все же хотелось соединить их прослеживанием общих черт, наличных, как в том далеком прошлом, так и в быту современного нам населения, хотя бы и в иначе осмысляемых пережитках. Много раз я оказывался менее осведомленным, чем копавший под моим руководством рабочий. Не ему у меня, а мне у него приходилось нередко искать об'яснения наблюдаемой обстановки. Так, однажды, в Кызыл-Ванке, увидев бусины в явно мужском погребении, я несколько удивился их присутствию рядом с бронзовым оружием при остатках одиночного скелета. Рабочий такого удивления не выразил, спокойно заявив мне, что и сейчас в некоторых мусульманских селениях кладут бусины в мужское погребение. Найдя кусок обсидиана, я смотрел на него совершенно иначе, чем смотрел тот же рабочий, видевший в нем целебное средство от глазной болезни, тогда как другой рабочий уверял, что еще его деды пользовались обсидианом при обрезании. Работа прервалась оживленной беседой между рабочими и моей с ними: широко распахнулись двери для этнографии. Нередко я сознавал себя безграмотным и искал помощи у неграмотного крестьянина. И здесь наиболее ясно чувствовалась мною необходимость применения этнографического материала при археологических работах.

Много ценных указаний получил я и от интеллигентных местных работников, от студентов. Так, уроженец ганджинского уезда, студент ленинградского инст. жив. вост. языков *Таш-заде*, знакомясь с нашими ходжалинскими раскопками, указал на интересную параллель между до-историческими каменными полями (поля, сплошь заваленные камнем-валуном) и сохранившимся в нескольких местах Азербайджана, обычаем—ежегодно приносить камни к пиру и бросать их там в количестве, соответствующем числу совершенных за год грехов. В резуль-

тате, получаются целые поля, сплошь заваленные камнями. Интересный пережиток долменов отмечен *А. Алекперовым* в виде „домиков для души“, взятых им темою для отдельного исследования. Много ценных указаний получается и при чтении этнографических работ, в особенности яфетидологом, применяющим палеонтологический подход и стремящимся связать исследуемое явление со средою современного ему населения, с присущими ему бытовыми особенностями, стремящимся уловить смысл явления, часто различный в различные культурные эпохи. Одно и то же может, в различные времена и в различных местах, иметь свое понимание и об'яснение, давая материал для построения своего рода семантических переходов, всегда обуславливаемых жизнью окружающей среды. Если археология и этнография и дают пока лишь отдельные звенья одного семантического ряда, то вопрос будущего — пополнить недостающие звенья, и едва ли следует признавать сразу работу в этом направлении безнадежною.

Две новых работы *Г. Ф. Чурсина* [1] тоже дают материал для параллельного привлечения этнографии к археологическим наблюдениям. Так, автор кратко касается логического значения круга (т. III, стр. 14), которое для археолога невольно просится на сравнение с кромлехами в тех же районах Азербайджана. Обряд погребения (стр. 10) интересно проследить, в чередующихся сменах, не только в ширь, сравнением с современными нам народами, но и в глубину, в тех же географических пределах, хотя бы до погребений в каменных ящиках, а крышеобразную настилку, как бы „домик-землянку“, можно сравнить с упомянутыми выше домиками для души. Убранство погребального коня и роль его в обряде (стр. 10) поясняют надгробные фигуры коней из камня, упоминаемые автором на стр. 12 и, повидимому, стоят в связи с так называемыми конскими погребениями, при чем, само изготовление фигуры коня из камня может оказаться не случайным и связаться с культом камня, другими словами, здесь, так же, как и в каменных фигурах баранов (т. IV, стр. 37), возможно скрещение культовой роли коня, барана и камня. Пережитку культа скал и камня уделяется особое место (т. IV, стр. 22). Сюда можно отнести и обычай кидания камней, вплоть до использования их при гадании (стр. 38), что, в свою очередь, можно учесть, как одну из разновидностей того действия, о котором упоминалось, когда шла речь об об'яснении каменных полей. Я воспользовался личною беседою с докт. *Карашарли*, три месяца проведшим в Курдистане и наблюдавшим быт курдов на месте. Сведения его не расходятся со сведениями *Г. Ф. Чурсина*, но значительно богаче,

---

[1]) „Азербайджанские курды“, Изв. кав. ист.-археолог. инст. III, 1925 г. и „Талыши“, там же, IV, 1926 г.

насколько собираемый самим исследователем материал в разных местах края может оказаться богаче записей и слов третьего лица в пределах одного селения. По его словам, культ камня действительно выступает вполне ярко, камни приносятся и бросаются около разного рода пиров, заполняя большие пространства и образуя иногда целые насыпи. Культ камня свяжет настоящее с прошлым, настолько еще сильны его пережитки в современном быту. Но не он один окажется прекрасным для научного исследователя реликтом. Возьмем отмечаемое *Г. Ф. Чурсиным* магическое значение стрелы (стр. 23); роль ее и как магической силы и как жертвенного предмета придется сопоставить с культовым значением стрелы у халдов, приносивших ее в VIII веке до европ. эры в жертву богам, и ставившим копье, как возглавляющий предмет-символ, на крыши своих храмов. Я не удивлюсь, если исследователь усмотрит и само имя Халда пережиточно сохранившимся в современных именах, как географических, так и мифологических и культовых, часто осмысляемых по новому, и тем смущающих исследователей своею кажущеюся новизною. Далеко не всегда сам народ сочинял имя доброго или злого духа. Такие имена обычно живут веками и тысячелетиями, меняя свое содержание, понимаемые населением по-своему и часто по созвучию. Возможно, что и злой дух „ал“, он же „хал“, получил позднейшее осмысление, как чудовищная женщина с красными волосами „алажен“, „(ал)ая жен(щина)“, для отогнания которой от впавшей в обморочное состояние роженицы стреляют из ружей (едва ли только для приведения ее в сознание, т. IV, стр. 25 и т. III, стр. 4). Изложенные сведения об амулетах и о навешивании их на орудия производства и на сами изделия, для предотвращения от них дурного глаза и пр. (т. IV, стр. 23) могут быть учтены при разборе орнамента на сосудах, и даже сыграть некоторую роль в обсуждении вопроса о его происхождении и о смысловом значении выводимого на предметах рисунка, вплоть до сосудов хозяйственного и культового назначения. Амулеты всех родов, в том числе и камешки, бусы из пасты, железные колечки, вешаются на хозяйственные орудия, на ружья, на кувшины, ими предохраняются от злой силы дети, обычно мальчики (стр. 23). Последние, может быть, и вовсе не потому, что девочками меньше дорожат (там же). Девочки тоже нуждаются в защите от дурного глаза, к тому же, женщины у талышей имеют более значения, и положение их в семье выше, чем у соседних тюрок (стр. 20), между тем, именно у тюрок женщина вовсе не избегает украшений в виде тех же амулетов. Скорее всего мы имеем здесь какую-то иную подоснову. Не пережиток ли охотничьего быта сказался тут, видоизмененный под напором новых общественных условий жизни земледельца и скотовода, с довольно примитивным хо-

зяйством. Во всяком случае, значение амулетов (пастовых и иных бус и т. д.) в современном быту стоит в связи и в значительной степени поясняет обильное количество их и в доисторических могильниках Закавказья, при том, как в женских, так и в мужских погребениях, о чем пришлось упомянуть выше.

В археологических работах по Азербайджану мы учитываем общую передне-азиатскую подоснову. Такая же подоснова чувствуется в записанных *Г. Ф. Чурсиным* обрядах,где особое значение играет число семь: семеро мальчиков в брачном обряде (т. IV, стр. 34), семь белых дивов (стр. 38), семь магических узлов на веревке для прекращения дождя (т. III, стр. 14), поминки на седьмой день и т. д., не говоря уже о широко распространенном культе дерева (т. IV, стр. 21) с его разновидностью, выразившейся у талышей во влезании жениха на ивовое дерево перед браком, во избежании порчи (стр. 35), о культе воды (там же) и др. Не без значения для археолога оказывается и отмеченный автором обычай талышей—накладывать хэна на голову невесты и покрывать этою же красноватою растительною краскою руки, ноги и голову жениха (т. IV, стр. 33).

Расширение анализа выведет все эти обряды далеко за границы передней Азии. И здесь вопрос станет не об одних только неграх восточной части центральной Африки, тоже придающих особое значение некоторым отмеченным культовым действиям, напр., связанным с цифрою семь (т. IV, стр. 28). Мы от сравнительного метода неизбежно перейдем к палеонтологии, к улавливанию общих основ человеческой культуры не одних только Азии, Европы и Африки, и приблизимся к заданию прослеживания условий жизнетворческого начала отдельных культурных периодов человеческой жизни, подойдем к изучению стадий культуры человека вне зависимости от расовой его принадлежности, когда те или иные начала были руководящими в его жизни. Последующие эпохи хозяйственных изменений и новых общественных группировок выдвинули другие творческие факторы, и предыдущие перешли в пережиток. Как пережиток, они дожили и до наших дней, связывая культурные переходы, с одной стадии развития на другую, проявляясь в них в различных видоизменяющихся значениях. Эту связь старого с настоящим, эти видоизменения и условия их перемен в различных стадиях культурной жизни улавливают и этнография и археология, взаимно друг друга пополняя и взаимно друг друга поясняя. Но для этого нужна этнографическая работа, и собирание материала становится на первую очередь. Палеонтология не может строиться без точно проверенных данных, каковые ныне этнографами и собираются. Требуется усиление работы в этом направлении.

Археологические исследования значительно выиграли бы, если бы параллельно им шло планомерное собирание этнографического материала. Но и сам материал этот получает совсем иную ценность, когда приступают к нему с палеонтологическим анализом. Здесь недостаточно одного только сравнительного метода, нужен учет всей длительной жизни человека. Требуется иной подход, мы должны смотреть на современные нам проявления культуротворчества не как на отдельные, цельные в своей основе, факты, а как на застигнутую нами часть общего движения жизненного начала, не в определенный только момент появившегося, а длительно развивающегося и вовсе еще не законченного в своем формировании. Мы, сейчас, нашими этнографическими наблюдениями только режем по горизонтальной плоскости. К тому же, собираемый нами этнографический материал не самодавлеющ. Он обязан своим появлением и развитием тому же самому человеку, который им же и характеризуется. В этом вся сила этнографических наблюдений: человеческое общество получает по ним свой определенный облик именно потому, что они им же и обусловлены. Но этот этнографический облик создан не в какой либо точно фиксируемый момент, он сам является сложнейшим сочетанием различных элементов в процессе напластования культурных наслоений. В вечном процессе скрещения живет человеческое культуротворчество, и прослеживание такового процесса возможно только палеонтологическим путем. Все наблюдаемое обусловлено действующим фактором меняющихся общественных группировок, меняющихся условий хозяйственной и духовной жизни. Человечество, в определенных своих стадиях развития, переходит с одной ступени культурной жизни на другую, и тут изменяющиеся внешние условия жизни, например—с переходом от веков камня к векам металлов, меняют и потребности и само мировоззрение. В каждой стадии образуются новые формы, приближающиеся к удовлетворению новым потребностям, вызываемым новым общественным строем и новыми условиями хозяйственной жизни. Эта новая обстановка иначе осмысляет и то, что перешло в нее от предшествующих периодов, и сохраняется лишь, как пережиток. Человек часто сохраняет прежнее, но уже вкладывает в него новое содержание, иначе его понимает. В основе же многое из современного быта тождественно далеко отошедшим временам.

Так, некоторые исследователи ищут об'яснения орнамента в магии. Человек, в эпоху преобладающего господства магического начала, прибегал к графическим знакам с чисто утилитарною целью. Знак должен был помогать ему. В дальнейших стадиях развития магия отошла на задний план, обреченная к вымиранию. Но она умирает не сразу. Нет ничего невозмож-

ного в том, что рисунок различно понимался в различные культурные эпохи, и, когда магия оказалась уже не нужна, знаки на предметах даже чисто хозяйственного обихода используются, как декоративный мотив, на культовых же—заменяются сценами мифологического характера. В результате, получается новая форма. Эта форма интересна нам не сама по себе. Для нашего исследования не достаточно одного только искусствоведческого подхода, так как, путем палеонтологического анализа, по форме мы узнаем характеризующие особенности переживавшейся стадии.

Конечно, смотря на кызыл-ванкскую крашеную керамику, мы не можем усмотреть в ней наличие магических знаков; следовательно, тот человек, который ее изготовлял, давно вышел из магической стадии. Кроме того, наличие глиняного производства в том развитом виде, в каком мы видим его в до-историческом Азербайджане, отстраняет возможность усмотрения и охотничьего периода. Глиняные сосуды не портативны, они, как указывают все археологи, мало пригодны даже и для кочевого быта. Следовательно, ими скорее всего характеризуется оседлый или полуоседлый быт. Другими словами, до-историческая глиняная посуда Азербайджана могла отвечать потребностям того типа хозяйства, который во многих местах сохранился и поныне, то есть с постоянными зимовками и летними выкочевками. Таким образом, эта керамика характеризует определенный период жизни края, так как она должна была отвечать выдвигаемым им потребностям. И кажется мне, что мы имеем много данных за то, что хозяйственный строй жителя Азербайджана за три и даже четыре тысячи лет до наших дней сохранился в общем облике сельского населения во многих сходных чертах. А если это верно, то и не одна только материальная культура могла сохранить некоторые общие черты за все это время. Но человек совершенствовался, совершенствовались и хозяйственные орудия, менялись и общественные группировки. Уловить эти перемены должна археология, а, при указанных условиях, она не может обойтись без учета этнографического материала. Их нужно связать, но для этого и сама этнографическая исследовательная работа неминуемо должна получить палеонтологический уклон.

Такое, по существу своему, новое задание становится на очередь, как для археологии, так и для этнографии Азербайджана. В противном случае, археологи ограничатся только добыванием музейных экспонатов, которые, оторванные от жизни, утратят свою основную задачу — характеризовать эту жизнь. Этнограф же останется, по прежнему, на пути накопления сравнительного материала, устанавливающего сходство явлений и в Азербайджане, и в Африке и в других странах света, без каких

либо выводов о действительных причинах наличия этих явлений в том или ином другом месте, наличия, обусловленного строем жизни человеческого общества и его хозяйственным укладом, как в настоящем, так и в прошлом, до самых отдаленных времен включительно, поскольку достигает исследовательское искание. Иным путем, мы соберем только материал, но не познаем Азербайджана.

Сказанное касается исследовательской работы уже по накопленному материалу, но все это должно быть, как задание для будущей разработки, принято во внимание и в самом процессе его собирания. Систему записи с научною точностью и все детали работы по собиранию выяснят специалисты этнографы, хорошо знакомые с бытом изучаемого края и, конечно, владеющие местными языками. Такие записи не могут ограничиваться общими очерками, они неизбежно должны содержать сырой материал, с широким захватом бытовых явлений, и, по возможности, полный, в границах определенного гео-этнического района. Только полнота материала обеспечивает успех его анализа. Научно же исследовательский труд в палеонтологическом разрезе хотелось бы предложить зародившемуся при Обществе яфетидологическому кружку, в совместной с этнографами работе.

I. I. Méschtchaninov.

SUR LA NÉCESSITÉ D'USER DE DONNÉS ETHNOLOGIQUES POUR LES TRAVAUX ARCHÉOLOGIQUES.

Pendant les fouilles archéologiques en Azerbaïdjan l'auteur recevait parfois de la part des ouvriers et des indigènes des renseignements reliant les objets trouvés aux usages locals d'aujourd'hui.

Deux ouvrages de G. F. Tchoursin[1] nous donnent la description de beaucoup d'objets ethnographiques analogues à ceux dont on trouve dans les anciennes sépultures. Il est plausible qu'à travers les 3 - 4 mille ans, malgré les changements de formes et de groupements économiques et sociaux, quelques usages et croyances se font voir encore en tant que survivances d'une culture antique. Une revue des trouvailles archéologiques nous permet de déduire que plusieurs traits de l'état économique des siècles passés se sont conservés jusqu'à nos jours. La conclusion est que les re-

---

1) „Les kurdes d'Azerbaïdjan" (Bulletin de l'Institut historique et archéologique de Caucase, III, 1925) et „Les talysches" (ibid., IV, 1926).

cherches ethnographiques et archéologiques doivent être etroitement liés, et que cela impose à ces deux sciences de nouveaux problèmes; ainsi elles doivent éxiger non selement des recherches parallèles, pour ainsi dire sur la même horizontale, en amassant aux musées des collections archéologiques et enthnographiques, ou bien en étudiant d'après la méthode comparative les usages et la culture matérielle des divers pays, mais aussi elles doivent appliquer l'investigation en sens verticale, c'est à dire en examinant l'évolution historique d'après la méthode paléontologique; et ce n'est que l'ampleur des faits recueillis qui puisse mener les travaux scientifiques vers un succès positif.

L'auteur veut bien proposer cette méthode parallèle au cercle japhétidologique, nouvellement organisé par la Société Scientifique d'Azerbaïdjan.

Проф. В. А. Гордлевский.

Игры анатолийских турок.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Всюду и всегда в игре ищет человек удовольствия. Для ребенка, это—единственная цель жизни; для человека постарше, игра—отдых от работ; она отвлекает от черных дум и вносит пополнение силам, истраченным или утомленным. Сознательно игра исключает все неприятное, сопровождающее труд; труд, во время игры-представления, обращается в забаву; игра —сплошное веселье, смех, и интерес непрерывно поддерживается тем, что одна сторона обречена на проигрыш и, стало быть, победителю уготовано торжество: он насладится унижением неудачливого игрока и будет ликовать.

Записи игр произведены мною давно уже в Константинополе, со слов двух моих старинных приятелей, знакомивших меня с народной жизнью: Нури, уроженца Аяша, ангорского вилайета, и Ахмеда, уроженца Кара-Хисара, сивасского вилайета. Игры ангорские—грубы, но они оригинальны и раскрывают лучше народную среду (а иногда как-будто и ее сложный этнографический конгломерат); игры сивасские—мягче; это уже игры городских, часто, детей, игры, на которых стерлись черты индивидуализма. Ими не исчерпывается, конечно, запас народных развлечений, но они характеризуют, отчасти, круг человеческих возрастов, полов, обстановку и т. д.; тут и комнатные игры, и игры полевые; игры и женские (число которых было бы безусловно больше, если бы записал их я от женщин); комнатные игры происходят чаще зимой, когда холод загоняет людей в дома; игры общественные, сопровождающие свадьбу (борьба пехлеванов, скачки, поло и др.) требуют для себя простора[1].

Порядок игр—обычный: сначала—жеребьевка; посредством ли камня, даже бумажки (это уже новшество!) или считалки и т. п. определяется сторона, которая водит. Потом идет игра. Нередко это, собственно, спорт (как напр., бабки, [2] мяч, метание стрел и др.), развивающий мускулы или ловкость и расто-

---

[1]) См. у меня в очерке „Османская свадьба“ („Этнографическое Обозрение“, 1914, № 3—4).

[2]) Упоминание об этой игре („ашук ойнамак“) встречается уже в „Китаби-Коркуд“, см. текст и перевод В. Бартольда в „Зап. вост. отд. рус. арх. о-ва“, т. XI, стр. 186.

ропность; или это—представление, воспроизводящее реальную жизнь, иногда бытующую, иногда отмершую и сохранившуюся только в каких-нибудь пережитках (игра-действие или игра-песня). Часто игра сосредоточивает на себе все внимание; иногда игра, наоборот, только способ для правильного (через игру) разрешения, кто счастливец, торжествующий над противником. „Кто кого одолел, тот на том и поехал“, слышал я поговорку в новосильском уезде тульской губернии, и игра в Турции, как и у нас, заканчивается нередко катанием—побежденная сторона несет на себе победителей.

Азарт, увлечение, свойственные человеку, на Востоке прежде принимали формы самодурства. А. Мидхат в повести „Сквозь щель шкафа“ („Долабдан темаша“[1]), из эпохи янычар, рассказывает, как человек, испытавший, во время проигрыша партии в шашки, унижение (он должен был привести на-показ взрослую дочь),—выиграв как-то, вздернул противника на дерево. И еще лет двадцать пять тому назад, как я слышал, в Эдремите юрюки и туркмены, разгорячившись, проигрывали жен и дочерей.

Литература об игре у турецких народов невелика; описания игр разбросаны часто в общих очерках; все-таки для ориентировки сообщаю крохотную библиографию, случайно скопившуюся у меня.

Библиография:

Володин, А. Трухменская степь и трухмены. Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, т. XXXVIII.

Горячкин, А. Об играх киргизских детей во внутренней букеевской орде, астраханской губ. Известия общества истории, археологии и этнографии, т. XXVII, вып. 4.

Диваев, А. Игры киргизских детей. Оттиск из „Туркестанских ведомостей“, 1905, № 152.

Диваев, А. Древние игры киргизской молодежи. Оттиск из „Туркестанских ведомостей“, 1907, № 54.

Иностранцев, К. К истории игры в поло. Записки восточного отделения, т. XIV, стр. 0108—0113.

Калашев, А. Татарские тексты (из джебраильского уезда). Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, т. XVIII.

Карутц, Р. Среди киргизов и туркменов на Мангышлаке, СПБ. б. г., стр. 87 92.

[1]) Не очень художественная, но насыщенная бытом и фольклором, повесть эта давно переведена одним моим слушателем (В. Е. Якиманским).

Кулатки, Г. Наши национальные игры (хвалынского уезда). „Шуро“, 1916, № 23.
Нур-эд-дин, Т. Старый Стамбул. „Тюрк юрду“, т. II.
Пантусов, Н. Киргизская игра тогуз кумалак (с двумя рисунками). Известия о-ва арх., ист. и этн., т. XXII, вып. 4.
Пантусов, Н. Материалы к изучению наречия таранчей илийского округа. Казань, 1907, вып. VIII. (игра майлисе и произносимые во время ее молодежью стихи). Вып. IX (Игры таранчинских детей и мужчин).
Самойлович, А. Туркменские развлечения. Ежегодник русского антропологического общества, т. III.
Tevfiq, M. Ein Jahr in Konstantinopel. Zweiter Monat. (Türkische Bibliotek, Band IV), стр. 16—22.
Филоненко, В. Детские игры крымских татар. Известия таврической ученой архивной комиссии, № 56.
Фукс, К. Праздники казанских татар. Казань, 1834.
Ченекяй. Наши национальные игры. „Шуро“, 1917, № 2.

I. ИГРЫ-ПРЕДСТАВЛЕНИЯ.

Хаджи-баба.

Собирается несколько человек; один сеет в поле мак, он изображает земледельца; двое других изображают волов, третий —плуг. Земледелец пропахивает поле и разрыхляет почву. Вырастает мак, его полют. На маке распускаются цветы, наливается головка; головку разрезают, собирают мак и продают купцам; выручают много денег.

Крестьяне начинают между собой толковать: „На что бы нам употребить эти деньги?“ Кто-нибудь, поумнее, скажет: „Эти деньги должны идти на доброе дело“.—„На какое же?“ – „Поедемте-ка,—продолжает тот человек, - все вместе в Хиджаз“. Все становятся в круг. Тот обнимает человека, стоящего с правой стороны, и говорит: „Хаджи-баба[1], да будет счастливо твое паломничество“. Затем он поздравляет человека, стоящего в конце круга, с левой стороны. Те, в свою очередь, передвигаясь, обнимают соседей; наконец, все опять устанавливаются на своих местах. Потом тот умный человек подходит к крайнему на правой стороне и, целуя его в лоб, говорит: „Я отведал меду, да будет сладок мой рот!“ („Bal jedim agzım tatlı olsyn“!).

[1]) Слово употреблено прегнантно; отправление в хадж сопровождается нередко общей молитвой, трапезой.

За ним повторяют то же и другие. Потом умный человек становится сзади человека, крайнего на правой стороне и, подбоченившись, говорит: Пусть твой зад будет слаще переда!“ („Ardın ənundən tatlı olsyn!“). Опять все проделывают то же самое. Потом умный человек заходит к крайнему спереди, поворачивается к нему спиной и, положив руки себе на колени и нагнувшись вперед, толкает его задом и говорит: „К черту эта никудышная игра!“ („Bəjlə ojun bəhtan olsyn!“); ему подражают другие.

Аяш.

Аббар-Джаббар.

На свадьбе или вообще на вечеринке играют часто в игру „Аббар-Джаббар“. На кого-нибудь надевают баранью шкуру[1] и старую-престарую одежду,—он изображает верблюда; в другой комнате на кого-нибудь еще надевают одежду погонщика верблюда и приводят в комнату, где собрались играющие. Взнуздав верблюда, он, прихрамывая, тащит его за собой и говорит: „Мир над вами, господа. Нет ли где деревенского „кяхьи“? Когда приходит „кяхья“, погонщик требует: „Позови-ка ко мне поскорее „мухтара“ (старосту). Завидев старосту, погонщик обращается к нему со словами: „У меня верблюд навьючен солью, может, ты возьмешься продать эту соль в деревне?“—„Хорошо,—отвечает староста,—продадим, только сейчас крестьянам трудно, на чистые деньги они не могут взять; если ты дашь им в долг—они возьмут“. Верблюжатник соглашается. „Если так,— продолжает староста,—поставь верблюда на колени[2] и сними с него груз“. Погонщик, понукая верблюда, снимает груз. Старосте дают в руки бумагу и перо.—„Ну, Ахмед-ага, спрашивают,—сколько нужно тебе соли“?—„Пять ок“,—отвечает он; ему отвешивают пять ок и записывают в тетрадь.—„А тебе, Мехмед-ага, сколько“?—„Десять ок“. Словом, между всеми присутствующими делят соль, с обязательством уплатить деньги через три месяца. Хозяин верблюда прощается с крестьянами и уходит, благодаря „мухтара“.

Через три месяца он возвращается и зовет „мухтара“. „Срок кончился,—говорит он ему, собери-ка, пожалуйста, деньги“.—Знаешь,—отвечает „мухтар“,—теперь у крестьян денег нет, приходи через несколько дней“. Верблюжатник соглашается, уходит; однако, по прошествии некоторого времени появляется опять в деревне и требует деньги. „Мухтар“ отсылает его к крестьянам, а те отказываются. „Ничего мы тебе не должны, кому хочешь, тому и жалуйся!“ А там, снаружи, давно

---

[1]) По османски: «пöстеки».

[2]) По-османски: „ыхтыр“.

уже ждут три человека; двоих из них зовут „Аббар“ и „Джаббар“; на них надевают чудные одежды, ноги у них голые и торчат у них уши; словом, вид у них очень страшный. Если встретить их где-нибудь в горах, можно перепугаться. Третьего зовут „Деликчи Мехмед“ (Мехмед Сверлитель); ему вымазывают все лицо черной краской. На нем надето старое платье, а между ног болтается у него изображение penis'a, длиной в $1^1/_2$ аршина.....[1]

И вот верблюжатник требует деньги; когда ему не дают, он оборачивается к двери и громко кричит: „Ну-ка, Аббар-Джаббар, скорее сюда!“ Аббар-Джаббар ломятся в двери и, давя все на пути, подходят к верблюжатнику; последний указывает им человека, который не дает денег. Тогда Аббар и Джаббар хватают того человека за ноги, тащат на середину и задирают ему ноги, а верблюжатник говорит: „Деликчи Мехмед, поспешай!“ Деликчи Мехмед, заслышав, бежит, подпрыгивая и ржа[2]..... Потом все трое вскакивают и бегут из комнаты, ожидая, когда их снова позовут[3].

Аяш.

Солельщик[4].

Чтобы поразвлечься, выбирают из своей среды необидчивого человека, который не знает, в чем состоит эта игра, и снимают с него одежду, оставив на нем одни кальсоны. Потом зовут человека посильнее, хорошо знающего игру. Голого человека привязывают к тому, другому человеку, спина к спине, причем у него должны быть привязаны руки и ноги, и он совсем не может двигаться. В руки тому человеку, который знает игру, дают большую кружку, наполненную водой, и кладут туда платок; он обходит всех и выкрикивает: „Соленье капустное, соленье перцевое!“ Тогда кто-нибудь из играющих подзывает солельщика и спрашивает: „Хорошо ли у тебя соленье?“ На это солельщик отвечает: „Пожалуйста, отведайте и понюхайте!“, а сам продолжает держать в руках кружку.—„Нет, у тебя соленье плохое,—воняет“. Тогда солельщик, раздраженный, замечает: „Да, соленье воняет, не понравилось тебе, а вот боченку моему нравится“. Он берет мокрый платок и сильно бьет по лицу человека, который у него на спине. Одним словом, сколько там ни есть людей, все по очереди зовут солель-

---

[1]) Продолжение описания, переданное по-турецки, опущено редакцией.

[2]) Следующая фраза, приводимая автором в тексте, опущена редакцией.

[3]) Эта игра заключает в себе архаичные черты (отголоски фаллического культа). На территории Ангоры народ мог сохранить память о двух Джаббарах: страшное чудовище, наводящее ужас, говорит, как-будто, о времени нашествия на Малую Азию Тимурленга, у которого был имам Абдул-Джеббар; в XVIII веке вблизи, в Йозгаде, царил деребей Абдул-Джеббар-задэ (vulgo: Чапан-оглу).

[4]) Название игры дано мною.

щика; никому соленье не нравится, а тот все бьет бедного голого человека мокрой тряпкой. Так, у того не останется на теле сухого местечка—-весь он промокнет „до ногтей".

Аяш.

Игра в пленные[1].

Собираются 10—12 мальчиков и разбиваются на 2 партии. Одна партия выбирает из своей среды двух мальчиков. Сложив вместе руки, они поднимают их вверх в виде свода моста. Противная сторона, тем временем, выстраивается в ряд и проходит по одному через мост, произнося какое-либо из следующих слов: „*Алай-ла*, *булай-ла*, *хаип-халай-ла*". А та, другая сторона заготовила три небольших камня или щепочки и каждому камню дала одно из тех трех слов; тихонько, так, что противная сторона ничего о том не знает, они дают один из этих камней верному человеку. Если кто из переходящих мост назовет условный камень, его не пропускают. Всем таким завязывают глаза и отсылают к товарищам своим, как пленных При втором прохождении камень меняют: те проходят, и опять кто-нибудь попадает в плен, и так до конца. Затем садятся на спины пленных и пять раз обходят очерченный круг.

Потом меняются ролями.

Кара-Хисар.

Соседушка, мой соседушка, бестолковый мой соседушка[2]!

Собираются человек 15—20, садятся; у каждого есть свой товарищ, против которого он и садится. Все играющие должны знать друг друга поименно. Если напр., скажут: „Ахмед-эфенди!", — товарищ его, скажем, Мехмед, непременно должен скорехонько отозваться. Кому-нибудь из играющих дают в руки бутылку с водой, весом в 5—6 ок, или что-нибудь другое, такого же веса.

Затем, сидящий напротив него его товарищ начинает с ним разговор: „Соседушка, мой соседушка, бестолковый („шашкын") мой соседушка, соседушка мой глуховатый („кулакалары дюшкюн"), зачем ты держишь в руке эту бутылку?" Тот отвечает: „Ах, соседушка, если мне не держать, кто же тогда будет держать?" На это сосед ему замечает: „Пусть держит Мехмед-эфенди". Тогда сосед Мехмеда-эфенди быстро возражает: „Нет, он не будет держать". Опять товарищ того, кто держит бутылку, го-

---

1) По-османски: „эсир алмак оюну" или „эсир алмаджа".
2) По-османски: „эшим, эшим, шишкын эшим".

ворит: „Коли он не будет держать, да кто же тогда будет держать?“ — „А коли так, за своего товарища ты сам держи!“ Тогда вмешивается тот, кто держит бутылку: „Нет, он (т. е. мой сосед) не будет держать! Держать будет тот, у кого бутылка сейчас!“ Снова его товарищ поспешно обрывает: „Нет, он не будет держать.“ — „А если он не будет держать, так кто же?“ „Мустафа-эфенди будет держать“, решает его товарищ. Так и ведут они бесконечный разговор. И вот, если товарищ того, чье имя будет названо, быстро не отзовется,—в руки того, кто не сумел ответить, дают бутыль с водой.

Аяш.

„Кёсеми“[1].

В начале *Касыма* [2], в казе Таш-кёпрю(кастамунийского вилайета), собираются дети и устраивают „кёсеми“: надев смешные платья, они распевают у дверей и под окнами песенки:

„Кёсеми — кёсеми,
Безбородый дяденька дома ли?
Камень чужого, камень бея,
Мой камень, камень бея,
Лошади бей-башы
Ржут да ржут.“

Дойдя до этого места, дети вступают между собой в диалог:

„Отчего ржут?
От ячменя.
Где можно найти ячмень?
—У продавца нужно купить.“

Потом поют:

„Продавца рыжего
Жена унесла мое счастье:
Глаза женщины
Так и блестят, блестят“.

После этого из дома им подают „бахшиш“; так они обходят всю деревню.

Кара-Хисар.

Пестрая люлька[3].

Два мальчика становятся друг против друга и крепко держат друг друга за руки пониже локтей. Сверху ложится к ним на брюхо третий мальчик и раскачивается, не касаясь ногами земли. Те два мальчика разом запевают:

---

1) Так и по-османски; собственно, это—обрядовая и нестолько игра, сколько песня. Текст османский у меня в „Образцах османского народного творчества“, М., 1916, стр. 168-169.

2) Днем „касыма“ (26-е октября) начинается зимняя половина года, продолжающаяся до дня „Хызр Ильяса“ (23-е апреля).

3) По-османски: „аладжа бешик“.

„Аладжа бешикь,
Чимшир кашык,
hем ялâшык,
hем булâшык
Капудан-мы,
Баджадан-мы?“

(Перевод: „Пестрая колыбель, ложка самшитовая, и облизана-то она, и выпачкана-то она Через двери, или через трубу?“).

Мальчик, который раскачивался, лежа у них на руках, говорит: „через двери“, или „через трубу“. Если он скажет через двери, они ставят его на ноги, ну, а если скажет—через трубу, его становят головой вниз. Потом, сколько ни есть там детей, все почередно ложатся к тем мальчикам на руки и, когда у них спросят: через двери или через трубу,—они что-нибудь отвечают, а те говорят: „На, вот, получай двери“ и, наклонив его, ставят на ноги. А если мальчик скажет—через трубу,—говорят: „Ну, вот тебе труба“,—и ставят его вверх ногами.

Аяш.

2-й вариант.

Собирается несколько девочек; берут два камешка, на один плюют посильнее, на другой—поменьше Тот камешек, где намочили побольше, считают а д о м, другой—р а е м *Бабке* [1] завязывают глаза и, подведя к камням, спрашивают: „который—рай, который—ад?“ Положим, „*бабка*“ указывает на один камень, что это—рай; четыре девочки берут ее за руки и за ноги, поднимают и начинают раскачивать, как в люльке, приговаривая: „Анан-да дженнет, бабаи-да дженнет, даин-да дженнет, сен-де дженнете, гит!“ =(„И мать твоя (да будет) в раю, и отец твой, и дядя по отцу, и ты иди в рай!“), потом тихонько кладут на землю. Если девочка указала на ад, так же поступают.

Кара-Хисар.

Кошечка[2].

8—10 девочек собираются в комнате в кружок. Какую-нибудь маленькую девочку выбирают кошечкой и привязывают ей сзади хвост. Потом, песенками зовут кошечку попить молока. Если она тряхнет хвостом налево, — значит, она не хочет молока, а вправо—хочет. Песенки говорят девочки поочередно.

Первая девочка: „Кошечка, пойди ко мне,
Посмотри на ту „ханым“:

---

1) Так называют человека, который водит; по-османски „эбе“—повивальная бабка.

2) По-османски: „писик ойну“; османский текст у меня в „Образцах османского народного творчества“, М., 1916, стр. 166—168.

Она хочет тебя взять,
Зарежет она мою душу.
Кошечка, я очень тебя люблю,
Тороплюсь дать тебе молочка,
Если ты не будешь есть, — чтó тебе дам?
Я сейчас же тебя побью".

Потом девочка начинает разговаривать с кошкой: „Кошечка, кошечка, чего ты хочешь"? Кошка отвечает: „Мяса хочу".

Вторая девочка: „Та девочка совсем тебя не любит,
Подойди сюда, душка,
А то она ударит тебя по голове
И потечет у тебя кровь.
Я каждый день вижу тебя,
Чего только не кладу я перед тобой!
Если ты не будешь есть того, что я тебе припасла,
Я также тебя прогоню".

Кошечка начинает мяукать и вилять хвостом; между ними происходит прежний разговор, и так как кошка не слушается девочки, ее место заступает третья:

„Кошечка, чтó ты ешь,
Чтó ты хочешь сказать мяуканьем?
Тем всем девушкам
Пошли бог наказания!
Подойди ко мне, дай взглянуть,
Дай навесить тебе на шею „бонджук"!
Если ты не будешь пить молоко,
Я тебя накажу".

Кошечке не нравится и предложение третьей девочки.

Они перебраниваются между собой; кошка машет хвостом (налево) и идет к четвертой девочке.

Девочка: „Глаза у моей кошечки - голубенькие,
Чашка, чтò перед ней—медная,
На ножках у нее—ботинки,
Подходит она и все шлепает ногами.
Вот там вырос кустарник,
Опустил вниз свои ветви,
Нет во всем мире
Равной моей кошечке!"

И она, все-таки, не может поладить с кошкой; кошка идет к следующей девочке.

Девочка: „У кошечки моей голубые глаза,
Как красива у ней мордочка!
Когда она замяукает,
От ее речей я теряю сознание,

Кошечка моя– рыжей масти,
Когда на нее смотришь, напоминает она
гранат,
Ты также выростешь и будешь,
Бог даст, впоследствии женщиной!"

Кошечке и эти слова не нравятся, и она идет дальше—к шестой:

„Зачем ты упрямишься?
От голода ты пропадешь.
Если ты так не будешь есть молока,
Что ты будешь делать от голода?
Волосы у тебя стали, как (блестящие) нитки,
Глаза у тебя подведены сурьмой,
На-зло всем им
Поди и не обижай меня!"

Видя, как девочка упрашивает ее, кошечка машет хвостом направо. Девочки разом кричат: „Ах, она будет есть!" и, обращаясь к счастливице, говорят: „Браво, сестрица, тебе одной между нами удалось уговорить кошку, ты уж и молоком ее напой!" Девочка снимает у себя с головы феску и, обходя всех девочек, как-бы доит овец. А кошечка все мяукает и виляет хвостом. Девочки радуются и ставят молоко перед ней, говоря: „Кушай, кушай!" Кошка делает вид, что ест.

На этом игра кончается. Каждой девочке хочется остаться под конец, всем нравится говорить последнюю песню. Поэтому все меняются очередями.

Кара-Хисар.

Волк и овцы[1].

Собираются 8—10 девочек; одна становится волком, другая—пастухом; остальные выстраиваются сзади в ряд и хором поют:

„Дзын-дзын, золотая чаша,
Одну (овцу) подхвати, другую—задуши!"

Волк говорит: „Коли я волк, так возьму", а пастух: „А я, пастух, не дам", и они начинают грызться между собой.

Пастух: „Эй ты, волк, чего ты смотришь,
Запускаешь что-ли зубы в овец?
Ни одной овцы не дам я тебе,
Напрасно разжигаешь ты душу свою!"

Волк: „Глянь, как я схвачу (овцу),
Разыщу их следы;
Если я не смогу схватить овцы,
Я умру от этого!"

1) По-османски: „курт коюн ойну"; османский текст игры напечатан у меня в „Образцах османского народного творчества", М., 1916, стр. 162—165.

Рыча и завывая, волк бросается на пастуха, пастух же старается защитить овец, и волк, в отчаянии, отходит.

Пастух: „Не удалось взять тебе овцу,
Свернувшись, продолжай игру.
Не пяль глаза на овец,
Ступай, набивай себе брюхо чем-нибудь другим!“

Волк: „Скрежещут у меня зубы,
Товарищи мои смотрят вслед на меня,
Кроме хватания овец
Нет у меня другого занятия!“

Волк опять бросается на пастуха, пастух защищается руками. Минуты через две волк и пастух расходятся.

Пастух: „Напрасно ты не возись,
Не подымай без толку бучи,
Не дерись с нами из-за того,
Чтобы взять овцу!“

Волк: „Зубы мои режут хорошо,
Они сходятся плотно один на другой,
Для того, чтобы схватить овечку.
Как приятно дует ветерок!“

Опять они расходятся.

Пастух: „Овечки мои, стойте,
Смотрите, какой безбожный[1] волк.
Всякий раз, как волк будет к вам приближаться,
Вы ударьте его ногой!“

Волк: „Я ворвусь (в стадо) овец,
Буду на всех кидаться;
Когда я схвачу овцу,
Я буду сосать ее кровь!“

Начинается драка; на этот раз они возятся дольше; под конец все-же расходятся.

Пастух: „На вид-то волк: раскрывает пасть,
А завидя палку, бежит.
Не бойтесь, овечки:
От страха он сделает под себя“.

Волк: „Разве не видишь ты моих зубов,
Не спросишь, каков я есмь?
Если я возьму овцу,
Разве не будешь ты вслед науськивать собак?“

Поворчав друг на друга, они затихают.

Пастух: „Сверкают у волка глаза,
Словно яд—речи его,

[1]) Собственно: франк-масон

Будьте внимательны, овцы:
А то разорвет он глаза!"
Волк: „Ах, (вкусное) мясо овец!
Не могут (овцы) есть траву;
Если я разину пасть и брошусь на них,
Я оторву им всем задние ноги!"

Теперь волк и пастух скалят зубы, а волк бесстрашно кидается на овец. Он врывается в стадо и, схватив одну овцу, уносит и прячет где-нибудь. Потом опять приходит и становится против пастуха.

Пастух: „Пропала одна овца,
Совсем немного уцелело их еще;
Если он с'ест теперь овцу,
Одна-то шкура и останется от нее!"
Волк: „Я был хорош с тобой:
Промолчал на твои слова!
Я возьму во что бы то ни стало овец,
Конец уже моему терпению!"

Разговор кончается, начинается драка. Волк ранит пастуха, и у пастуха нет уже сил защищать овец. По одной, по одной волк хватает овец, уносит их к себе и прячет там. Потом приходит и начинает забавляться и смеяться над пастухом.

Начальник каравана или невеста[1].

На ровном месте становятся в круг, на одной стороне, десять детей и столько же—на другой. Одна сторона—родственники девушки, другая—родственники парня. Двое детей со стороны невесты подходят к краю круга и, подняв руки, держат друг друга за руки в виде моста. Немного подальше отделяют для услуживания стороны парня двух старшин („хызметчи-башы" или „ишчи-башы"). Одного мальчика, поменьше, наряжают невестой; невеста становится рядом с „хызметчи-башы". А сторона девушки изображает из себя верблюда. Сторона парня начинает распевать „тюркю" в виде диалога:

—„Начальник каравана, начальник каравана,
Открой двери, стань перед нами.
—„Мы открыли двери и стоим,
Высматриваем вас на дороге.
Верблюдов у нас три каравана,
Не трогайте их, а то они лягнут вас.
—„Подходите караваном, караваном,
Добра у нас много, берите.
Добро пусть будет у вас,

1) По-османски: „кевранджиль-башы ве я телин ойну"; османский текст у меня в „Образцах османского народного творчества", М., 1916, стр. 169—171.

Дайте нам свою невесту.
— „Мы дадим вам невесту,
Но, только, после смотрите!
Подходите караваном, караваном,
Что хотите, то и берите!

Потом вступает в разговор сторона девушки:

— „Начальник каравана, а“?
— „Слушаюсь, господин“.
„Где верблюды“?
-- „В Куру-чае“.
— „Что они едят“?
— „Финики“.
— „А какой у них помет“?
— „Долма“.
— „Двери у нас открыты“,
Задаем мы пир“.

После этого сторона парня, выстроившись в виде каравана, хором говорит, подражая мерному шагу верблюдов: „хёнгюль-хёнгюль, чангул-чангул“ и проходит по одному через мост, потом идут они к тому месту, которое приготовил *„хызметчи-башы“ и „ишчи-башы.*

Работники говорят:

„Подойдите сюда—у нас много места,
Все, что у нас,—ваше“.

На это сторона парня отвечает:

„Привет вам, начальник слуг,
Пусть никогда не оскудеет пища у „аги“.

При этом они садятся, а „хызметчи-башы“ приветствует их, говоря:

„Добро пожаловать, „мархаба“.
Пейте все себе кофе на здоровье[1]!“

Сторона парня пьет кофе, ест кушанья, а потом, обращаясь к „ишчи-башы“, говорит:

— „Ишчи-башы, слушай.
Я должен сказать тебе несколько слов“.
— „Пожалуйста, господин, пожалуйста,
Пусть все слышат твои слова“.

Говорит ишчи-башы:

— „Готова ли наша невеста?
Далек наш путь“.
— „Готова, господин, готова,
Зурна играет звонко“.

После этого сторона парня берет невесту и опять все проходят под мостом в виде верблюдов, со звоном: *„лангыл-лунгыл,* джангыл-джунгул“, а сторона девушки хором говорит:

[1]) Собственно: даром.

„Ступайте медленно-медленно,
Пусть жених не поминает нас лихом!“

Пройдя немного, останавливаются: невесту как-будто ведут к жениху; смеются, забавляются. Потом меняются ролями: те, что изображали сторону парня, заступают место невесты.

Кара-Хисар.

„Алайлар, калайлар“.

Во время „байрама“, за деревней, на удобном месте устраивают род качелей — „кынджырдак“. Берут шест, в рост человеческий, один конец заостряют, а другой вбивают в землю; потом берут другой шест, проделывают посредине отверстие и налаживают его на острие вбитого в землю дерева. По краям второго, горизонтального дерева, чтобы не упасть, делают две зарубки или же вбивают два больших гвоздя. На один конец дерева садится одна девушка, на другой—другая, друг против друга; они подпрыгивают и кружатся, то поднимаясь вверх, то опускаясь вниз. Минут через десять их сменяет другая пара. По большей части все это—невесты и качаются они с родственницей своего жениха. Обычно девушки качаются с утра до полудня, после полудня—парни.

Пока девушки качаются, происходят другие игры. 8 или 10 девушек, обхватившись руками за шею, выстраиваются в ряд; против них также становятся 8 девушек. Потом одна сторона хором начинает:

„Алайлар, калайлар, кыз бизим алайлар“.

Противная сторона спрашивает:

— „Чего тебе нужно, чего тебе нужно“?
— „Да вот там, да вот там есть девушка, ее я хочу“.
— „(Нет), отвечают те, ту красавицу, ту красавицу, вам не дадут“.
— „Ту красавицу, ту красавицу мы тоже хотим“.
— „Ту красавицу мы вам не дадим“.
— „Ту красавицу, ту красавицу мы-то у вас возьмем“.
— „Ту красавицу, ту красавицу никто не сможет взять“.
— „С товарищами,с друзьями пойдем мы и возьмем“.

Произнеся эти слова, две девушки отделяются из ряда и, подойдя к противной стороне, берут из их среды одну девушку

и уводят к себе. Потом, противная сторона начинает тот же диалог и тоже берет одну девушку. Так и идет игра.

Аяш.

Подпрыгивание на одной ноге[1].

Пять-шесть мальчиков выбирают из своей среды „бабку“ и сажают на высоком месте. Подпрыгивая на одной ноге, они останавливаются перед „бабкой“ и говорят стишки, напр.:

„Прыгая, прыгая, пришел я к тебе;
Была у меня всего одна-то ложечка масла,
Взяли у меня из рук масло,
А меня пустили по дороге“.

„На дороге нашел я расческу,
Расческу дал я ханым,
Ханым мне дала лошадь.
Я сел верхом на лошадь, поехал в Кара-су“.

„В Кара-су течет кровь,
Две красавицы смотрят на меня:
Одну обхватил я руками,
Другую посадил в торока,— гайда!“.

„Что же ты сделал с красавицей?“—спрашивает „бабка“. Мальчик отвечает:

„Взял я ее себе на грудь, лег;
Наши души слились;
Как только я лег, обняв ее,
Откинул я все печали“.

Если он окончил песенку, стоя все на одной ноге, он становится „бабкой“; в противном случае „бабка“ все сидит на своем месте. Приходит другой мальчик.

Когда „бабка“ спросит у него, как он привел красавицу,— мальчик говорит:

„Айда,—пошел я равниной,
Улетели птицы в воздух,
Взглянул я,—лошадь у меня устала,
Я посадил их на верблюда“.

„Бабка“: „Ну, а они что представляли собой?“
Мальчик: „Очень красивы были те девицы,
В воздухе кричат гуси,
О, если бы знал ты их,
Шесть месяцев проводят они лето в поле“.

---

1) По-османски „секе ойну“; османский текст игры напечатан у меня в „Образцах османского народного творчества“, М., 1916, стр. 161-162.

„Бабка“: „Как ты утащил их?“
Мальчик: „Я посмотрел, — они в „яйле“,
Сидят и заплетают косы;
Как только я пошел к „яйле“,
Начали непрерывно лаять собаки“.
„Бабка“: „Как же ты подхватил их?“
Мальчик: „Я взял их и убежал;
Сколько гор перевалил!
Пришел их отец, но
Как птица, полетел я!“,

Кара-Хисар.

„Лечук“[1].

Берут дети по плоскому камешку, а в семи шагах, подальше, кладут круглый камешек. Плоскими камешками, что у них в руках, они стараются попасть в тот, круглый, камешек и сбить его; при этом они измеряют ногами расстояние, на которое он откатился. Измеряя, произносят: „*Лечук—лечук,* спина у него открыта, сорок три, сорок четыре“, и т. д. до пятидесяти. Кто раньше сосчитает до 50,—садится другому на спину, и он его катает минут 5. В это время поют:

„Был я „лечук“....[2]
Был у меня мешечек сыру,
Сыр взяли у меня из рук,
Меня пустили по дороге.

По дороге нашел я расческу,
Дал я расческу „ханым“,
Ханым дала мне лошадь,
Сел я на лошадь, поехал в Кара-су.

Кара-су течет кровью,
Две красавицы смотрят на меня:
Одна—брюнетка, другая—блондинка,
Блондинку взял я в торока,
Некрасивую ударил я платком“.

Так говоря, сердят мальчика, на спине которого катаются.

Кара-Хисар.

---

1) Османский текст напечатан у меня в „Образцах османского народного творчества“, М., 1916, стр. 165—166.

2) Смысл первого стиха: „лечук—лечук леч идим“— не поддается переводу.

II. „БАБКИ“.

3-4 мальчика, собравшись, начинают играть в „бабки“ (*„ашык“*). Берут кость „этке“,—одна сторона ее называется „мере“, другая, противоположная ей,—„тахан“, третья „алчы“ и четвертая—„шек“. Кто-нибудь бросает кость вверх; если вверху окажется сторона *„мере“*, он начинает игру первым, *„тахан“*—вторым, и т. д. Оставшийся последним определяет расстояние, с которого нужно бросать в „бабки“[1]. Предположим, решено бросать в бабки на расстоянии десяти шагов; устанавливают 40-50 „бабок“. По середине ставят большую „бабку“, т. наз. „хепеяр“, с левой стороны, чуть-чуть подальше,—„зиян“, с правой стороны—„яры кяр“. Если кто попадет в середину, забирает все бабки, в „зиян“—теряет половину всех бабок, в „яры кяр“—выигрывает половину бабок. Если окажется, что на первый приз притязают 2 или 3 мальчика,—они разыгрывают между собой приз.

Кара-Хисар.

„Бабки“.

Мальчики идут на ровное место и чертят на земле небольшой круг, с диаметром в один шаг. Туда мальчики ставят по одной косточке, а сами, отойдя на два шага от круга, по очереди бросают особой косточкой, находящейся у них в руках. Чья косточка выбьет из круга сколько костей,—столько костей, значит, он и выиграл. Случается, что один мальчик отбирает у всех косточки.

Аяш.

„Леббик“[2].

Мальчики выбивают плоскими камешками из круга „бабку“,—бычачью ножную кость (*„коза“*). Если камень остается в черте круга,—мальчик, хозяин той „бабки“, трогает неудачливого игрока рукой, и он становится „бабкой“.

„Томбак“.

Мальчики выбирают по круглому камню, величиной с орех; у каждого мальчика, кроме того, приготовлено от 20 до 50 орехов. Они идут на ровное песчаное место и кладут на

---

[1]) Для этого существует специальный термин „раджун кесер“, т. е. „режет“; ср. выражение у кюльханбеев „раджон кесме“ („не кобенься!“), Доклады академии наук—В, 1927, № 1, стр. 23.

[2]) Собственно, „леббик“ означает: маленький камень.

землю по одному ореху, причем расстояние между орехами равняется шагу. Став у одного конца ряда орехов, они отходят на два шага назад; кто-нибудь из мальчиков берет „бабку“ в левую руку, а указательный палец правой руки кладет сзади на средний и, нацелившись, пускает „бабку“ в орехи. Все орехи, которые „бабка“ собьет, мальчик берет себе. Затем бросает другой мальчик, и т. д. Наконец, остается один орех. Мальчик, которому нужно бросать последнему, бросает тихонько „бабку“ к ореху, и „бабка“ не докатится до ореха, примерно, на шаг. Тогда мальчик, начинавший бросать, целится в орех или в „бабку“ или в оба вместе, с другой стороны. Если ему удается сшибить орех, игра кончается; если он попал в „бабку“,—хозяин ее выходит из игры; потом прячет свою „бабку“ в ямку, намереваясь обыграть мальчиков. Если он не попадет ни в орех, ни в „бабку“,—бросают другие мальчики; если и они не попадут, тот мальчик берет из ямки свою „бабку“ и помещает ее по другую сторону ореха на расстоянии двух шагов где-нибудь за камнем или в ямке. Опять мальчики бросают свои „бабки“. Кто-нибудь, напр., в орех-то не попал, а подкатил свою „бабку“ к той „бабке“ на один шаг. Когда все мальчики перебросят „бабки“,—мальчик, спрятавший свою „бабку“, берет ее из ямки и бросает в „бабку“, которая от него находится на расстоянии шага. Если попадает, он берет у того все выигранные раньше орехи; если же нет, —следующий мальчик старается тихонько так бросить „бабку“, чтобы она перекатилась через орех на один шаг. Затем бросают другие, положим, безуспешно. Тогда тот мальчик прячет „бабку“ в ямку, и игра продолжается до тех пор, пока или мальчик, спрятавший „бабку“ в ямку, или кто-либо из остальных мальчиков не попадет в орех или в ту „бабку“.

Аяш.

III. „ТУРА“.

Собираются 15—20 парней и разбиваются на две партии. Каждая приготовляет себе по „туре“ (жгут). Для этого снимают длинный кушак[1], хорошенько его крутят и складывают несколько раз, так что длина его равняется какому-нибудь аршину[2]. Партии становятся друг против друга на расстоянии 40-50 шагов. Взяв в руки „*туру*“, кто-нибудь медленно-медленно двигается по направлению к противной партии, так что

---

[1]) Кушаки эти, которыми османцы, зимой и летом, окутывают себе живот,—необыкновенной длины. Я наблюдал раз, как османец утром, привязав один конец кушака к дереву, отошел сажени на две и, медленно поворачиваясь, начал наматывать кушак себе на живот.

[2]) „Тура“ делается и из платка, удар тогда, конечно, легче.

между ними остается шагов 5-6. Тогда от противной стороны отделяется парень и, взяв в руки *„туру“*, бежит к тому человеку и, где его ни захватит, начинает хлестать его. Тот бежит, а он гонится все за ним. Кто-либо из товарищей того парня, избиваемого, выбегает ему навстречу и, выхватив у него из рук *„туру“*, идет на противника. Противник поворачивает назад и бежит к себе. Пока он добежит до своих, преследующий старается ударить его возможно больше. Опять на помощь выходит другой парень и начинает гнать перед собой того человека, так только-что преследовавший обращается в гонимого.

Аяш.

Не клади назад!

(Конспект игры).

Игры с „турой“ очень разнообразны; есть напр., игра *„арда кома“* („Не клади назад!“). Играющие садятся в круг. „Бабка“, зажав *„туру“* между ног, ходит сзади вокруг и кому-нибудь за спину бросает „туру“. Тот схватывает „туру“ и бежит вслед. Нагнав его, ударяет. Если, до удара, бросившему „туру“ удается сесть на место своего преследователя,—он перестает быть „бабкой“.

Нырнула рыба.

Несколько человек собираются вместе, садятся в кружок и вытягивают ноги, упираясь в пятки. Приготовляют хороший жгут. *„Бабка“* садится посредине на колени.

После этого, сидящие передают друг другу жгут, пропуская его под ногами. „Бабка“ высматривает все жгут, и если найдет его у кого-нибудь, тот становится „бабкой“. Но пока „бабке“ не удается разглядеть, у кого жгут,—ее стараются ударить по спине раз, а то и два раза; потом, быстро спрятав жгут между ног, ударивший передает жгут соседу, тот—другому, и т. д. В то время, когда жгут ходит кругом, сидящие хором кричат; *„Батты балык, батты балык“* („Нырнула рыба, нырнула рыба!“), а иногда еще ударяют „бабку“—кулаком. Если при этом „бабка“—человек неповоротливый, разиня,—ему плохо достается; если, наоборот, „бабка„—человек проворный, он быстро находит жгут и избавляется („тарт олур“) от обязанностей „бабки“[1].

Аяш.

---

[1]) Между юрюками (в районе Улу-кышла) также распространена игра с „турой“; там она называется „Не даст зада!“ („Гёт сатмаз!“). См. также M. Tevfiq, стр. 21-22.

VI. МЯЧ.

1-й вариант.

Собираются 8—10 мальчиков; делают мяч из шерсти. Один мальчик берет мяч в руки, остальные становятся вокруг него. Мальчик, у которого в руках мяч, с силой ударяет мяч о землю; все другие поднимают руки кверху, чтобы поймать его. Если кто поймает мяч,—другие разбегаются, а мальчик, поймавший мяч, бросает его в убегающих. Если в кого-нибудь попадет— все останавливаются, а удачник садится на спину мальчика, в которого попал; он берет в руки мяч (а все собираются вокруг него) и с силой ударяет мяч о землю. Если кто из мальчиков поймает мяч,—он садится на спину мальчика, бросившего мяч. Но если никто не словит мяча,—все разом разбегаются в разные стороны. А мальчик, на спине которого сидел другой, хватает мяч и бросает в догонку убегающим. Если ему удастся попасть в кого,—он садится к тому на спину; а если нет,—кто-либо другой поймает мяч с земли и бросает в близ стоящего около него мальчика. Если попадет,—садится к нему на спину, и так мальчики бросают мяч один в другого, пока, наконец, в кого-нибудь не попадут.

2-й вариант.

Мальчики становятся в круг. Всего, напр., двадцать мальчиков; десять ложатся вниз; другие десять взбираются на них, причем расстояние между лежащими, по крайней мере, составляет два шага. Кто-нибудь из мальчиков наверху бросает мяч в соседа наверху, тот должен поймать и перебросить мяч своему соседу. Так, мяч переходит из рук в руки, пока кто-нибудь, наконец, не уронит мяча. Когда кто уронит,—мальчики, находящиеся внизу, меняются местами с теми, что были наверху.

Аяш.

МЯЧ[1].

Пять-шесть мальчиков собираются на ровном месте, у каждого в руках по палке. Для того, чтобы определить, кому быть „пастухом", все палки кладут в одну кучу и передают мальчику, которого считают самым справедливым. Мальчик бросает палки через голову назад. Положим, чья-либо палка оказывается сверху,—тот мальчик избавляется от пастушества. „Пастухом" становится тот, чья палка напоследок окажется сни-

---

[1]) По-османски „гюдюль".

зу. „Пастуху“ дают в руки мяч, по-середине круга выкапывают небольшую ямку. Если „пастуху“ удастся загнать мяч в яму, он перестает быть „пастухом“. В то время, как он старается протолкнуть мяч в яму, мальчики ударяют мяч палками. „Пастух“ должен поймать мяч, и сколько они ни бьют по мячу, он все бегает за ним. Чтобы только не быть „пастухом“, толкают мяч ногой или палкой; если мяч покатится и, еще не остановившись, коснется того мальчика, который ударил его палкой, — он становится „пастухом“. Как только „пастуху“ удается загнать мяч в яму, игра кончается, и мальчики снова бросают палки. Если судьба ему благоприятствует, и на этот раз палка его окажется сверху, - он больше уже не „пастух“.

Кара-Хисар.

V. ЧИЖИК[1].

Мальчики одного квартала собираются где-нибудь на ровном месте для игры в „чижик“. Играет, по крайней мере, четыре или шесть человек, во всяком случае, четное число. Перед началом игры берут камешек и одну сторону его слюнят; потом бросают камень в воздух: какая сторона угадает, та и начинает игру, а другая становится напротив, каждый берет в руки по длинной палке.

Все размещаются по местам и, все время держа кверху палку, выжидают „чижика“.

Сторона, которой выпало играть сперва, кладет рядом два камешка, а на них — „чижика“; палку пропускают под „чижиком“ и тихонько его приподнимают, потом ударяют палкой по „чижику“ посильнее, а противная сторона старается палками коснуться летящего „чижика“; и если это удается кому-нибудь сделать, — мальчик, бросивший „чижика“ выходит из игры. Теперь бросает другой мальчик. Если никому не удалось коснуться своей палкой „чижика“, кто-нибудь (из противной стороны) поднимает „чижик“ и бросает в те камни, а между этими камнями уже лежит палка, которой был выбит „чижик“. Мальчик бросает „чижик“ оттуда, куда он упал, по направлению к камням. Если „чижик“ ударится о камни или о палку, — мальчик, игравший (так же, как и первый) выходит из игры.

Но если тому не удается попасть „чижиком“ — играющий берет свою палку, лежащую между камнями, и „чижик“; „чижик“ кладет на палку и тихонько-тихонько подбрасывает „чижик“ палкой в воздух, а ударяя, считает: „*Би дири, ики дири ючь дири*“ („Раз жив, два жив, три жив“) и т. д. до тех пор, пока

---

[1]) По-османски „челик“.

„чижик“ не упадет на землю; теперь он будет играть столько раз, сколько раз удалось ему подбросить „чижик“ вверх палкой. Если, положив „чижик“ на камни, каким-либо образом он не попадет, как следует, палкой по „чижику“ в то время, как ему нужно ударить, и „чижик“ останется на месте, а он попусту взмахнет, стало-быть, палкой,—он теряет одно очко. Если же это случается с мальчиком, который только-что начинает играть и у которого нет никаких очков,—он выходит из игры и больше уже не может бросать. Если „чижик“ не подскочил так, как хотел играющий,—он не взмахивает палкой, а вторично кладет „чижик“ поверх камней и бросает.

Положим, мальчик пустил „чижик“, а кто-либо из противной стороны поймал „чижик“ рукой,—играющий мальчик в таком случае выходит из игры; выходит также из игры мальчик, если „чижик“ коснется чьей-либо палки из противной стороны.

Аяш[1].

2-й вариант.

Водяной чижик[2].

Играют в эту игру девочки. Если противная сторона не сумела попасть „чижиком“ в палку, лежащую на камешках, вымеряют шагами расстояние между камнями и местом, где упал „чижик“. Числом шагов определяется количество выигранных очков. Какая сторона раньше дойдет до положенного числа очков,—садится противной стороне на спину, и те везут их.

Кара-Хисар.

„Сюльдюр“[3].

Два мальчика, собравшись, берут палочки, длиной в пядень, и заостряют оба конца. Кто сперва сделает, тот подбрасывает „чижик“ палкой, что у него в руках, слегка вверх, при этом говорит: „*Сюльдюр диктур, бизлери гюльдюр*“.

Когда „чижик“ упадет на землю, он ударяет палкой по тому концу, где удобнее. „Чижик“ подпрыгивает, а он его ударяет палкой. Так он делает три раза. Расстояние, на которое подпрыгнул „чижик“, измеряют шагами. Если противник может перепрыгнуть расстояние, пройденное „чижиком“,— мальчик „падает“, т. е. теряет право на продолжение игры. Его

---

1) Эта игра известна и в Конии.

2) По-османски „су челийи“. Сообщаются только черты, уклоняющиеся от первого, ангорского, варианта.

3) Мне неизвестно значение этого слова.

место заступает тот, который перепрыгнул. Кто раньше сделает положенное число очков, садится проигравшему на спину,

В эту игру играют мальчики, не старше 12-ти лет.

Кара-Хисар.

„Херле-терле"

5—6 мальчиков собираются на ровном месте. Берут камешек, одну сторону мочат и бросают камень вверх, чтобы определить, кому быть „бабкой". В противоположность другим играм, здесь всякий хочет быть „бабкой". Бросающий камень говорит соседу: „Что ты берешь, мокрую сторону, или сухую?" Если тот не угадает, он уже не может быть „бабкой" Если камень упадет той стороной, как он скажет, камень переходит к нему, и он бросает камень. Тогда мальчик снова бросает камень вверх и спрашивает то же у другого. Так бросают мальчики камень до конца, пока не определится „бабка".

Мальчики становятся в круг. „Бабка", держа в руках палку и „чижик", занимает место по середине. „Бабка" тихонько бьет „чижик" вверх; пока „чижик" падает, он еще ударяет, а на третий раз бросает „чижик" за круг. Если кто из детей, стоящих по краям круга, схватит „чижик" прежде, чем он упадет,—он делается „бабкой".

Конечно, „бабка" старается так бросать, чтобы никто не мог схватить „чижик".

Кара-Хисар.

„Чорту".

5—6 мальчиков, с палками в руках, собираются на ровном месте. Берут „бабку" („чорту"), кость и т. д., высотою с пядень. Определив, кому быть „пастухом", устанавливают „бабку". По обе стороны от „бабки", на расстоянии десяти шагов, ставят по камню. Определяют место, откуда будут бросать палки; обычно равняется оно шагам восемнадцати. Все выстраиваются в ряд, „пастух" с палкой становится за „бабкой". Мальчики разом бросают палки. Если кто-нибудь попадет палкой в „бабку", и она покатится,—„пастух" обязан поставить „бабку" на место. Если палка, не попав в „бабку", прокатится дальше,— мальчик должен выйти за черту своей границы и взять палку. Если „пастуху" удастся коснуться его концом палки прежде, чем тот ступит на свою палку, выйдя за черту, —„пастух" избавляется от пастушества, и „пастухом" становится тот мальчик. Бывает, что никто не собьет палкой „бабку", все ступят на палки ногой, но „пастух" никого не про-

пускает. Тогда кто-нибудь, убежав как-нибудь к себе за черту, бросает с установленного места палкой в „бабку“. Положим, он собьет „бабку“; в то время, как „пастух“ занят установкой „бабки“, мальчики убегают, потому что, прежде чем не поставит „бабки“, он не имеет права трогать кого-либо своей палкой.

В эту игру играют мальчики, не свыше 15 лет.

Кара-Хисар.

1) „Как-кыл“.

Поверх „*чорту*“ кладут шарик, который нужно сбить.

2) „Тут-мы изин“.

Когда палка остается в черте круга, обращаются к „*бабке* за разрешением взять ее оттуда, со словами: „*тут-мы изин*?“

Пастушья палка[1].

Собираются 5—10 мальчиков и, отломив с дерева по суку, идут на просторное место. Садятся в ряд. Взяв палки в руки, держат их, тонким концом книзу, толстым кверху, причем руки у них находятся на расстоянии 2 пядей от тонкого конца. Сначала кто-нибудь с правой стороны, тихонько ударяя палку о землю, бросает ее. За ним и остальные мальчики также пускают палки. Чья палка останется позади,—тому и быть „бабкой“.

Тот мальчик встает и, собрав все палки, раздает мальчикам, а свою палку кладет перед ними на расстоянии шага. Кто нибудь из мальчиков кладет сперва свою палку на палку „бабки“ и, несколько раз ударив ее, пускает свою палку вперед; „бабка“ берет свою палку и кладет ее рядом с палкой мальчика, который бросил, а палку его вручает хозяину. После того другой мальчик бросает своей палкой в палку „бабки“. Если он попадет, и его палка покатится дальше,—„бабка“ встает и перемещает свою палку, положив ее рядом с палкой того мальчика, а палку также возвращает хозяину. Потом пускает палку третий мальчик; положим, он не попадает в палку „бабки“, значит, он „умер“, т. е. вышел из игры. „Бабка“ не приносит уже ему палки. Так бросают все мальчики, никто не попадает, и палки их лежат. Наконец, остается один мальчик. Если ему удастся попасть в палку кого-либо из мальчиков, выбывших из игры,—тот мальчик „оживает“, т. е. приобретает право на игру. „Бабка“ приносит две палки,—палку мальчика, бросившего, и

---

1) По-османски: „чобан дейнейи“.

ту палку, в которую он попал. Пускают палки теперь оба мальчика. Если кому-либо удается попасть в палку „бабки“, „бабка“ встает и перемещает свою палку к правому концу палки того мальчика, который попал; но если мальчики попадут не в палку „бабки“, а в палку какого-нибудь мальчика,—тот мальчик „оживает. Опять они бросают. Наконец, все дают промах, и палки лежат в разных направлениях; все, стало-быть, „умерли“. Тогда „бабка“ собирает палки мальчиков и садится там, где сначала находилась ее палка. Рядом с собой кладет „бабка“ и те палки, берет одну из них и пускает в свою палку. Если „бабке“ удастся попасть в свою палку,—мальчик, чьей палкой она бросила, становится „бабкой“. В противном случае она продолжает бросать другие палки, пока не определится, кому быть „бабкой“.

Потом „бабка“ встает, собирает палки и, взяв также свою палку, идет к мальчикам. Палки она раздает мальчикам, они бросают палки, а „бабка“ садится по очереди на спину мальчикам, и они везут ее туда, куда упали их палки.

Кара-Хисар.

VI. СТРЕЛЫ.

Любят дети играть в стрелы. Так наз. стрела это—род камыша, который растет у воды. Сперва это—небольшая трава, потом она вырастает, и длина ее равняется сажени; камыш этот ровный, толщиной с палец, а на макушке у него—круглый шип, с ниточную катушку. Камыш сохнет. Тогда дети вырывают его и очищают от шипа на макушке и от внешнего покрова. Каждый выбирает себе по толстому камышу; в толстом конце проделывают отверстие и просовывают туда тонкую палочку, сырую; концы этой веточки сближают и завязывают. Так устраивается лук. Тонкий камыш идет на стрелы; каждый делает знак на своей стреле.

Пять—десять мальчиков идут на ровное место и, выстроившись в ряд, пускают стрелы, которые летят чуть не на пятиминутное расстояние. Потом смотрят, чья стрела улетела дальше,—ему дают по стреле.

Аяш.

VII, ДРАКА.

„Дядюшка корзинщик“[1].

Четверо мальчиков начинают игру „дядюшка-корзинщик“. Двое ложатся, упираясь локтями или ладонями и коленями, а

---

[1]) По-османски: „сепетчи дайы“.

спины выпрямляют; при этом головы у них, приходясь одна против другой, соприкасаются между собой. Два других мальчика садятся им на спины, поджав под себя ноги; между ними происходит следующий диалог:

— „*Селямун алейкюм*, дядюшка-корзинщик“!

— „*Алейкюм селям*, дядюшка-корзинщик“.

— „Ты что ли корзинщик, или я?“

— „И ты—корзинщик, и я“.

— „Да, стало-быть, и ты—корзинщик, и я; как же оба мы будем жить на этом свете? Ну-ка, приложи одну руку к лицу, а другую—к колену, держись крепче, посмотрим!“

Так говоря, первый мальчик мочит свою руку и с силой ударяет другого по руке, которую тот держит перед самым лицом. Если тот мальчик от пощечины упадет, мальчики, находящиеся наверху, должны лечь вниз, а те, что были внизу, садятся на них; если же тот мальчик устоит, то он, в свою очередь, поведет разговор и ударит соседа. И так продолжается, пока кто-нибудь из них не упадет.

Аяш.

Война без рук, одними ногами[1].

Двум мальчикам крепко связывают руки, а через руки пропускают обе ноги Они катятся по земле, как ежи. Оба они сближаются и начинают между собой разговаривать; бьют друг друга ногами и откатываются; сильно друг друга утомляют, словом,—вгоняют друг друга в пот. Иногда падают они на лицо, иногда ударяются шеей; все тело у них болит, и они никак не могут сесть. Если при этом один из связанных мальчиков половчее, то он в конец измучит другого.

Аяш.

VIII. ЗАВЯЗЫВАНЬЕ ГЛАЗ.

Угадай, кто ударил[2].

Двое мальчиков ложатся на землю рядом („кардаш ятысы“), сверху их покрывают большим покрывалом. Один из них непременно должен знать игру; другой совсем не знает, в чем дело. Прежде, чем они лягут, им говорят: „Когда вы ляжете, мы возьмем палку и тихонько будем по очереди вас ударять и спрашивать, кто ударил? Если вы угадаете, то ляжет мальчик, который ударил; нет,—будете лежать до тех пор, пока не уга-

---

1) По-османски: „эльсиз аяк-лан мухаребе“.

2) Название игры сочинено мною.

даете". Те ложатся, их накрывают, а в руки мальчика, который знает игру, дают палку. Взяв палку, мальчик тихонько ударяет себя. Сверху кто-нибудь спросит: „кто ударил?" Тот мальчик скажет, например,—„Ахмед".— „Нет, ты не сумел угадать". Опять тот мальчик тихонько себя ударит. Чей-нибудь голос спросит: „Кто ударил?" —„Мехмед", скажет мальчик, ударивший себя.—„Нет, ты не угадал", отвечают ему. После того мальчик, у которого палка, сильнехонько ударяет мальчика-соседа. Сверху кто-нибудь скажет: „Кто ударил?" Мальчик называет кого-нибудь. Словом, он до бесконечности получает удары, потому что никак не может угадать, кто его бьет. Но вот разом с них сбрасывают покрывало, мальчик видит в руках своего соседа палку и понимает тогда, что это он его бил; больше уже он не соглашается так зря подвергаться ударам.

Аяш.

„Чарыки сосновые[1].

8—10 мальчиков разбиваются на равные по числу партии. Противной стороне завязывают глаза и садятся им на спину. Минут пять носят те, а мальчики, усевшиеся, хором распевают:

„Чам чам чарыы,
Имам кызынын ярыы".

(*Перевод*: „Сосновые, сосновые „чарыки", дочери имама...").

По знаку „хеш" мальчики показывают пальцы тем, на ком они сидят. Если кто угадает, сколько пальцев показал его седок,—они меняются, и седок обращается в возчика.

Кара-Хисар.

„Тр-р, тр-р"[2],

Собирается вместе много народу; выбирают из них двух и приносят довольно большую веревку. По середине круга вбивают кол и привязывают веревку к нему по середине так, что оба конца веревки равны. Оба конца веревки привязывают к талии двух игроков; обоим глаза плотно завязывают платком, так что они ничего не могут видеть. Одному дают в р[illegible] жгут („тура"), а другому—две деревяшки или два плоских к[illegible] мешка. Тот, у которого в руках деревяшки или камешки, ударяет их друг о друга и при этом кричит: „Васыл!", а тот отвечает в рифму: „Жгут идет, наклонись („ясыл")!" Он тихонько двигается в ту сторону, откуда идут звуки, и старается по-

---

[1]) По-османски: „чам-чам чарыы"; игра получила название по шутливой песенке, распеваемой мальчиками.

[2]) По-османски: „кырт, кырт"—звук захлопнувшейся (мышиной) ловушки.

сильнее ударить того человека. Если сумеет ударить, так ударит, а нет,—так в пустую; бывает, что и себя ударит сильно по руке. Так и играют. Если глаза человека, в руках которого „*тура*“, видят сколько-нибудь из-за платка, тогда другому больно достается.

Аяш.

2-й вариант.

„Мера“[1].

Привязывают к колу веревку; кто-нибудь берется за нее, другие стараются его бить; если ему удастся кого-нибудь из них задеть ногой,—тот становится на его место.

Кония.

IX. ПРЫГАНЬЕ.

Ра-аз, два-а[2].

Несколько мальчиков идут на ровное место. Для того, чтобы определить, кому быть „бабкой“, режут по числу играющих бумажки и на одной бумажке проводят черту; бумажки свертывают, причем все бумажки должны быть одинакового размера. У кого-нибудь берут феску и кладут туда бумажки; один мальчик держит феску, закрыв отверстие рукой. Мальчики по одному вынимают бумажки; наконец, в феске остается одна бумажка, ее берет мальчик, держащий в руках феску. Потом все разом раскрывают свои бумажки: кому досталась бумажка с черточкой,- тот и „бабка“.

„Бабка“ становится по середине и наклоняется, положив ладони на колени. С головы у него снимают феску и кладут ему на спину. Кто-нибудь из мальчиков отходит от него шагов на двадцать и, разбежавшись, прыгает через него, упираясь обеими руками о спину; прыгая, он говорит: „Бир-дир бир“ („Ра-а-з!“). За ним прыгает другой мальчик и говорит: „Ики дир ики“ („Два-а!“). Словом, сколько там ни есть мальчиков, все поочередно прыгают. Если кто-либо из мальчиков, прыгая, заденет феску и уронит ее на землю,—он становится „бабкой“. Но если никто не уронит, так тому и быть все время „бабкой“. Если „бабка“—мальчик здоровый, то прыгающий старается еще сильнее прижать ему спину своими руками.

Аяш.

---

[1]) По-османски: „эндазе“.
[2]) По-османски: „бир-дир бир“.

2-й вариант.

Схватывание пирожков на осле[1].

Мальчиков восемь разбиваются на две партии, по четыре в каждой. Двое мальчиков становятся друг к другу задом; другие двое поддерживают их сбоку. Противная сторона прыгает через них, перевернувшись на них головой.

Кония.

„Длинный осел"[2].

Собираются несколько мальчиков и разбиваются на две партии. Кто-нибудь берет камень, зажимает его в руке и говорит противной стороне: „Где камень?" Один мальчик схватит руку и скажет: „здесь пусто", или „здесь камень". Если он угадает, сторона того мальчика, который держит камень, становится „бабкой".

Все они выстраиваются в ряд, наклоняются и берут друг друга за талию, причем первый прислоняется или к большому камню, или к дереву. А другие мальчики, отойдя назад, с разбега прыгают на них и хорошенько там усаживаются. Однако, ноги у них не должны касаться земли. Потом мальчик, вспрыгнувший первым, поднимает несколько пальцев и говорит: „Чатал-матал, кач чатал?" („Вилка-милка, сколько зубьев на вилке?"). Мальчик, который под ним, скажет: „две" или „три"; если он сумеет узнать,—мальчики, что стоят, нагнувшись, избавляются, а „бабкой" становится та сторона, что сидит на них. А если не угадает,—мальчики слезают и снова прыгают на них. Словом, прыгают до тех пор, пока те не угадают, сколько зубьев, или пока чья нога не коснется земли, или сам он не упадет.

Аяш.

Свод горячей бани[3].

Мальчики разбиваются на две партии, по 5 человек в каждой. Противная сторона выбирает из своей среды „пастуха" „Чобан" берет в руки кушак, один конец держит сам, а другой отдает четырем мальчикам. Те сдвигают головы вместе, образуя как-бы свод. („Чобан" может двигаться так, как позволяет ему длина кушака). Тогда другие мальчики, крича: „Свод

---

1) По-османски: „эшекь юстюнде бёрек капмасы". Чехарда (под названием „тюнлюме") известна и юрюкам около Улу-кышла (конийского вилайета).

2) По-османски: „узун эшек".

3) По-османски: „исси хамам куббеси".

горячей бани!“ („Исси хамам куббеси“) стараются прыгнуть на тех. Если „чобану“ удастся коснуться кого-нибудь ногой, прежде чем они сядут верхом, — те становятся „бабкой“.

Кара-Хисар.

X. ПРЯТКИ[1].

Мальчики одного квартала собираются где-нибудь на удобном месте. Для того, чтобы определить, кому быть „бабкой“, берут плоский камень и слюнят одну сторону. Потом мальчики разделяются на две партии; одна партия берет камень и, бросая его в воздух, спрашивает у другой: „Мокрая или сухая (сторона)?“ Кто-нибудь скажет: „мокрая“ или „сухая“. Когда камень упадет на землю, все смотрят, какая сторона пришлась сверху, мокрая или сухая.

Та сторона, которая угадала, убегает и прячется; из противной стороны кто-нибудь должен быть „бабкой“, но „бабкой“ никто добровольно не желает стать. Тогда кто-нибудь произносит считалку; „Ийне, иплик, ядес, кибрик“ („Иголка, нитка, ядес, еж); на кого придется слово „кибрик“, тот становится „бабкой“. „Бабка“ закрывает глаза, уткнувшись лицом в большой камень или дерево. Между тем, мальчики попрячутся. „Балбк„ говорит: „Олду, битти, кулач гитти“ („Совершилось, кончиаось, сажень ушла“). „Потом „бабка“ идет и ищет, где мальчики. Кто кого увидит, сейчас же называет его по имени и бежит поскорее к камню, повторяя все его имя; но если тот мальчик сумеет раньше „бабки“ подбежать к камню,—прежний мальчик остается опять „бабкой“.

Аяш.

2-й вариант.

Козочка[2].

Одному завязывают платком глаза; остальные разбегаются. Если тот сумеет кого из них схватить, тот становится „бабкой“. Только, играть в эту игру нужно в „комнате“, потому что, если играть на улице, никак тогда не схватить никого „бабке“; бойкий мальчик все бежит, да бежит. А в комнате, как ни бегает, все удастся прижать его к стене, и тогда мальчик, у которого завязаны глаза, непременно его схватит.

Аяш.

---

[1]) По-османски: „гёз юмуджу“, потому что бабка, ожидая, пока мальчики спрячутся закрывает глаза.

[2]) По-османски: „кёр чепиш“.

„Сине-бит".

Сначала, чтобы определить, кому быть „пастухом", кто-нибудь берет в руки щепку и, спрятав ее в руке, спрашивает у другого: какую берешь руку? Если тот откроет руку, в которой зажата щепка, мальчик, у которого была щепка, избавляется от пастушества. В конце концов „пастухом" делается тот, у кого останется щепка. Определяют еще кого-нибудь в „бабки".

„Бабка" становится где-нибудь у дерева или у стены. Место это называется „чур" („эмен"). Потом „бабка" закрывает „пастуху" глаза. В это время все прячутся. „Конец пастуху (стоять)?" („Чобан битти-ми?"),—спрашивает „бабка". „Кончено",—кричат спрятавшиеся. „Бабка" открывает „пастуху" глаза и выпускает его. „Пастух" бегает за спрятавшимися мальчиками и если коснется кого рукой прежде, чем он добежит до „чура",—тот мальчик становится „пастухом".

Кара-Хисар.

2-й вариант.

„Прячься, сестрица!"[1].

Во время игры один кричит: „Прячься, сестрица!" Спрятавшиеся дети отвечают: „Карагол"[2], т. е. мы готовы, теперь можно нас искать.

Кония.

XI. ПРИКОСНОВЕНИЕ РУКОЙ.

„Взгляни на мой стройный рост!".[3]

4—5 мальчиков собираются вместе, разбиваются на партии и садятся на корточки друг против друга на расстоянии 2-х аршин. Одна сторона, со словами: „Взгляни на мой стройный рост!", поднимается на ноги. Если противная сторона успеет коснуться их руками прежде, чем они опять сядут на корточки,—она избавляется от обязанностей „бабки".

Кара-Хисар.

„Гюдю-гюдю!"[4].

В кружок садятся 7—8 мальчиков. Сначала определяют, кому быть „бабкой". Один мальчик произносит считалку, на

---

[1]) По-османски: „саклан, баджы".

[2]) Собственно, значит: „караул".

[3]) По-османски: „бак беним серви боюма".

[4]) Это—звукоподражательное слово (так сзывают птицу?); в Эдремите есть слово „гюдюк", значит: куцый.

каждого мальчика определяя по слову: „Анне, минне, дадыйы динне, ходжа Бильбиль, куш дили, дереджук тепеджук, аузу кузул (или: кызыл), чик, депейе бюзюль“! Кому из мальчиков придется слово „кузул“ („кызыл“), тот становится „бабкой“.

„Бабке“ завязывают глаза и, говоря: „гюдю, гюдю!“, толкают и трогают, чтобы только рассердить. Если тому удастся схватить кого-нибудь из мальчиков, он избавляется от обязанностей „бабки“.

Кара-Хисар.

XII. КОЛЬЦО.

Игра в кольцо[1].

В длинные зимние вечера деревенские парни собираются в „комнате“[2] и начинают играть в очень распространенную игру—„кольцо“. Для игры в кольцо необходимо, по крайней мере, 8—10 человек; разбившись на две группы, они садятся; при этом заранее уславливаются, будет по окончании игры „наказание“ („ишкендже“), или нет. Выкладывают 8 фесок, по числу играющих, и один платок, который носит название „хряща“. („джызык“).

Когда все приготовления окончены, определяют, какая сторона будет сперва прятать кольцо; для этого кто-нибудь из играющих берет кольцо (впрочем, кольцо может быть заменено монетой, пуговицей и т. п.) и прячет его под одну из трех тюбетеек („такке“); если противная сторона укажет на тюбетейку, под которой спрятано кольцо, в первый раз или во второй,—право начала игры отходит от них (иногда, почему-либо угадывая, где находится кольцо, она сознательно приберегает ту тюбетейку и не называет ее до конца); если она таким образом только в третий раз отгадает, где находится кольцо,—она приобретает право на игру.

Игра начинается; кладут фески и платок; кольцо передают наиболее ловкому, кто умеет получше спрятать кольцо. Он берет кольцо в руки и показывает противной стороне, „Вот, смотрите, кольцо“, говорит он. С этими словами он садится на колени, перед ним лежат фески, обращенные в его сторону отверстиями. Он сует одну руку в феску, а другой рукой поддерживает феску сверху и быстро затем вытаскивает руку из фески; после этого он немедленно феску прижимает рукой, а ту руку, которая прятала кольцо, закидывает назад. Так проделывает он со всеми фесками. Потом, он или прячет руку

---

[1]) По-османски: „юзюк ойну“.

[2]) Под „комнатой“ („ода“) разумеется половина дома, предназначенная для гостей (мужчин).

назад, за спину, или между ногами, или обматывает на нее платок—„хрящ". Теперь противная сторона раздумывает, где бы могло быть спрятано кольцо; один говорит одно, другой—другое; поднимается шум. Наконец, все приходят к решению, что кольцо может быть или вот в этой, или в той феске, и указывают на две фески. Эти две фески называются „почин" (*„ильхь эли"*). Поднимают эти две фески; если они угадают, кольцо переходит к ним; но если под этими фесками кольца не окажется,—сторона, спрятавшая кольцо, прячет эти фески и платок. Потом бьют в ладоши, говоря: „Ну, вот теперь кольцо спрятано". Опять противная сторона начинает думать. Они приподнимают сперва те фески, которые, по их мнению, пусты; если кольцо окажется как-раз под той феской, которую они считают пустой,—ту феску называют „дим'ят"[1]. „Там всего 9 фесок[2]",—кричат те, что спрятали,—и засчитывают себе 18 очков. Но если кольцо окажется не под этой феской, а под другой,—противная сторона проигрывает столько очков, сколько осталось еще нетронутых фесок. Но вот, положим, кольцо так все и не выходит, а осталось 3 фески. Теперь противная сторона долго думает и, наконец, решает: „Кольцо может быть только вот под этой феской. Тогда ту феску, под которой, по их мнению, должно находиться кольцо, они оставляют на самый конец, а поднимают другие две фески. И если предположение их оказывается верным,—они выигрывают, но если кольцо будет открыто под первой или второй феской,—выиграла, стало-быть, та сторона, которая прятала кольцо.

Так все и прячут, пока число выигранных очков не достигнет 39. Если число очков окажется равным 39,—получается положение, называемое „март", т. е. выигрыш „идет на смарку"[3], они теряют и кольцо, у них остается только одно очко. Точно также, когда число очков доходит до 99,—получается „март".

Во время игры, найдено будет кольцо или нет, подсмеиваясь друг над другом, распевают следующую песенку:

Мезерликте тильки гезер,
Аhмед-аганын багрын езер,
Бош таккеде—юзюкь сезер,
hо hаі лелли, джаным шашты заваллы".

(*Перевод:* „По кладбищу гуляет лисица, она давит грудь Ахмед-аги, она (он?) подозревает под пустой тюбетейкой коль-

[1]) См. M. Tevfiq, стр. 17.
[2]) За феску считается и „джызык"—платок.
[3]) Ср. выражение в игре „трик-трак"—„марс олдук"—розыгрыш.

цо, хо, хай, лелли, бедная душа моя смутилась“).

Число очков должно быть доведено до 100, тогда игра кончается.

Во время игры бывают шумные споры.

Побежденная сторона подвергается различным наказаниям; так, напр., выбривают кому-нибудь голову: усаживают по середине, к нему подходит, под видом цирюльника, кто-нибудь из выигравших, льет на голову холодную воду и начинает сильно водить рукой по всему лицу, ушам, по волосам, и так сильно трет, что лицо и уши у того раскраснеются; потом берет лучину и водит ею по голове, как бритвой. Или: кто-нибудь из побежденной стороны садится на четвереньки, и под ним — „у него в пещере“—ловят лисицу. Берут спичку, зажигают бумагу и подносят ее к человеку. Потом берут в руки ружье, приставляют его к заду и, как-бы стреляя, говорят: „Ну, вот теперь лисица выскочит, подстрелю-ка я ее!“ Или: нагнувшись, проходят у него между ногами, сильно толкая его; одним словом, без конца мучают того человека. Или: уложив навзничь, совершают, сидя на нем, молитву. Или: сажают его на осла, лицом к хвосту, в руки дают ему хвост и, погоняя осла, с песнями ведут его к дому; из дома выносят им яйца, и так обходят они всю деревню. Бывает и так, что побежденная сторона устраивает для победителей пирушку[1].

Аяш.

2-й вариант.[2]

8—10 мальчиков выстраиваются в ряд. Кто-нибудь становится „бабкой“. Взяв в руки кольцо, он незаметно сует кольцо кому-нибудь в карман, и т. д. Потом „бабка“ берет „туру“ и, ударяя крайнего мальчика, спрашивает: „У кого кольцо?“ Если мальчик угадает, он становится „бабкой“; нет — „бабка“ переходит ко второму. Так. „бабка“ бьет всех до тех пор, пока не найдется кольцо.

Кара-Хисар.

VIII. ГРУБЫЕ ИЗДЕВАТЕЛЬСТВА.

„Перегонки“[3].

Какой-нибудь мальчик убеждает других бежать с ним в перегонки, обещая дать что-нибудь тому, кто его опередит. Когда кто окажется впереди всех, он смеется над ними, говоря:

1) Распространенная и в жизни (наприм., среди цехов) форма наказания.
2) Вариант у M. Tevfiq, стр. 16—18.
3) По-османски: „гечме“.

„Оюде ки дюе. артта-ки буа“; если он окажется в середине: „Ортадаки чоджук, сике, секе осандук“, а если он отстанет: „Арттакинин ардуна, балта сапы гитсин яруна“. Бедные мальчики, видя, что где бы они ни были, над ними все смеются, отказываются больше бежать; они понимают, что их обманули.

Кара-Хисар.

Wl. Gordlevsky.

JEUX DES TURKS D'ANATOLIE.

Le jeu trouve son origine dans l'existence et les travaux quotidiens de l'homme. Mais ayant le travail pour base, le jeu lui enlève sa pénibilité et le transforme en un divertissement.

C'est à Constantinople que ces jeux ont été notés. Ils ont été communiqués par Nouri, originaire d'Ayach (vilayet d'Angora) et par Ahmed, originaire de Kara-Hissar (vilayet de Sivas). Les jeux d'Angora sont plus grossiers mais plus originaux; ceux de Sivas ont plus de grâce: souvent ce sont des jeux des enfants de bourgeois.

Parmi les jeux notés nous trouvons ceux de l'interieur et ceux du grand air, des jeux de jeunes gens et de jeunes filles. Chaque jeu commence par le tirage au sort, et puis suit le jeu-même; tantôt c'est la représentation de quelques traits de l'existence quotidienne, tantôt c'est une réminiscence des usages évanouis, parfois ce n'est qu'une manière de sport.

L'auteur donne une brève notice sur la bibliographie des jeux turks.

Il divise les jeux énumérés en XIII classes; 1) les jeux-représentations, 2) jeux des osselets, 3) jeux de „toura“, 4) jeux à la balle, 5) le „tchilik“, 6) les flèches, 7) la lutte, 8) le colin-maillard, 9) les sauts, 10) le cache-cache, 11) l'attouchement par la main, 12) l'anneau, 13) les rudes railleries.

Е. С. Зевакин.

Прикаспийские провинции в эпоху русской оккупации XVIII века.

I

Прежде чем говорить об экономическом положении прикаспийских областей в эпоху русской оккупации, необходимо, хотя бы вкратце, остановиться на русско-персидской политике XVIII века до ганджинского трактата 1735 г. До 1715 г. все внимание Петра было поглощено европейскими и турецкими делами. Сношения с Персией продолжали носить, как и в XVIII столетии, экономический характер и не были интенсивными. С 1715 по 1721 г. начинается подготовка к интервенции. Русское правительство зорко наблюдает за состоянием Персии, чтобы в подходящий момент захватить прикаспийские области. Хотя Персия находилась в полном упадке и подверглась нашествию афганцев, но до окончания северной войны нечего было и думать о вступлении в персидскую войну.

В 1722 г. начинается третий момент петровской политики в Персии—момент наступательный: под предлогом ограбления русских купцов в Шемахе, Петр захватывает прикаспийские провинции, сначала Дагестан и Дербенд, потом Баку и Гилян. Петровская политика встретила сильный отпор со стороны турок. Порта уже в 1722 г. стремилась привлечь на свою сторону афганцев, не пренебрегая и шахом Тахмаспом, сыном старого шаха Хусейна, бежавшим из Исфагана после занятия его афганцами. Но Турция не решалась еще открыто вмешаться в персидские дела. Она лишь энергично протестует, требуя вывода русских войск.

В 1723 г. положение меняется: Порта сама переходит в наступление, захватывая одну персидскую область за другой. Создается угроза для прикаспийских завоеваний России. О расширении владений нечего было и думать: приходилось укреплять свои позиции. Начинается четвертый период петровской политики в Персии—период оборонительный. Ведутся длинные переговоры об „армистиции“, и Россия требует, чтобы Порта остановила наступление. В конце 1723 г. персидскому резиденту Неплюеву удалось заключить частичную „армистицию“; Турция обязалась не вступать и не приближаться к новым владениям России, но она не хотела и думать о каком-либо ограничении своих действий в Персии.

В начале января 1724 г. наступает самый решительный момент: Турция пред'являет ультиматум. Казалось, война неизбежна. Но, благодаря посредничеству французского посла, переговоры продолжались и закончились трактатом 1724 года о Персии, которым хотя-бы de-jure ограничивались завоевательные стремления Турции и закреплялись новые территориальные приобретения. Согласно договору, за Россией признавалось право на провинции, перечисленные в трактате 1723 г. (с Исмаил-беком, см. ниже), и устанавливалась граница в Дагестане и Ширване. К Турции переходили области к западу от линии: слияние рек Куры и Аракса – Ардебиль (оставленный за шахом) — Хамадан — Керманшах (оба города переходили в руки Порты). Под медиацией России должны были вестись переговоры с шахом Тахмаспом о признании этого трактата. В случае отказа, Россия и Турция обязывались совместно действовать против Персии. Для разграничения новых владений назначались комиссары, которые, после долгих препятствий и задержек, чинимых турками, в конце концов разграничили земли в Дагестане и Ширване.

В борьбе за Персию, Россия и Порта рассчитывали на афганцев, „бунтовщиков“ (лезгин и проч.) и шаха Тахмаспа. Турки усиленно стремились привлечь на свою сторону Махмуда афганского, предлагая ему вступить в подданство, на правах крымского хана, чтобы таким образом завладеть всей Персией. Неоднократные переговоры об этом не привели к желанному результату: Махмуд хотел остаться самостоятельным государем. В 1723 году Россия одно время также думала завести сношения с афганцами, но ввиду переговоров с шахом, пришлось их прекратить, чтобы не возбудить подозрения. Шах Тахмасп, не игравший почти никакой политической роли, был игрушкой в руках России и Турции. Обе империи не раз вели с ним переговоры, стремясь привлечь его на свою сторону. Особенно на него рассчитывала Россия, которая заключила с его послом, Исмаил-беком, в 1723 году договор об оказании помощи Тахмаспу против афганцев и др. бунтовщиков, ценой уступки прикаспийских областей (Дербенда, Баку, Гиляна, Мазандерана, Астрабада). Но Россия не добилась успеха, договор 1723 года не был ратификован, и отношения с шахом Тахмаспом в сущности были враждебны, если принять во внимание высылку резидента Мещерского (см. у Соловьева в „Истории России“), стремление поднять против русских мусульманское население в прикаспийских областях, а также переговоры шаха с турками. Шахское правительство, несмотря на бедственное положение (занятие Исфагана и большей части Персии афганцами, наступление турок и завоевания России) решительно отказывалось уступить России и Турции какие-нибудь области.

Персидские бунтовщики, т. е. лезгины и другие народы, восставшие против шаха, сделались орудием в руках Турции, которая воспользовалась ими для укрепления своих позиций в Персии и создания постоянной угрозы для русских владений на Кавказе.

Россия, в свою очередь, рассчитывала на христианское население, армян и грузин, стараясь привлечь их в новозавоеванные провинции, для упрочения своего господства. Итак, при Петре, на персидской арене боролись две главные силы: Россия и Турция; афганцы и шах Тахмасп играли второстепенную роль. В основе этой борьбы лежали экономические интересы, это была в сущности борьба за персидский рынок и за транзитный путь в Европу, через Россию или через Турцию. Этим же характером борьбы об'ясняется враждебное отношение и английской дипломатии к русской политике в Персии. Англия играла значительную роль на персидском рынке, а так как путем захвата прикаспийских провиций, главного района шелководства, Россия стремилась завладеть шелковой базой для развивающейся мануфактурной промышленности и для направления персидской торговли с Европой через свою территорию, то вполне понятны интриги Англии и ее заинтересованность в совместных действиях с Турцией против русских. Франция, значительно менее заинтересованная в персидском рынке, индифферентно относилась к русско-турецкой борьбе за Персию и даже оказывала русским дипломатическую поддержку.

Меры Петра к поднятию разрушенного хозяйства прикаспийских областей не привели к желаемым результатам. За немногими исключениями, мусульманское население завоеванных провинций относилось враждебно к русскому владычеству и искало поддержки то у Турции, то у шаха Тахмаспа. Вплоть до конца царствования Петра беспорядки и разруха в прикаспийских областях не прекращались и, за редкими исключениями, попытки восстановить торговлю и хозяйство не увенчались успехом. Большие потери в русских войсках, главным образом, от болезней, еще более ухудшили положение России. Договор 1724 г., несмотря на большие территориальные приобретения Турции, хотя и являлся дипломатической победой России, но не мог прекратить русско-турецкого соперничества, которое не замедлило возобнозиться с новой силой.

После смерти Петра В. русская активность в Персии уменьшается. В 1725 и 1726 г. г. решено было постепенно отделаться от каспийских завоеваний, при условии, чтобы они не попали в руки турок. Согласно договору 1724 года, Россия должна была склонять шаха Тахмаспа к признанию этого трактата. Об этом неоднократно велись переговоры сначала через грамоты и письма, а затем путем непосредственных перегово-

ров, которые велись, как в Гиляне, с русским командованием, так и при шахском дворе, через посыльных. Турция, вопреки договору, продолжала наступление. Она перешла установленные трактатом границы и приблизилась к русским владениям. Одновременно она вела переговоры с предводителем афганцев Эшрефом, склоняя его к признанию турецкого подданства. Русская дипломатия в Константинополе протестовала, но без особенного успеха: Турция продолжала наступать, гарантируя лишь неприкосновенность русских владений и предлагая даже поделить Персию. Переговоры турок с афганцами не привели к желанным результатам. Эшреф наотрез отказался признать свою зависимость от Порты. Мало того, с конца 1726 года он начал усиливаться, и турки стали терпеть поражения.

Возвышение Эшрефа явилось поворотным моментом в после-петровской политике в Персии. До этого на персидской арене боролись лишь две главные силы: Россия и Порта. Теперь появляется третья сила—афганцы. Оба государства стремятся привлечь Эшрефа на свою сторону. Россия, несмотря на переговоры с Тахмаспом, также завела тайные сношения с афганцами уже с конца 1726 г. Турция опередила Россию: в сентябре 1727 г. она заключила договор с Эшрефом. В мае 1729 г. заключается с Россией такой же договор, по которому Эшрефу уступались Астрабад и Мазандеран, фактически не занятые русскими войсками, но считавшиеся русскими владениями, согласно договору 1723 года. На следующий год договор России с афганцами был подтвержден. Эти договоры не имели большого значения.

Падение Эшрефа в конце 1729 г. и возвышение Тахмаспа фактически анулировали их. Ведя переговоры с афганцами, Россия не прекращала сношений с шахом Тахмаспом. Я говорил немного выше, что после заключения договора 1724 г. неоднократно велись переговоры о признании этого трактата. Сначала попытки России не имели успеха, но в 1727 г. шах согласился признать договор не 1724, а 1723 года, заключенный Исмаил-беком. Правда, дальше принципиального согласия на ратификацию договора 1723 г. дело не пошло; кроме того, явилось затруднение, как быть с Портой, если шах не признавал русско-турецкий договор 1724 года.

Падение Эшрефа и возвышение Тахмаспа несколько изменили политические комбинации: афганцы постепенно исчезли с персидской границы, и Россия с Турцией стремятся привлечь Тахмаспа на свою сторону. Вскоре начались персидско-русские войны. Русское правительство не раз уполномачивало своих командиров в Персии уступить шаху приморские провинции на условиях, чтобы они не попали в руки турок, но долго не представлялось удобного случая. Порта вела такие же переговоры

с шахом, и персидско-турецкая война приходила к концу. Русские старались помешать заключению такого договора, который угрожал бы их господству в Персии; точно также и турки старались воспрепятствовать русско-персидскому соглашению. Отношение шахского правительства к русским было холодное: оно было недовольно оккупацией прикаспийских провинций.

В 1732 г. стало известно о заключении персидско-турецкого мира, который оставалось ратификовать. Сейчас же Россия уступила Персии Гилян, а также отказалась от юридического права на Мазандеран и Астрабад, согласно нератификованному договору 1723 года. В связи с этим персидско-турецкая война возобновилась. В это время внимание России и Турции было обращено на европейские дела. Турция, побуждаемая Францией, желала как можно скорее ликвидировать персидскую войну, чтобы бросить все свои силы против России и Австрии и компенсировать себя на Балканах. Поэтому теперь турецкая политика в Персии сводилась к ослаблению русского влияния и к заключению мира с Тахмас-кули-ханом (будущим Надир-шахом), даже с уступкою всех персидских завоеваний. Русская политика в Персии сводилась за это время (после 1732 года) к воспрепятствованию турецко-персидского мира, который повредил бы ей, как в самой Персии, так и в европейских делах. Россия готовилась к войне с Портой. Разгром в Кабарде татарских войск, которые хотели аттаковать Персию с севера, русская политика при шахском дворе, направленная против турок, и ряд других причин подготовили войну 1736—39 г. г. Отношение шахского правительства к России, как и раньше, было враждебное. Тахмас-кули-хан открыл переговоры с Портой и требовал от русских уступки Баку и Дербента. Мир между персами и турками был близок к осуществлению. Так же, как и в 1732 г. пришлось пойти на дальнейшие уступки. Ганджинским трактатом 1735 г. Россия уступала шаху последние свои завоевания—Баку и Дербенд, с их областями, и отступала к своим прежним границам. Отступая в Персии, Россия надеялась вознаградить себя за счет Турции, захватив Азов и пробравшись к Черному морю. Кроме того, она расчитывала заручиться персидской дружбой, которая была крайне необходимой, в виду приближавшейся войны с Турцией (вспыхнувшей, как я говорил, в 1736 году). Наконец, Персия договором 1735 г. восстанавливала нормальные отношения с Россией и гарантировала себя от турецкой опасности.

На дальнейших отношениях России с Персией я не буду останавливаться. Подробности и детали я также опускаю, потому-что краткое введение не имеет целью дать полную картину русско-персидских отношений; мне было важно лишь отметить, какие политические мотивы заставили Россию отступить из

прикаспийских областей. Из краткого очерка ясно видно, что главным политическим мотивом отступления была турецкая опасность и что вся борьба, разгоревшаяся из-за Персии, была фактически борьбой России с Турцией. Афганцы и персы, за исключением некоторых моментов, играли второстепенную роль. Дальше мы увидим, что и экономические условия также диктовали необходимость ликвидировать петровские завоевания, оказавшиеся столь убыточными[1].

II.

Выяснив в общих чертах русско-персидские отношения до ганджинского трактата, перейдем к изучению архивных материалов о хозяйственном положении прикаспийских областей в эпоху русской оккупации. В персидских делах коллегии иностранных дел мне удалось найти документ по вопросу о доходах и расходах прикаспийских провинций, начиная с 1723 года. Они дают нам некоторое представление об экономическом состоянии этих областей в эпоху русского владычества. Необходимо оговориться, что за точность этих материалов ручаться нельзя. Это отмечается даже в самих документах: „в чем точно те доходы состояли, сего коротко обозначить невозможно, ибо за разными причинами в один год собиралось доходов больше, в другой год меньше. Доходы одни были окладные, по деревням и по слободам, не означая количества людей, другие доходы были неокладные и безгласны..., как-то с рыбных ловель, с базаров, с разных мастеровых людей, с продавцов разных вещей и всякой мелочи, пошлина с товаров, с продажи чихиря, овощей, пшена, нефти, шафрану... штрафные и прочие, о точности коих можно ли существенно показать, видно из сего: в приходных и расходных книгах 1728 года, присланных от генерала Левашева, написано: в сборе в Ряще, в Лагажане и в Кескере окладных податей и других доходов... до 18/I 1728 года... 192.000 р. 63$^{3}/_{4}$ к. Да за вышеписанные годы окладных податей доимки сочинилась сумма 669.643 р. 34 к. А в заключении пишет так: и вышеписанной всей доимки никако собрать невозможно, понеже многие деревни за отдалением и за горами и доныне еще в подданство и в послушание не приходят и партиями оных за дальностью к послушанию привести не можно, а многие деревни от морового поветрия пусты учинились. При том включая неисправность в доходах, происходящих от народного замешательства, можно в уважение принять еще... не-

[1]) Очерк составлен на основании документов коллегии иностранных дел, отчасти по Соловьеву—„История России“, и одной рукописи, хранящейся в библиотеке московск. историч. архива—„Краткое обозрение сношений России с Персией“. Итоги до 1728-29 годов даны на основании архивных материалов, с привлечением Соловьева, на основании которого невозможно сделать такие выводы, в виду недостаточного количества материала. Сношения после 1728-29 годов составлены по Соловьеву и упомянутой рукописи из библиотеки, т. к. я не успел просмотреть весь архивный материал.

Таб. 1.

ПРИХОД денежной казны в ГИЛЯНЕ и АСТАРЕ

Годы	Какой монетой: Р.-российск. монетой, П.-персидск. монетой	ДОХОДНЫЕ СТАТЬИ: Откупные, пошлинные, полавочные и всякие мелкие доходы	Провинциальные	Директорские	Мелочные всякого названия сборы	Доимочные	Принято из заимообразных	Итого
с 1/IX 1724 г. по 1/III 1725 г.	Р. и П.	2.904 р.	630 р.	—	—	—	—	3.534 р. —
1725 г.	» »	36.558 р. 97¼ коп.		—	941 р. 49 к.	—	—	37.500 р. 46¼ к.
1726 г.	» »	—	38.185 р. 56¼ к.	38.524 р. 42 к.	1.835 р. 91½ к.	—	—	78 545 р. 89¾ к.
1727 г.	» »	—	91.782 р. 25½ к.	74.738 р. 28 к.	4.044 р. 61 к.	—	—	170.565 р. 14½ к.
1728 г.	» »	—	113.174 р. 75 к.	89.625 р. 96¼ к.	10.487 р. 84½ к.	—	—	213.288 р. 55¾ к.
1729 г.	» »	—	131.234 р. 77½ к.	78.785 р. 16¼ к.	7.674 р. 21 к.	17.075 р. 55 к. (за 1728 г.)	—	234.769 р. 69¾ к.
1730 г.	» »	—	183.836 р. 78¼ к.		7.384 р. 65¾ к.	35.783 р. 74¼ к. (за 1728 и 29 г.)	—	227.005 р. 18¼ к.
1731 г.	» »	—	257 636 р. 86 к.		—	2.966 р. 11¼ к. (за 1728, 29 и 30 г.)	—	260.602 р. 97¼ к.
1732 г.; с 1/I по 30/V в Гиляне; с 1/I по 22/VI в Астаре	» »	—	68.608 руб. 74½ к.			14.811 р. 76 к.	812 р. 44 к.	84.232 р. 94½ к.
Всего	» »	—				—	—	1.310.044 р. 86 к.[1]

1) Сверх того в приходе на 1732-ой год в директорском сборе 494 р. 12 к. казбиков (т. е. негодной медной персидской монеты, как пояснено в тексте).

Таб. 7.

„Краткие перечни вышеписанным всем доходам, сколькс в приходе и ис того в расходе и за расходом на лицо“.

Название провинции	Приход	Расход	Остаток на 1/I 1731 года	За какой срок приходы и расходы
Бакинская	147.346 р. $63\frac{3}{4}$ к.	122.719 р. $37\frac{1}{4}$ к.	24.627 р. $26\frac{1}{2}$ к.	с 10/VIII 1723 года по 1730 г.
Куринская	54.874 р. $03\frac{1}{2}$ к.	46.678 р. 91 к.	8.195 р. $12\frac{1}{2}$ к.	1726—1730 г.
Дербендская	19.254 р. $20\frac{3}{4}$ к.	18.706 р. $26\frac{3}{4}$ к.	547 р. 94 к.	1723—1730 г.
Ведомство бригад. Соймонова	34.705 р. $33\frac{2}{3}$ к.	28.189 р. 94 к.	6.515 р. $39\frac{2}{3}$ к.	1728—1730 г.
Итого	256 180 р. $21\frac{2}{3}$ к.[1]	216.294 р. 49 к.[2]	39.885 р. $72\frac{2}{3}$ к.[3]	

Примечание: 1) Сверх того, в бакинских приходах 49 червонцев разных земель, без цены.
2) „ „ „ „ „ „ „ „ цены которые употреблены с прочими деньгами в расход.
3) Сверх того имеются налицо церковные деньги Дубасова полка 145 р. 85 к. и канцелярские деньги ген.-лейт. Штафа, всего 445 р. 85 к.

Гилянская и Астаринская провинции.	1.310.044 р. $85\frac{3}{4}$ к.	957.226 р. $53\frac{1}{4}$ к.	352.818 р. $32\frac{1}{2}$ к.	с 1/IX 1724 г. по 1732 г.

Приход и расход за 1731 и 1732 года (до 1 октября).[1]

1731 год	Приход	Расход	1732 год (до 1-го октября)	Приход	Расход
Бакинский	27.504 р. $86\frac{3}{4}$ к.	24.660 р. 14 к.	Бакинский	36.539 р. $46\frac{3}{4}$ к.	17.771 р. $38\frac{1}{2}$ к.
Куринский	12.535 р. 61 к.	5.495 р. 88 к.	Куринский	7.884 р. $31\frac{1}{4}$ к.	6.234 р. $31\frac{1}{4}$ к.
Ведом. бригадира Соймонова (Низовая)	19.790 р. $49\frac{1}{2}$ к.	17.445 р. $30\frac{1}{2}$ к.	Ведом. бригадира Соймонова (Низовая)	13 888 р. $15\frac{1}{4}$ к.	16.645 р. 30 к.
Дербендский	8.802 р. $47\frac{3}{4}$ к.	7.154 р. 22 к.	Дербендский	3.112 р. $24\frac{1}{4}$ к.	3.561 р. $75\frac{1}{2}$ к.
Деньги, выданные заимообразно и на разные др. нужды	4.072 р. 54 к.	30.809 р. $47\frac{3}{4}$ к.	Деньги, выданные заимообразно и на разные др. нужды	2.665 р. 80 к.	13.053 р. $97\frac{1}{2}$ к.
Итого	72.705 р. 99 к.	85 565 р. $02\frac{1}{4}$ к.[2]	Итого	64.089 р. $97\frac{1}{2}$ к.	57.266 р. $72\frac{3}{4}$ к.

Остаток на 1/I 1731 г. — 39.885 р. $71\frac{1}{4}$ к.
Приход за 1731 г. — 72.705 р. 99 к.
Итого — 112.591 р. $70\frac{1}{4}$ к.
Израсходовано в 1731 г. — 85 565 р. $02\frac{1}{4}$ к.[2]
Остаток на 1/I 1732 г. — 27.026 р. 68 к.[2]

Остаток на 1/I 1732 г. — 27.026 р. 68 к.
Приход за 1732 г. (до 1/X) — 64.089 р. $97\frac{1}{2}$ к
Итого — 91.116 р. $65\frac{1}{2}$ к.
Израсходовано в 1732 г. (до 1/X) 57.266 р. $72\frac{3}{4}$ к.
Остаток на 1/X 1732 г. — 33.849 р. $92\frac{3}{4}$ к.[3]

1) При подсчете, в тексте рукописи я обнаружил несколько мелких ошибок, которые исправлены в моей таблице.

2) Итог расхода у автора показан без 1/4 коп., благодаря чему в остатке значатся лишние 1/4 к. Ошибки эти исправлены при печатании. Ред.

3) Сверх того выдано заимообразно в жалованье за 1732 г.—39.835 р., что составляет, вместе с наличным остатком на 1/X 1732 г., сумму в 73.684 р. $92\frac{3}{4}$ к. (у автора—93 к., ср. прим. 2. Ред.) „В наличном числе считаются старого дела негодные деньги, собранные в прошлых годах: медныя большие копейки: российских—2.755 р. $24\frac{1}{2}$ к., персидских казбиков—16 р. $43\frac{1}{2}$ к. Сверх того счисляется налицо Дубасова полку—145 р. 85 3/4к., канцелярских генерала фон Штафа—300 р.; итого—445 р. 85 3/4к.“. (Расхождение на 3/4 к. с данными примеч. 3, выше, не оговорено автором. Ред.).

Табл 2

ПРИХОД денежной казны в БАКУ

Годы	Какой монетой: Р. российская монета, П персидская монета	Статьи окладных сборов: За продажную черную и белую нефть, и прочие нефтяные доходы	Пошлины и полавочные с купцов	Подати с деревень бакинского уезда, и за продажную соль с озер.	Итого окладных сборов.	Статьи неокладных сборов: Описные и за описные пожитки у таможних обывателей.	Штрафные с разных таможних сбывателей и за продажу ишаков	Собрано гилянской пошлины с магометанских купцов	Отобрано у отставных грузин, после умерших казаков и выдано карги-це (sic), которые деньги возвращены и выменены на коровье масло и на нефть комисаром Костиным.	„Принято от дарги Солтана собранных с кочевых обывателей с кабыстанских деревень 10 частей за котское паст бище и за откуп навагинского уезда".	Итого неокладных сборов	Итого окладных и неокладных сборов
С 10 VIII 1723 г. по 12 I 1725 г.	Р. и П	25,419 р. 25½ к	1 797 р 17¼ к.	1 091 р 24½ к.	28.337 р. 67½ к.	1 536 р 43½ к.	60 р.	—	—		1 596 р 43½ к.	29 934 р 11 к
С 12 I 1725 г по I II 1726 г.	„	3.228 р. 81 к.	1 087 р 87¼ к		4,316 р 68¾ к.	6.448 р. 95½ к		—	—	—	6 448 р. 95½ к	10,765 р 63¾ к
С I II 1726 г по 1 I 1727 г.	„	11.793 р. 29¾ к.	1.811 р. 50¾ к.	1.546 р 84 к	15.151 р. 5[illegible] к	137 р 95 к.	417 р. 50 к	—	—	—	555 р. 45 к.	15 697 р 06½ к.
1727 г	„	15.983 р. 84¾ к	2,085 р. 56½ к.	960 р 00 к	19.029 р. 11¼ к	—	—	—	—	—	—	19,029 р. 11¼ к
1728 г	„	15 597 р 49 к.	1,965 р. 30 к.	3,979 р. 00 к	21 541 р. 79 к	—	—	297 р. 27¼ к.	28 р. 34½ к.	2,122 р 00 к.	2 447 р. 81¾ к	23 989 р 60¾ к
1729 г.	„	10.922 р. 65¼ к.	1 542 р 84¾ к.	3 795 р. 06 к.	16 260 р 56 к.	202 р. 91 к.	·	—	4 р. 31½ к.	3.960 р 00 к	4,167 р 02½ к	20 427 р. 58 к
1730 г.	„	15.981 р. 20¾ к.	2,02[illegible] р. 48¼ к.	3.900 р. 00 к.	21 903 р 69 к.	—	89 р 80 к.		28 р. 00 к.	3 481 р 70 к.	5,599 р 50 к	27,503 р. 19 к
ВСЕГО		98.956 р. 55¾ к	12.312 р 75¼ к.	15 262 р. 14½ к.	126.531 р 45½ к.	8.326 р. 25 к.	567 р. 30 к.	297 р. 27¼ к	60 р. 66 к.	11.563 р. 70 к	20.815 р 18¾ к.	147,346 р. 63¾ к [1]

[1]) В том числе российской монетой—142.138 р. 81 к. и персидской монетой —5.207 р. 82¾ к., сверх этой суммы разных червонцев, без цены—49 штук

Табл. 3

ДЕРБЕНДСКИЕ ПРИХОДЫ

ГОДЫ	Какой монетой (Р — российской монетой, П — персидской монетой)	ДОХОДНЫЕ СТАТЬИ: ПОШЛИННЫЕ ДОХОДЫ					ЧИХИРНЫЕ ДОХОДЫ		Овощные доходы	СВЕРХ ТОГО СОБРАНО И ПРИНЯТО ЗА РАЗНЫЕ ВЕЩИ							ИТОГО
		Собрано в разных месяцах и числах у ворот с ар и со вьюков купеческих людей с товаров их и с привозной продажной скотины и за проданные которое взято было натурою российскою монетою	Возвращено заимообразных, которые были выданы в жалованье артиллерийским служащим	Возвращено с кружечного двора вместо тех, которые были здержаны в 172. м году на покупку вина для пользования больных солдат в лазаретах	Принято возвратных, которые были выданы разных драгунских полков старым урядникам и драгунам день ст тавки	Принято кружечного двора, произвожения в жалованье виноградных садов мастеру Ивану	Собрано в разных месяцах за проданный чихирь	Возвращено заимообразных из артиллерии, которые были розданы в жалованье артиллерийским служащим	Собрано в разных месяцах и числах за проданные из казенных садов овощи	За проданные опальные ружья и сумки	За собранный шафран в 1728 и 1729 годах	Выморочные после индейцев деньги и за оставшиеся пожитки	За проданные пшено и нефть, которые были присланы из Баку	Кабинетные, которые остались от раздачи жалованья малороссийским казакам	Остаточные, которые приняты были от фельдмаршала Долгорукова		
1723 г.	Р.	399 р. 52¼ к.	—		—	—	353 р. 59 к.		18 р. 10 к.	63 р. 29 к.	—	—	—	—	—		
			Итого за	1723 год	Пошлинных доходов	399 р. 52¼ к.	Чихирных доходов	353 р. 59 к.	Овощн. дох. 18 р. 10 к.						Прочих доходов	63 р. 29 к.	834 р. 50¼ к.
1724 г.	Р.	1122 р. 96½ к.		—			825 р. 07½ к.		20 р. 30 к.	—	—	—	—	—	—		
			Итого за	1724 год	Пошлинных доходов	1122 р. 96½ к.	Чихирных доходов	825 р. 07½ к.	Овощн. дох. 20 р. 30 к.						Прочих доходов		1968 р. 34 к.
1725 г.	Р.	1175 р. 24¾ к.	—	—	—	—	984 р. 39½ к.	—	21 р. 52 к.		—	—	—		—		
			Итого за	1725 год	Пошлинных доходов	1175 р. 24¾ к.	Чихирных доходов	984 р. 39½ к.	Овощн. дох. 21 р. 52 к.						Прочих доходов		2181 р. 16¼ к.
1726 г.	Р.	1180 р. 30¼ к.	—			—	956 р. 02½ к.	—	22 р. 87½ к.	-	—	—	—	—			
			Итого за	1726 год	Пошлинных доходов	1180 р. 30¼ к.	Чихирных доходов	956 р. 02½ к.	Овощн. дох. 22 р. 87½ к.						Прочих доходов	—	2159 р. 20¼ к.
1727 г.	Р.	1441 р. 39¾ к.	—		—		1090 р. 87½ к.		29 р. 32 к.		—	—	—	—	—		
			Итого за	1727 год	Пошлинных доходов	1441 р. 39¾ к.	Чихирных доходов	1090 р. 87½ к.	Овощн. дох. 29 р. 32 к.						Прочих доходов	—	2561 р. 59¼ к.
1728 г.	Р.	639 р. 70 к.	120 р. 80 к.	27 р. 80 к.		306 р. 00 к.	3042 р. 11¼ к.	—	27 р. 60 к.	—	—		—	—		—	
			Итого за	1728 год	Пошлинных доходов	1088 р. 30 к.	Чихирных доходов	3042 р. 11¼ к.	Овощн. дох. 27 р. 60 к.						Прочих доходов		4158 р. 31¼ к.
1729 г.	Р.	885 р. 47 к.					869 р. 85¾ к.	357 р. 64½ к.	46 к. 02 к.	—	—		—	—	—	—	
			Итого за	1729 год	Пошлинных доходов	885 р. 47 к.	Чихирных доходов	1227 р. 49¾ к.	Овощн. дох. 46 к. 02 к.						Прочих доходов	100 р. 00 к.	2259 р. 18¾ к.
1730 г.	Р.	1409 р. 22½ к.			46 р. 25¼ к.		[illegible]	[illegible]	[illegible] р. 81 к.			336 р. 08 к.	290 р. 83½ к.	310 р. 64 к.	[illegible]		
			Итого за	1730 год	Пошлинных доходов	1455 р. 47¾ к.	Чихирных доходов	678 р. 60½ к.	Овощн. дох. 39 р. 81 к.						Прочих доходов	937 р. 95½ к.	3131 р. 90¾ к.
Итого по статьям	Р.	8253 р. 83 к.	120 р. 80 к.	27 р. 80 к.	46 р. 25¼ к.	306 р. 00 к.	8756 р. 38 к.	402 р. 70½ к.	225 р. 54½ к.	63 р. 29 к.	100 р.	336 р. 08 к.	290 р. 83½ к.	310 р. 64 к.	[illegible]		
Итоги пошл., чихирных и др. доходов	Р.	Итого	за 1723	1730 год	Пошлинных доходов	8718 р. 68¼ к.	Чихирных доходов	9158 р. 78½ к.	Овощн. дох. 225 р. 54½ к.						Прочих доходов	1221 р. 24½ к.	
Общий итог	Р.	ОБЩИЙ ИТОГ ПРИХОДОВ С 1722-ГО ПО 1730-Й ГОД															19324 р. 20¾ к.

Таб. 4

КУРИНСКИЕ ПРИХОДЫ

ГОДЫ	Какой монетой: Р.—росс. монетой П.—персид. монетой.	Д О Х О Д Н Ы Е С Т А Т Ь И													ИТОГО
		Сальянская провинция.		Казылагацкая и уджарудкая провинции	Ведомство Хана Али Гулия										
		За продажный хлеб 10 часть, за соль и перев рахтарные, за откуп учуга и рыбные мелк. лодки, с кочевых подушные и за прочие доходы и откупы.	Собраны за паспорты с разных обывателей.	За хлеб 10 часть и за прочие мелкие сборы: за соль, за перевозы рахтарных, за откуп учуга и рыб. мелк. лодок, с кочевых подушн и за прочие доходы и откупы	С муганской степи и с трех мизяринских деревень, с шахсевенских народов и с двух волостей Дештевен и Петштемень.	С деревни Секлярь.	Начетные с обывателей, которые были у сборов, по наипскому об'явлению.	Бешсент и Пергарумь, лежащие по берегу Куры реки деревни, за откуп оных	Дюрбежик, Калезума, Казыкетчик, Дебердин, Марыкент и в тех деревнях перевозы и за откуп.	С рудбарских и джеватских деревень за разные сборы.	Собрано за паспорты с разных обывателей	За откуп деревни Сейдань.	Штрафные и которые по реестру в отдаче не явились.		
С 1726 г. по 1/V 1727 г.	Р. и П.	492 р. 72 к.	14 р. 20 к.		—	—	—	—	—			-	—		
Итого в 1726-27 г.	„	Сальянские провинции	506 р 92 к.	с казылаг и удж. пров.										С ведомства хана Али-Гулия	506 р. 92 к.
С 1/V 1727 г. по 1/IV 1728	„	7.156 р. 95¼ к.	—	3.504 р 67 к	3.999 к. 50 к.	50 р.	—	—	-	—	—	—	-	-	
Итого в 1727-28 г.	„		7.156 р. 95¼ к.	3 504 р. 67 к.										4 049 р 50 к.	14.711 р. 12¼ к.
С 1 IV 1728 г. по 1/VII 1729	„	7.793 р. 89¼ к.	—	132 р. 30 к.	6.418 р. 00 к.	—	225 р. 50 к.	300 р.	300 р. 00 к.	1.048 р.	158 р. 80 к	—	—	—	
Итого в 1728-29 г.	„		7.793 р. 89¼ к.	132 р. 30 к.										8.450 р. 30 к.	16.376 р. 49¼ к.
С 1 VII 1729 по 1/VI 1730	„	4.251 р 90 к.	—	561 р. 52½ к.	9.424 р. 50 к		—	500 р.	1,066 р. 80 к.	1 013 р.	85 р. 20 к.	50 р.	394 р.	-	
Итого в 1729-30 г.	„		4.251 р. 90 к.	561 р. 52½ к.										12.533 р. 50 к.	17.346 р. 92½ к.
С 1/I 1730 г.[2] по 1/I 1731	„	3.036 р. 45 к.	—	274 р. 12½ к.	2.500 р. 00 к.	—	—	-	100 р. 00 к	—	22 р. 00 к.	—		-	
Итого в 1730-31 г.	„		3.036 р. 45 к.	274 р. 12½ к.										2.622 р. 00 к.	5.932 р. 57½ к.
Итого по статьям с 1726 г. по 1730 г.	„	22.731 р. 91½ к.	14 р. 20 к.	4.472 р. 62 к.	22.342 р. 00 к.	50 р	225 р. 50 к.	800 р.	1.466 р. 80 к	2,061 р.	266 р. 00 к.	50 р	394 р.	—	
Итого в Сальянск. и др провинциях с 1726 г. по 1730 г.	„		22.746 р. 11½ к.	4.472 р. 62 к.										27 655 р 30 к.	54.874 р. 03½ к.[1]

[1]) Из них российской монетой—17.257 р. 20½ к., персидской монетой 37.616 р. 83 к. [2]) Вероятно 1/VI 1730 г. *Ред.*

ПРИХОД ВЕДОМСТВА БРИГАДИРА СОЙМОНОВА

Табл. 5.

ГОДЫ	Какой монетой: Р—российской, П—персидской	ДОХОДНЫЕ СТАТЬИ: За продажную опальную буйлицу и проч. доходы	За откуп марены, мельниц, опальных садов и рыбных ловель	За кишлаки и за злаки, с баранов и с кочевых	Пошлины от приезжих купцов, с караванов, по суду, от челобитных, с мельниц, с толчей, с крашенников, с ткачей	За продажные овощи, морковь, лук, виноград, груши, шепталу, яблоки	За продажную хлопчатую бумагу, табак и шелк	За хлеб 10-ая часть	За мольжагат	За разные мелкие сборы: кутан баши, бараму, джитьбаши, бель-баши, кесму	За хирь-баши	За тютюн-баши	Штрафные за ложные скаски	За харачь	ИТОГО
1728 год	Р.	12 р. 00 к.	124 р. 00 к.	816 р. 69 к.	386 р. 42 к.	19 р. 04 к.	3 р. 42 к.	2.206 р. 36 3/4 к.	15 р. 60 к.	56 р. 25 1/8 к.	247 р. 91 к.	—			3.887 р. 69 1/2 к.
1729 год	Р. и П.	8 р. 19 к.	231 р. 65 к.	2.119 р. 06 к.	815 р. 15 к.	214 р. 18 1/2 к.	163 р. 59 к.	2 726 р. 31 3/4 к.	-	38 р. 12 к.	198 р. 72 1/2 к.	225 р. 45 к.	235 р. 33 к.	7245 р. 91 1/[illegible] к.	14 251 р. 68 [illegible]/4 к.
1730 год	Р. и П.	5 р. 80 1/2 к.	230 р. 15 1/2 к.	1.006 р. 83 1/2 к.	953 р. 51 к.	65 р. 16 1/2 к.	91 р. [illegible] к.	2 378 р. 87 1/2 к.	20 р. 00 к.	96 р. 42 1/2 к.	16 р. 30 1/8 к.	368 р. 55 к.	125 р. 50 к.	11.116 р. 91 1/4 к.	16 565 р. 95 1/2 к.
ИТОГО по статьям	Р. и П.	25 р. 99 1/2 к.	676 р. 10 1/2 к.	3 942 р. 58 1/2 к.	2 155 р. 08 к.	328 р. 39 к.	258 р. 60 к.	7.311 р. 55 1/2 к.	35 р. 60 к.	190 р. 79 3/4 к.	462 р. 93 3/4 к.	594 р. 00 к.	360 р. 83 к.	18 362 р. 85 3/4 к.	34 705 р. 33 1/4 к.[1]

[1]) В том числе российской монетой—30 901 р. 23 [illegible] к., персидской монетой 3.804 р. 11 к. (Сумма эта не сходится с итогом таблицы в долях копейки. Ред.).

Примечание: При подсчете итогов, во избежание излишней дробности, 1/8 принята за 1/4. Ред.

РАСХОДЫ ВЕДОМСТВА БРИГАДИРА СОЙМОНОВА

Годы	Общая сумма
1728 год	1 190 р. 14 к.
1729 год	2 160 р. 08 к.
1730 год	[illegible].166 р. 3[illegible] к.
Выдано заимообразно	16 37[illegible] р. 38 к.
ВСЕГО	28.189 р. 94 к.[2]

[2]) В том числе, не считая заимообразных, российской монетой—8.311 р. 92 к., персидской монетой—3.504 р. 63 к. (Сумма этих чисел расходится с итогом в таблице на 1 к. Ред.).

Табл. 6.

РАСХОДЫ гилянские, астаринские, бакинские, дербендские и куринские.

РАСХОДЫ денежной казны в Гиляне и Астаре

Годы	Какой монетой: Р=российской. П—персидской	Расходные статьи: Гилянские и астаринские сборы	Мелочные доходы	Итого
с 1/IX 1724 по 1/III 1725	Р и П			764 р. 25½ к.
1725 г.	„	12,415 р. 61¼ к.	546 р. 77½ к.	12,962 р. 38¾ к.
1726 г.	„	11,727 р. 74¾ к.	1 056 р. 31 к.	12 784 р. 05¾ к.
1727 г.	„	102 721 р. 43¼ к.	375 р. 56 к.	103 096 р. 99¼ к.
1728 г.	„	150.455 р. 40 к.	2 152 р. 60 к.	152.608 р. 00 к.
1729 г.	„	213 717 р. 88 к.	3 278 р. 17 к.	216 996 р. 05 к.
1730 г.	„	150.050 р. 36 к.	7.329 р. 07¼ к.	157.379 р. 43¼ к.
1731 г.	„	—	—	246.630 р. 43½ к.[1]
1732 г. с 1/I по 1/VII в Гиляне и с 1/I по 20/IX в Астаре	„	—	—	54,001 р. 92¼ к.
Всего . . .	„			957.226 р. 53¼ к.[2]

Бакинские расходы

Годы	Общая сумма (российской и персидской монетой)
с 10/VIII 1723 по 12 I 1725	13 981 р. 07¾ к.
1725 г.	1 184 р. 68¾ к.
1726 г.	13.739 р. 59⅛ к.
1727 г.	29 163 р. 71¼ к.
1728 г.	7 572 р. 78¼ к.
1729 г.	15,903 р. 05¼ к.
1730 г.	21 469 р. 62¼ к.
Всего . .	103.404 р. 62¾ к.[4]
Отдано заимообразно из бакинских доходов	19.314 р. 73⅝ к.
Всего в расходе вместе с заимообразными	122 719 р. 36¼ к.[3]

Дербендские расходы

Годы	Статьи расхода: Из пошлинного сбора	Из чихирных доходов	Из овощных доходов	Общая сумма
1723 г.	—	00 р. 90 к.	—	00 р. 90 к.
1724 г.	839 р. 51¼ к.	—	21 р. 90 к.	861 р. 41¼ к.
1725 г.	1.671 р. 58 к.	561 р. 12 к.	23 р. 36 к.	2.256 р. 06 к.
1726 г.	1 010 р. 03¾ к.	2 120 р. 67½ к.	80 р. 19 к.	3 510 р. 90¼ к.
1727 г.	1,657 р. 02 к.	10 р. 06 к.	22 р. 47 к.	1,689 р. 55 к.
1728 г.	1 167 р. 21½ к.	1,620 р. 18½ к.	23 р. 28 к.	2 811 р. 06 к.
1729 г.	745 р. 63½ к.	2,514 р. 12½ к.	58 р. 89½ к.	3 318 р. 65½ к.
1730 г.	1,541 р. 85¼ к.	2 024 р. 11 к.	691 р. 76½ к.	[illegible] р. 72¾ к.
Всего .	8.632 р. 93¼ к.	9 151 р. 47½ к.	921 р. 86 к.	18 706 р. 26¾ к.

Куринские расходы

Годы	Общая сумма
с 1726 по 1 V 1727 г	506 р. 92 к.
с 1 X 1727 г по 1 IV 1728 г	11 711 р. 12½ к.
с 1 IV 1728 г. по 1 VII 1729 г.	16 326 р. 49¼ к.
с 1 VII 1729 г. по 1 V 1730 г.	12.331 р. 92¾ к.
с 1 I 1730 г. по 1 I 1731 г	84 р. 86 к.
Выдано заимообразно из куринск. доходов	2 717 р. 58¾ к.
Всего .	46 678 р. 91 к.[5]

[1]) В 1732 году вывезено из Гиляна в Баку 352. 818 р., сверх того 494 р. казбиков. Указом коллегии иностранных дел, от 13 декабря 1732 года, велено вывезенные из Гиляна, оставшиеся за расходами, 352.818 р. привезти в Москву. Генерал Левашев, после передачи командования ген. Гессен-гомбургскому, писал [illegible] мая 17[illegible] года что при нем имеется 39.845 р. персидской монетой, сверх того, он оставил в крепости Св. Креста Гессен-гомбургскому 11 149 р. персидской монетой. В августе 1733 г. Левашев доносил, что при нем имеется [illegible] р. персидской монетой, и просил сообщить, куда ее передать, в военную коллегию или в коллегию иностранных дел. О российской монете, вывезенной из Гиляна, Левашев не писал, по указу велено передать ее ген. Гессен-гомбургскому. Вскоре присланный от Левашева адъютант объявил о персидской монете одно и то же, а о российской монете, что более 100.000 р. израсходовано на жалование военным людям, а 200 000 р. отдано в крепость Св. Креста ген. Гессен-гомбургскому.

[2]) Из этой суммы 28 февраля 1731 г. отправлено в коллегию иностранных дел 100.000 р. персидской монетой.

[3]) Сверх того червонцев разных земель, без цены, 49.

[4]) Из них российской монетой 98 197 р. 80⅛ к., персидской монетой 5.207 р. 82¾ к. (В этой вертикальной графе у автора стоят итоги 103.404 р. 63 к. и 122 719 р. 37¼ к., исправленные редакцией, с принятием ⅛ к. за ¼ коп. Сумма чисел российской и персидской монетой, данная в примечании 4, не сходится с таблицей в долях копейки. *Ред.*).

[5]) В том числе российской монетой 10.202 р. 27 к., персидской монетой—33.759 р. 05¼ к. Сюда не входят 2.717 р. 58¾ к., выданные заимообразно.

ОБЩИЕ ИТОГИ.

Таб. 8.

НАЗВАНИЕ ПРОВИНЦИЙ	Приход	Расход	Остаток	За какой срок
Бакинская .	211.390 р. 97 1/4 к.	165.150 р. 89 3/4 к.	+46 240 р 07 1/2 к.	с 10 VIII 1723 г по 1 X 1732 г.
Куринская .	75 293 р. 95 3/4 к.	58 409 р. 10 1/4 к.	+16.884 р. 85 1/2 к.	с 1726 г. по 1 X 1732 г.
Дербендская .	31.168 р. 92 3/4 к.	29 422 р. 24 1/4 к.	+1.746 р. 68 1/2 к	с 1723 г по [illegible] X 1732 г.
Ведомство бригад. Соймонова (Низовая).	68.383 р. 98 1/4 к.	62 280 р. 65 1/2 к	6 103 р [illegible] к.	с 17[illegible] г по 1 X 173[illegible] г
Деньги, выдан. заимообразно на разн. др. нужды в 1731 и 1732 г	6 738 р. 34 к	43.863 р 35 1/4 к.	37 125 р. 01 1/4 к	с 1731 г. по 1 X 1732 г
Гилянская и астаринския провинции . . .	1.310 041 р. 85 3/4 к	[illegible] р. 53 1/4 к	352 818 р 32 1/2 к	с 1 X 1[illegible]2[illegible] г по 1[illegible] г
Итого	1 703.021 р. 03 3/4 к.	1.316.352 р. 78 1/4 к	386 6[illegible]8 р [illegible] к	

[1] См. примечания к таблицам в тексте Все вышеприведенные и последующие таблицы составлены на основании материалов, извлеченных мною из дела персидского коллегии иностранных дел 1723-1733, № 8. Те же самые материалы можно найти в деле 1723-1732 г № 20

Сведения о русских оккупационных войсках в прикаспийских провинциях.

После первого выступления из Астрахани в Персию в русских войсках находилось

В крепости Св Креста	В Баку	В Дербенде	В Гиляне	Всего
8[illegible]7 ч	2382 ч.	2536 ч.	8087 ч.	21.112 ч.

Командировано из разных полков и гарнизонов 1722–1731

1722 г	1723 г.	1724 г.	1725 г.	1726 г	1727 г	1728 г	1729 г.	1730 г	1731 г	Команд. в 1726 в Астару, в 1729 в крепость Св Креста	Всего	Всего было первоначально послано и командировано в 1722–31 г
2178 ч	3.578 ч.	2833 ч	1614 ч	2153 ч	[illegible] ч	968 ч	3313 ч	6080 ч.	2616 ч	8.[illegible] ч	39 678 ч.	61 090 ч

Убыло в войсках со времени вступления в Персию (офицеров и нижних чинов).

Годы	Умерло	Потонуло	Побито неприятелем	Отставлено со службы	Бежало	Итого чел
1722	2 779	17	193	382	93	3.464
1723	3 752	5	33	6	75	3.871
1724	3.652	24	41	441	52	4.210
1725	4 737	4	72	39	61	4 913
1726	4 191	36	13	958	90	5.288
1727	7 692	11	15	552	64	8 334
1728	2 641	3	48	347	38	3.080
1729	2.101	11	5	90	37	2.244
1730	3 247	6	21	471	62	3.807
1731	1.849	7	78	3	24	1 961
Итого	36.644	124	519	3 289	596	1 172

„За вышеписанною прибылью и убылью ныне в полках [illegible]

Крепость Святого Креста	Баку	Дербенд	Гилян и Астара	Всего
62[illegible]2 ч	2419 ч	2[illegible] ч	86[illegible] ч	19 905 ч [2]

[2] Эта цифра не совсем точна По многим вычислениям получается 19 918 ч. Расхождение объясняется тем, что в предыдущих вычислениях я делал небольшие исправления, так как в рукописи обнаружились неверные итоги. В рукописи добавлено „по наряду 1730 г не явилось в низовом корпусе 120 чел“.

ДОХОДЫ С ПРИКАСПИЙСКИХ ПРОВИНЦИЙ ДО РУССКОЙ ОККУПАЦИИ.

Таб. 9

„Реестр доходов тех провинций и городов, которые уступлены быть имеют его императорскому величеству“. Составлен персидским послом Исмаил-беком. [1]

Баку, от нефти и соли	6.000	„тюменей“
Решт, по доходам прежних лет . . .	25 000	„
Кескер	6.000	„
Ленкорань и Кызыл-агач	1 000	„
Шефт	3.000	„
Кюхтум . . .	2.000	„
Лахиджан	10.000	„тюменей“
Пункабин с уездом (Тенакабун?) . . .	4.000	„
Мазандеран с уездом .	25.000	„
Астрабад	3.000	„
Всего . .	88.000	туманов [2]

[1] „Реестр“ находится в делах персидских коллегии иностран. дел 1723 г № 12.

[2] [illegible] туман („тюмень“) =10 рублям. Это видно из описания, составленного посланником Волынским („О состоянии государства и о доходах“). Говоря о Тавризе, автор сообщает, что „доходов государственных со всей провинции 100,000 тюменев прежде сего об[illegible]али, что сочинит на российский счет 1.000 000 рублей“, т. е. 1 туман=10 рублям ([illegible]ерсидское коллегии иностран дел 1715—1718, № 2, журнал Волынскаго)

Сведения о доходах прикаспийских областей до русской оккупации.

Доходы со всей Персии. Посланник Волынский в своем описании Персии („О состоянии государства и о доходах“) сообщает нам, что персы „со всего государства не имеют доходов, разве 6 миллионов, и то с нуждою может быть Прежде сего, , как я слышал, собиралось миллионов по 15 и больше“

Гилян По словам Волынского, с гилянского шелка „одних пошлин, как я слышал сам от Эхтима-девлета шахова, собирается в казну шахову по 900 000 р., кроме иных доходов“ В другом месте описывая Решт, Волынский говорит, что с Гиляна собирается „доходов государственных, пошлин и откупных, как сказывали, тысяч по 300 тюменев, а временами и больше“

Шемаха. По словам Волынскаго „доходов государственных со всей шемахинской провинции сбирается в год 8 000 тюменев персидскою монетою, которая сочинит на российскую монету 80 000 руб Из того расходится в жалованье ханам и прочим, так же и войскам 6 000 тюменев, а в казну шахову доходит 2.000 тюменев“. Стоимость тумана, как я говорил выше, равнялась 10 рублям.

(Дело персидское коллегии иностранных дел, 1715—1718 год, № 2, журнал Волынского)

достаток... в писарях, о которых генерал... Долгорукий в доношении своем из'ясняется так: что по указу, присланному к нему о сочинении обстоятельных ведомостей о доходах, он... от себя во все места командирам о сочинении таких ведомостей предложил, токмо оные сочинить в скором времени невозможно, понеже командиры его в розни и не в близости состоят, також и писарей не имеется, а хотя и есть самое малое число, не токмо в полку по одному человеку, но и в командах в лутчей в Гилянс два, а на Куре ни одного человека нет, ни табелей, ни рапортов писать некому. И за тем многопродолжение чинится и упущение в делах. Не взирая однако ж на все сие, таковы учинены в московской государственной коллегии иностранных дел архиве о тех доходах и расходах их разные выписки, и оные при сем по литерам прилагаются[1]". Кроме того, перед ведомостями, присланными от генерала Левашева о приходах и расходах Гиляна написано, что эти ведомости „весьма писаны смятно и неверны в перечнях, и одна с другой не сходятся, как в сборах, так и в расходах, и никак на оных утвердиться не можно". Правда, перед другими ведомостями мы не находим такого предупреждения, однако, бесспорно, что все эти материалы дают лишь приблизительное представление о доходах и расходах прикаспийских провинций.

Все же это не умаляет их значения, т. к., в сравнении с годами, предшествующими русской оккупации, означенные цифры дают достаточно яркую картину упадка хозяйства и об'ясняют причину русского отступления из этих провинций. Перейдем теперь к изучению самих материалов.

Рассматривая составленные мною таблицы, мы видим, что они охватывают неодинаковый промежуток времени. Например, бакинская и дербендская ведомости затрагивают время от 1723 до 1732 года, гилянская с 1724 года и т. д. Во всяком случае, за весь период оккупации, о котором у меня сохранились сведения (приблизительно лет 8), прикаспийские провинции дали 1.703.021 р. дохода и 1.316.352 р. расхода, остаток равен 386.669 р. По сведениям посла Исмаил-бека (1723 г.), те же области, исключая Мазандеран, Астрабад и Дербенд, давали 60.000 туманов в год, что составляло 600.000 рублей, считая 1 туман равным 10 рублям. Следовательно, при нормальных обстоятельствах, прикаспийские провинции дали бы за 8 лет 4.000.000 рублей, т. е. доходы сократились более, чем в $2^1/_2$ раза. Причем надо принять во внимание, что цифра, сообщенная Исмаил-беком очень скромная. Посланник Волынский, побывавший в Персии в 1715—18 годах, пишет, что в одном Гиляне соберется 300.000 туманов (=3.000.000 рублей), а време-

---

1) Дело персидское коллегии иностранных дел 1723—1733 г. № 18.

нами и больше. В другом месте он говорит, что с гилянского шелка собирается пошлины в шахскую казну в размере 900.000 рублей в год, не включая сюда другие доходные статьи (таб. 9). Такое расхождение сведений, сообщаемых Исмаил-беком и Волынским, вполне понятно: с одной стороны, надо принять во внимание, что Исмаил-бек писал свою роспись в 1723 году, когда Персия была опустошена афганцами, что безусловно сильно отразилось на экономическом положении прикаспийских областей. С другой стороны, не надо забывать, что Исмаил-бек заключил в 1723 году в Санкт-Петербурге договор с царским правительством, по которому Персия уступала несколько провинций, и безусловно посол не был заинтересован преувеличивать доходность прикаспийских областей; наоборот, вернее предположить, что он значительно уменьшил цифры. Во всяком случае, цифра гилянских доходов в 3 миллиона рублей в год, сообщенная Волынским, совершенно неточна: он сам пишет в другом месте, что доходы со всей Персии едва достигают 6 миллионов рублей.

Рассматривая общие итоги приходов и расходов с прикаспийских областей за все время русской оккупации, мы видим, что более $^{3}/_{4}$ всех доходов и расходов падают на Гилян; остаток, получившийся за вычетом расходов, на 90—95% был опять таки получен от той же провинции.

Следующей, по доходности, была провинция бакинская (около 12% общего числа доходов и расходов), затем идут: куринская область, ведомство бригадира Соймонова (Низовая) и, наконец, Дербенд. Рассмотрим теперь каждую провинцию в отдельности, начиная с Гиляна.

Статьи гилянских доходов (таб. 1) очень неопределенны и на основании их невозможно сделать какой-либо вывод, как об этом я уже говорил выше. Во всяком случае можно констатировать постепенное возрастание доходов, которое было довольно значительным. То же можно сказать относительно гилянских расходов, хотя, правда, здесь наблюдаются некоторые колебания (таб. 6). Мне не удалось классифицировать расходы по отдельным статьям, ввиду их чрезвычайной разнородности и запутанности. Нередко расходы самого разнообразного характера об'единены общими итогами. Поэтому я ограничился лишь перечислением расходных статей. В отношении Гиляна это были: расходы на выплату жалования офицерам и солдатам, кормовые деньги воинским и другим чинам, подарки разным лицам за оказанные услуги, наградные и под'емные деньги, расходы за провоз провианта, покупка и ремонт военного снаряжения, лазаретные расходы, поимка беглых солдат и еще целый ряд расходов, непосредственно связанных с содержанием оккупационной армии. Остальные расходы опять-таки так или иначе были

связаны с военными нуждами, а именно: жалование и кормовые деньги рабочим, починка каравансараев и лавок, жалование толмачам и переводчикам, откуп за баню, жалование караульщикам на гостинном дворе, недочетные деньги с разных лиц, награждение русским выходцам из неприятельского плена, покупка соли для казенной рыбы в Астаре, кормовые персидскому послу и еще целый ряд расходов, на которых я не буду останавливаться.

Рассматривая бакинскую таблицу, мы видим, что значительных ежегодных увеличений доходов, как напр., в Гиляне, не наблюдается (таб. 2 и 6). Слагались они, главным образом, из нефтяных доходов, составлявших самую значительную статью, достигавшую иногда до $^{3}/_{4}$ всех годовых доходов, собираемых с этой провинции. Из остальных доходных статей можно упомянуть о пошлинах и полавочных с купцов, о податях с деревень и о продажной соли с озер. Все эти статьи, включая нефть, названные „окладными сборами", составляли почти все доходы бакинской области. Ежегодные расходы этой провинции также обнаруживают резкие колебания и не дают значительного увеличения по сравнению с первыми годами русской оккупации. Расходы Баку шли, главным образом, на военные нужды. Кроме того, встречаются расходы на гостинные дворы, на городскую поделку и, наконец, на добычу нефти. Сюда можно отнести расходы на провоз нефти, жалование рабочим, снаряжение и оборудование и т. д. Нефтяные расходы были более или менее значительны: за некоторые годы они достигают до $15^{0}/_{0}$ общего числа бакинских расходов. По сравнению с годами до русской оккупации, можно отметить сильное падение доходов этой провинции.

Перейдем теперь к Дербенду (таб. 3 и 6). Прежде всего надо отметить, что доходы этой провинции медленно возрастали. Слагались они, главным образом, из пошлинных сборов, достигавших иногда более $50^{0}/_{0}$ всех доходов. Постепенно растут чихирные доходы, которые за некоторые годы превышают пошлинные сборы.

Дербендские расходы, возраставшие из года в год (таб. 6), шли преимущественно на военные нужды. Содержание их приблизительно такое же, как и гилянских расходов, о которых я говорил выше. Помимо них, встречаются расходы на городовое строение и поделку, на казенные сады, на чихирное строение и т. д.

Куринские доходы, постепенно возраставшие (таб. 4), собирались, главным образом, с проданного хлеба, соли, перевозов, откупов за учуги и рыбные ловли, подушной подати, с муганской степи и т. д. Расходы этой области (таб. 6), также,

как и расходы других прикаспийских провинций, шли преимущественно на военные нужды.

Приходы ведомства бригадира Соймонова (Низовая) собирались, главным образом, с харача (более $50^0/_0$), хлеба и других статей, игравших меньшую роль. Расходы шли почти исключительно на содержание войск. Помимо них встречаются расходы на строение мельниц, уплату за работу шелка-сырца и т. д. (таб. 5).

Резюмируя все вышеизложенное, можно констатировать, что доходы с прикаспийских провинций постепенно возрастали.

Расходы шли, главным образом, если не исключительно, на содержание войск и военные нужды, связанные с оккупацией. Производительные расходы играют незначительную роль.

Перейдем теперь к вопросу о русских войсках в Персии. Из моих таблиц видно, что после первого вступления русских в Персию и в последующих годах туда было послано 61.090 человек солдат. Из них 36.664 человека умерло, лишь 519 человек убито неприятелем, 3289—отставлено от службы и т. д. В общем, русские потери исчисляются в 41.172 человека. Следовательно, осталось в войсках лишь 19.918 человек. Вот результаты петровской интервенции в Персии.

Источники: Дело персидское коллегии иностранных дел 1723-1733 г. № 18 (или 1723-1742 г. № 20, где имеются те же материалы). 2) Дело 1723 г. № 12. 3) Дело 1715-1718 г. № 2.

E. S. Zévakin.

LES PROVINCES CASPIENNES A L'ÉPOQUE DE L'OCCUPATION RUSSE AU XVIII SIÈCLE.

Toute l'attention de Pierre I avant l'an 1715 fut portée sur la politique européenne. Dès l'an 1715 jusqu'à 1722 le gouvernement russe est occupé des préparatifs pour une expédition dans les régions transcaucasiennes; en 1722 l'occupation des provinces caspiennes a eu lieu; mais elle évoqua des protestations de la part de la Turquie. Durant les années postérieures il se fait voir un combat diplomatique entre la Russie et l'Empire Ottoman pour la prédominance sur la Perse, déchirée par des troubles intérieurs.

Toute tentations de Pierre I de rendre prospère d'état économique des provinces occupées n'aboutirent pas au resultat voulu. Après la mort de l'empereur, le gouvernement russe voulut se défaire de ces contrées, sans toutefois les laisser tomber entre les

mains des turks. Le pouvoir du chah Nadir s'étant ·affermi, cette cause put être mener à bonne fin, et en 1735 les provinces eurent été remises au gouvernement persan.

Dans l'archive du département des affaires étrangères à Moscou, parmi les documents concernant la Perse, l'auteur a su trouver des comptes rendus des dépences et des revenus des provinces occupées; ces documents se rapportent aux années 1724—31. Quoique ces données ont des lacunes et ne sont pas suffisamment exactes, néanmoins elles nous rendent la possibilité de se fare une idée de l'état économique des provinces, durant la période de l'occupation.

Les chiffres, rassemblés dans les tables si-jointes, font faire à l'auteur la déduction que, malgré quelques écarts, les revenus de ces provinces allaient en montant, mais que la mortabilité dans les troupes avait atteint le chiffre épouventable de 41.172 sur les 61.090 soldats expédiés dans ces régions.

Примечание. По техническим соображениям табл. 7 помещена на обороте табл. 1. Ред.

И. А. Ольшанецкий.

Кое что о хазарских евреях.

Особой литературы по вопросу о ритуале погребения у хазарских евреев не существует[1]. Исходя из того, что большинство хазарских евреев было, вероятно, азербайджанского происхождения, нам, для восстановления ритуала их погребения, возможно обратиться к современным горским евреям. Наши горские евреи, выходцы из персидского Азербайджана, говорящие на „татском" наречии, часто, по тем, или иным, причинам, побуждались эмигрировать, или насильственно выселялись в Хазарию, внося туда элементы своей и персидской материальной культуры[2]. Благодаря общности веры, некоторая часть их, вероятно, смешивалась с коренными хазарами, образовывая оседлые общины хазарских евреев, населявших цветущие города нижнего Поволжья, до покорения его Золотой Ордой. Ритуал погребения у современных нам горских евреев тот же, что и в незапамятные времена, так как народ этот очень консервативен. По словам Ильи Анисимова, „покойника одевали в одежду из холста: рубаху, панталоны, чулки, ермолку и перчатки. Поверх всего этого на умершего надевают саван и опоясывают кушаком из того же холста. Умерших насильственной смертью погребали в своем платье, в котором они умирали, но только завертывали их в саван. Тело кладется в могилу, головой к востоку, без всякого гроба, но могила устилается с боков и сверху досками, которые лежат на трех толстых поперечных палках. Голова покойника лежит на набитой землей подушке, а у ног его ставят выкрашенный какой-нибудь краской памятник, обращенный лицевой стороной также к востоку"[3].

Кроме азербайджанских евреев, позже переселялись в Хазарию византийские, бежавшие от религиозных преследований Юстиниана, Льва Исаврианина и других ревностных насадителей христианства. Эти евреи первое время жили обособленно, но затем поглощались более многочисленной хазаро-еврейской общиной, состоявшей, вероятно, как я сказал выше, из потомства принявших юдаизм хазар и азербайджанских евреев. Можно положительно утверждать, что материальная культура в древ-

---

[1]) Настоящая статья является ответом на полученный мною запрос археологического отдела саратовского госмузея о возможности находок еврейских погребений в Приволжье и о способах отличить их от других погребений.

[2]) Берлин И. З.—Хазары („Истор. еврейск. народа" т. XII, М. 1921).

[3]) „Рассвет" 1881 г., № 24.

ней Хазарии была создана евреями. Роль, которую играли последние, как проводники цивилизации, среди малокультурных народов приволжских степей, значительна, но, к сожалению, мало изучена. Слова Полякова, приводимые проф. Баллодом, что „еврейские ремесленники работали в городах всего татарского государства уже в XIII столетии“, необходимо поправить: ремесленники эти были там еще задолго до нашествия татар. Золотая Орда, покорив нижнее Поволжье, впитала в себя всю ее культуру, созданную, главным образом, рядом поколений византийских и хазаро-азербайджанских евреев. Ордынские татары имели особый дар ассимилировать, я бы сказал—„омонголивать“, культуру покоренных, близких им по духу, народов,—вводивший часто в заблуждение историков, склонных труды многих поколений мирного населения приписывать этим завоевателям.

Вся роскошь Увека, о которой так восторженно говорит проф. Баллод в своих „Приволжских Помпеях“, неправильно считать созданной исключительно одними татарами Орды. Между прочим, богатая парча, найденная на Увеке, могла вырабатываться на месте византийскими евреями, искони славившимися золототканным мастерством, и унаследовавшими свое искусство от предков, бежавших некогда в Итиль из Византии, родины парчи. Последняя могла одновременно привозиться еврейскими купцами из Испании, где среди местных евреев процветало ткацкое искусство еще в X веке. Знаменитые ткачи-евреи, братья Ибн-Джауд, Яков и Иосиф, вписали свои имена в историю парчевого искусства мусульманской Испании[1]. Азербайджанские евреи, вероятно, веками вносили в хазарские кибитки улучшенную персидскую технику в выработку и окраску ковров, сумрачную красочность семитской фантазии—в орнаментировку коврового и керамического искусства, выделку тонких цветных кож и производство разукрашенных седел для кочевников. Хотя у нас не имеется никаких вещественных памятников для подтверждения этого, но, чисто интуитивно, должно допустить, что поселенцы, очутившись на новых местах среди кочевников, создавали себе обстановку старой родины, вовлекая в ее культуру медленно оседавшее окружающее неселение.

В 8-м томе „Евр. Энциклопедии“ приводится рассказ путешественника XVII в. Тавернье, что „в Ларе, в Персии, население, по большей части еврейское, чрезвычайно искусно в тканье шелка; особенно красивы были их пояса“[2].

При преемственности профессий у восточных евреев, не подлежит никакому сомнению, что предки этих ларско-еврейских ткачей, выселившиеся некогда из своего фарсийского гнез-

---

1) „Еврейск. Энцикл“., VIII, ст. 335.
2) Ст. 335.

да в Хазарию, были также ткачами, ткавшими ковры, шелка и т. п. не только для своего домашнего обихода.

Любимым занятием средневековых восточных евреев было также кожевенное дело и выработка различных красок[1].

Известный еврейский путешественник по востоку, Вениамин Тудельский (XII в.), указывает на распространение красильного и шелкового производства среди евреев Востока и Греции[2]. В южной Италии, как и в Сицилии, процветал среди евреев красильный промысел, который являлся почти монополией в руках евреев. Характерно, что существовала подать „тинта юдеорум"[3].

Все это достаточно подтверждает, что переселявшиеся на Волгу евреи вносили туда свой опыт и знание различных производств, неизвестных коренным обитателям страны.

Устройство водопроводов в некоторых крупных городах также нельзя с уверенностью приписывать одним ордынским кочевникам. Трудно пройти мимо того факта, что еще в XII веке болгарский еврей Аарон устроил в древней армянской столице Ани водопровод, не так давно обнаруженный акад. Н. Я. Марром[4]. Предположение, что болгарин Аарон был, вернее, волжским булгаром Гаруном", не выдерживает критики: трудно допустить нечто подобное среди волжан-булгар XI-XII вв., в то время еще совершенно беспомощных в искусстве строительства и бывших в этом отношении в зависимости от мастеров Багдада.

Что касается керамического производства, главной отрасли художественной промышленности хазарского Поволжья, то евреи принимали в нем деятельное участие, улучшая его иностранными образцами. „Татарская керамика (изразцы и мозаика) сочетаниями тонов скорее напоминает некоторые итальянские работы"[5], и вот почему: евреи Ломбардии славились в средние века на всю Италию своим художественным фаянсом, а евреи Майорки вырабатывали также знаменитую майолику. Образцы того и другого, с именами мастеров, среди которых несколько поколений выдающихся керамистов одной семьи Азулаи, собраны в венском еврейском музее[6]. Вне всякого сомнения, что изделия эти, развозившиеся по всему свету еврейскими купцами, проникали также и на берега Итиля, послужив образцом для местной керамики, наряду с описываемой арабским географом XIV века, ибн-Батутой, малагской золоченной посудой, завезенной в Орду андалузскими евреями, кото-

---

1) Wolf A.—Etwas über jüd. Kunst etc. („Mitth. d. Gesell. für jüd. Volkskunde", IX, 12—74).
2) Марголин П.—Три путешественника. СПБ, 1881.
3) „Евр. Энцикл.", XIII, 430 и след.
4) „Заря Востока" 1925 г., № 970.
5) Баллод—Приволж. Помпеи, стр. 119.
6) См. каталог музея, 1906 г.

рых видел в Увеке этот же географ[1]. Но мы имеем указание, что еврейские купцы, так называемые „рахданиты“, своими торговыми предприятиями распространяли культурные взаимоотношения уже в девятом веке. Так, другой арабский географ, ибн-Хордадбе, живший в 860-годах в персидском Ираке, по поводу способов сношения с хазарской столицей, писал в „Книге путей и государств“: „Путь купцов евреев, которые говорят по персидски, по гречески, по арабски, по французски, по андалузски и по славянски: они путешествуют с запада на восток и с востока на запад морем и сушею“[2]. Поэтому я, вопреки сомнению проф. Баллода, определенно утверждаю, что именно эти „привозные изделия, которые продавались на золотоордынских базарах“ были моделью для местных художников. Значение средневековых базаров, как рассадников культуры, в особенности на востоке, неоспоримо.

У проф. Баллода, в его „Приволжских Помпеях“, имеется один интересный снимок: на таблице 30, наверху, воспроизведен в красках фрагмент изразца, повидимому, шестиконечной звезды, так называемого „щита Давида“, национальной эмблемы еврейского народа. Обломок этот, несомненно, говорит нам о художественном творчестве мастера еврея, и о том, что этот великолепный изразец, ввиде шестиконечной звезды, возможно, некогда украшал собою, сплошной облицовкой, стены хазарской синагоги. Скромный на вид, но замечательный по красоте, он является, пока, единственным памятником хазаро-еврейской старины. Изразцы подобной формы, или плитки с подобным орнаментом—„рельефным: ленточным—белым, в виде шестиконечной звезды, при зеленовато-голубом фоне“[3], где бы их не находили, есть, по моему мнению, продукт еврейского народного творчества, немые свидетели участия евреев в создании материальной культуры нижнего Поволжья и всего мусульманского востока.

Здесь следует упомянуть о существующей у некоторых тюркологов тенденции отрицать за „щитом Давида“ значение еврейского национального символа.

По их словам, эта шестиконечная звезда составляет органическую часть мусульмано-татарского орнамента.

Я хочу коснуться некоторых памятников седой старины, как будто, опровергающих подобное мнение наших тюркологов.

1) На египетской стенной живописи в Абу-Симбель, относящейся к началу XIII века до европ. эры, изображены колесницы египтян и хеттов в битве при Кадеше. На попонах лошадей, запряженных в хеттские колесницы, имеются изображения

---

[1]) Баллод—там же, с. 117.
[2]) Кондаков в Толстой—Русс. древн. в пам. искусства, V, 1897, с. 22.
[3]) Баллод—там же, с. 112.

шестиконечных звезд, прототипов „щита Давида“, смысл которых, очевидно,—предохранять воинов от поражений.[1]

Для меня совершенно ясно, что израильтяне, при поселении их в Палестине, смешавшись с туземным населением амореев и хеттов, могли перенять от последних, наряду с другими военными аттрибутами, и шестиконечную звезду, ставшую впоследствии, с момента разрушения еврейского царства, самостоятельным символом рассеянного народа.

То обстоятельство, что изображение этой звезды почти не встречается на палестинских древностях, об‘ясняется, отчасти, кастовым характером этой исключительно военной эмблемы, не имевшей, первоначально, большого распространения в мирной, земледельческой стране, и еврейским мировоззрением, запрещавшим в общественной жизни и культе всякие начертания каких-бы то ни было символов.

2) В южной Италии, в г. Таренте, был открыт еврейский надгробный памятник с изображением „щита Давида“, относящийся к III веку х. э., к самому раннему периоду римско-еврейской диаспоры и задолго до появления ислама[2]. При этом небезинтересно отметить, что евреи Тарента, как и некоторых других городов южной Италии, считали себя в старину прямыми потомками пленников, приведенных Титом из Палестины[3].

3) В опубликованном А. Фирковичем сборнике надгробных надписей кладбища в Чуфут-Кале воспроизведена одна плита с орнаментированным полукруглым верхом и двумя боковыми витыми колонками, образующими раму для надгробного текста. Высеченный узор верха состоит из типичных древне-еврейских мотивов: рельефных треугольных пирамидок, треугольников плоского характера, линейных розеток и „щита Давида“ в круге.

Пред нами орнаментированный камень X века, единственный в своем роде по своей примитивной декоративной резьбе, исполненной крымчаком-евреем до прихода татар в Крым[4].

Таким образом, наличие шестиконечных звезд в мусульмано-татарском орнаменте должно об‘ясняться тем „чрезвычайным эклектизмом“ татарского искусства, на который указывает архитектор Гинзбург в своей интересной статье[5], и который присущ не одним только крымским татарам.

---

1) Репродукция этой стенной живописи помещена в „Истории еврейского народа“ т. 1, Москва, 1917. О пребывании хеттов в древней Палестине см. ст. проф. А. Захарова: Хетты и хеттская культура, Москва, 1924, стр. 123 и след.

2) „Евр. Энцикл.“, X, 487.

3) Там же, с. 465.

4) Фиркович А.—Сефер авнезикарон, ч. I, Вильна, 1872, таб. 99. Несмотря на то, что ряд памятников, изданных А. Фирковичем, оказался, как известно, переделанным им в видах доказательства глубокой древности поселения караимов на черноморском побережьи, данный памятник, повидимому, избег подновления.

5) Гинзбург—Татарское искусство (журн. „Среди коллекционеров“, 1921 г., № 11—12).

Усвоение мусульманским миром элементов древне-еврейского искусства произошло под влиянием арабов и не ранее завоевания Омаром Палестины, где арабское творчество впервые столкнулось с остатками древне-еврейской внешней культуры, продолжавшими существовать много столетий после ухода народа в изгнание. Арабское искусство, близкое по своей семитической природе к древне-еврейскому, впитало и претворило в себя все то, что осталось еще в области прекрасного в разгромленной Римом стране.

Мало вероятное предположение[1], что некоторые еврейские каббалисты позаимствовали для своих мистических произведений изображение этой звезды у тамплиеров, может, во всяком случае, лишний раз подтвердить, что родиной „щита Давида" была Палестина, так как орден тамплиеров был основан в Иерусалиме, и весь его обрядовой символизм был тесно связан с местными преданиями.

Правда, тамплиеры и крестоносцы внесли в католическую Европу, кроме „щита Давида", финикийско-еврейский линейный орнамент, ввиде равносторонних и уступчатых треугольников, бывший отличительным признаком народной формы древне-еврейского архитектурного искусства. Характерным образцом применения финикийско-еврейского орнамента в христианском искусстве, может послужить мозаика атриума собора св. Марка, в Венеции, обрамленная великолепным бордюром из подобных уступчатых треугольников, удивительно идентичных с треугольниками, окаймляющими цилиндры одной финикийской гробницы в Амрите[2].

Средневековые еврейские миниатюристы и писцы, иллюминируя разные манускрипты, часто комбинировали такие треугольники, создавая из них причудливые линейные мотивы еврейского рукописного орнамента[3].

На ряду с этой звездой, следует упомянуть еще о терракотовой плите[4] с крайне загадочными тиснеными изображениями. Оттиски эти, как будто представляют ряд музыкальных рогов, напоминающих древне-еврейские „шофары"—рога трубления в дни новолуния и новолетия. Расположены они кольцеобразно вокруг какого-то светила (луны или солнца), образуя диск, окаймленный круглым сигнальным рогом, с ясно очерченным мундштуком и раструбом. Конечно, я не стану утверждать, что смысл изображений именно таков, но, если предположение мое, хотя отчасти, верно, то перед нами памятник идейного влияния еврейского культа на хазарское искусство и при том,

1) „Евр. Энцикл.", X, с. 486 и след.
2) Гагарин Г. Г.—Собрание... орнаментов, вып. II, 1900 г., таб. XXIV.
3) Стасов В. и Гинзбург Д.—Еврейский орнамент, Берлин, 1904 г., где собраны снимки из рукописей ленинград. публичн. библиотеки.
4) Баллод—там же, таб. 24.

судя по крайне примитивному исполнению, в раннюю эпоху его. Не имеем ли мы здесь подобие герба хазарского каганата (тамгу).

К сожалению, проф. Баллод не снабдил таблицы более обстоятельным описанием. Некоторые из керамических остатков, воспроизведенных на остальных таблицах „Приволжских Помпей“ я склонен считать скорее относящимися к расцвету хазаро-еврейской культурной жизни, к последнему периоду ее, предшествовавшему Золотой Орде.

После разгрома хазар Святославом, города Приволжья продолжали существовать без об‘единяющего их политического центра, и хазарские евреи жили в них сравнительно спокойно, продолжая свою творческую работу до нашествия Орды, когда часть еврейского населения бежала, спасаясь, на запад, о чем сохранились показания у некоторых историков (в Венгрии, местами, евреев до сих пор называют хазарами)[1]. Не потерявшие духовной связи с Азербайджаном, вероятно, вернулись обратно на родину своих предков, через Дербенд, где в то время была большая еврейская община, впоследствии также пострадавшая от нашествия монголов[2], а большинство оставшихся, главным образом потомство смешавшихся с хазарами, евреев, под влиянием воинствующего ислама, совершенно слилось с остальным и пришлым населением Орды.

Так исчезла часть еврейского народа, в течение 5 – 6 веков творившая свои ценности среди полукультурных кочевников, создававшая на низовьях Волги оседлые очаги, превращавшиеся, затем, в цветущие города,—исчезла без остатка, с одними скудными намеками на свое существование.

Своей краткой заметкой мне хотелось приподнять край непроницаемой завесы, плотно прикрывший оригинальный быт хазарских евреев, с появлением на Волге Золотой Орды—совершенно сошедших с лица истории. Напрасно мы будем искать у современных нам горских евреев каких-либо воспоминаний о жизни их предков на низовьях Волги, предметов их старины, или письменных памятников. Продолжительные и жестокие религиозные гонения персидских шахов, заставившие их рассеиваться и прятаться по дагестанским аулам, вытравили в них всякое стремление к культурной борьбе и чувство интереса к своему прошлому.

Достаточно сказать, что народ этот, насчитывающий за собою более, чем двухтысячелетнее существование, знает о своих исторических судьбах только за последние два века.

---

1) „История евреев в России“, т. XII.
2) Там же, с. 93 и след.

I. A. Olchanetsky.

APERÇU SUR LES JUIFS DE KHAZARIE.

Le présent article sert de réponse à la question posée par la section archéologique du musée de Saratoff sur la possibilité des découvertes de sépultures juives dans les régions du Volga.

En mettant en regard les résultats des invéstigations du prof. Ballode et d'autres savants avec les données sur l'industrie de tissage, de céramique etc. des juifs en Europe et en Perse au moyen âge, l'auteur vient à conclure que les juifs, immigrant en Khazarie de la Perse, d'Azerbaïdjan et de l'Europe, infliaient fort sur la culture des khazars, et que cela dura jusqu'à l'abolissement du royaume des khazars, après quoi la plupart des juifs, habitant ce royaume, s'est rendu soit au midi, vers la Transcaucasie, soit à l'ouest. Les restes de cette population, s'étant confondu avec les khazars, se disperserent en suite parmi les habitants des villes de l'Horde d'Or.

De nos jours les juifs du Caucase n'ont conservé aucune mémoire des relations de leurs ancêtres avec le pays des khazars.

А. Б. Малятский.

Железняки шемахинского уезда.

В последнее время производится обследование окрестностей гор. Шемахи, с целью выяснения характера имеющихся там залежей железняка.

Два образца таких железняков, как природные железистые краски, были доставлены шемахинским исполкомом в контрольную химическую лабораторию Азнефти.

Результаты исследования этих красок следующие:

1. Сурик железный.

Нерастворимый остаток	38,90%
Fe_2O_3	47,10%
Al_2O_3	2,46%
CaO	0,80%
MgO	следы
Потеря при прокаливании	10,12%

2. Охра желтая.

Потеря при прокаливании	31,15%
Fe_2O_3	52,64%
Al_2O_3	0,84%
CaO	нет
MgO	нет

Из приведенных анализов особое внимание обращает на себя охра, так как обычно содержание окиси железа в желтых охрах не превышает 15-20%. Дальнейшим исследованием этой охры было установлено выделение серного и, отчасти, сернистого ангидрида, при прокаливании, и определено (по Лунге) содержание $SO_3 = 22{,}15\%$.

Закисного железа и сернистых соединений в охре не было обнаружено, выделение же сернистого ангидрида в начале прокаливания следует об'яснить частичным восстановлением серного ангидрида находящимся в охре небольшим количеством органических веществ. Водная вытяжка охры не дала реакции на серный ангидрид.

Все это указывает на то, что в данном случае мы имеем охру, а не растворимую в воде основную сернокислую окисную соль железа.

Как краска, эта „охра“, конечно, не сможет найти применения, вследствие своего кислотного характера, но после прокаливания, она дает железный сурик высокого качества, с содержанием окиси железа около 75%. Одновременно с этим, серьезное внимание обращает на себя возможность использования отходящего при прокаливании „охры“ серного ангидрида для получения серной кислоты.

При более близком подходе к вопросу об использовании этого железняка, возможно, что на первый план придется поставить получение серной кислоты, а уже побочным продуктом явится остающийся железный сурик.

Прежде всего, конечно, следует детально исследовать железняки различных районов шемахинского уезда, и если подобные залежи сернокислого железа действительно велики, то весьма актуальным станет вопрос о возможности технического использования находящихся в них колоссальных запасов серного ангидрида.

A. B. Maliatsky.

LES MINÉRAIS DE FER DU DISTRICT DE SCHÉMAKHA.

Aux environs de la ville de Schémakha il se produit une exploration des minérais de fer pour établir leur nature et leurs qualités. L'analyse de l'ocre, prise dans ces contrées, démontre qu'à cause de son caractère oxyde elle ne peut servir en qualité de couleur, mais elle contient une certaine quantité d'anhydride sulfurique, ce qui pose à l'ordre du jour la question de l'exploitation de cet anhydride; avec ça on peut obtenir la production du minium de haute qualité, contenant jusqu'à 75% de l'oxyde de fer.

Проф. А. А. Захаров.

Хеттская керамика из Богаз-кёя и некоторые закавказские параллели.

Изучение хеттских древностей и даже самая их публикация до настоящего времени находится в весьма неудовлетворительном состоянии. Недаром один из ученых, не мало потрудившийся в изучении хеттов, Hogarth, в предисловии к последнему своему труду—The Kings of the Hittites, London, 1926, с печалью отмечает, что все, до сих пор сделанные, раскопки в хеттских городищах северной Сирии и Месопотамии, в Кархемыше, Зенджерли, Сакча-гези и Телль-халафе остаются опубликованными весьма несовершенным образом. То же следует сказать и про раскопки севернее лежащих городищ—Богаз-кёя и других. Особенно следует отметить отсутствие публикаций мелких находок, в том числе и керамики. Тот же исследователь, написавший, для серии Classification des céramiques antiques, краткую классификацию малоазийской керамики (Pottery of Asia Minor except Greek Colonies), в качестве литературы может сослаться на весьма небольшое количество изданий: Schliemann, Ilios; Perrot et Chipiez, V, 292, 326 sqq.; VIII, 893 sqq.; H. Schmidt, Schliemann's Sammlung; Myres, Early Pot-Fabrics of Asia Minor (Journal of R. Antrop. Instit. XXXIII, Cambridge Ancient History I, 77 sqq.); Körte (Ath. Mit. XXIV); Collignon, Fouilles de Jortan (Compte Rendu de l'Acad. des Inscr. 1901, 810); Crowford (JHS XIX); Chantre, Mission en Cappadoce; G. und A. Körte, Gordion; L. Curtius (H. Grothe's Meine vorderasiat. Expedition, Lpz. 1911, I, 1, CCLXXVI); Chase (AJA 1914, 432); Butler, Sardis I, 79 sqq., 118 sqq.—Прибавим сюда еще недавно вышедший каталог Лувра (Genouillac, La céramique cappadocienne, 2 vols, 1926), и мы будем иметь почти все, что напечатано по поводу хеттской керамики).

Как видим, литература невелика, а по отношению к раскопкам в Сардах следует еще заметить, что вся, найденная там, керамика погибла во время войны и потому специальный том, который ей предполагалось посвятить, не выйдет в свет. Но, повторяем, особенно жаль, что до сих пор не опубликована керамика Богаз-кёя. Для изучающих древности За-

кавказья она была бы особенно важна, подтверждая или опровергая указания на связь культур Закавказья с культурами Малой Азии. Кое-какие параллели вещей этих культур были указаны мною в статье: „Закавказье, Малая Азия, Эгейский мир“, в „Трудах научно-исследовательского института археологии и искусствознания“, вып. 2, но там же я указывал как раз на пробелы в области керамики. Поэтому, когда Г. М. Людвиг, путешествовавший по Малой Азии в 1926 г., передал мне, собранную им в Богаз-кёе, на поверхности городища, коллекцию фрагментов росписной керамики, а А. А. Миллер познакомил меня со своими находками росписной керамики из Кызыл-ванка, ранее известной лишь по находкам Федорова 1895/6 г., ныне хранящимся в Гос. ист. музее в Москве, нельзя было не признать общности и по технике и по орнаментации керамики из этих двух областей, и я счел необходимым возможно скорее опубликовать, хотя бы предварительно, фрагменты хеттской керамики, чтобы прибавить новый, пусть небольшой материал к ранее известному[1]. Подробное сравнение с керамикой из раскопок в Кызыл-ванке оставляю до опубликования выше названными исследователями найденного ими материала, а Г. М. Людвигу приношу мою искреннюю благодарность за передачу мне найденных им фрагментов.

ТЕХНИКА. По технике, все имеющиеся налицо фрагменты можно разбить на 8 групп[2]: 2 без росписи и 6 с росписью; они следующие:

I. Серая, сильно лощеная пористая керамика. Обжиг 850—900°. Фрагменты 21—22.

II. Серая, с черной поверхностью, пористая, сильно лощеная керамика. Обжиг 850—900°. Фр. 23.

III. Пористая красная керамика с лощеной поверхностью. Раскраска в один тон железистыми красками (болотная руда). Обжиг 800—850°. Фр. 42—108, 111 (?), 112.

IV. Пористая красноватая керамика, сплошь покрытая ангобой из каолина (?); по ангобе роспись черной железистой краской. Обжиг 800—850°. Фр. 27—41,

V. Пористая красная лощеная керамика; по лощению расписана в 3 цвета: каолином, черной железистой и пурпуровой железистой красками. Обжиг 850—900°. 2 типа: более грубая керамика, фр. 10—11, и более высокой техники, фр. 12 - 20.

[1]) За указания по технике керамики я приношу глубокую благодарность ученому секретарю института археологической технологии проф. М. В. Фармаковскому.

[2]) Фрагмент № 113 представляет собою так называемое „пряслице“ или „пуговицу“ и, ввиду отличия его по технике от фрагментов сосудов, не может считаться принадлежащим к той же культурной эпохе. Вообще же, подобные предметы находят в Малой Азии при раскопках курганов, как, например, они были найдены и опубликованы А. Кёрте.

VI. Пористая красная керамика с окрашенной и лощеной поверхностью. Следы росписи. Обжиг 850—900°. Фр. 24—26.

VII. Пористая красная керамика с лощеной поверхностью. Роспись по лощению в несколько тонов железистыми красками и каолином. Обжиг 850—900°. Фр. 1—9.

VIII. Пористая красная керамика; по обоим сторонам, повидимому, окрашена (?) и залощена; следы гончарного круга (?). Превосходный обжиг не ниже 900°. Фр. 109.

Как видим, число фрагментов каждой группы очень различно, но зависит ли это от большей или меньшей распространенности разных сортов посуды, или от случайности находок, сказать, конечно, нельзя.

ФОРМА. Так как среди фрагментов нет ни одного днища, то с полной достоверностью реконструировать форму сосудов невозможно, особенно принимая во внимание, что у южных хеттов, в Кархемыше, как можно судить по опубликованным Хогартом образцам, сосуды часто имели высокие ножки[1]. Поэтому мы можем говорить о форме сосудов лишь предположительно и приложить профиля тех фрагментов, которые дают некоторые указания на форму.

I группа. 21. Бортик чаши, нечто в роде патеры, судя по аналогичной техники чаше из Кызыл-ванка. Толщина 0,01.

22. Вероятно, верхнее плечико от кувшина, с канелюрами с наружной стороны, идущими вертикально. Толщину определить нельзя, так как черепок с внутренней стороны оббит.

II группа. 23. Сосуд, судя по малому изгибу стенки, довольно большого диаметра (ок. 20 см. в данном месте), с наружной стороны украшен рубцами, идущими параллельно основанию; аналогичный сосуд имеем в Кызыл-ванке. Толщина стенок 0,007.

III группа. 99. Бортик большого сосуда (чаши?), диаметром не менее 33—35 см.; толщина у края около 0,012, с плоским краем, покрытым орнаментом.

95. Бортик, повидимому, очень большого сосуда, типа, может быть, кратера, с орнаментом по краю и внешней стороне сосуда; толщина стенок 0,014.

100. Верхняя часть плечика кувшина (?) с началом перехода к горлышку; толщина 0,006. Снаружи орнамент черной краской.

98. Бортик чаши с росписью с внутренней стороны; толщина 0,007.

101. Бортик чаши с валиком по краю.

97. Бортик большого сосуда типа кратера (?), самый край оббит, но виден переход к нему; с росписью с внешней стороны. Толщина 0,008.

73. Бортик, вероятно, бокалообразного кратера. Толщ, 0,011.

[1]) Hogarth, The Kings of the Hittites, стр. 26, рис. 27.

48 и 50. Верхняя часть плечиков двух кувшинов, перед переходом к горлу, снаружи украшены орнаментом; толщина одного—0,007, другого — 0,005.

47. Бортик сосуда с отворотом, украшенного по отвороченному краю и снаружи орнаментом; толщина 0,007.

107. Бортик большого сосуда или блюда (?) с орнаментировкой по краю и с внешней стороны; толщина стенок 0,009.

106. Бортик сосуда или блюда (?), диаметром, судя по изгибу, до 0,34.

112. Часть плечика кувшина (судя по рисунку орнамента); толщина 0,09.

105. Носик от сосуда, снабженный ситечком из глины.

103. Фрагмент ручки от сосуда, показывающий, как она приставлялась к сосуду (ср. ниже фр. 10 в V группе).

104. Фрагмент фигурной ручки от сосуда.

IV группа. Из IV группы (фр. 27—41) фрагментов ни один обломок не может дать никаких соображений о профилях сосудов: все они, судя по их весьма незначительной выпуклости, обломки больших сосудов; с одной стороны ангобированы и украшены росписью, в большинстве случаев—в виде полос. Лишь один фрагмент 27 ангобирован с обеих сторон; толщина его стенок 0,016. Сюда же относится цилиндрический фрагмент 41, представляющий, быть может, обломок ручки или ножки от сосуда подобной же техники.

V группа. 20. Часть плечика кувшина (?), скорее, чем часть нижней части чаши, так как в последнем случае не была бы видна роспись. Толщина 0,006. Роспись белой и черной красками.

13. Возможно, часть плечика кувшина (?); толщина 0,007. Роспись белой и черной красками.

14. То же (?). Толщина 0,006. Роспись белой и пурпурной красками.

17. То же, причем видно начало отворота горлышка. Толщина 0,006. По белой ангобе роспись черной краской.

11. Часть стенки толстого сосуда, толщиной 0,019, из грубой глины с белой ангобой, по которой идет роспись черной и пурпурной красками.

10. Может быть, часть плечика большого кувшина. Толщина 0,014; виден способ прикрепления ручки, для которой сделана была шероховатая поверхность, и на нее налеплялся соответствующий кусок глины. Следы росписи белой, черной и красной красками.

19. Повидимому, кусок сосуда, ближе к верхнему его краю, с выступом. Роспись каолином и черной краской. Толщина 0,006.

15. Плечико сосуда (?). Толщина 0,004. Роспись белой, черной и красной красками.

12. Кусок от неопределенной формы сосуда, толщина 0,006. Роспись по белой ангобе пурпурной и коричневой красками.

VI группа. 24. Повидимому, нижняя часть чаши, возле дна, внутри следы сглаживания в виде непараллельных полос. Толщина от 0,007 внизу, до 0,004 вверху.

25. Может быть, бортик от чаши (?). Толщина 0,005.

VII группа. 6. Бортик чаши (?) с отворотом и с весьма умеренным изгибом, сделан, очевидно, на круге. Принадлежит, по обжигу, работе и окраске, к лучшим образцам. Диаметр определить трудно, толщина стенки 0,004.

4. Бортик чаши с краем, несколько загнутым внутрь; толщина стенок 0,006.

7. Бортик чаши, толщина 0,003.

VIII группа. 109. Фрагмент боковой стенки сосуда с изломом под углом; может быть, подражание металлическому сосуду; толщина 0,0035. Единственный фрагмент этого типа и по технике.

ОРНАМЕНТ. Переходя к орнаменту сосудов, мы прежде всего должны отметить, что весьма неясна общая орнаментика IV группы фрагментов (27—40). В большинстве случаев, это орнамент полосками, но, несомненно, в общем, дающий какой-то более сложный рисунок, как можно видеть по фр. 30, 32, 33, и, особенно, по фрагментам 28 и 38. Восстановить, однако, общий рисунок этих сосудов едва ли возможно.

Орнамент V группы дает гораздо более и в смысле выяснения рисунка и в смысле помощи для восстановления самой формы сосудов. В общем, керамика этого типа, повидимому, приближается к керамике второй цивилизации Кархемыша по рисунку и форме, но не по технике, так как Хогарт[1] говорит, что строители зданий этого периода употребляли горшки, сделанные на гончарном круге, с геометрическим орнаментом черной и коричневой краской по светло-желтому фону; у нас здесь гончарный круг, повидимому, не употреблялся, но приводимый им рисунок сосуда несколько напоминает наши фрагменты.

Фр. 17 дает возможность, по профилю и орнаменту, предположить верхнюю часть сосуда, формы округлого кувшина, вдоль горлышка которого, между двумя полосами, шел орнамент из треугольников, который часто встречается в III группе.

Фр. 15 дает тот же орнамент, но несколько осложненный, именно: рядом с треугольником из пересекающихся линий, по белому фону, мы имеем остаток другого треугольника, более узкого, обращенного вершиной в противоположную сторону и состоящего из кирпичного цвета середины между двумя тем-

---

[1]) Hogarth, op. cit, стр. 29.

ными линиями. По профилю, можно думать о сосуде той же формы, как и предыдущий сосуд.

Фр. 12, возможно, от сосуда такой же формы, но здесь орнаментация иного типа, а именно—в виде квадрата, состоящего из четырех треугольников, обращенных друг к другу вершинами и разделенных широкими белыми диагоналями. Рядом, повидимому, шел иной рисунок, почему восстановить весь тип орнамента невозможно.

Можно думать, что от такого же сосуда, и также от верха, фр. 13, где орнамент таков: вокруг горла две черные полосы по глине, далее—белая ангоба из каолина, по ее краю черная полоса, ниже—две черных полосы, соединенных точками, а еще ниже черная полоса, от которой вниз идет орнамент в виде треугольников из пересекающихся линий, попеременно вершинами вверх и вниз.

От подобного же сосуда (?) фр. 20, где рисунок вокруг горла состоит из широкой полосы клеточных квадратов между двумя черными линиями. Орнамент идет по белой ангобе. Ниже—глина сосуда, выше—ангоба продолжается с остатками неопределимого точно орнамента.

Несколько иной орнамент на фр. 14. В нем горло сосуда, такой же формы, наоборот, осталось не ангобированным; проведены две пурпурные полосы; нижняя уже по белой ангобе, на которой сделан ряд неправильной формы треугольников; основания последних лежат на одной линии, а вершины то вверх, то вниз, так что получается своего рода пильчатый орнамент.

Трудно сказать точно об орнаменте фр. 11 и 18. Первый из них дает кусок шашечного орнамента: по белой ангобе черной краской сделаны перекрещивающиеся линии, клетки попеременно белые (ангоба) и пурпурные. Фр. же 18, возможно, принадлежит сосуду описанного уже нами типа. Тогда можно предположить, что ближе к горлу, по белой ангобе, шел шашечный орнамент из белых и пурпурных клеток, ниже—две черные полосы по белому фону, а еще ниже—неопределимый точно орнамент, тоже по белой ангобе.

Трудно сказать также что либо о сосуде, которому принадлежит фр. 19. С большим колебанием можно считать его частью бокалообразного сосуда, где выступ (см. профиль) занимал бы середину: он покрыт шашечным орнаментом, над ним черная полоса, а еще выше—шашечный орнамент с более крупными клетками. Ниже выступа - две черных полосы, а еще ниже, повидимому, треугольный орнамент типа фр. 17, ограниченный в вершинах черной полосой.

Из орнамента VII группы фрагментов, прежде всего мы остановимся на фр. 9, представляющем, кажется, часть сосуда той же формы, как фр. 17 (см. профиль), трудно сказать только—

верхнюю или нижнюю часть боковой стенки. По глине, железистой черной краской, проведена полоса, а затем, между двух полос, орнамент, состоящий из прямоугольников и треугольников, зачерченных в клетку.

Фрагмент 4, судя по профилю, чаша (?), был просто окрашен широкой светло-коричневой полосой и внутри и снаружи сосуда, по бортику.

У фрамента 6 (см. профиль) отгиб и далее, внутрь сосуда, орнамент состоит из ряда концентрических кругов, сделанных по глине светло-коричневой краской.

Другие фрагменты этой группы украшены лишь концентрическими кругами, сделанными по глине красками: красной и черной (железистыми) и белой (каолином).

Обширная III группа фрагментов дает целый ряд орнаментов: прежде всего, такого же треугольного типа, как 17 и такую же, повидимому, форму сосудов. Таков фрагмент 50: по горлу черная полоса, а ниже ряд треугольников из пересекающихся линий, вершинами кверху; то же фр. 48, 88, может быть, 85. Интересен фр. 72: он, как будто, дает орнамент, состоящий из ряда клеточных ромбов, соединенных углами Фрагмент 112, бок сосуда, показывает, что по самой выпуклости его проходили четыре полосы, сделанные коричневой краской, от нижней шла полоса фестонов, от верхней шел орнамент треугольниками в клетку, чередуясь с обратными треугольниками, с ромбом в вершине, сделанными тою же краской. Такими же треугольниками в клеточку украшен бортик сосуда фр. 47, с обратной стороны покрытый зигзагами. Весь рисунок сделан черной краской по глине.

Бортик сосуда фр. 99 был очерчен двумя черными линиями по краю, и сверху покрыт перекрещивающимися черными же линиями

Целый ряд фрагментов (некоторые из них, может быть, принадлежат, судя по глине, одному сосуду, напр., 42, 51, 40, 74) украшен был концентрическими кругами и фестонами: так, фр. 100, часть сосуда возле горла, имел вокруг горла узкую черную полосу, к низу от которой шли фестоны, затем широкую черную полосу, узкую и опять широкую. Фр. 61 имел более сложный орнамент: именно —сохранившаяся часть верхней, кажется, половины кувшина дает полосу, украшенную спускающимися вниз фестонами, широкую полосу решеточки, также украшенную такими же фестонами и еще ниже—полосу, от которой фестоны идут в обе стороны, и вверх и вниз. Фр. 95, кусок отвернутого борта большого сосуда, украшен по самому наружному ребру черной полосой; другая полоса, соединенная в первой перемычками, идет по самому верху; внутрь от нее идут фестоны. По нижнему же ребру идет полоса, соединенн-

перемычками с полосой, украшающей наружное ребро, и далее, с наружной стороны, идут близко одна за другой три полосы, от нижней из которых свисает ряд фестонов. Таким образом, верхний край этого сосуда можно точно восстановить.

Два фрагмента 96 и 97 указывают, что иногда подобной формы сосуд украшался полосками, идущими вдоль всего тела сосуда и отходящими от полосы, идущей сейчас же под отворотом.

Трудно сказать, что должен представлять из себя орнамент на фрагментах довольно больших (или, может быть, одного большого) сосудов 69, 92 и 93.

Наконец, на одном фр. 111 следует указать, повидимому, присутствие лепного орнамента, хотя незначительность обломка не позволяет делать никаких дальнейших заключений: может быть, это просто начало нижнего конца ручки. Этот сосуд несомненно сделан на круге.

Оставляя детальное сравнение этой керамики с керамикой соседних стран до другого времени, когда будут опубликованы полностью раскопки И. И. Мещанинова и А. А. Миллера из Кызыл-ванка, и когда я буду иметь возможность ознакомиться с вышедшей в прошлом году, вышеназванной работой Женуйяка, все же не могу не сделать указаний на некоторые параллели.

Прежде всего отмечу, что в сосудах из Кызыл-ванка, присланных в Археологическую комиссию Федоровым, мы имеем форму кувшинов, аналогичных богаз-кёйским[1]: орнаменты их, из треугольников и ромбов, из пересекающихся черных полос, аналогичны нашим орнаментам; возможно, что и среди наших фрагментов, некоторые принадлежат не верхней части кувшинов, как мы высказали выше, а широким низким чашам, как на рис. 50 стр. 14 „Известий“ Археол. комиссии.

Подобного же типа сосуды были найдены при раскопках П. В. Чарковского близ с. Тазакенд, эриванской губ. и уезда, по правую сторону р. Занги (Тифлисский музей №№ 2743—2754)[2]. „Сосуды эти вылеплены из светлой, хорошо отмученной красной глины и затерты по поверхности красной краской, вероятно, охрой[3], по которой черной краской выведен, не совсем правильно, геометрический орнамент, состоящий из разнообразных линий, квадратов, треугольников, дополненных в №№ 2743, 2752 и 2754 завитками или рожками[4]. Сосуды имеются двух

---

[1]) А. А. Спицын, Некоторые закавказские могильники (Изв. археол. ком., вып. 29, стр. 3—5, 11—15). Ср. особенно стр. 12, рис. 40 и стр. 13—14. См. также Т. С. Пассек и Б. А. Латынин, Очерк до-истории северного Азербайджана (Изв. общ. обслед. и изуч. Азербайджана, № 3, стр. 41).

[2]) Дело Археол. комисс. 1896 г. № 140.

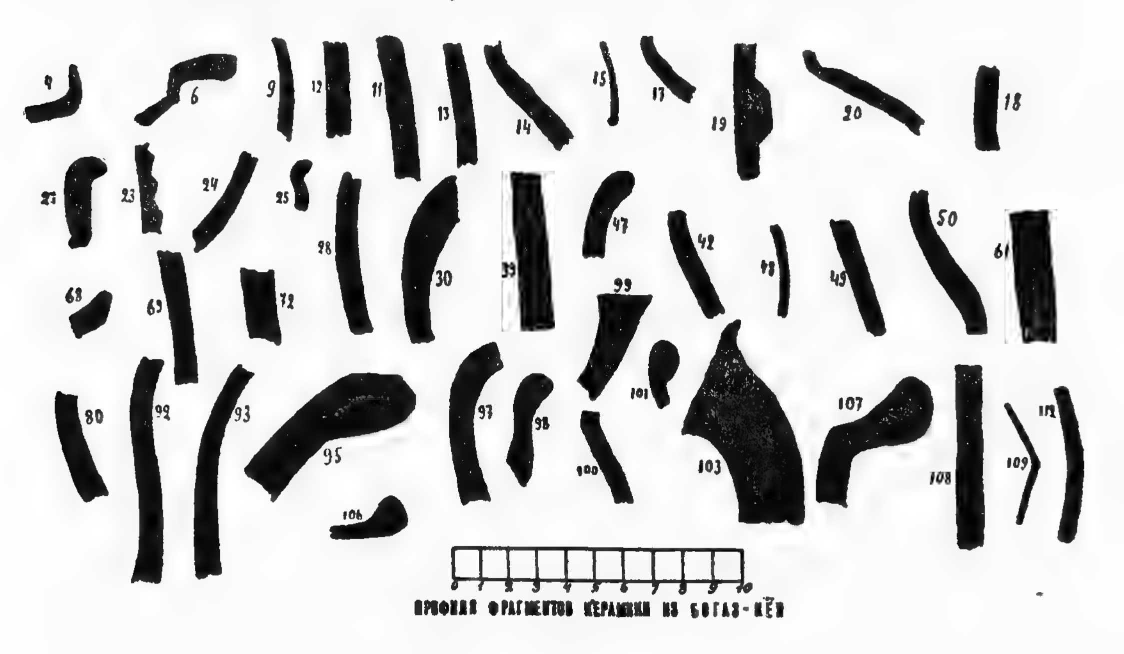
[3]) Может быть, по нашему мнению, это и не окраска, а результат лощения. Окончательно можно будет сказать, только сделав шлиф сосуда.

[4]) Гр. П. С. Уварова, Museum Caucasicum, т. V, Тифлис 1901, стр. 119 и 122.

типов: 1) крупные горшки (вышиной до 0,29, при таком же диаметре) с незначительными горлами или совершенно без оных, и 2) миски, тоже значительных размеров, высотой до 0,13, при диаметре верхнего отверстия в 0,18“.

Подобные этим сосудам мы имеем сосуды из могил возле Армавира, эриванской губ., ныне находящиеся в Лувре[1]. С ними, по форме и орнаменту, следует сравнить керамику позднейшего периода Суз[2]. Из Суз же мы имеем керамику, украшенную пилообразным орнаментом светло-коричневой краской по светло желтой глине[3], подобным орнаменту нашего фрагмента 14.

Этими беглыми замечаниями мы закончим свою заметку об имеющихся у нас фрагментах росписной керамики из Егазкёя и выразим свою искренную признательность как г. И. Мещанинову и А. А. Миллеру за ознакомление с результатами их раскопах в Кызыл-ванке, так и О-ву обследования и изучения Азербайджана за опубликование нашей статьи.

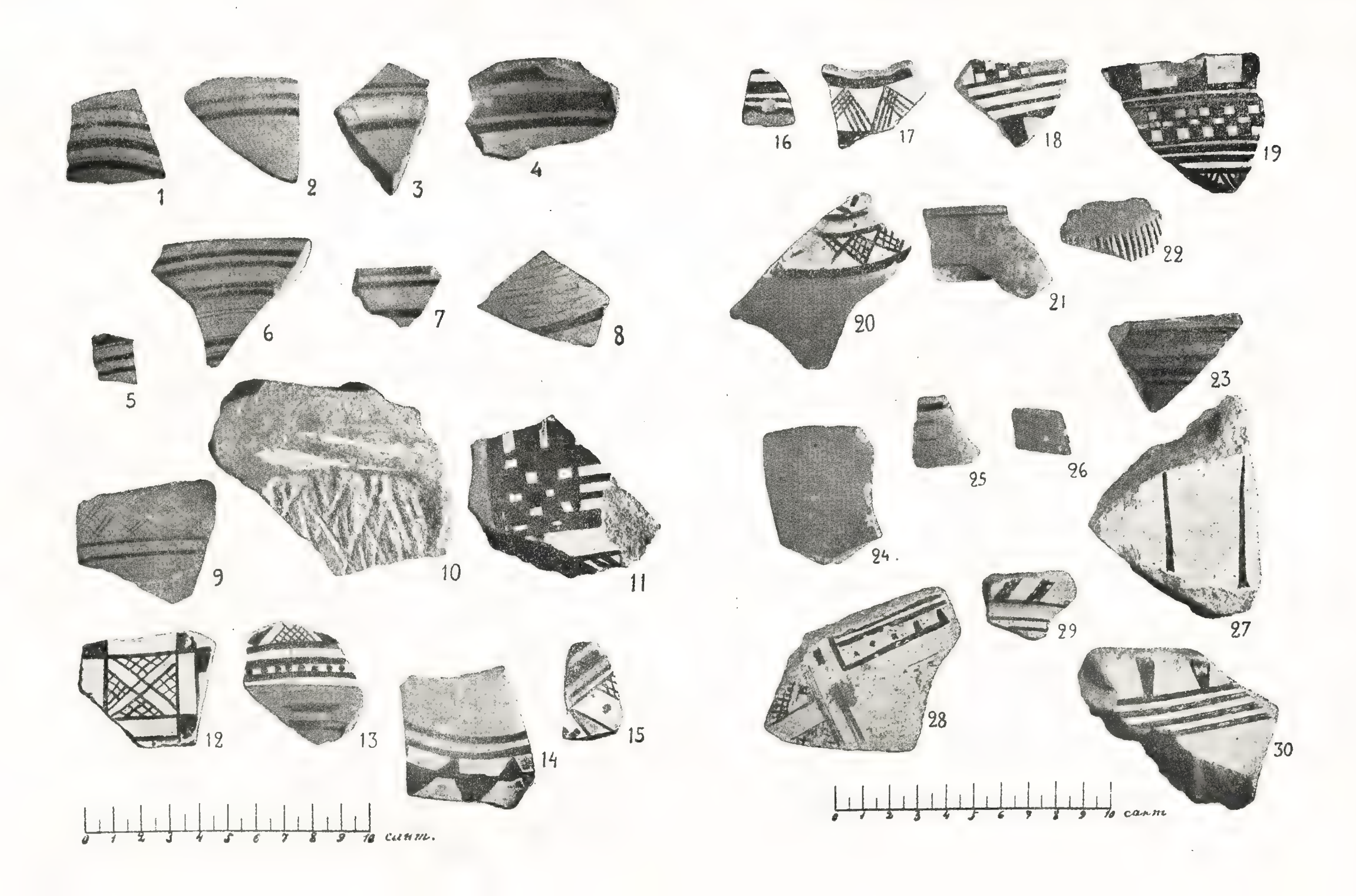
ПРОФИЛЯ ФРАГМЕНТОВ КЕРАМИКИ ИЗ БОГАЗ-КЁЙ

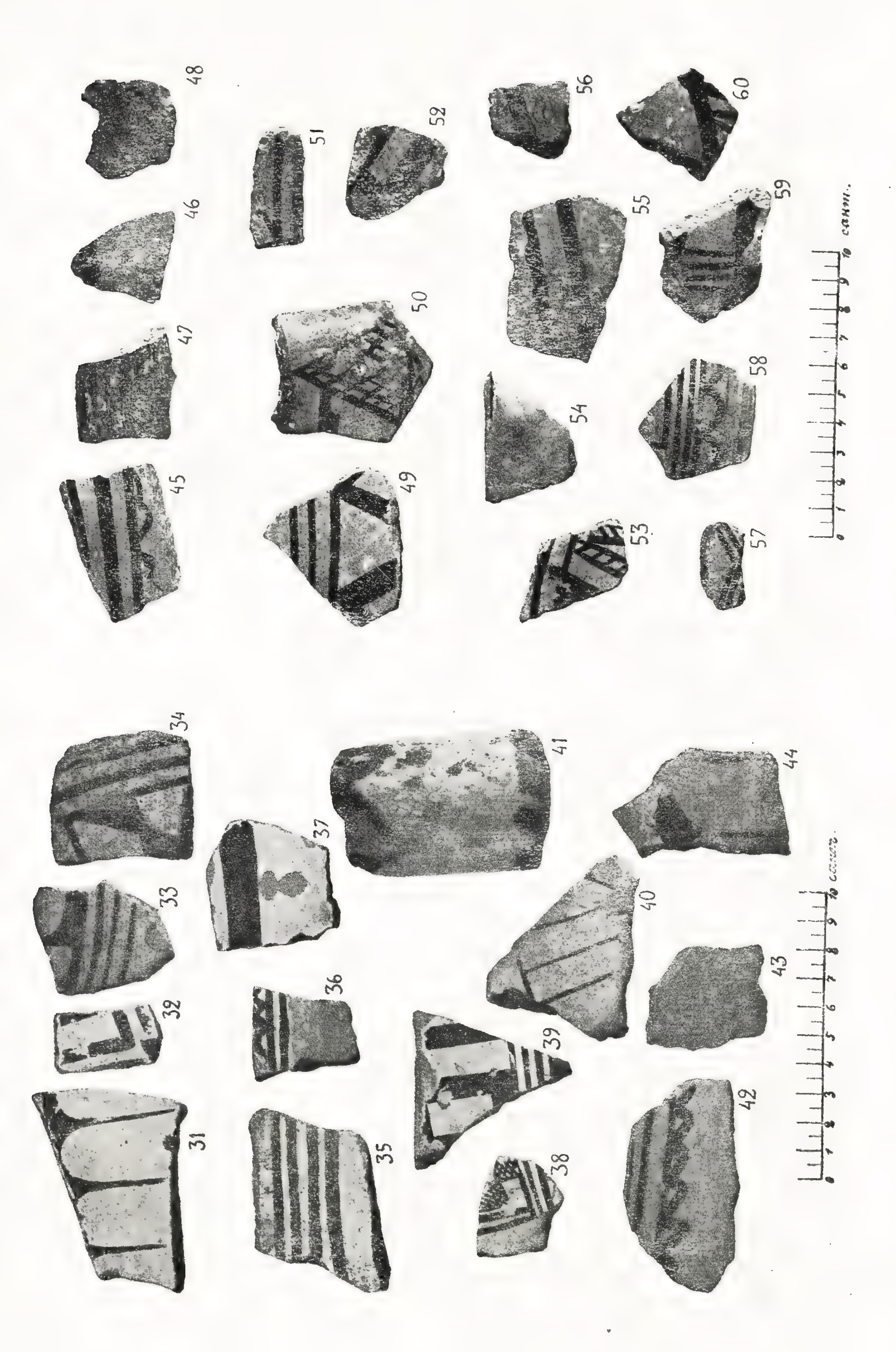

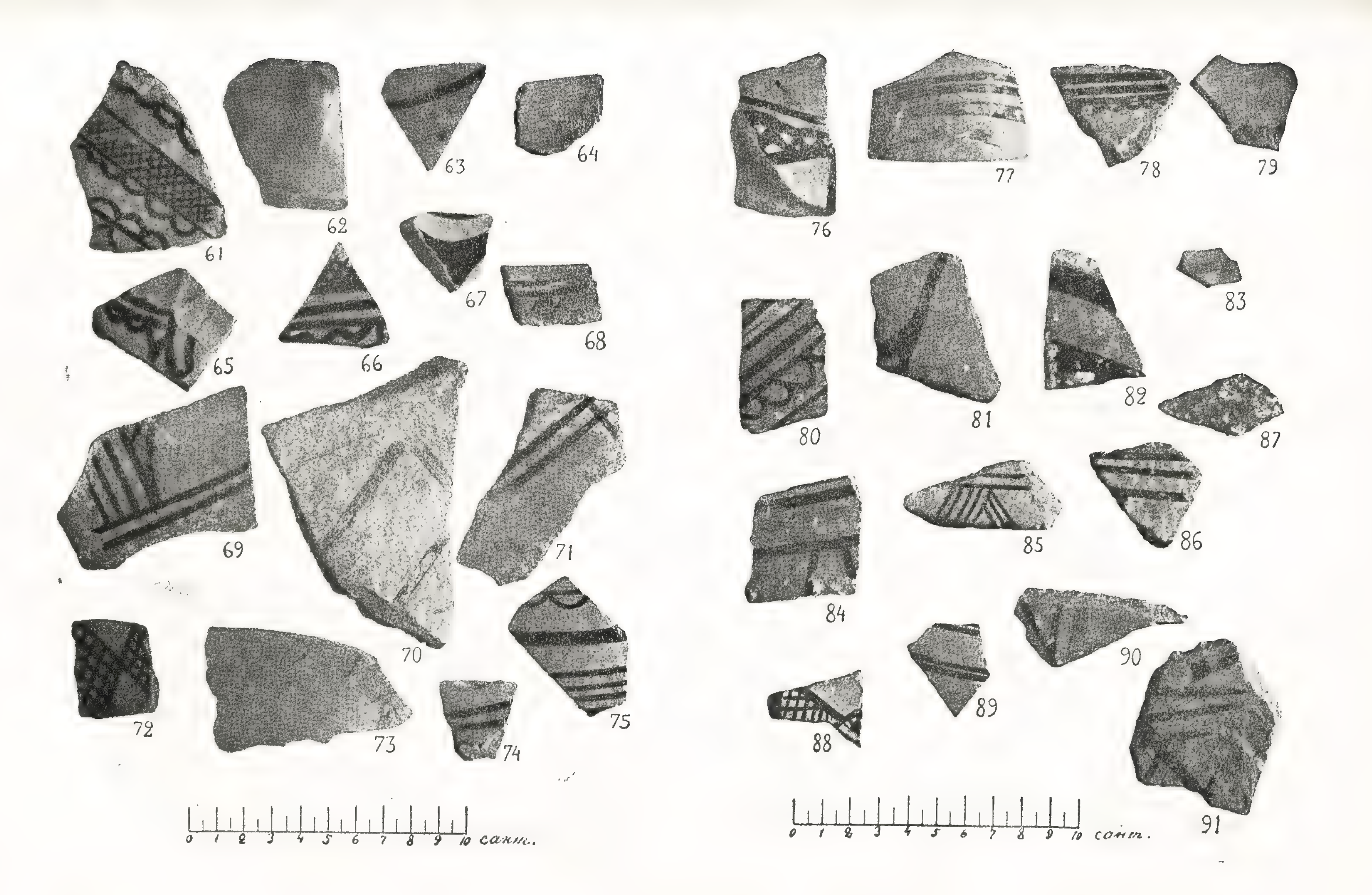
1) H. Frankfort, Studies in Early Pottery of the N. East, I, London 1924, стр. 38, табл. V, 1.

2) Ibid.

3) Délégation en Perse, vol. VIII, 1905, стр. 100, рис. 153; ср. по орнаменту также стр. 100, рис. 152 и стр. 99, рис. 150.

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 сант.
0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 сант

61
62
63
64
65
66
67
68
69
70
71
72
73
74
75
0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 сант.
76
77
78
79
80
81
82
83
84
85
86
87
88
89
90
91
0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 сант.

92
93
94
95
96
97
98
99
0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 сант.
100
101
102
103
104
105
106
107
108
109
112
113
0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 сант.
111

Prof. A. A. Zakharov.

CÉRAMIQUE HÉTÉENE DE BOGHAZ-KEÏ ET QUELQUES ANALOGIES AVEC CELLE DE TRANSCAUCASIE.

La céramique hétéene est encore peu étudiée et elle fut peu publiée. La liste jointe à cet article présente presque toute la bibliographie sur ce sujet. Pourtant une pareille étude serait de grande importance pour la connaissance des rapports de la culture hétéene avec celle de la Transcaucasie préhistorique. En vue de cette cause l'auteur crut devoir publier les données qu'il a entre ses mains.

En ramassant les fragments céramiques sur la surface du sol à Boghaz-keï en 1926, G. M. Ludvig en fit une collection, et il eut l'aimabilité de la remettre à l'auteur du présent article. En tout, la collection contient 112 fragments qu'on peut repartir en 8 groupes, dont deux sont dépourvus de peinture. Les fragments sont en argile grise et, pour la plupart, rouge, souvent polie, parfois engobée, cuite á 850-900°. Il est peu aisé de reconstituer la forme des vases, car les fragments sont trop menus; on y distingue peu l'emploi de la roue de potier. La peinture n'est conservée que très fragmentairemant; la plus grande partie est faite aux couleurs ferrugineuses qui sont: le noir, le blanc, le pourpre, le rouge et le brun.

On peut trouver quelques analogies de la céramique de Boghaz-keï avec celle de fouilles faites en Arménie par P. V. Tcharnovsky à Tazakend, par I. I. Méschtchaninoff et A A. Miller à Kyzyl-vank et les trouvailles de Fedorov, en même lieu, ainsi qu'avec les vases du Musée du Louvre provenant d'Armavir et avec quelques types de céramique de Suse.

Азиз Тубайдуллин.

К истории шелководства в Азербайджане.

Современная северная Персия и берега Каспийского моря еще в средние века считались классической страной, откуда западная Европа получала шелк. Мы знаем, что еще в конце XIII столетия генуезцы ходили в Гилан искать шелк для привоза в Европу. В Италии для этого шелка, вывозимого из Гилана, было особое название: „seta ghella, ghelli, leggi". Вообще, в Италии в XIV, XV и XVI столетиях все шелковое производство получало шелк и шелковые нитки из этих стран; вот почему в Италии были известны: „seta masandroni"—мазандаранский, „seta pisciacheri" — шелк Педшах-Хисара, „seta stravai, stravagi"—астрабадский шелк, „seta talani, talina"—талышский шелк; наконец, довольно известны были „seta siechi, sacchi"—шекинский шелк, и ганджинский, который назывался „seta gangia".

С начала XIV столетия начали ездить для получения шелка в Шемаху и венецианцы[1]. Этот город, лежащий на большой дороге, упоминается всеми италианскими путешественниками, как центр торговли и промышленности. Для иллюстрации, мы возьмем некоторые отрывки из записок этих путешественников. Италианский путешественник Контарини писал следующее: „1-го ноября в 1475 году прибыли мы в город Шемаху... В этом городе приготовляют шелк, известный у нас под именем таламанского и выделывают, сверх того, разные шелковые ткани, большею частью гладкие и не слишком добротные... Шемаха не так обширна, как Тавриз, но, по моему мнению, во всех отношениях гораздо лучше и обильнее всякого рода жизненными припасами"[2]. Другой путешественник, Барбаро, ездивший в Персию посланником венецианской республики, к владевшему тогда Персией Узун-Хасану, в 1479 году пишет: „До разрушения его (г. Астрахани) Тамерланом, коренья и шелк, отправляемые ныне через Сирию, доставлялись в Тану (на устье Дона) через Цитрокань и потом уже, на шести или семи венецианских галерах, перевозились в Италию"[3]. Торговля азербайджанским шелком не прекратилась и в XVI столетии, когда ездил известный путешественник Дженкинсон. Он говорит, что „татары привозят

---

1) W. Heyd—Histoire du commerce du Levant en Moyen-âge, 1923, t. II, p. 672—673.
2) Библиотека иностранных писателей о России, том 1, СПБ, 1836, стр. 76.
3) Там же, стр. 56.

сюда разные товары, выделанные из хлопка, шерсти и шелка, из Персии; именно, из Шемахи привозят шелковые нитки, употребительнейшие в России краски, пестрые шелка для поясов, кольчуги, луки, мечи и т. д.“[1]. Если среди этих товаров и могли быть не азербайджанского изделия предметы, то, во всяком случае, шелк и значительное количество шелковых изделий были местные, как это указывает и Контарини. Очевидно, после разорения Астрахани Тимуром, во время борьбы его с Тохтамышем, после того, как Дарданеллы, а впоследствии и Босфор, были захвачены османскими турками, которые стали препятствовать итальянско-восточной торговле, и после того, как в Золотой Орде начались непрерывные войны между чингизидами, тюрко-татарскими племенами и русскими князьями, шелк, отправляемый в Европу по Волге, Дону и по Азовскому морю, принужден был изменить свою прежнюю удобную дорогу. Поэтому-то Контарини и говорит, что „в нем (Тавризе) находятся несколько рынков, куда привозят весьма много шелка, отправляемого с караванами в Алеппо“[2]. Таким образом, указанные нами обстоятельства направляли азербайджанский шелк сначала через Сирию, а потом, после завоевания ее турками, через Турцию. Об этом говорят сами азербайджанские купцы — представители армянской компании, возглавляемые Григорием Ласиковым, приехавшие в 1666 году заключить торговый договор с правительством царя Алексея Михайловича: „Возим мы шелк многие годы через турецкое государство, которое обогащается от нас таможенными сборами“[3]. После падения приволжско-татарских ханств и неудачи наступательной политики турецкого правительства, направленной к захвату Поволжья, а также неудачи попытки прорытия волжско-донского канала, при Селиме II, в 1569 году, азербайджанский шелк нашел новую дорогу сбыта в Европу—через Россию. В 1666 году указанные представители говорили, что „при царях Михаиле Феодоровиче и Алексее Михайловиче персидской области купецкие люди, персияне и армяне, кумычане и индейцы приезжали с шелком и со всякими персидскими товарами и торговали и в Москве, и в Астрахани и по другим городам[4]...“ Таким образом, уже в 1666 году посредниками торговли шелком выступили сами кавказцы, а именно: армяне, кумыки и персы, и мы видим, что так называемый „персидский шелк“ тогда в мировой торговле играл немаловажную роль.

Насколько велики были обороты гор. Шемахи, этого центра торговли шелком еще в начале XVIII столетия, указывает следующий факт: во время нападения лезгин на Шемаху в 1712

1) Астраханский сборник, стр. 87.
2) Библ. иностр. писат. о России, I, стр. 48.
3) Соловьев, Ист. Росс., изд. „Общ. польза“, XII, гл. 5, стр. 561.
4) Соловьев, там же, стр. 565.

году, по словам Соловьева, один русский купец, Матвей Григорьевич Евреинов потерпел во время этого события убытка на 170.000 рублей, вследствие чего этот богатейший в России купец в конец разорился. Всего русские купцы были пограблены на 500.000 рублей[1]. Катифоро полагает, что в Шемахе было побито до 300 русских купцов и их слуг[2].

Из всего сказанного мы можем заключить, что, как персидский, так и русский Азербайджан с давних времен имел огромное значение в области, как шелководства, так и торговли этим товаром. Хотя азербайджанские тюркские ханства, перед их окончательным уничтожением, находились, в экономическом отношении, в состоянии упадка, но все же шелководство было довольно сильно развито, несмотря на то, что, как мы увидим далее, техника обработки находилась в примитивном состоянии. Отрывочные данные источников дают некоторую картину состояния этого хозяйства перед падением ханств. Например, мы знаем, что, по сведениям 1809 года, в ширванской области ежегодно добывалось до 5.000 пудов лучшего шелка сырца, а в шушинской—до 4.000 пудов[3].

В нашу задачу не входит изложение всей истории шелководства в Азербайджане. Мы хотим ограничиться лишь очерком этого производства в так называемых „казенных шелковичных садах", которые существовали после русского завоевания в нашей стране, главным образом, в шекинской провинции.

Эта область Азербайджана более других выделялась своим шелководством. Несмотря на неорганизованность, на тяжелое положение реджберов, работавших в казенных садах, шекинская провинция вывозила довольно солидное количество шелка, как можно видеть из следующей таблицы:

„В 1822 году	было	вывезено	1760 пудов.
В 1823 году	„	„	2394 „
В 1824 году	„	„	3783 „
В 1825 году	„	„	6030 „
В 1826 году	„	„	2918[4] „
В 1827 году	„	„	5717 „

Приводя эти цифры, советник казенной экспедиции верховного грузинского правительства, Яновский, прибавляет следующее: „Следовательно, с 1822 года по 1827 год, в течении пяти лет, шелководство, без всякого внимания со стороны правительства, при множестве поборов, с оного установленных, но при одной только беспрепятственной и выгодной продаже, увеличилось почти в пять раз".

---

1) Соловьев, там же, XVIII, гл. I, стр. 671.
2) Бутков П., Мат. для нов. ист. Кавк. I, стр. 3, прим. 1.
3) Акты кавк. арх. ком. (А.К.А.К.), IV, стр. 82 и 83.
4) Заметно уменьшение, вследствие „беспокойства".

Эта область Азербайджана, как в ханское время, так и в первой четверти XIX столетия представляла собою сплошные шелковичные сады. На берегах Куры росло много дикой шелковицы без всякого ухода за нею.

Шелковичные казенные сады получили свое начало при ханах шекинских. Эти владельцы, занимаясь собственным хозяйством, населили целые деревни выходцами из соседних областей и ханств Азербайджана, а также набранными из кочевьев гандаверами, т. е. людьми, не имеющими своего хозяйства и являющимися самым бедным элементом сельского населения в начале XIX столетия. Ханы заставляли их разводить шелковичные сады, иметь за ними надзор и пользоваться за то предоставленною им частью доходов. В других же, существовавших тогда, деревнях ханы, избрав лучшие места для садоводства, принадлежавшие поселянам, заставляли их продавать эти земли за ничтожную плату, становиться реджберами и возделывать купленные сады, назначая им известную долю урожая[1]. Таким образом, если верить только что изложенному нами мнению советника Яновского, командированного для специального изучения состояния шелководства в шекинскую провинцию в 1829 году, то получается ясная картина процесса закрепощения части свободного сельского населения еще при ханах. Этот доход с шелководства был для реджберов настолько ничтожен, что, по словам Яновского, „рачпары не в состоянии были прокормить своих семейств, и насильственные меры, нередко употребляемые ханами, были причиной того, что сии последние рачпары весьма искали себе избавление от принуждений в бегстве“[2].

„Праздные места, в случае побега или смерти рачпаров, ханы обычно пополняли из поселян других деревень; равно постройка домов рачпарам, проведение канав для напуска воды, к напоению садов, унаваживание оных, рассадка тохмачаров и другие потребные работы и постройки, возложены были в повинность на жителей всего ханства. Присмотр же за шелковичными червями и выкормкою оных оставались на обязанности рачпаров и преимущественно женщин, которые и ныне (т. е. в 1829 г.) занимаются всегда сим предметом“.

„Когда наступало время собирания барамы коконов, ханы, для описания оной в принадлежащих им садах, посылали беков, которые, перевесив у каждого рачпара сырую бараму и отделив из общего урожая потребное количество на семена для будущего года, полагая на каждую 1/4 стиля семен 6 стиль лучшей барамы, остальную в шекинском магале разделяли пополам: одну часть назначали хану, следующую отдавали рачпа-

1) Азгосархив, фонд верх. груз. правит. св. 21, д. 262, листы 150—169.
2) Там же.

рам, потом из рачпарской доли брали еще от каждого батмана по 3 стиля барамы даргалуху, т. е. в пользу смотрителя садов (примечание: при русском прав. даргалух поступал в казну). А в деревне Алиаре, сверх того, всякий рачпар должен был дать из своей доли водопроводу 2 стиля барамы. В арешском же и агдашском магалах, по отделении барамы на семена, водопроводу выдавалось с урожая каждого рачпара по 3 стиля оной, остальную же затем разделяли на пять частей, из коих три поступало для хана, а две рачпарам. Ханские доли отдавались рачпарам, которые за каждый батман сырой барамы должны были доставить хану по 5 стилей готового шелка, шестой стиль уступался им на все расходы при просушке коконов и за плату шелкомотальщику. Равным образом в обязанность рачпаров входило: из барамы, отделенной на семена, выводить бабочек, и полученное от оных семя хранить и сберегать до следующей весны. Случалось иногда, что ханы помогали рачпарам, особенно при первоначальном заведении садов, давали им хлеб, скот и деньги, и те из рачпарских деревень, кои заселены при Джафар-Кули-хане, как-то: Ярамел, Джаффарабад и Ханабати избавлены от всех почти податей, кроме малджигата (т. е. десятой доли урожая), остальные же рачпарские деревни платят подати наравне с казенными крестьянами (раят). Только Карадыгин оставлен при платеже одного таругского дохода и Салаван при одном взносе денег за мусташирный чалтык. Первая потому, что в окладной ведомости показано, будто-бы жители сей деревни вместо тоджи (денежная подать) обязаны обрабатывать ханские сады, последняя от того, что прежние жители, именовавшие Молла Али (sic), бежали еще при ханах, и в окладной ведомости не помещены. На том же месте при русском правительстве поселены кочевья Сававан, платившие только мусташирный чалтык, вместо коего теперь вносят деньги. Сверх того, большая часть рачпарских деревень платят подать под названием таругского дохода и все вообще за сохи (чют пули), употребляемые ими для собственного хлебопашества, от чего большая часть раятских деревень избавлена. С тех же, кои избавлены, в агдашском магале производится сбор за шелкомотательные мешины (манджанух пули), наконец, дают, причитающиеся с них по раскладке, количества денег на содержание почт и мегечеурскую переправу через Куру, а до 1829 г. отбывали и все земские повинности натурой".

У нас не имеется точных сведений, сколько именно казенных садов было в шекинском ханстве до русского завоевания. По окладным ведомостям, составленным генерал-майором Ахвердовым и статским советником Могилевским показано было ханских рачпарских шелковых садов пять, но советник Яновский относится к этому критически и говорит: „Но сие сведение

вовсе несправедливо. Во время присоединения шекинского ханства к российской державе, ханские шелковичные сады были в тех самых деревнях, что и ныне, только большая часть рачпаров при тягостном для них управлении последнего Исмаил-хана, бежала в Ширван и Карабах, оставив без всякого присмотра сады свои, пришедшие от того в совершенное запустение; отчасти оные теперь еще видны в некоторых деревнях". В Азгосархиве имеется „Ведомость, сколько в шекинской провинции состоит казенных рачпарских садов шелковичных". На основании этой ведомости мы знаем о количестве садов в этой провинции в 1828 году: в шекинском магале было 168 садов, так называемых „рачпарских", приносящих казне доходы, и в них 959.753 шелковичных, 4.762 фруктовых деревьев и 6.669 виноградных лоз. Кроме того, в том же магале существовали сады, оставшиеся без реджберов, вследствие их побегов, почему от них казна не получала никаких доходов. Таких садов было 34 с 82.822 шелковичными, 389 фруктовыми деревьями и с 50 виноградными лозами. Всего в шекинском магале существовало 202 сада, со 1.042.575 шелковичными, 5.151 фруктовыми деревье и 6.669 виноградными лозами.

В агдашском же магале шекинской провинции было: 204 сада с 2.296.264 шелковичными, 9.742 фруктовыми деревьями и 13.020 виноградными лозами. Между прочим, существовали такие сады, которыми пользовались юзбаши и муллы, ничего казне не платившие. Из общего числа 493 садов в этой провинции, в 1829 году этой категории привилегированных слоев общества принадлежали 25 садов. Таким образом, некрепостное, свободное шелководческое хозяйство принадлежало большей частью муллам, ибо они, как в ханскую эпоху, так и после русского завоевания были освобождены от платежа налогов и подателей.

Всего в вышесказанном году в шекинской провинции существовало 482 сада с 2.296.264 шелковичными, 9.742 фруктовыми деревьями и 13.020 виноградными лозами[1].

Русское правительство, после покорения шекинского ханства, придавало шелководству огромное значение. Под влиянием министерства финансов, верховное грузинское правительство, через свою казенную экспедицию, „весьма" заботилось об этой отрасли производства. Как это бывало во всех бюрократических учреждениях центра и окраин России, эта забота о развитии шелководства шла медленным темпом. В нашем архиве сохранились целые дела, касающиеся этого вопроса, заключающие в себе несколько тысяч страниц. К вопросу об улучшении шелководства в казенных садах подходили с нескольких сторон: во первых, посадки новых шелковичных деревьев (тохмачаров), во

[1]) Азгосархив, ф. верх. груз. прав. св. 21, д. 262, листы 37—50.

вторых, улучшения техники, а именно—метода шелкомотания, в третьих, улучшения положения реджберов.

Наиболее успешно шло дело посадки новых деревьев. Так как шелковичные деревья были „недолговечны“, то приходилось заботиться о посадке новых. С одной стороны, их уничтожали разные вредители, с другой стороны,—самая техника использования листьев препятствовала правильному развитию и росту деревьев. По этому поводу советник Яновский говорит: „Сады сии недолговечны. Нередко в крепко унавоженном грунте рождаются черви, именуемые камаил, под‘едают корни шелковичных деревьев, отчего они и сохнут, и самая рубка ветвей, оставляя дерево безпрерывно в болезненном состоянии, сокращает его век; через 20 лет обыкновенно старые деревья, лишенные всей своей жизненной силы, вырубаются и заменяются тохмачарами. Согласно особой ведомости, представленной шекинским комендантом в 1835 году казенной экспедиции грузинского правительства, были посажены следующие количества новых деревьев, начиная с 1830 года:

В 1830	году	—	528.800	деревьев,
„ 1831	„	—	391.550	„
„ 1832	„	—	366.700	„
„ 1833	„	—	218.590	„
„ 1834	„	—	183.800	„
„ 1835	„	—	19.200	„

Всего в течении шести лет было посажено 1.881.640 деревьев[1].

Посадка новых деревьев шла двумя способами: во первых, правительство покупало молодые тохмачары, во вторых, шла пересадка, которая производилась упорным и долгим трудом реджберов. Советник Яновский описывает процесс посадки новых деревьев следующим образом: „для разведения оных, сначала рассевают семена черной шелковицы, потом, в следующий год, выросшие молодые деревьица (тохмачары) с половины марта до половины апреля пересаживают на унавоженный грунт земли и через 4 года начинают употреблять для корма червей—только вместо того, чтобы срывать одни листья, рубят целые ветви и тем препятствуют расти дереву более“.

Однако этими, чисто техническими, мерами нельзя было развить шелководство в Азербайджане вообще и в шекинской провинции, в частности. Вообще, в начале русской эпохи замечалось сильное падение шелководства. Русские местные чиновники всячески старались свалить вину упадка этого производства на голову бывшего ханского правительства. Но корень зла находился не только в том, что, как говорит советник Яновский, „разведение шелковичных садов в закавказском крае

[1]) То же дело, лист 465.

основывается на одних преданиях, и способ возделывания оных жители перенимают один от другого", что „доселе еще никто не преподал им правил к успешнейшему и лучшему ходу сего дела", а в тех социально-экономических условиях, которые существовали в крае, „народ, освобожденный от деспотизма ханов", все же продолжал весьма и весьма холодно относиться к этому важному производству. Бегство реджберов было угрожающим для этой отрасли производства. В приказе экономического отдела верховного грузинского правительства тифлисской городской полиции всем комендантам Грузии и других мест, от 28 марта 1828 года, между прочим, ясно говорилось, что „главнейшее затруднение в неимении при оных (т. е. при реджберских казенных садах) полного числа рачпаров, из коих иные умерли, другие бежали... заменить их некем, ибо не могут быть к тому взяты от земли и от своих хозяйств оседлые жители, которых собственное положение от того бы расстроилось, а лежащия на них повинности, по необходимости надлежало бы возложить на других, между тем, как вообще обыватели и без того уже отягощены повинностями". Поэтому правительство решило сдать их в откуп, как это было в ганджинской округе[1].

В то же время и сам, близко стоявший к этому делу, шекинский комендант продолжал беспокоиться о том, что вследствие недостатка и отсутствия в некоторых садах реджберов, „могут оные придти в совершенное запустение", и потому, в своем рапорте, от 13 марта 1829 года, казенной экспедиции высказывает мнение: „Мы предположили заменить сии убылые места гандаверами, то есть поселянами, неимеющими оседлости и почти бесполезными обществу, с тем, чтобы каждому из таковых гандаверов оказывать пособие двумя тагарами пшеницы шекинской меры или деньгами за оные, по справедливым ценам, из суммы, ассигнованной экспедицией на пособие рачпарам"[2]. Скоро эта мера стала проводиться в жизнь, и комендант довел до сведения начальства, что „сделано мною распоряжение о замещении гандаверами убылых рачпарских мест, из коих один уже поступил в казенный сад и ему выданы деньги на покупку двух тагар пшеницы".

То же мнение о пользе замещения реджберов гандаверами было высказано и Яновским, и стало приводиться в исполнение еще до получения окончательного согласия экспедиции. 25 мая 1829 года последовало постановление последней: „согласиться совокупно с мнением советника Яновского и шекинского коменданта" и привести в исполнение распоряжение о замещении реджберов гандаверами. В том же приказе экспе-

---

1) Там же, листы 119—120.
2) Там же, л. 138.

диции идет речь и о желательности отдачи этих садов на откуп. Но так как экспедиция категорически хотела отдать все сады провинции вместе и без раздробления, в одни руки, то откупщиков не оказалось. Поэтому, приказ предписывает коменданту привести все предположения об улучшении садов в исполнение хозяйственным способом, т. е. вопрос об откупе отпал.

Остававшиеся реджберы, под давлением невыносимых экономических условий, старались заменить шелковичные деревья фруктовыми, чтобы освободиться от невыгодного, совершенно бесполезного труда в пользу казны. Еще в 18‹8 году, исп. должн. шекинского коменданта даже предлагал казенной экспедиции „воспретить рачпарам совершенно размножение оных (т. е. фруктовых деревьев), а обратить все труды на шелководство и насаживать пустопорожние места тохмачарами; тех рачпаров, кои имеют в своих садах довольное число виноградных лоз, обложить с каждой тысячи пудов стилем шелку, впредь же запретить разводить под условиями, кои будут впоследствии времени сообщены“[1].

Действительно, положение реджберов казенных шелковичных садов было весьма тяжелым. Из дальнейшего мы увидим, что здесь тесно связались восточно-деспотические рабовладельческие основы с принципами русского крепостничества, и в этом находилась основная причина падения этого дела. Вот, что писал о положении реджберов и о катастрофическом состоянии шелководства в шекинской провинции один из местных чиновников: „Сады шелковичные находятся в худом состоянии, как по числу деревьев, так и по побеге рачпаров: они опустели совершенно и никакого дохода не делают. Каковых оказалось в провинции 74, из них рачпары некоторые при ханских правлениях бежали в смежные провинции и там остались на жительство, другие при управлении комендантами оставили сады и разбежались в разные деревни сей же провинции, а некоторые рачпары из вновь разведенных садов майором Свеховским, по случаю бывших военных действий, по оставлении провинции, бросили сады и возвратились в те деревни, из которых были переселены. 4-е, побеги рачпаров, как дознано, происходят оттого, что на места бежавших при ханских еще правлениях в разные провинции, замещали коменданты из казенных поселян, платящих подати и само собою разумеется, что поселенцы из таковых терпят большие разорения, оставляя свои хозяйственные заведения, иногда собственные свои усадьбы, и должны обрабатывать казенные сады с частей определенных, каковы для пропитания семейств“[2]. Более полную картину положения реджберов и шелководства до 1830 года дает нам тот же

[1]) Там же, л. 52–57.
[2]) Там же.

Яновский в следующих словах: „Осмотрев, согласно данной мне инструкции, казенные шелковичные сады в шекинской провинции и при оных находящиеся дома рачпаров, и чердаки для корма червей, я нашел все сие в дурном состоянии. В многих деревнях встречались мне казенные сады и строения несколько в лучшем против прочих виде, кои быв выходцами из других соседних областей, вступали еще при ханах в рачпарское звание и с того времени постоянно занимались возделыванием своих садов. Но и сии сады в продолжении войны с Персиею и Турциею, когда казенных рачпаров наряжали наравне со всеми казенными поселянами в земские повинности и в дальние транспортировки, пришли в запустение. А сбор в 1828 году для иностранца Кастеллы вместо шелка сухой барамы и закупка в казну хлеба с доставкой оной в сигнахской магазеин, не только лишило рачпаров всех средств к содержанию садов и строений в должном порядке, но даже отняло всякую возможность снискивать себе пропитание. Из беднейших, особливо тех, коих сады не приносили дохода, иные бежали, другие намеривалися бежать, для избавления себя от голодной смерти. В сем крайнем положении, принимая меры к поддержанию существованая несчастных рачпаров, я исходатайствовал освобождение их от всех земских повинностей, приказал смотрителю агдашских чалтычных казенных посевов раздать им 50 тагар сулупу (род дурного проса, получаемого при очистке чалтыка), убедить казенных поселян (раятов) дать некоторым из них в заем для посева хлеба. Наконец, ассигновка экспедициею сумм на продовольствие рачпаров и приведение садов в лучшее состояние, также последовавшее разрешение замещать убылые места рачпаров гандаверами, дало совершенно другой оборот сей отрасли казенного хозяйства. рачпары с большею охотою принялись за работу садов. Огорожи и канавы вокруг большого числа оных исправлены, насажено значительное количество тохмачаров и приступлено к постройке домов и чердаков, где крайняя необходимость того требовала".

Однако, это сообщение Яновского можно считать крайне односторонним и выраженным, может быть, для указания на то, что после посещения им шекинской провинции дело шелководства улучшилось. В действительности мы видим совершенно другую картину. Шекинский комендант от 8 июня 1832 года сообщает казенной экспедиции, что „30 человек рачпаров находятся в крайне бедственном положении и даже без дневного пропитания, через что самовольно отлучаются в другие деревни, а другие вовсе бежали и находятся в безизвестности"[1]. То же самое продолжалось и через два года, когда уже были проведены некоторые полумеры к улучшению жизни реджберов.

[1]) Азгосархив, тот же фонд, св. 23, д. 272, л. 1034.

Архивные материалы, касающиеся этих лет, полны жалоб шекинских комендантов казенной экспедиции на бегство реджберов. Например, шекинский комиссар Пожаров доносит казенной экспедиции, от 13 июля 1834 года, „что из числа казенных рачпаров, находящихся в шекинских садах, бежало 3 человека в карабахскую провинцию“[1]. Основные причины бегства были указаны выше. Во всяком случае, самой близкой побудительной причиной были тяжелые поборы и крепостнический труд, благодаря которым реджберы принуждены были голодать. Следующий отрывок—выписка из журнала казенной экспедиции, от 1 ноября 1830 года, поясняет нам, какая мизерная часть урожая попадала в руки реджберов: „В шекинской провинции, как выше из'яснено, казенные шелковичные сады обрабатываются рачпарами, которые всегда платили в казну половину из полученных от сих садов коконов, другую оставляя себе на обработку. Потом коконы сии теми же рачпарами отдавались для размотки в шелк, но как из них весьма мало было знающих сию работу, то не только казенные, даже собственные коконы они отдавали для размотки шелкомотальникам с платою за то некоторой доли шелку, которая для того уступалась рачпарам и от казны. Шелк получался всегда весьма грубым и нечистым“[2]. Помимо того, те же реджберы, „кроме прямой обязанности, отбывали все повинности наравне с другими поселянами“. Наконец, реджберы, отдавая шелк для размотки шелкомотальникам, которые по большей части были из неплатящих никаких налогов маафов и мулл, кроме платежа им определенной доли шелка, сами помогали им при работе носить дрова, воду, топить печку, и содержали мастера во все время на своем иждивении. Такими тяжелыми налогами и повинностями „несчастные рачпары не только должны были отдать в казну и собственные части, но многие покупали у казенных крестьян и моафов бараму, заплачивая деньги, продавая последнее свое имущество, тем более, что казенные приемщики дурной барамы не брали, а некоторые рачпары и хорошей не имели“[3].

Собираемого казенного шелка было довольно много: в 1826 г. было собрано 236 п. 39 ф. 17 зол., причем каждый пуд шелка был продан на Кавказе по 134 р. Всего выручено было 32.023 р. 25 к. сереб.[4]. В 1827 г. было собрано 687 батманов 45 11/18 стилей, которые были проданы за 36.241 р. 60 коп. серебром[5]. В 1832 году на казенное шелкомотальное заведение поступило сухой барамы со всех магалов 260 батманов 26 1/8 стилей[6].

1) То же, св. 21, д. 262, л. 384.
2) Там же, л. 223—227.
3) Рапорт Яновского казенной экспедиции от 18 июня 1829 г. Там же, св. 22, д. 271, л. 24—71.
4) Там же, св. 16, д. 189, л. 23—24.
5) Там же, св. 23, д. 272, л. 976.
6) Там же, л. 401—402.

Под давлением развала казенного реджберского шелководства, под влиянием бегства и большой смертности реджберов, у чиновников появилась идея о необходимости облегчения положения реджберов и, даже, освобождения их от крепостничества.

С особенно резкой критикой практики властей по отношению к реджберам выступил тот же советник Яновский. Касаясь отношения, к этому классу населения, прежних комендантов, на которых, а не на крепостную систему, он вообще старался свалить всю вину, он говорил: „Заставляли насильно оставлять коренные оседлости и обрабатывать казенные сады, через то (коменданты) не только не упрочили хозяйство в шелководстве, но привели оное таковым переселением в упадок и тяготили деревенские общества платежем за них податей". Он предлагал облегчить им платеж налогов, построить для их жилья дома, снабжать их хлебом и деньгами и улучшить технику. Вся непродуктивность их работы, „их ленивость", чиновники об'ясняли тем, что у реджберов нет интереса к работе. Шекинский комендант, в своем отношении к казенной экспедиции, от 27 марта 1831 года, пишет: „Самое лучшее средство улучшения состояния всех вообще рачпаров, по местному соображению моему, состоит в том, что после переписи уничтожить совершенно звание рачпаров и сделать их казенными поселянами, отдав им в полном распоряжение рачпарские сады, взамен же сего обложить их умеренным окладом шелка, подобно поселянам казенных деревень; тогда они будут знать, что обрабатывают свою собственность и из прибытка отдадут казне такую часть, которая не лишит их пропитания"[1].

Было ли положение реджберов улучшено, мы, на основании имеющихся у нас материалов, ничего не можем сказать. Что касается бумажного и канцелярского материала, то его было потрачено очень много. По поводу этого вопроса мы можем повторить слова проф. Кизеветтера по общей характеристике эпохи Николая I: „То был непрерывный бюрократический бег на месте, подобный тому, который употребляется в гимнастике, и при котором люди деятельные, двигаясь, никуда не подвигаются"[2].

Несмотря на существование различных проэктов по улучшению положения реджберов, бегство их продолжалось, и в 1835 году число бежавших, по официальному счету, равнялось 15 чел[3].

Однако, в это время было сделано одно существенное нововведение, которое, без сомнения, имело значение для

---

1) Там же, св. 21, д. 262, л. 287—288.
2) Внутр. полит. в царств. Николая Павловича.
3) Азгосархив, тот же фонд, св. 21, д. 262, л. 471.

всего шелководства в Азербайджане в будущем. Это—замена старой техники шелкомотания новою. Для того, чтобы ясно представить, в чем состояло это нововведение и какова была цель его, приведем отношение начальника казенной экспедиции от 27 мая 1829 года. В нем мы читаем следующее: „Обращая внимание на принимаемые правительством меры к усовершенствованию в нашем крае шелководства, я поставлю непременною обязанностью к тому по возможности. Главная причина недоброты выделываемого здесь шелка есть та, что первоначальная обработка оного, разматывание, будучи первым основанием для хорошего шелка, производится весьма дурно. Нечистота шелка и медленность при ручной работе, суть неизбежные недостатки при настоящем образе разматывания. Для отвращения сих затруднений, я нахожу необходимым ввести в употребление машины для итальянской размотки шелка; они послужат основанием правильной размотки оного. Я приказал сделать образцовую машину сего рода. Рассмотрев оную, нашел, что она облегчит и ускорит нынешние работы и послужит к улучшению шелководства. За машину сию следует заплатить 60 руб. серебром. По распоряжению моему приисканы знающие работу сию тифлисские казенные крестьяне—мастер Оганез Аветикашвили Картащев и подмастерье Акуб Шайкоба-швили Шайнов; они обязываются в шесть месяцев обучить рачпаров чистой размотке шелка, а последний, сверх того, надеется в один месяц совершенствоваться в своем ремесле столько, что и самому поступить в мастера, почему и просят они жалования: первый—по 20, а второй, на первый случай по 10 рублей серебром в месяц. После же, по засвидетельствовании таможенного коменданта, что заслуживает оклад мастера, также по 20 руб. сер. и с тем, чтобы отвоз их был туда и обратно в Тифлис, на казенный счет; сверх того дать им в Нухе и квартиры и войлок для постелей, пищу же они обязываются иметь для себя на свой счет и, наконец, просят им выдать вперед в счет жалования: первому—20 р. а второму—10 р. сер. Доводя о сем знать казенной экспедиции, предлагаю ей заключить с сими крестьянами на вышеизложенном основании контракт и озаботиться отправлением сих мастера и подмастерья с машиною в Нуху. Сверх того, сделать нужные распоряжения о введении сей методы размотки шелка в употребление в шекинской провинции между рачпарами. На каковой конец заказать еще двадцать таковых машин или более для шекинской провинции,—принять меры, чтобы способ сей принят был и между частными хозяевами шелководных садов"[1]. Скоро такой договор с указанными мастером и подмастерьем действительно был заключен, о чем свидетельствует сохранив-

[1]) Там же, св. 22, д. 271, л. 12, приказ 27 мая 1829 г., № 149.

шийся у нас текст договора, и в июне 1829 года они приступили к работе.

Уже 28 июня 1829 года эти работы на одной машине начались полным темпом. Сами чиновники, руководившие шелководством в уезде, стали требовать увеличения числа машин, для того, чтобы в каждой деревне, где имеются шелководные сады, были машины, а не только в одной Нухе, куда реджберы могли приезжать с большим трудом для обучения этому делу, и чиновники же ходатайствовали об увеличении выдачи содержания обучающимся от 7 до 10 к. Ко 2 сентября уже набралось 10, и скоро к ним прибавилось еще несколько машин[1]. Тюрки-реджберы скоро стали понимать значение европейского способа размотки. Исполн. должность шекинского коменданта, в своем сообщении от 27 июня 1829 года, говорит, что казенная экспедиция приискала еще четырех мастеров в Тифлисе[2]. В другом сообщении говорится о том, что работы пошли полным ходом и начались серьезные опыты[3]. 7 сентября обучалось уже 15 реджберов[4]. Наконец, через несколько месяцев упорной работы, у реджберов и у обучавших их мастеров получились первые результаты. В том же году шекинский комендант сообщил казенной экспедиции следующее: „Имею честь довести до сведения казенной экспедиции: четыре казенных рачпара, а именно: дер. Ибрагим-кенды—Курбан Мустафа-оглы, Ханабута—Агмед Ибрагим-Халил-оглы, Джафарабада—Джебраил Юсуп-оглы и Альяра—Аракел Тюни-оглы совершенно образовались в чистой размотке шелка, для коих на сих днях строятся четыре машины из присланных из Тифлиса и возложится на них наматывание шелка той же доброты, каковой выделывается тифлисскими мастерами". Кроме того, „предлагает, что по 10 к. кормовых денег мало, и рачпары жалуются, то ученикам разрешено было платить по 30 к. в день, а четырем обученным по 20 р. в месяц.

12 октября 1829 года всего новых мастеров из тюрков было 5 человек[7]. Нам кажется, что эти лица были во всем Азербайджане первыми квалифицированными рабочими, получившими навык в работе на европейских машинах, вот почему мы считаем не лишним поместить их список, сохранившийся в нашем архиве: „Список рачпарам, отличающимся в чистой размотке шелка и достойным награды:

---

1) Там же, л. 9—10.
2) Там же, л. 107.
3) Там же, л. 5—6.
4) Там же, л. 61.
5) Там же, л. 109.
6) Там же, л. 81—82.
7) Там же, л. 131—132.

Дер. Ибрагим-кенды:—1. Курбан Мустафа-оглы, 2. Аракел Тюти-оглы.

Дер. Джафарабат: 3. Джебраил Усуп-оглы.

Дер. Ханабад: 4. Агмет Ибрагим-Халил-оглы.

Дер. Ярал: 5. Мамед-Али Али-оглы.

Дер. Ярамар; 6. Мамет Касым-оглы".

Казенная экспедиция, в марте 1830 года, выдает им награды и обращается со следующим: „Шекинской деревни Ибрагим-кенды казенному рачпару Курбан Мустафа-оглы. Для ведения между жителями, к собственной пользе и обогащению их, усовершенствованного способа шелкомотания, учреждено в Нухе заведение, выделывающее шелк отличной доброты. Ты и товарищи твои ревностью стремились отличиться в искусстве сей улучшенной размотки и сделались первыми и лучшими шелкомотальниками в провинции. По представлению господина коменданта, неутомимо внимательного к рвению вашему, казенная экспедиция ходатайствовала о достойной вам награде, и его сиятельство, главнокомандующий в Грузии, ген. фельдмаршал граф Паскевич Эриванский, удостоив своим лестным милостивым вниманием отличные труды ваши, изволил пожаловать тебе почетный кафтан, при сем препровождаемый. Да будет оный пред всеми соотчественниками твоими, жителями шекинской и других провинций, отличительными знаком воздаяния за весьма похвальные труды твои, в доказательство, что благотворное правительство всегда везде в каждом видит их и по достоинству вознаграждает. Дано верховного грузинского правительства из казенной экспедиции, марта в....[1] день 1830 года"[2].

К 1 февраля 1830 года сорок человек реджберов, которые учились шелкомотальному делу, сравнялись в искусстве с мастерами, „а сии последние были уволены"[3]. Таким образом, в течение восьми месяцев провинция стала иметь 40 квалифицированных мастеров.

Дело обучения реджберов новой размотке шелка и расширение применения новых машин в этом деле продолжалось, и в следующем году: в 1831 году число машин было уже 83, и правительство усиленно стало взыскивать деньги с реджберов для приобретения их. Таким образом, это сделалось новой повинностью. Например, мы знаем, что в том же году было получено с реджберов 207 р. 50 к серебром[4]. Правительство новыми наградами старалось поощрять мастеров из реджберов: в 1832 году казенная экспедиция отправила в распоряжение шекинского коменданта, для раздачи реджберам, трое серебря-

---

1) Неразборчиво.
2) Там же, л. 320.
3) Там же, св. 21, д. 262, л. 223—227.
4) Там же, св. 23, д. 272, л. 952.

ных часов „с репетицией", и 5 кафтанов[1]. Однако, работа так, как желало правительство, не шла. С одной стороны, как было сказано выше, продолжалось бегство реджберов, и в 1832 году, по официальным данным, число бежавших достигло 15. С другой, как во всяком крепостном хозяйстве, продуктивность была невелика, и комиссар Пожаров „причину этой лености" находил в „малом жаловании" мастерам и в „крайне бедственном" положении реджберов, из которых многие остались „без дневного пропитания"[2].

Не лучше обстояло дело шелководства и в других центрах Азербайджана. В ганджинской провинции падение шелководства прямо бросалось в глаза. Уже в 1829 году в этой провинции существовали целые леса шелковичных деревьев, вырубленных нарочно жителями, „дабы избежать притеснения откупщиков"[3]. Если в шекинской провинции причина падения этого производства крылась в крепостной системе принудительного хозяйства барщинного типа, то в ганджинской—корень зла лежал в откупной системе и произволе откупщиков. Там существовала особая статья сбора за шелкозодство, называемая малджигатом (десятина). Эта статья с первых же дней завоевания страны была отдана на откуп. В 1826 году откупщик давал ежегодно казне по 1520 рублей. В следующем году был заключен с новым откупщиком новый контракт, по которому откупщик с каждого талана или батмана (50 стилей) урожая шелка поселян, работающих на собственных садах, получал по стилю. Но среди крестьян, занимающихся шелководством, были такие, которые не имели собственных садов и пользовались деревьями, произраставшими на казенных землях. С них откупщик тоже должен был получать натурой то же самое, и сверх того еще по 40 к. с батмана урожая деньгами. Собственно говоря, русское правительство в этом деле ничем не изменило ханских порядков, оставшихся, по отношению к шелководству, в полной силе; вот почему, в контракте ясно сказано было: „собрать откупщику по сей статье в свою пользу то, что возможно было при владельце Джеват-хане".

Денежный сбор со второй категории поселян получался довольно большой, а именно—2020 р., между тем, как казне откупщик должен был вносить за это лишь 90 рублей. В 1828 году откупщик собрал с елисаветпольского уезда 910 батманов шелка. Произвол откупщика был чрезвычайно тяжел для поселян. Для иллюстрации, мы приводим здесь следующий отрывок из рапорта того же Яновского, от 18 мая 1829 года: „Сбор откупщик производит следующим образом: в то время,

---

[1]) Там же, л. 958

[2]) Там же, л. 1034.

[3]) Там же, св 16, д. 189, л. 18—22.

когда коконы поспеют, откупщик приезжает сам, но чаще присылает своего поверенного и, при 2 или 4 свидетелях (выбираемых большей частью из беков или их нукеров, т. е. служителей), произвольно назначает—сколько может выйти батманов барамы. Надобно заметить, что беки и их служители, по прежнему обыкновению, избавлены от платежа всех податей и повинностей. Итак, они не находят никакой защиты у своих соседей, обыкновенно предварительно еще производят с откупщиками сделки и не противоречат им при назначении количества коконов. Если же между садоводом и откупщиком выйдет спор, в таком случае последний нарочно принуждает шелководов или подвергнуть коконы порче в ожидании его, или убрать оные до свидетельства. В первом случае промышленники лишаются всего и, сверх того, платят пошлину, а в последнем—подвергаются законным образом преследованию откупщика, от которого весьма дорого стоит им выкупиться. Сими средствами откупщик заставляет промышленников платить с каждого батмана, вместо одной стили, по 2 р. 20 к. серебром, тогда как батман весь стоит не более 8-ми рублей, и таким образом, вместо предоставленной ему 50-й, берет 4-ю часть произведения"[1].

Aziz Houbaïdoullin.

APERÇU SUR L'HISTOIRE DE LA SÉRICICULTURE à AZERBAÏDJAN.

Le littoral de la mer Caspienne a été renommé dès l'antiquité par la sériciculture; l'export de la soie de ces contrées en Europe nous est connu depuis le moyen-âge; au XIII siècle les Génois et au XIV s. les Vénitiens y venaient la chercher. Après la conquête du détroit de Bosphor et celui des Dardanelles par les Turks, la Russie, au XVI et XVII s. s. fut la voix de transit pour le commerce de soie. La ville de Shémakha était le centre très considérable de ce commerce au XVIII s., et elle gardait encore ce rôle au commencement du XIX s., quand les khanats transcaucasiens furent annexés par la Russie.

Dans l'archive d'État de la République d'Azerbaïdjan on trouve plusieurs dossiers et documents concernant des données sur la statistique et la technique de la sériciculture, ainsi que sur l'état économique des paysans occupés de cette industrie. Ces documents se rapportent aux années 20-35 du XIX siècle, et servent de supplément à ceux qui ont été publiés dans les „Actes de la Commission Archéographique de Caucase".

[1]) Там же, св. 19, д. 189, л. 18—22.

La sériciculture avait alors une grande importance pour le pays et rapportait un revenu considérable au Gouvernement qui était intéressé de le faire monter. La baisse de la production de soie provoqua de la part du Gouvernement une révision qui a été suivie de plusieurs dispositions, ainsi que: 1) fournire aux paysans de jeunes arbres pour augmenter la quantité des jardins, et reserver aux cultivateurs des allégements; 2) l'amélioration des modes du travail au moyen des machines à dérouler la soie remplaçant le travail à la main; on envoyait des instructeurs pour enseigner aux paysans l'usage des machines. Ceux qui ont reçu cet enseignement ont été les premiers travailleurs qualifiés à Azerbaïdjan; 3) enfin, on tâchait d'améliorer l'état économique des paysans par d'autres moyens, car cet état était tel que souvent ils fuyaient abandonnant leurs jardins. Les chiffres et les documents que l'auteur trouva dans l'Archive servent d'illustrations à cet état de choses.

М. В. Кулиева.

Кибитка на яйлагах полукочевых тюрок казахского уезда.

Благодаря условиям экономическим, климатическим, и рельефу страны, во многих местах Азербайджана тюрки до сего времени сохранили кочевой образ жизни, а с ним—твердо хранят обычаи и традиции старины.

16% всего земельного пространства Азербайджана считаются отведенными под яйлаги и кишлаги кочевников, не считая тех пастбищ-яйлагов, которые находятся в Армении.

Изучение оставшихся еще тюрок-кочевников чрезвычайно интересно: оно пролило бы свет на происхождение тюрка-азербайджанца и на имеющуюся у него самобытную культуру.

Летом 1927 года мне удалось обследовать, благодаря командировке О-ва изучения и обследования Азербайджана, один из районов яйлагов тюрок казахского уезда.

Казахский уезд составляет западную часть Азербайджана, граничит с Арменией и Грузией. Населен почти только тюрками; так, из 67.475 чел. сельского населения — 66.243 чел. насчитывается тюрок[1]. Он считается одним из уездов, где наиболее ярко выразились и сохранились традиции и обычаи кочевников.

Мне удалось об'ехать находящиеся в Армении яйлаги следующих сел этого уезда: 1) Верхнего и Нижнего Крах-Кесамана, 2) Чайлы, 3) Келагир, 4) Джафарлы, 5) Дах-Кесаман, 6) Верхние и Нижние Шихлы, 9) Софулы. (См. карту).

Население этих сел — исключительно тюрки, преобладающее занятие—скотоводство и, как подсобное, земледелие.

Так:[2]

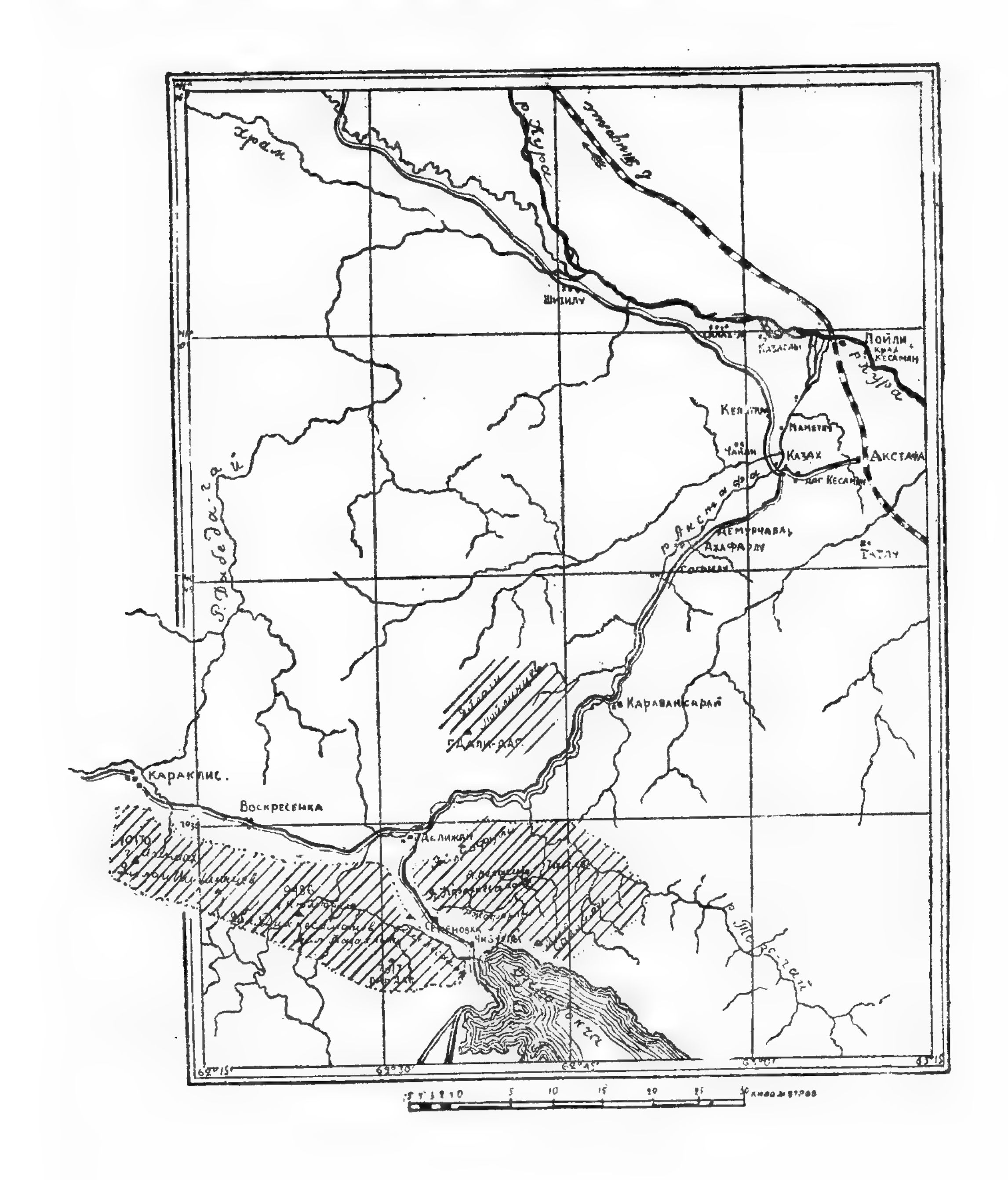
1) В. и Н. Крах-Кесаман	— 746 хозяйств,	2891 ч.	15579 г. скота
2) Чайлы . . .	—300 „	1668 „	4293 „
3) Келагир . . .	— 30 „	150 „	155 „
4) Джафарлы . . .	— 59 „	291 „	907 „
5) Дах-Кесаман . .	—384 „	2490 „	8450 „
6) Вер., Ср., Нижн. Салахлы	—701 „	2495 „	11146 „
7) Казахлы. . .	— 49 „	180 „	380 „
8) Вер. и Нижн. Шихлы	—1000 „	4879 „	20069 „
9) Софулы . . .	— 23 „	138 „	371 „

[1]) По переписи 1921 года. Изд. Аз. ЦСУ.

[2]) Азерб. сель-хоз. перепись 1921 года, таблица 4, казахский уезд, изд. Аз. ЦСУ.

1
4
5
2
6
3

Земля, отведенная под посевы, на половину не обрабатывается. Кишлаги указанных сел расположены в долине реки Куры, где скот пасется на зимних, весенних и осенних пастбищах. Летом недостаток корма, жара и малярия заставляют двинуться в горы Армении, куда привлекают кочевников прекрасные альпийские луга с богатым кормом для скота. Яйлаги перечисленных сел расположены в Армении, на север от озера Гокчи, в долинах рек: Маралиджа-чая, Тарса-чая, Балык-чая, и в районе гор Маймах, Хилхалана, Кимюрлю, находящихся на юго-восток от города Караклиса (см. карту).

Одной из характерных особенностей быта кочевника является его кибитка—передвижное жилище, с которым, в разобранном виде, он проделывает сотни верст. Сначала, в апреле, на весенние „бина", обычно находящиеся недалеко от кишлагов (зимние селения), потом на яйлаги (летние пастбища), затем возвращаются на осенние „бина" (место осенних пастбищ), которые также около кишлагов и, наконец, в октябре обосновываются на кишлагах. Тысячи людей, десятки тысяч голов скота передвигаются весной в горы; так например, чтобы попасть из селения Кишлы на предназначенные яйлаги, нужно потратить десять-одиннадцать дней.

От Семеновки, молоканского селения, лежащего в пяти километрах на север от озера Гокчи, с находящимся в нем административным центром, организованным Азербайджаном для охраны спокойствия кочевников на территории Армении, в разные стороны идут дороги на кочевья. Дороги эти очень скверны, по некоторым может проехать только арба, а есть и такие, по которым можно проехать только верхом.

Полукочевник весь свой скарб, а с ним и принадлежности своей кибитки, везет обычно на арбе, которая представляет собой как бы передвижную кибитку. Над арбой укрепляют прутья в виде круглого навеса, покрывают войлоком или паласом—это и служит временным жилищем для переезжающей семьи. Когда арбы нет, то перевозят имущество на крупном скоте.

Достигнув, наконец, отведенного места на яйлагах, кочевник принимается за устройство своей кибитки. Обычно выбирают место, близко лежащее к роднику, речке. Разбивают кибитки группами, при чем большей частью основанием для об'единения служат родственные начала. Большими группами не селятся, чтобы не мешать пастбища и скот. По горам, ложбинам, всюду разбросаны кибитки.

Пр разбивании групп кибиток не руководствуются какими-либо определенными планами, устраиваются как удобнее и как позволяет местность (рис. 1)[1].

Немного ниже лугов, которые занимает кочевник, повсюду по горам разбросан лес. Часто уже по дороге запасаются прутьями—

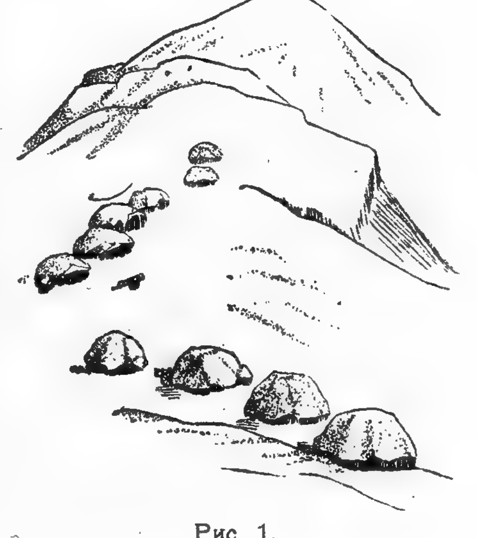

Рис. 1.

[1]) Местность около горы Кюмюрлю, на запад от Семеновки. Начало яйлагов дахкесаманцев и шихлинцев. Общий вид расположения кибиток.

„чубуками“ для кибитки. Обычно, нарезая их, соразмеряют величину их с имеющимися у хозяев „калыбами“, т. е. войлоками, нужными на покрытие кибитки. Большей частью чубуки имеют 3–4–5 метров в длину и 2—3 пальца толщины.

Мною было отмечено 4 вида кибиток. Первые 3 имели одно общее название „дая“ и подразделялись на три вида.

Первый из них самый распространенный. Размеры его колеблются между дая, который имеет в длину 2 метра, в ширину—2 метра, а в вышину—$1^1/_2$ метра и дая, который имеет 4 метра в диаметре и 2 метра в вышину.

Самый процесс постройки дая 1-го вида следующий. Запасенные чубуки укрепляют на земле так, что они занимают $^1/_4$ часть круга предполагаемой кибитки, при этом в середине укрепляют длинные, а с краю—короткие чубуки, потом на противоположной стороне также вбивают прутья на том же расстоянии и того же размера, что и первые; укрепленные противостоящие чубуки сгибаются друг к другу и связываются шерстяными шнурами. Половина остова кибитки готова. Незанятые две четверти круга таким же образом заполняют чубуками, образуется куполообразный навес над круглым или чуть продолговатым основанием. Рисунки 3[1] и 2[2] представляют собой разрезы двух дая. Чубуков на устройство дая употребляют разное количество — от 20 до 40.

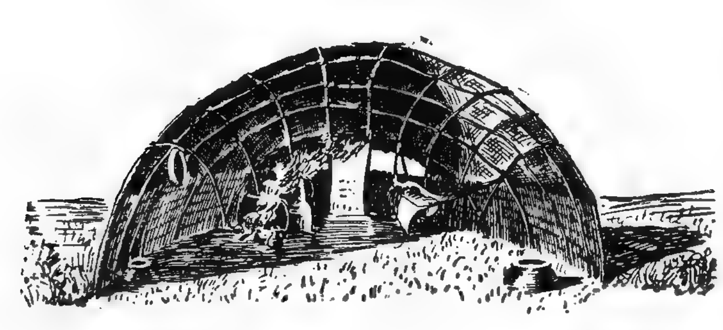

Рис. 2

Покров остова дая следующий. Низ с наружной стороны чубуков укрывается цыновкой из камыша, которая называется „чатэн“. Это связанный шерстяными шнурами камыш вышиной около одного метра и длиной около 5—6 метров. Верх покрывают калыбами--кус-

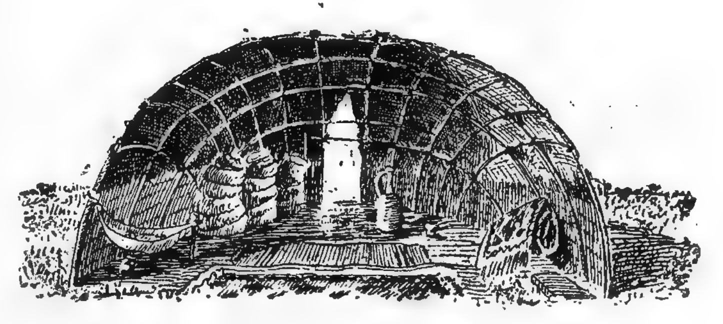

Рис. 3

[1]) Рис. 3. Дая Баш-Искендер-кизы Муллазаловой из сел. Крах-Кесаман. Имеет в длину 4 метра, в ширину 4 метра, в вышину около 2 метров.

[2]) Рис. 2. Дая Назан-Магомет-кизы из селения Шихлы (внутренний вид, половинный разрез). В длину имеет $3^1/_2$ метра, в ширину 3 метра, в вышину около 2-х метров. Живут в нем 2 женщины, 1 мужчина и 3-е детей, всего 6 человек.

ками войлока. Дая покрывается иногда одной целой покрышкой, сшитой из 4—6—8 кусков в форме четыреугольной или в форме круга, сшитого из угольников (рис. 4).

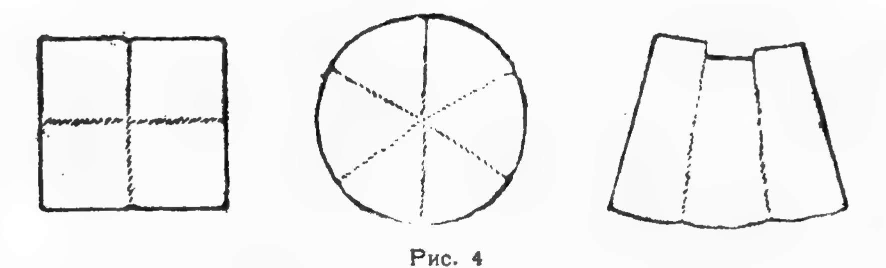

Рис. 4

Если дая большого размера, ее покрывают несколькими калыбами, которые имеют форму расширенную книзу и с'уженную кверху. Обычно они сшиты из 3-х кусков. Нижний край сшитых 3-х кусков имеет 3 метра 15 см., верхний – 2 метра 20 см., вышина—2 метра 14 см. (рис. 4). Такой формы калыб приспособлен к укрытию боков кибитки, верх покрывают либо специальным, уже упомянутым четырехугольным калыбом, либо один из боковых перекидывается и на верх. Соразмерно величине кибитки употребляется и число калыбов. Калыбы прикрепляются к кибитке специально прикрепленными к их концам веревками (рис. 5 и 6[1]).

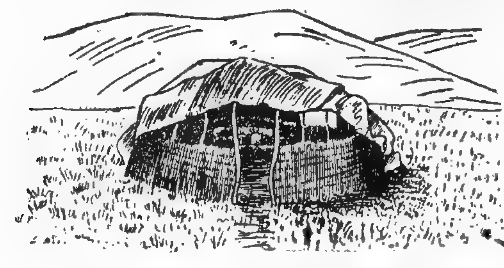

Рис. 5.

Дверью в дая служит пространство, образованное двумя наиболее длинными чубуками Закрывается дверь иногда паласом—„каплых", который прикрепляется веревками к жердям дая, или, иногда, войлоком. (рис. 7[2]).

Второй вид дая встречается у более зажиточных кочевников. Устройство его то же, что и у первого вида дая, но он немного большего размера, (на $^1/_2$—1 метр в диаметре) и в середине укреплен столбом. Столб не позволяет прутьям сгибаться под тяжестью калыбов и вообще устанавливается для большей устойчивости дая.

Рис. 6.

[1]) Дая Назан-Магомет-кизы, жительницы сел. Шихлы. Вид входа в дая (рис. 5).
„ „ „ „ „ „ „ Вид дая сзади (рис. 6).
[2]) Дая-алачих Джаангира Джафарова из села Джафарлы, казахского уезда. Внешн. вид.

Характерным для обоего вида дая является постройка сбоку маленькой кладовой—„нэми“. Она служит для склада различных запасов и молочных продуктов; устраивается обычно по правую или левую сторону от выхода. Остов нэми из прутьев; основание круглое или продолговатое; входом в нэми служит пространство между двумя чубуками; перегородкой между дая и нэми обычно бывает чатэн. В вышину нэми бывает 1—1½ мт., диаметр основания около полутора метра, снаружи укрывается чатэном, а оставшееся пространство войлоком или паласом (рис. 7).

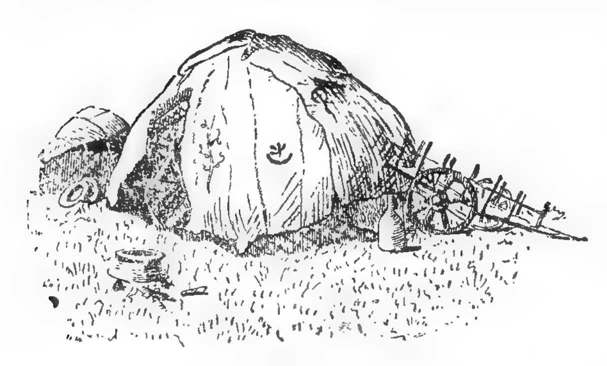

Рис. 7.

Если первые два дая похожи друг на друга, то третий вид имеет совсем другую конструкцию и служит переходным видом к следующему 4-му типу. В постройке этого типа можно отметит большую тщательность: чубуки выбираются более длинные, от 4 до 6 метров и все одного размера. Выбирается место для дая, и чубуки укрепляются в земле правильным кругом на равном расстоянии друг от друга; вверху они пригибаются друг к другу и связываются веревками; на ½ метра от центра связанных чубуков, остов дая укрепляется веревкой, перевитой вокруг центра в виде правильного круга. На метр от основания чубуки переплетаются „гезахом“ или „оркяном“. Гезах и оркян —это шерстяные ленты в 15 см. ширины, причем гезах выткан из разноцветных ниток и имеет прекрасный рисунок. На рис. 8 гезах переплетается узором накрест и служит также украшением кибитки. Чтобы связанные жерди не сгибались, они подпираются столбом—„сунача“. Столб на земле упирается в положенный камень; наверху столб имеет небольшие вилы, на которые кладется брусок, поддерживающий вместе со столбом, чубуки дая (рис. 8)[1].

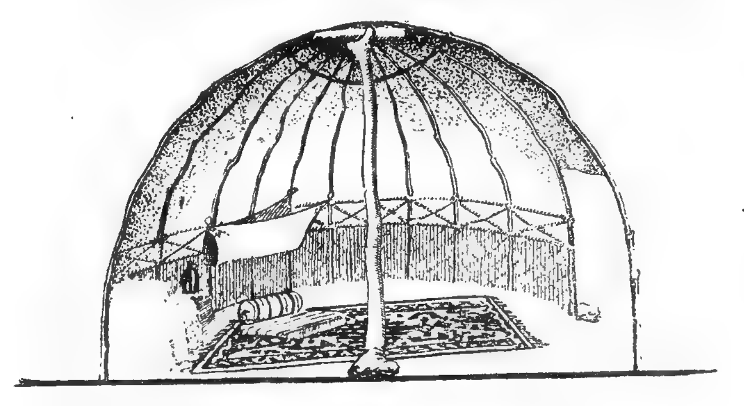

Рис. 8.

---

1) Дая-алачих Джаангира Джафарова из села Джафарлы. Имеет в диаметре 6 метров, в вышиву 2½ метра. Кибитка зажиточного крестьянина. Внутренний половинный разрез.

Дверью кибитки этого вида служит не закрытое чатэном пространство между двумя жердями. Закрывается дверь паласом или войлоком, укрепленным на жердях. К этому виду дая также пристраивают кладовую нэми. От холода и дождя кибитка поверх жердей укрывается внизу чатэном, вверху калыбами (рис. 7). На этом же рисунке видно, что бока кибитки укрыты 7-ю калыбами. Каждый калыб сшит из трех кусков, которые выделываются книзу шире, кверху уже. Специальной покрышки нет, а один из боковых закрывает и верхушку. Калыбы к остову прикрепляются веревками. Верх иногда покрывается специальным куском калыба. Часто мастер, делающий калыб, отмечает каждый калыб каким нибудь знаком, или фамилией, как это видно на рис 7. Описанный вид кибитки встречается у состоятельных кочевников и не так часто, как первые два.

Четвертый вид кибитки называется „алачих"—это как бы усовершенствованный третий вид. Одной из отличительных неотемлемых частей алачиха является круг в виде колеса — „чатмах". Чатмах—этот круглое деревянное колесо, в диаметре имеющее 1 метр, скрепленное внутри накрестлежащими деревянными планками; в обойме чатмаха проделаны отверстия для вставления туда планок кибитки. Вместо жердей для алачиха употребляются обтесанные правильной изогнутой формы плоские планки, длиной в 4—5 метров, толщиной 2—3 см.; книзу эти планки шире, кверху—уже. Как чатмах, так и планки необходимо заготовить заранее и они служат много лет[1].

При разбивке алачиха планки укрепляются правильным кругом, затем эти планки (их бывает обычно около 30 штук) вверху продеваются в отверстие, проделанное в чатмахе. Чатмах очень тяжел и громоздок; для устойчивости кибитки его укрепляют на столбе „сунача", который устанавливается посредине кибитки и веревками — „сиджим", привязанными в 4-х местах к чатмаху, прикрепляют чатмах к столбу. Кроме того, на 1 метр от низа планки скреплены тремя рядами гезаха, а на полметра от чатмаха они укреплены накрест переплетенным оркяном (рис. 9).

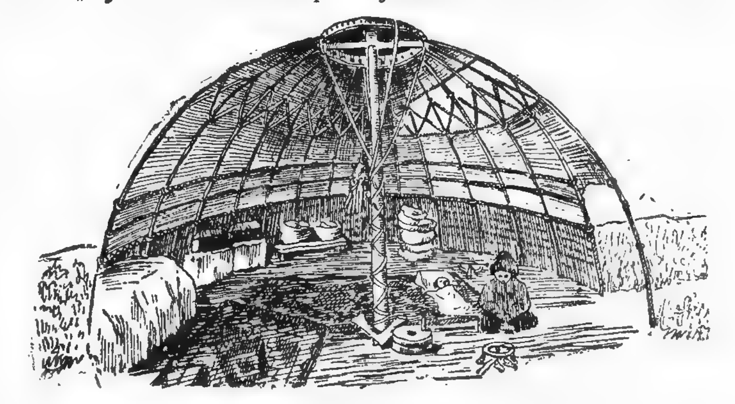

Рис. 9.

[1]) Во время проезда через Семеновку, хозяин мой, молоканин, рассказал, что у него в подвале лежит несколько комплектов деревянного оборудования алачиха. Их оставили ему еще до войны 1914 года на хранение проезжающие кочевники. Так они лежат до сего времени.

Дверь закрывается войлоком, или паласом „капылы". Снаружи алачих покрывается чатэном и калыбами так же, как и третий вид дая (рис. 7). Нэми часто строят совсем отдельно, в виде маленького дая, так как алачих имеют только богатые кочевники и их продукты не вмещаются в маленькие нэми.

Устройство очага в кибитке встречается самое разнообразное. Наиболее распространенное — это просто сложенных несколько камней, между которыми, прямо на земле, разводится огонь. Так, на рисунке № 2 очаг образован одним большим камнем, заслоняющим огонь от ветра, и затем мелкими, которые служат подставкой для посуды. В употреблении также и треножник (рис. 9). Иногда складывают очаг в виде камина — „бухары" — из дерна, но это встречается редко. На яйлагах селения Чайлы в одном из дая была установлена железная печь с трубой, выходящей наружу.

Очаг обычно устраивают недалеко от выхода, и дым выходит просто в открытую дверь. Иногда, вверху, над разведенным огнем, откидывают калыб и дым тянется в отверстие (рис. 9).

Некоторые кочевки расположены в горах, рядом с тающим в ложбинах снегом, так что, если войдешь, а особенно ночуешь в кибитке небогатого кочевника, то камышевые цыновки плохо защищают от ветра и дождя и в кибитке очень холодно, но в алачихе, плотно до земли укрытом калыбом, с покрытой коврами землей, тепло и даже уютно.

Убранство кибиток (рис. 5, 6, 8 и 9) однообразное, но у бедных оно скромнее, у богатых — отличается количеством и разнообразием. В каждой кибитке против выхода на низенькую примитивную скамейку — „юкалты" складывается постель; у состоятельных постель укрывается белой накидкой, по бокам устанавливаются различные хозяйственные принадлежности: посуда, мешки с шерстью, зерном, солью; на жерди вешают топоры, веревки, сита и другие предметы. На зарисовке алачиха отмечены не часто встречающиеся два сундучка для хозяйственного добра, деревянные весы и каменная ручная мельница. Посуда для изготовления сыра, кислого молока и кувшин для воды — „синях" (обычно медный, луженый) — обязательно берутся на кочевья.

Почти во всех кибитках вы встретите прялку — „джехре" — это на зиму для ковров заготовляют нитки. Не забыты также и люльки; на рисунках 5 и 6 можно видить примитивно устроенные из куска материи, подвешенного к прутьям, люльки, но в алачихе стояла обычная для тюрка люлька-качалка.

Землю в кибитке, особенно где сидят, застилают ковром, паласом, войлоком; в случае прихода гостя, вытаскивают тю-

фяк и мутаки. Вся кибитка, в целом, как один из видов жилищ, чрезвычайно своеобразна.

Н. Харузин в книге „История развития жилищ у кочевых и полукочевых тюрок и монгольских народностей России“ отмечает у азербайджанских тюрок кибитку одного только вида—описанную мною как кибитку второго вида, но в описании киргизских юрт азиатских киргизов и киргизов, живуших в пределах бывшей европейской России, он дает описание, очень сходное с устройством третьего и четвертого типа описанных кибиток. Та же цыновка—„чий“, веревки (аркян), круг (чангарак); убранство, устройство очага—все это очень похоже на азербайджанские кибитки. На странице 16-й он упоминает о типе шалаша, употребляемого киргизами, известного под названием „облайча“: он состоит из наклонно поставленных жердей, вверху вставленных в особо приготовленный для этого круг—„чангарак“. Эти названия и устройство юрт напоминают те же названия и устройство кибиток у азербайджанских тюрок. При дальнейшем изучении все приведенные выше данные могут служить к выявлению происхождения тюрка-азербайджанца и его самобытной культуры.

M-me M. W. Kouliev.

TENTE DES TURKS SÉMI-NOMADES AUX YAÏLAGUES DU DISTRICT DE KAZAKH.

D'après la commission de la Société Scientifique d'Aserbaïdjan une excursion fut organisée dans le district de Kazakh (partie ouest de l'Azerbaïdjan) pour l'exploration des yaïlagues (pâturages d'été sur les hauteurs) des turks sémi-nomades. On examina leurs demeures mobiles qui leur servent de domicil pendant les six mois de la belle saison. On y trouva 4 types différents dont la description détaillée est faite dans le présent article.

En leurs traits généraux les tentes des turks de ce district ont de grands rapports avec ceux des kirguizes asiatiques habitants les steppes du Sud d'U. S. S. R.

С. Л. Берцелиус-Калчагаров.

Верхнесарматские отложения Эльдара.

Летом 1927 года, Общество обследования и изучения Азербайджана предполагало снарядить экспедицию во главе с проф. В. В. Богачевым, с привлечением студентов горного отделения азерб. политехнического института для извлечения остатков позвоночных животных в районе горы Эйляр-Оюги, впервые открытых Б. С. Домбровским в 1912 г.

Прежде чем отправить экспедицию, было решено устроить экскурсию на несколько дней рекогносцировочного характера, дабы точно установить места более удобные для начала работ.

Надо сказать, что этим районом интересуется Общество обследования и изучения Азербайджана уже несколько лет, но по некоторым обстоятельствам не удавалось приступить к раскопкам и изучению костеносного слоя Эйляр-Оюги.

В этом же году были собраны тифлисскими геологами, по течению р. Иоры, но к западу от Эйляр-Оюги, из сарматских отложений кости такого-же характера, как и на Эльдаре, и в приезд проф. В. В. Богачева в Тифлис, они познакомили его со своей находкой.

В вышеназванную экскурсию мы выехали с проф. В. В. Богачевым и его сыном А. В. Богачевым.

Параллельно с работами Общества, азерб. государственный музей решил командировать своего научного сотрудника— геолога С. М. Михайлова для сбора коллекций для музея.

В сел. Карабаглы, мы встретились с С. М. Михайловым, который, закончив работу, возвращался с Эльдара в Баку.

Дождливая погода до известной степени помешала нашей работе.

При отсутствии жилья в месте находки Б. С. Домбровским костей, можно остановиться и найти лошадей только в маленьком сел. Кясаман, верстах в 10 от интересующего нас места. Мы и остановились в этом селении, а по приезде на место, обнаружили свежие следы работы С. М. Михайлова: свеже разбитые куски песчанника, осколки костей и зубов, которые он не забрал с собой.

Следы работ Б. С. Домбровского совершенно сгладились и не приметны. Осмотр участка работ Домбровского показал, что прежде чем приступить к извлечению костей из

костеносного слоя, необходимо весь участок очистить от накопившихся обломков осыпающихся сверху, с крутого обрыва, пород.

Эльдарский хребет Эйляр-Оюги принадлежит к числу очень молодых третичных хребтов, заполняющих закавказский грабен (грабен реки Куры).

И. Щукин[1] в очерках геоморфологии Кавказа называет этот район областью третичных гряд и степных плато восточного Закавказья (стр. 11). Южный сбросовый край этого грабена хорошо прослеживается в обе стороны от Ганджи.

Горы Малого Кавказа слагаются, главным образом, юрскими порфиритовыми туфами, которые покрываются верхне-меловыми известняками. Краевая полоса этих известняков смята в мелкие складки с общим простиранием WNW—OSO. Местами в них наблюдаются интрузивные кристаллические породы, а между г. Ганджой и кол. Еленендорф выдвинуты на сбросе даже граниты (см. профиль).

Северный край грабена совпадает с подошвою Главного хребта.

Внутри грабена дислокациями охвачены не только миоценовые и плиоценовые отложения, но также и постплиоцен.

Первая фаза выразилась в образовании продольных по оси грабена складок, вторая фаза - продольными сбросами и сдвигами с поперечными разломами.

Возраст вулканической деятельности в Кахетии нам не ясен, но может оказаться плиоценовым.

Описание хребта Эйляр-Оюги на урочище Эльдар достаточно подробно сделано уже Б. С. Домбровским, хотя, по всей вероятности, условия его геологической работы на разведках частной нефтяной фирмы не позволили ему опубликовать полностью всех собранных материалов.

Хребет Эйляр-Оюги, в урочище Эльдар представляет моноклинальный гребень с падением всех слагающих его пород на север. Только на вершине этого хребта замечается почти горизонтальное залегание песчаников, указывающее на сводовую часть антиклинальной складки.

Северный склон хребта, согласно падению пластов песчаника, имеет наклон к северу на 30—40°.

Южный склон, почти отвесный, обнаруживает выходы головных частей пластов и представляет прекрасное обнажение.

Преобладают в строении хребта серые тонко-песчанистые глины, в которых проходят несколько различной мощности пластов серого песчаника, то переполненного раковинами, то без окаменелостей.

---

[1]) И. Щукин—Очерки геоморфологии Кавказа. Ч. 1. Большой Кавказ. Изд. I Моск. госуд. университета, Москва, 1926.

Мы не производили детальной геологической с'емки, а пользовались статьей Б. С. Домбровского и можем отметить точность его описания по разрезу того ущелья, в котором были найдены кости.

Нужно только оговорить, что выражение Б. С. Домбровского „нефтеносный песчаник" не следует понимать в том смысле, что весь пласт пропитан нефтью. Нефть только вымывается водой по трещинам и пропитывает некоторые горизонты песчаников на небольшое от трещин расстояние.

По Б. С. Домбровскому, в северо-западном углу степи Эльдар, в проходе из нее в долину р. Иоры, на склонах ущелья имеем следующий разрез слоев (снизу вверх):

1. Нефтеносный песчаник . . . . . 40 м.
2. Песчанистая глина . . . . . . 18 м.
3. Слоистый песчаник-ракушник с *Mactra caspia* и др. . . . . . 0,3 м
4. Глина песчанистая . . . . . . 7 м.
5. Слоистый (вверху, внизу компактный) костеносный песчаник. . . 1,5 м.
6. Песчаная глина, синеватая, плотная, с обильной по числу индивидов ракушечной фауной; доминирующий вид *Mactra caspia*. . 6 м.
7. Песч. желтобурая плотная глина . 14 м.
8. Песчаник-ракушник с прослоями лигнита и отпечатками растений . . . . 5 м.
9. Песчанистая глина . . . . . . 14 м.
10. Нефтеносный песчаник (первый нефт. горизонт) и т. д. . . . . 10 м.

Кости распределены в пласте крайне неравномерно.

При нашем посещении таких костей не было видно, но проф. В. В. Богачев, в 1913 году приезжавший во время специальных раскопок Прохорова и Б. С. Домбровского, видел скопления разрозненных костей в линзах песчаника, а также в одной глыбе почти полный, лишь без черепа, скелет маленькой антилопы.

Около костей замечается оруденение, т. е. пропитывание песчаника железом.

Заключение Б. С. Домбровского, что здесь происходило отложение костей трупов, вынесенных в море рекою, и трупов животных морских, совершенно совпадает с нашим заключением.

В результате раскопок, Б. С. Домбровский вывез большой материал, каковой большею частью, к сожалению, погиб

на железной дороге во время событий 1918 года, частью же хранился в новочеркасском политехническом институте, и впоследствии был перевезен в геологический музей академии наук.

Беглое исследование коллекции, пишет в своем отчете Б. С. Домбровский, позволяет отметить присутствие в ней хищных, *Hipparion*, *Tragoceras*, носорогов, динотерия, *Mastodon*, жираффов и др. *Artiodactyla*.

Полных скелетов в естественном расположении почти не наблюдается. Сохранность отдельных костей, в общем, удовлетворительна.

Трудность раскопок обусловливается крутым падением пластов (30^0—40^0N) в сторону, противоположную падению склона горы, благодаря чему приходится снимать большую толщу вышележащих плотных глин.

Плотность костеносного песчаника заставляла прибегать иногда к порохострельным работам, контакты же костей с породой не плотные и кости легко освобождаются по спайностям.

Нами добыты разрозненные кости, из которых описываются остатки антилопы, *Aceratherium* и гиены, обломок лопатки носорога, ему же, наверное, принадлежит ребро. Имеются несколько костей ног парнокопытных, позвонки и часть основной кости черепа китообразного.

Тектонически, как уже сказано, хребет Эйляр-Оюги представляет северное крыло антиклинали со сброшенным южным крылом.

Падение песчаников в ущелье, где найдены кости, прямо на север, N $\angle$ 35^0. В средней части хребта на северном же склоне наблюдалось падение 15 NO $\angle$ 60^0, в западном конце, ближе к сел. Кясаман, падение песчаников 335 NW $\angle$ 70^0—80^0.

Здесь ось песчаника перегибается и из широтного простирания переходит в NO, причем из трещин, приуроченных к этому перегибу, вытекают над самым сел. Кясаман холодные сернистые источники[1], вымывающие чрезвычайно густую, окисленную, тянущуюся нефть в небольшом количестве.

---

[1]) По произведенному в химической лаборатории геолого-разведочного бюро Азнефти анализу, проба воды № 1, взятая непосредственно у выхода источника, обнаружила большую соленость, чем проба № 2, взятая из ямы с нефтью, куда стекает вода источника № 1, очевидно вследствие примеси дождевой воды.

№ 1		№ 2	
Уд. вес при $26{,}7^0$	1,017	Уд. вес при $26{,}5^0$	0,9982
Cl	1,359%	Cl	0,017%
CO_2 . . .	0,280% нафт. кисл.	CO_2 . . .	0,026%
SO_3 . . .	следы	SO_3 . . .	следы
CaO . . .	0,0136%	CaO . . .	0,0202%
MgO . . .	0,0264%	MgO . . .	следы
$Fe_2O_3+Al_2O_3$	не обнаружено.	$Fe_2O_3+Al_2O_3$	не обнаружено.

На месте выхода источников большие накопления известкового туфа.

Нефть собирается над водой в ямах, в виде тонкого слоя, откуда ее и собирают крестьяне для своих нужд.

Река Иора прорезает крыло антиклинали как раз в месте коленчатого изгиба его, так что продолжение складки мы видим уже на левом берегу Иоры.

Здесь падение 295 NW $\angle$ 35° – 38° и такие же точно выходы воды и густой нефти.

Далее ось складки опять приобретает простирание W-O и, наконец, SO.

Изучая разрез северного крыла складки с севера на юг, и начиная верст за 7 от сел. Кясаман, мы видим слабо наклоненную на северо-восток громадную толщу галечника. Она подстилается толщею светло-бурой глины, сильно известковистой, без окаменелостей, более всего напоминающей образования континентальные.

У подошвы моноклинального хребта, сложенного из этих пород, располагаются холмы из суглинка с крупными речными валунами и сравнительно тонкими прослойками слоистых мергелей, также без фауны, а в горной группе по левому берегу Иоры, против сел. Кясаман, очень мощные отложения верхнего сармата с падением на северо-запад и север (вследствие изгиба оси складки).

Верхняя часть этой толщи состоит из красноватых и зеленоватых гипсоносных и мергелистых глин с тонкими прослойками ракушника, заключающего мелкие мактры.

Самая высокая часть хребта слагается известковистыми песчаниками с такою же мактровой фауной.

Эти песчаники составляют уже средний горизонт здешнего верхнего сармата. Среди песчаников и глин развиты также довольно значительные пласты мактрового известняка желтоватого цвета.

На правой стороне, в хребте Эйляр-Оюги верхний горизонт представлен также красноватыми и зеленоватыми мергелистыми глинами с прослойками плотного мергеля, немного доломитизованного и с плохими отпечатками двудольных растений.

Б. С. Домбровский определяет мощность этих пестроцветных гипсо-соленосных глин более 200 метров и говорит, что на левой стороне Иоры он находил в ней пресноводных моллюсков и кости крупных рыб.

Сильно размытые пласты верхней свиты образуют невысокие и мягких очертаний холмы у подошвы хребта Эйляр-Оюги, по берегу р. Иоры.

Самый хребет Эйляр-Оюги, на котором расположена и роща Эльдарской сосны, образован песчаниками средней свиты. Ее

разрез уже дан нами по Домбровскому, мощность исчислена им до 500 метров.

Нижняя свита глинистая, с тонкими пачками ракушника (мелкие мактры), при чем известняки и грубые ракушники характеризуются высоко-макушечными и толсто-створчатыми мактрами, *Mactra crassicollis Sinz,* а тонко-слоистые мергели—плоскими и тонкими *Mactra caspia Eichw.*

Ниже залегают синевато-серые глины без прослойков песчаника. Они относятся уже к среднему сармату, криптомактровому горизонту.

В этих глинах Домбровский находил остатки китов, и дает мощность этого горизонта свыше 300 метров.

Признаков нефтеносности в криптомактровом горизонте не замечается. Нижняя граница криптомактровых слоев и подстилающие его толщи нам неизвестны, так как к югу от хребта Эйляр-Оюги наблюдаются акчагыльские и апшеронские отложения, поставленные на один уровень с криптомактровым горизонтом, вследствие прошедшего здесь продольного (широтного) сброса.

Ниже криптомактровых слоев должны залегать нижнесарматские отложения. которые хорошо известны в Кахетии, но неподалеку от Эльдара, в Чатме, средний сармат представлен оолитовыми известняками с *Mactra fabreana*, *Cardium Fittoni*, *Turbo Omalionsi*, т. е. более мелководною фацией.

Таким образом, в куринском грабене, мы имеем замечательный пример быстрой смены фаций сармата, об'яснение которого можно искать только в скорости вертикальных движений.

Есть основание думать, что именно эта эпоха сармата (конец миоцена) и начало плиоцена характеризуются сильными движениями, в средине же плиоцена проявилась интенсивная вулканическая деятельность. Даже образование пятигорских лакколитов падает на эту эпоху (дислокацией затронуты слои с *Mactra crassicollis* неподалеку от ст. Минеральные Воды, найденные геологическою экскурсией студентов азерб. политехнического института в августе 1926 г., при нашем участии в ней).

К юго-западу от колонии Анненфельд, к западу от дороги на Чардахлы, близь г. Кабах-тапа, на юрских туфитах залегает островок известковистых конгломератов с неогеновыми кардиидами: или сармат, или акчагыл.

На Шах-даге приподнят на высоту более 2000 метров нормальный среднесарматский известняк с понтическими глинами, несогласно на нем залегающими.

Палан-Тюкян представляет такой же моноклинальный хребет, с падением N, но слагается он мощною толщею акчагыль-

ских глин и ракушников с прослоями вулканического пепла, а выше акчагыла залегают конгломераты и безструктурные суглинки.

Хребты Эйляр-Оюги и Палан-Тюкян представляют части одного северного крыла крупной складки, разбитого сбросом, так что южная часть—Палан-Тюкян—опустилась, и акчагыльские слои доведены до соприкосновения с криптомактровыми (средним сарматом).

Далее к востоку (по простиранию)—в хребте Карабаглы развиты над акчагылом уже нормальные морские апшеронские отложения (Б. С. Домбровский).

Около кладбища на перевале падение пеплов и песчаников верхнего акчагыла или нижнего апшерона O и OSO ∠ 35°, что указывает на заворот пластов, зависящий или от изгиба оси складки, или от брахиантиклинального характера ее.

Долина (степь) Джейран-чоли, повидимому, отвечает размытому своду очень плоской антиклинали.

В виде останцев выступают гряды и глыбы конгломератов, покрывающих песчанистые слоистые глины с небольшими *Didacna intermedia*, *Apscheronia propinqua* и *Dreissensia rostriformis*.

Наиболее замечательны обнажения в южном хребте, ближе к р. Куре. Хребет этот показан на пятиверстной карте между Палан-Тюкяном и хребтом по левому берегу Куры с вершинами Зюля-Тапа (△ 1026).

У головы карасахкальского канала, непосредственно над самою рекою, обнажаются серые глины с фауною, поставленные на голову, с простиранием 260, т. е. близким к широтному.

Довольно короткий овраг прорезает вкрест простирания антиклинальную складку. В южном крыле падение достигает 90°, в северном ∠ 30-35°.

Разрез, начиная от самой Куры:

a) песчанистая серая глина с мелкими *Corbicula fluminalis*. Ниже эта глина становится жирною,

b) песчанистые слои с перетертыми акчагыльскими раковинами (b′—глинистые пески с узкими *Dreissensia*, похожими на *Dr. caspia*; b″—кардииды и мактры),

c) серые глины с высокомакушечными мактрами,

d) раковинный детритус (фалени) с *Cardium*, *Mactra*, *Cerithium*,

e) синеватые глины с высокомакушечными мактрами, похожими на *Corbicula*. Песчаный прослоек,

f) серые глины с богатою акчагыльскою фауною, с крупными кардиидами.

Эти глины образуют антиклинальный перегиб, и более глубокие слои оврагом не прорезаны.

Далее вверх по оврагу—разрез тех же пластов, в обратном порядке.

Но уже над слоями a—глины с мелкими *Corbicula*, Neritina, Hydrobia,—залегают песчанистые глины α—чередование песков с галечкою и песчанистых глин с унионидами, выше которых косвеннослоистые пески и галечники β, залегающие на α несогласно, тогда как слои α имеют то же падение, что и слои a.

[Примечание проф. В. В. Богачева:

Появление *Unio exgr. Beyrichi* выше акчагыльских пластов дает надежду связать и параллелизовать, наконец, осадки каспийского бассейна с осадками черноморского. Unio Beyrichi есть в ливантинских пластах Славонии, Румынии и Дона. Далее, по Unio procumbens устанавливаются положение пластов Бабеля-Джурджулешт, следующих за куяльницкими, несколько моложе их.

Отсюда вытекает возможность сопоставления куяльницких и акчагыльских слоев, об'ясняется совместное нахождение куяльницких Prosodacna с акчагыльскими мактрами в ставропольской губ. и на восточном склоне Ергеней, что обнаружено новочеркасскими гидрогеологами. К сожалению, ни К. И. Лисицын, ни его сотрудники ничего не опубликовали, и я знаю об этом только потому, что некоторые молодые геологи, затрудняясь в определении материала, обращались ко мне, не указывая даже точно места и условий своей находки].

Из слоев с *Corbicula* и *Unio*, над акчагыльскими глинами, выходит холодный щелочной сероводородный источник. Воду эту можно пить, но сомнительно, чтобы она имела лечебные свойства, приписываемые ей туземцами и рабочими Карасахкала. Дебет совершенно ничтожен.

Выше слоев с *Unio* и *Corbicula* залегают песчаники или конгломераты, покрываемые очень мощною свитою глин и вулканических пеплов. В горе Зюля-Тапа падение их 345 или 350 ∠ 25°-28°.

Гора Зюля-Тапа представляет хребет с крутым, обрывистым южным склоном и пологим северным, отвечающим падению пластов. Слои белого вулканического пепла различной мощности, от 0,50 до 1,50 м. Число слоев достигает 12. Материал очень однородный, тонкозернистый в главной части и доверху, но в подошве пластов пепла залегает всегда грубый материал. Кусочки пемзы, каолинизованного полевого шпата и биотита. По некоторым плоскостям наслоения биотита очень много, он хорошо отмучен от других материалов. Между слоя-

ми пепла залегают слои палевого цвета (или розоватого оттенка) суглинков.

В двух или трех нижних слоях обильны известковые (мергельные) конкреции, такой же формы как лессовые журавчики

В этих суглинках не замечается тонкой слоистости и преобладает вертикальная отдельность.

В верхних частях толщи проходят два мощных слоя галечника. Галечники эти—несомненные речные отложения; правильные слои пепла, выдерживающие на большом протяжении параллельное залегание и границы слоев, также говорят об отложении водою. Окатанные кусочки пемзы указывают на способ образования тонкого пепла – путем истирания пемзы при переносе ее водою.

Таким образом и слои суглинка следует разсматривать, как осадочную породу водного происхождения, а не эолового.

Пеплы эти залегают в основании апшеронских отложений которые обнажаются севернее, по дороге от Карасахкала на Палан-Тюкян и в Эльдар.

На апшеронском полуострове тоже пеплы залегают в акчагыле и нижней части апшеронского яруса.

Верстах в 4-5 к северу от главной конторы (городка) по постройке карасахкальского канала, в конгломерате нижней части пепловой толщи, падающем S $\angle$ 14°-18°, была найдена пастухами нижняя челюсть молодого слона, близкого к *Elephas planifrons* Falc. или *El. armeniacus* Falv.

Челюсть эта и зубы были пронизаны корнями растений, совершенно разрушены, к тому же пастухи раздробили и унесли по частям зубы.

В 300-400 шагах от места находки челюсти был найден бивень, в такой же степени разрушения. Диаметр средней части достигал 15 см. а длина прослеживалась в почве до 1,50 м., но корневая часть была совсем смыта. Бивень имел довольно умеренный изгиб.

В овраге найдены обломки костей ноги. Пастухи говорили, что были еще большие кости, но, повидимому, один из пастухов их спрятал, чтобы получить деньги за них.

Интересно, что под г. Александрополем (Ленинаканом) кости слонов находятся тоже в вулканических пеплах, которым проф. В. В. Богачев приписывает верхнеплиоценовый (левантинский) возраст.

Зубы карасахкальского слона сильно разбиты. Отдельные обломки достались нам от техника Жуляева, от пастуха, часть же была собрана на месте. Из всех этих осколков удалось склеить частично оба зуба. Измерение дает нам отношение (Quotient) гребней (с промежуточным цементом) к общей дли-

не=22 и 21,6, что довольно близко подходит к среднему сиваликскому типу *El. planifrons Falc.*

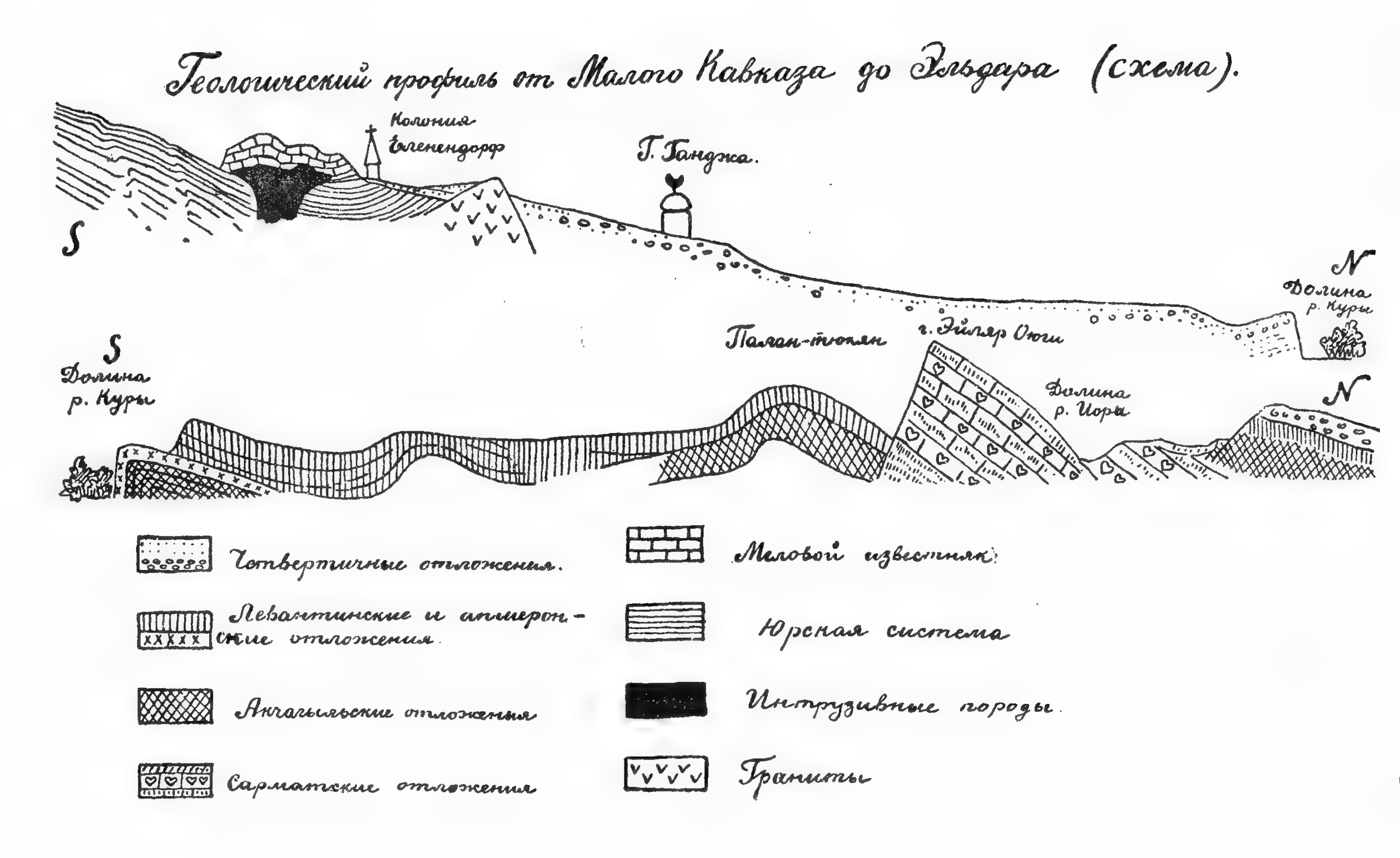
[Я считаю очень важным это совпадение именно для отыскания путей миграции. Шлезингер совершенно игнорирует вид *El armeniacus Falc.*, не вводя его даже в синонимику. К сожалению, я не имею разрешения опубликовать результаты обмера и определения остатков слонов эриванского музея (археологич. отдел), которые можно считать паратипом *El. armeniacus*.

В Аз. государств. музее хранится часть черепа (верхн. челюсть) с зубами. Эта замечательная находка, к сожалению, не снабжена никакими указаниями. Есть основание думать, что находка эта сделана на Кавказе, в Армении, в белых вулканических пеплах.

Далее, я считаю характерным отношение высоты гребней к корневой части. К сожалению, карасахкальские зубы почти не стерты, так что рисунок жевательной поверхности не определился. Эмаль очень толста. На основании этого, я сближаю нашу форму с *El. planifrons*, по Шлезингеру. *В. В. Богачев*].

Обилие вулканического пепла в акчагыльских и нижнеапшеронских отложениях Закавказья уже хорошо известно нам. И. В. Палибин описал небольшую флору *Fagus orientalis Lipsky*, *Prunus spinosa L.*, *Punica granatum L.*, *Salix alba L.* и *Quercus sp.?* из пепловых слоев Нафталана, к востоку от Ганджи и к югу от станции Геран Зак. ж. д. Мы не будем описывать этой местности, так как посетили ее лишь для сбора палеонтологического материала, еще не обработанного. Пожалуй, не лишним будет отметить только находку листа *Cinammomum sp.* (сравнить: И. В. Палибин, Некоторые данные о плиоценовой флоре восточного Закавказья с 2 табл. Известия кавк. музея, т. VIII 1914). В. В. Богачев надеется соединить описание нафталанской коллекции с описанием материалов, собранных им и мною по Араксу, в разных местах, частью тоже в вулканических пеплах плиоценового возраста.

Складка Нафталана вытянута не в „кавказском“ направлении (WNW-OSO), а в поперечном к этому, близком к меридиональному, притом складка этой местности очень коротка и возбуждает подозрение в существовании на небольшой глубине молодых интрузий, подобных интрузии у кол. Еленендорфа и других, о которых пишет В. В. Богачев в статье „Материалы к истории тектонического развития закавказской низменности“ (Аз. нефт. хоз., 1927 г., № 11).

Геологический профиль от Малого Кавказа до Эльдара (схема).
Колония Еленендорф
Г. Ганджа.
S
N
Долина р. Куры
Палан-тюкян
г. Эйляр Оюги
Долина р. Иоры
Долина р. Куры
S
N
Четвертичные отложения.
Левантинские и апшеронские отложения.
Акчагыльские отложения
Сарматские отложения
Меловой известняк.
Юрская система
Интрузивные породы.
Граниты

DÉPÔTS SARMATIENS OSSIFÈRES D'ELDAR.

Sur la rive droite de Iora (affluent du Koura) dans la localité appelée Eldar, s'élèvent les montagnes monoclinales d'Eilar-Oügui (environ 500-550 m. d'altitude).

Constituées par des argiles, des grès et des calcaires du sarmatien supérieur, qui atteignent ici plus de 200 m. de puissance, ces montagnes sont l'unique endroit où s'est conservé le pin tertiaire *Pinus eldarica* Medwed. (Certainement il s'est conservé aussi d'autres réliquats végétaux sans doute, également.

Toute l'assise des roches sarmatiennes indiquées a une inclinaison de N $\angle$ 45-60° (ou encore plus grande). Dans les calcaires et dans les grès ne se rencontre que la petite *Mactra bulgarica* Toula (= *crassicollis* Sinz.?) et assez rarement la variété d'une espèce plus grande.

Dans les argiles et dans les intercalations marneuses se rencontre *Mactra caspia* Eichw.

Quelques couches de grès contiennent des ossements des mammifères, qui ont été découverts en 1913 par le géologue B. S. Dombrowsky (actuellement professeur à l'Univercité de l'Extrême-Orient, Vladivostok, connu par ses travaux sur les réptiles du Caucase). L'Académie des Sciences a organisé des fouilles systématiques, qui ont été effectuées par le préparateur M-r Prokhoroff, M-r Dombrowsky a publié quelques notes sur sa trouvaille et a donné en 1916 la description géologique de la région d'Eldar.

D'après lui, ont été ici trouvés les ossements de quelques carnivores, des rhinocéros, de l'Hipparion, des antilopes, des cétacés, des reptiles etc.

Au-dessous des couches du sarmatien supérieur apparaissent les argiles du sarmatien moyen à *Cryptomactra pes-anseris* May. et au-dessus de la série ossifère une assise énorme des argiles et des marnes bariolées conservant la faune d'eau douce, présentée par des mollusques (*Planorbis* de très grande taille), des poissons, des empreintes végétales (*Cinammomum polymorphum*, *Castanea Cubinyi*, *Salix* sp.? d'après les déterminations du professeur Bogatcheff).

Encore plus haut vient une couche d'argiles brunes et de conglomérats, surmontée par les dépôts marins d'Aktchaghyl (Pliocène moyen) à *Mactra subcaspia*, *Cardium pseudo-edule*, *Cardium dombra*, *Cerithium caspium*.

Du côté sud les montagnes d'Eilar-Oügui sont coupées par une faille énorme, de telle manière, que les dépôts d'Aktchakyl viennent

en contact avec les argiles du sarmatien moyen à *Cryptomactra*. Ici les couches d'Aktchaghyl à *Mactra* sont surmontées par les dépôts apchéroniens (*Apscheronia propinqua*, *Dreissensia rostriformis*).

Encore plus au sud, dans la région de jonction du Koura et du canal de Karasahkal les couches d'Aktchaghyl à faune caractéristique forment un pli assymétrique, dont l'aile du sud est redressée vérticalement et celle du nord présente une pente de 20°-30°. Au dessus des couches d'Aktchaghyl avec *Cardium*, *Mactra*, *Cerithium*, viennent les dépôts d'eau douce à *Carbicula fluminalis* et la forme levantine *Unio Neustrujevi* Andrus (var. *geometrica* v. n.), surmontés par une assise énorme de cendres volcaniques et des restes triturés de la pierre-ponce à biotite.

Dans cette assise nous apercevons des couches d'une terre argileuse brune d'origine d'eau douce ou continentale. La partie supérieure de l'assise passe à une couche de gravier dans laquelle on a trouvé la mâchoire inférieure, une défense et les os des jambes d'*Elephas* aff. *planifrons* Falc. (ou *El. Armeniacus* Falc.)

Ces cendres, qui sont ici au dessus des dépôts d'Aktchaghyl sont synchroniques avec celles qui se trouvent à la base de l'étage apchéronien des environs de Bakou.

Mais à Eldar et dans la région de Naphtalan (à l'est de Gandja—Elisabetpol) dans les dépôts d'Aktchaghyl et surtout dans ses horizonts inférieurs on trouve beaucoup de cendres volcaniques. Ici on remarque la présence en grande quantité des empreintes des feuilles de *Fagus orientalis* Lipsky, *Prunus Spinosa* L., *Salix alba* L., *Punica granatum* L., *Cinammomum* (?) sp., *Quercus* sp.? etc. *I. V. Palibine* remarque que l'allongement de l'extrémité des feuilles de *Fagus* est une indication sur l'abondance de pluies.

G. Schlesinger et W. Soergel notent la relation qui existe entre le caractère des dents des éléphants avec la nature de leur nourriture (Die Ethologie des Elephantengebisses, 1912. V. Bogatcheff—idem—1908).

Malheureusement, nous ne connaissons que très peu de trouvailles et par suite pour la Transcaucasie il n'est pas possible de constater ces relations.

Проф. В. В. Богачев.

Палеонтологические заметки о фауне Эльдара.

Прежде чем дать мои палеонтологические заметки касательно материалов, собранных в поездке с С. Л. Берцелиусом, я считаю необходимым дать правильное освещение геологическому вопросу, запутанному, затемненному моей статьею, и об'яснить происхождение весьма неприятного недоразумения, вина в котором падает на меня.

Первое упоминание об эльдарской фауне и о геологическом возрасте заключающих ее слоев, я сделал в статье „Проблема долины р. Куры", в Известиях кавказ. музея т. VIII (1913).

Перед этим я был командирован на Эльдар кавказским музеем собрать материал для музея. Однако, я застал на Эльдаре разведочные работы и раскопки костей под руководством препаратора академии наук М. Прохорова и потому не мог собрать материалов для кавказского музея. По возвращении, я написал коротенький отчет, не предназначавшийся для печати.

В 1918 году новая дирекция музея, найдя этот отчет в архиве, напечатала его без моего ведома, ведома автора, и без необходимых авторских исправлений: „Отчет об осмотре местонахождения костей на Эльдаре", И. К. М. XII.

Исправления же были необходимы, так как прошло уже 5 лет, принесших множество изменений; уже в статье „Проблема долины р. Куры", И. К. М. VIII, напечатанной в конце 1913 г., на стр. 9 и 12, я определяю возраст костеносных слоев как верхнесарматский, *а не акчагыльский*, как это сделано в предварительном очерке (без обработки материала), написанном ранее получения статьи Н. И. Андрусова о статиграфическом положении акчагыла...

Эта статья Андрусова потребовала пересмотра многих определений и заключений, так как указывала на огромный интервал между верхним сарматом и акчагылом, до того считавшимися тесно между собой связанными.

Таким образом, предварительный „отчет" мой не только утрачивал значение, но и не отвечал состоянию геологических знаний в год своего напечатания (1918). Сам я не знал ничего о судьбе его, до получения оттисков, кажется, в конце 1919 года.

После этой оговорки, цель которой—об'яснить ошибку „отчета", перехожу к изложению главных палеонтологических результатов нашей поездки 1927 г.

Геология Эльдара довольно подробно освещена горн. инж. Б. С. Домбровским в „Заметке о геологических условиях нахождения костей ископаемых млекопитающих в местности Эльдар (тифл. губ.)", Тр. геол. музея ак. наук, т. VIII, вып. 14, 1916, а палеонтологический материал начали обрабатывать специалисты. Сам Б. С. Домбровский описал остатки китообразных из рода *Pachyacanthus* Brndt. на Кавказе, Тр. геолог. музея академии наук С. С. С. Р. т. II, 1927.

Здесь автор описывает кости Pachyacanthus с п.-о. Мангышлака; „каких-либо указаний на находки остатков р. *Pachyacanthus* из других мест в литературе мы не имеем", говорит он (стр. 3), хотя в 1913 году, в „Ежегодн. по геологии и минералогии России," т. XV, вып. 8—9, где сам же Б. С. Домбровский напечатал краткое сообщение о своих эльдарских находках (стр. 256), была помещена и моя статья „Донской музей", с описанием и изображением позвонков *Pachyacanthus* из нижне-сарматских песков Новочеркасска (стр. 234—237, таб. XII рис. 1—4) с замечанием по поводу доклада Б. С. Домбровского в геологич. семинарии в донском политехнич. институте.

Остается совершенно неясным, почему в заглавии сказано: „Две находки остатков ископаемых китообразных из р. *Pachyacanthus* на Кавказе", и предисловие начинается сообщением об эльдарской фауне. Описаны только остатки с Мангышлака. Повидимому, на Эльдаре их вовсе нет, так как автор не указывает там нижнего сармата.

В музее геолого-разведочного бюро Азнефти и геологическом кабинете А. П. И. подобрался довольно разнообразный материал по китообразным из Закавказья, который обрабатывался мною. Для расширения этой работы я осмотрел и готовлю описание богатых материалов ставропольского музея.

Недостаток времени не позволил мне подробнее исследовать залежь костей, но комбинируя наблюдения 1913 и 1927 годов, я вижу возможность нарисовать довольно детальную картину накопления этих остатков. Со значительным запозданием дошла до меня книга J. Weigelt—Rezente Wirbeltierleichen und ihre paläobiologische Bedeutung (Leipzig 1927). При всем богатстве примеров, все же автор не исчерпывает всех возможных комбинаций условий накопления костей (напр. не лишним было бы привести показание Hudson для Патагонии) и совершенно подобного эльдарскому, пожалуй, не приводит.

Проектируя в 1928 г. заняться подробнее изучением Эльдара, я надеюсь тогда разработать и вопросы этого порядка (не только для Эльдара, но и для Мараги).

Mactra bulgarica Toula.

1902. *Mactra bulgarica* Toula. Geolog. Untersuch. in Oestl. Balkan. Denkschriften d. K. Akad. d. Wiss. Math.-Naturw. Cl. LIX. Taf. IV Fig. 15.

1925 (?) *M. bulgarica* var. *crassicollis*. Колесников. Mactridae русского миоцена. Изв. геолог. ком. XLIV. № 9. Табл. XXII рис. 7. Текст стр. 11. отдельн. оттиска.

В мергелистых известняках, как и в грубых раковинных известняках Эльдара, мы встречаем небольшую мактру: измерение средних и крупных экземпляров дает в миллиметрах:

	I	II	III	IV	V	VI	VII
Передне-задняя длина .	17	15.8 (16)	14.5	14	16.25	11	10
Высота	15	14.5	14.5	12	15	13.5	11.5
Толщина сомкнутых створок	13	12.75	(10?)	11	13	11.5	10

Раковина имеет косо-треугольное очертание: макушка довольно острая, не вздутая, но вся раковина равномерно выпукла, наибольшее вздутие находится немного *выше* средины ея высоты. Задний конец несколько вытянут, макушка скошена к переднему концу. Тупой киль отделяет широкое закилевое поле с очень большим щитком. Ширина закилевого поля одной створки 5 mm. при длине раковины=14 mm. Киль образует в профиль прямую линию. Закилевые поля обеих сомкнутых створок образуют одну плоскую поверхность, иногда даже вдавленную. Поставленные на эту плоскость, как на основание, раковины имеют вздуто-пирамидальную форму. Замок очень мощный. Ламбдообразный зуб развит очень неправильно. Боковые зубы очень коротки и очень утолщены. Подмакушечная полость узкая и неглубокая. Синус мантийной линии совсем неглубокий. Раковина чрезвычайно толстая, с грубыми, часто ступенчатыми следами наростания, между которыми замечаются неравной тощины концентрические струйки. Среди типично-треугольных нередки особенно высокие экземпляры—см. VI и VII.

Эта раковина почти подходит к изображению и описанию *Mactra bulgarica* var. *crassicollis* у Колесникова (табл. XXIII, фиг. 7), но несходна с хорошо известными мне оригиналами И. Ф. Синцова.

Если бы я писал обзор русских мактр, то для критического низведения вида Синцова в вариетет сфотографировал бы оригинал Синцова из херсонской губ., а не приближающуюся к нему раковину из Армавира.

Говоря об эльдарских мактрах, В. П. Колесников считает их средним типом *Mactra bulgarica* Toula var. *bulgarica* Toula, отмечает тупые их макушки и наклонность образовы-

вать разновидности, сближающие их с акчагыльскою *M. Ossoskovi* Andrus. Относительно этого последняго сопоставления я скажу только, что за последние годы через мои руки прошло довольно много материалов из акчалыла, и мой глаз привык к нему: я не нахожу сходства между эльдарскими раковинами и *M. Ossoskovi.*

Нельзя согласиться также с Колесниковым в том, что Абих под названием *M. deltoides* и *M. biangulata* описал среднесарматские виды, и в частности, *M. bulgarica* Toula, *M. vitaliana* d'Orb., *M. naviculata* Baily, *M. Georgei* Baily и т. д.

Я много раз коллектировал верхнесарматских мактр в разных местностях Дагестана и Закавказья, и должен отметить существование довольно устойчивых местных разновидностей. Пример *Mactra Vitaliana--M. Fabreana* показывает, что небольшое изменение фациальных условий вызывает развитие или исчезновение гребневидного киля. Зачаточно явление это наблюдается и на эльдарских мактрах.

Несмотря на отличие эльдарской мактры от болгарского типа (Toula), заключающееся в чрезвычайно сильном развитии щитка и всей закилевой части, сравнительно с тем, что изображено Toula (а рисовал их знаменитый A. Swoboda, лучший рисовальщик Вены, прошедший школу еще Морица Гёрнеса!),—несмотря на это, я об'единяю их в один вид, так как вижу полную аналогию условий сарматского моря в Закавказьи и области Балкан и предполагаю возможность прямого сообщения, хотя мы и не знаем осадков верхнесарматского моря в Грузии.

Условия в южнорусском сарматском море должны были быть иными.

На это соединение указывает чокракская фауна, фауна спаниодонтового моря *(Sp. Andrussowi)*, фолады, *Turbo Omaliusi—Barboti* Toula в среднем сармате, и т. д.

Эльдарскую форму можно считать локальною разновидностью основного, широко распространенного вида. (Сюда, повидимому, относится и *M. cumulata* Sabba). Думаю, что ему удобнее присвоить имя *M. crassicollis* Sinz., подразделяя эту естественную группу на местные и иного характера разновидности (формы), хотя приоритет (по времени) принадлежит *M. bulgarica* Toula. Название Тула географическое, название же Синцова—морфологическое, определяющее известный тип, что дает ему преимущества.

Mactra Abichi n. sp. *(deltoides* Abich non Lmk.).

Второй вид мактры встречается в грубых известняках и вместе с *Mactra bulgarica* Toula, отличается от первого более крупною и менее выпуклою раковиной, иными очертаниями, отсутствием киля и более правильным замком.

Размеры раковины (лучше сохранившиеся средние образцы):
Передне-задняя длина . . 32 mm.
Высота . . . . . . 25 mm.
Выпуклость сомкнутых створок . 18—19 mm. (не больше 20 mm.).

Положение макушек срединное, макушка умеренной высоты, с'уженная, но округленная, подмакушечная полость глубокая. Раковина равносторонняя, мало выпуклая. Следы нарастания только у брюшного края губы, но правильны. Замечается слабая концентрическая струйчатость.

В общем, раковина напоминает среднесарматские *Mactra Vitaliana* d'Orb., но еще больше описанные Абихом *M. deltoides* с Кавказа, из верхняго сармата (Vergleichende geolog. Grundzüge d. Kaukas., Armen. u. Persischen Gebirge. 1858. Tab. VIII-fig. 12).

От южнорусских *M. crassicollis* Sinz. отличается значительно менее выпуклою раковиной. Замок, поскольку удалось отпрепарировать, развит грубовато, но нормально. Боковые зубы довольно длинные, узкие.

С описанною Ламарком нынеживущею *M. deltoides* кавказская верхнесарматская мактра ничего общего не имеет: кавказский вид (изобилует в Дербенте) характеризуется более толстою раковиною и массивным замком. Возникновение его из *M. ponderosa* Eichw. в замкнутом и опресненном сарматском бассейне должно считать основанием для полной самостоятельности этого вида.

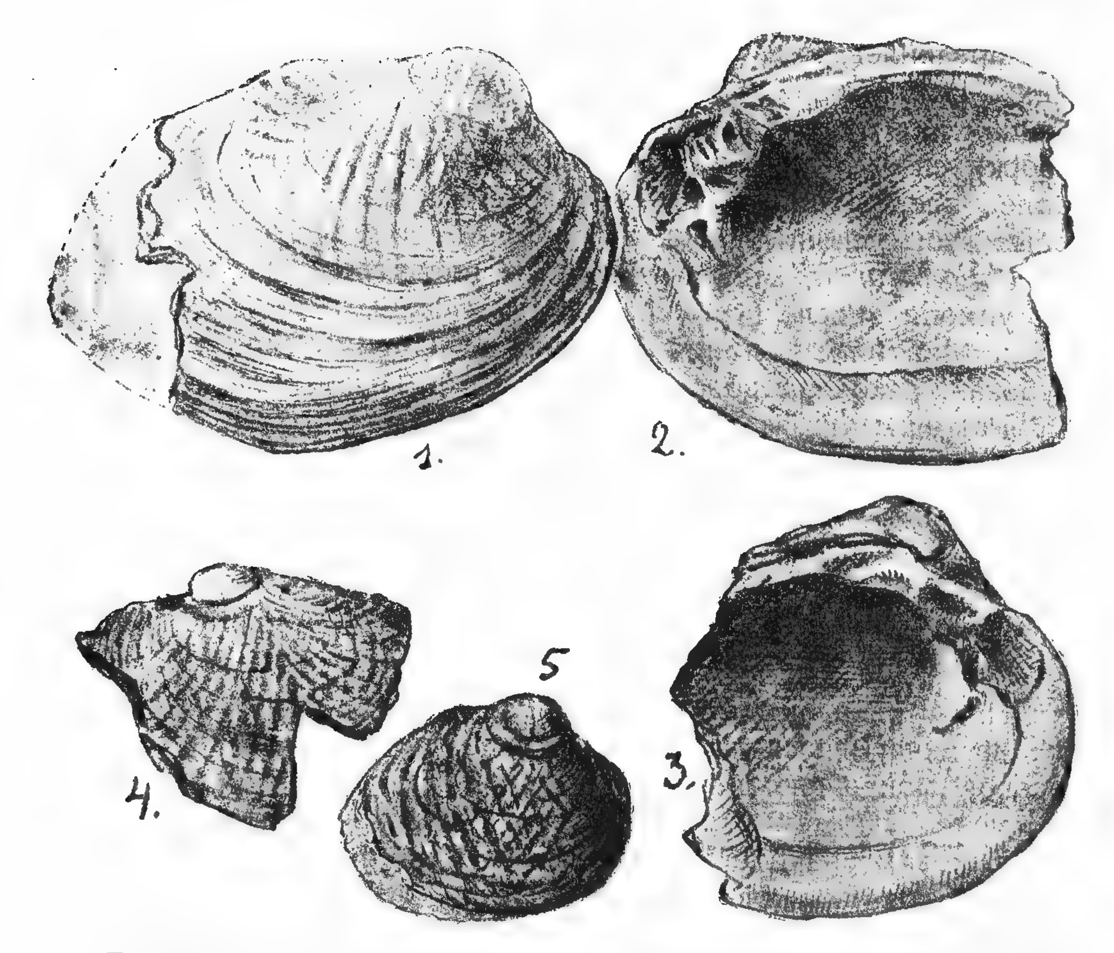
В. П. Колесников изобразил из верх. сармата окр. Армавира (табл. XXIII рис. 8) довольно сходную по очертаниям, но с более грубым замком и укороченными боковыми зубами *M. bulgarica* var. *crassicolis*. Оригиналы И. Ф. Синцова и сборы Н. А. Соколова из херсонской губернии мне хорошо знакомы. Их раковины отличаются от изображенной В. П. Колесниковым раковины меньшею величиною, более высокою, загнутою макушкой, иною постановкой ламбдовидного зуба и вообще иным habitus раковины, что нелегко передать словами. В будущем я надеюсь дать изображения и новыя описания этой фауны.

Эльдарская *Mactra caspia* Eichw. не отличается от типичных.

Unio Neustrujevi Andrus. var' geometrica v. nova.

1907. *Unio Neustrujevi* Andr. Андрусов Н. И. Следы палюдиновых слоев в южной России. Записки киевского об-ва естествоиспытателей т. XX. Стр. 415 (31), табл. I рис. 1—4.

1925. *U. Neustrujevi*. Павлов А. П. Неогеновые и послетретичные отложения южной и восточной Европы. Мемуары геологич. отдела об-ва любит. естествознания и т. д. (Москва). Вып. 5. Табл. IV, рис. 89.

Раковина средней величины, широко-овального очертания, со сдвинутой наперед, невысокою макушкою, довольно выпуклая. Килевой перегиб намечен очень слабо. Поверхность правильно скульптирована. Скульптура покрывает от $^1/_3$ до $^1/_2$ поверхности взрослой раковины и большую часть—молодой. Она состоит из изогнутых ребер, расходящихся от макушки, но так, что одни ребра имеют изгиб в переднюю сторону, другие—в заднюю, и поэтому они пересекаются, образуя узор в виде букв W и M с углом около 40°, обращенным вершиною в сторону макушки, и более острыми углами, вершиною направленными к брюшному краю.

В закилевой части короткие изогнутые ребрышки направлены к замочному краю, имея перистое относительно киля расположение.

Почти на всем протяжении своем, ребрышки узки и довольно правильны, и только на дистальном (от макушки) конце распадаются на очень плоские, более широкие бугорки—(четковидные ряды). На крупных раковинах половина поверхности, до брюшного края, несет только следы нарастания.

Киль образован очень широко и мягко выраженным перегибом раковины, на молодых экземплярах сопровождающимся

еще предкилевым и закилевым вдавлением. Следы нарастания редки. Кардинальный зуб правой створки короткий, сильно выдающийся, глубоко изборожденный. Кардинальные зубы левой створки слабее развиты. Первый имеет косое положение, направлен вперед, второй имеет слабо намеченную /\ форму. Боковые зубы длинные, изогнутые. Замок имеет сходство с замком *Unio littoralis* Lmk. Мускульные впечатления в нормальном для унионид числе (три впереди, два сзади), очень глубоко врезаны. Мантийная линия нормальна. Подмакушечная полость глубокая, раковина довольно тонкая.

Размеры указать можно лишь приблизительно, так как все собранные мною экземпляры поломаны.

Длина.	Высота (ширина).	Толщина сомкнутых створок.
a) 53 mm.	35 mm.	22 mm.
b) —	42	32
c) 68	46	33

Наши раковины более всего сходны с *U. Neustrujevi* Andrus. из акчагыла самарской губ., но отличаются немного более высокою макушкою, немного более выпуклою раковиною, притом менее удлиненною. Зубы менее массивны. Скульптура наших раковин значительно тоньше и правильнее.

Все это позволяет выделить нашу раковину в особый вид, но я думаю, что полезнее считать ее кавказским подвидом или разновидностью.

Н. И. Андрусов считает *U. Neustrujevi* стоящим близко к *U. Beyrichi* Neum. и *U. Zitteli* Pen. От *U. Beyrichi* вид Андрусова и наши раковины отличаются более выпуклою раковиною, большею высотою и положением макушки, притом же и скульптура U. Beyrichi состоит из четковидных бугров, а не W-образно пересекающихся ребер, *U. Zitteli* Pen. имеет сильно вытянутую, толстостворчатую раковину, и скульптура его тоже несравненно менее правильна.

Молодые *Unio lenticularis* Sabba и описанная Андрусовым разновидность *U. lenticularis* var. *Samarica* (op. cit., таб. I рис. 12—18) имеют правильную W-образную скульптуру, но только на молодых экземлярах, на крупных же раковинах—неправильно-бугристая скульптура. Кроме того, более короткая раковина, почти округлой формы.

Описанные и изображенные *Unio lenticularis* Sabba, *U. Beyrichi* Neum. и *U. Janinae Teiss.* из плиоцена Румынии, в работе I. P. Jonescu-Argetvaia (Fauna mollusca pliocenâ din Oltenia. Anuarul Instit. Geolog. al României. Vol. VIII. 1914—1918), *U. Janinae* в работе W. Teissayre (Beitr. z. neogen. Molluskenfauna Rumäniens. Anuarul Instit. Geolog. al României. Vol. I, 1907)—не

подходят к нашим раковинам. Г. Штейнман в „Paläontolog. Grundlage d. Abstammungslehre“, 1906, говорит очень много о W-образной или „шевроноподобной“ скульптуре унионид, повторяющей скульптуру тригоний.

Несмотря на поражающие совпадения, со Штейнманом нельзя согласиться, и приходится допускать ценогенические явления и среди унионид. К числу их можно отнести и W-образную скульптуру.

Я продолжаю обработку неогеновых наяд (унионид), не теряя надежды опубликовать вторую часть своей монографии (ср. „Труды геологич. ком.“ Нов. сер. вып. 135).

Hyaena eldarica n. sp. Табл. I рис. 1—2.

Обломок правой нижней челюсти гиены с остатками альвеолы клыка, полным уже отсутствием P_1, обломанною коронкою P_2, хорошо сохранившимися P_3 и P_4. M_1 не сохранился.

Размеры P_3: длина 28,0; ширина 18,5; высота коронки 20,6.

» P_4: длина 32; ширина 19,5; высота коронки 20.0.

Длина ряда P_2—P_4=82,5 mm.

Высота челюсти под P_3=63,0 mm; высота с зубом 92,0 mm.

От альвеолы клыка до заднего конца P_4=95,0 mm.

Для сравнения я пользовался хорошими рисунками E. Hue Musée ostéologique (1907), I Fasc. Pl. 37, рисунками в работах К. А. Сатунина (см. ниже) о гиенах Кавказа.

Описывая свою гиену под названием *H. eldarica*, я вовсе не хочу сказать, что считаю ее безусловно новым видом, а даю лишь географическое определение (станции).

Zittel-Broili (и M. Schlosser, как соредактор и специалист по неогеновым млекопитающим) в Grundzüge d. Paläontologie, II, 397 (München-Berlin, 1911) первое появление гиен относят к нижнему плиоцену: в фаунах Пикерми, Самоса, Мараги (где и я находил их зубы), Мон-Леберона, Балтавара, Сивалика и Китая (Монголии), и только в верхнем миоцене С. Америки известен:

Hyaenognathus, обнаруживающий в зубах сходство с гиенами. Впрочем Шлоссер уже в 1903 г. (Die fossilen Säugethiere Chinas, p. 178) склонялся к мысли о миоценовом возрасте гиен, так как в нижнем плиоцене они оказываются богато и разнообразно представленными, а также обладают широким географическим распространением.

H. F. Osborn (The Age of Mammals, 1910, pg. 334, 532 a. o.), помещает первых гиен в верхний миоцен.

R. Lydekker (Die geograph. Verbreitung и geolog. Entwickelung d. Säugethiere. Jena 1901. S. 250 u. a.) сообщает, приблизительно, те же самые данные, что и Циттель. А. Уоллес считает ее характерною формою эфиопской фауны (A. R. Wal-

lace, Die geograph. Verbreitung d. Thiere. Dresden 1876 II Bd. S. 223. Приходится ссылаться на немецкий перевод, т. к. оригинала не удалось найти в Баку).

Однако, палеонтология как будто указывает ископаемых предков гиены (рода) в палеарктической области, и есть все основания думать, что здесь же была их родина.

Правда, эфиопская фауна иммигрировала в Евразию в конце миоцена, может быть, даже именно в сарматский век, когда в Крыму появились ее представители (см. Борисяк, „Севастопольская фауна млекопитающих").

Тем не менее, для гиен можно принять переднеазиатский географический центр. Шлоссер (1903) даже кончает свою книгу словами: „Gerade jene Formen, welche man für die Hauptcharakteristica der „äthiopischen" Region ansicht, sind in Wirklichkeit in Asien beheimatet".

В фауне Мараги я находил зубы *Palhyaena* (=*Ictitherium*). Отсюда же описана и настоящая гиена *Hyaena eximia* Roth et Wagner, со вполне определившимися признаками гиены (E. Kittl. Beitr. z. Kenntniss der fossilen Säugethiere von Maragha' Annalen d. K. K. Naturhistor. Hofmuseums. II. Wien 1887 S. 332, Taf. XVII 1—2, XVIII 1).

Наш экземпляр превосходит марагинскую форму в полтора раза, не говоря о некоторых отличиях в форме зубов.

Во первых, марагинская гиена сохраняет P_1. Правда, этот зуб обыкновенно очень рано выпадает, и на эльдарской челюсти есть заполнившаяся альвеола, P_2 у нас отломан и место излома было покрыто глиною. Отломившейся коронки мы не нашли.

P_3 марагинской формы не имеет переднего зубца, а только небольшой валик—признак вторичный; наш имеет передний зубец и даже зачаток маленького дополнительного зубчика на внешней стороне спереди, т. е. более примитивный. Задний зубец у нас отбит. P_3 марагинской гиены имеет передний и задний зубцы относительно меньше, чем эльдарская форма, а средний—более массивный.

Относительная высота челюсти приблизительно такая же.

Сравнение с китайской *Hyaena gigantea* Schlosser (1903, pg. 36-37. Taf II, Fig. 6-8), при большом сходстве формы, дает различие в величине.

	Эльдарская	Китайская
P_4	—33 × 19,5 × 20	44 × 25 × (37)
P_3	—28 × 18,5 × 20,6	30 × 23,5 × 28

Шлоссер считает, что восточно-азиатские гиены образуют очень обособленную и целостную группу, уже совершенно

вымершую. К европейским верхнеплиоценовым гиенам они не имеют никакого отношения.

К сожалению, скудный китайский материал и единственный фрагмент челюсти с Эльдара—слишком мало для сравнения.

Сношенность (стертость) зубов экземпляра *H. gigantea*, изображенного Шлоссером,—та же, что и у нас.

Значительно сходство с верхнеплиоценовой *Hyaena robusta* Weithof. из долины Арно.

Правда, эльдарская челюсть отличается большею массивностью, зубы значительно крупнее.

Развитие переднего и заднего зубцов на P_4 (у Вейтгофера он назван P_1) одинаковы у нашей и тосканской форм.

Размер P_4 Эльд.=33×19,5, Тоскан.=25 (до 26)×16 (до 17). P_3 (у Вейтгофера=P_2) у тосканской формы имеет только передний зубчик и то очень слабо развитый.

Размеры P_3 Эльд.=28×18,5, Тоск.=23 (до 25)×16 (до 18).

В челюсти гиены по два foramina mentalia (с каждой стороны).

У *Hyaena eximia* из Мараги они располагаются прямо под P_2, то же и у *H. robusta*. У *H. eldarica* передний foramen под P_2, задний под P_3.

Широко распространенная в Закавказьи гиена *Hyaena vulgaris Satunini Matschie*[1] невелика ростом. Нижняя челюсть ее много уступает в размерах нашему экземпляру и зубы гораздо мельче. Передние и задние бугорки на зубах выражены тоже гораздо слабее.

Длина нижней челюсти 142—163 mm., наибольшая высота ветви под n_2 30—28.

Длина нижнего ряда зубов 93 - 102 mm.

Длина $p_2+p_3=42$.

Таким образом, *Hyaena eldarica* характеризуется крупными размерами, массивною и высокою челюстью, сильными зубами с хорошо развитыми на P_3 и P_4 передними и задними бугорками. Задний бугорок на P_4 значительно больше переднего и еще расчленяется.

Главные бугры представляют высокие конусы (на нашем экземпляре несколько сношены, как стерты и передние бугорки).

По геологическому возрасту, эта гиена является чуть-ли не древнейшею из известных нам, поэтому ее крупные размеры и специализация зубного аппарата заставляют предполагать еще более древнее происхождение рода гиен.

---

1) *Hyaena striata auct.* Синонимика: см. К. А. Сатунин. Млекопитающие Кавказского края, I. Записки Кавк. музея. Серия, А №1, Тифлис 1915 г. Стр. 290—302, рис. 83, 84, 85, 86. К. А. Сатунин. Гиены передней Азии (4 табл.). Изв. Кавк. музея. 1905. II, 1.

К сожалению, отсутствие фундаментальной библиотеки и весьма ограниченная возможность выписывать для своей работы литературу не позволяют многостороннее обсуждать являющиеся вопросы. Пожалуй, эта же самая причина заставляет разбрасываться и отходить все дальше и дальше от основной специальности, от тех тем, которым отдал лучшие годы жизни.

Aceratherium transcaucasicum

(ex. gr. *incisivum* Kaupp). Табл. II рис. 1,2 и табл. III, рис. 1—6.

Для определения челюсти нашего ацератерия, у нас почти не было литературы. Ниже перечислены сочинения, по которым я ориентировался в своей работе.

Нами было обнаружено в одном месте, где глыба песчаника носила явственные, свежие следы ударов молотка и имела свежую поверхность раскола,—много осколков зубов.

Отпечатки разбитых зубов были в сохранившейся глыбе и должны были продолжаться на отбитом и удаленном куске.

Собрав эти осколки с целью склеить их, я обнаружил также обломок верхней части (эмалевой) трехгранного бивня-резца. Обломки коренных зубов принадлежали нижней челюсти, один же зуб—тоже нижней, но гораздо крупнее размерами. По строению зубов и форме жевательной поверхности,—у нас был примитивный носорог.

Расчистка обнаружила корень этого зуба, а рядом—второй такой-же зуб, тоже перебитый пополам. Раскапывая дальше, удалось извлечь из глыбы мягкого песчаника правую ветвь нижней челюсти с зубами. Зубы были несколько повреждены, так как трещины от прежнего дробления камня проникали глубоко. Однако, удалось склеить зубы достаточно полно, а первый обломок дополнить еще гипсовым протезом.

Вблизи челюсти были найдены обломки лопатки и ребра, повидимому, тоже ацератерия. Некоторые обломки костей можно отнести к черепу того же вида.

Вся длина зубного ряда по хорде ($P_{2-4}+M_{1-3}$)=212 mm.

Размеры коренных зубов—измерение жевательной поверхности (по длине) a×b (ширине):

	Правой	Левой
P_1	не сохранился	не сохранился
P_2	30,0×19,5	30,5×20,5
P_3	34,0×27,5	34,0×28,5
P_4	36,0×29,0	40,5×29,0
M_1	39,3× ?	совершенно разрушен
M_2	40,0×28,5	41,4×28,4
M_3	42,0× ?	не сохранился.

Бивни:

	Правый	Левый
Длина по хорде с корнем . .	124	(обломан)
Длина по внешней кривизне .	130	„
Длина эмалью покрытой части на внутреннем остром ребре . . .	45	46
На внешней стороне	38	40
Наибольшая ширина коронки .	25	25
Наименьшая, у шейки	18	18

В то время как Циттель и Шлоссер зубную формулу пишут $\frac{2-1 \,.\, 0 \,.\, 4 \,.\, 3}{2-1 \,.\, 0 \,.\, 4-3 \,.\, 3}$, т. е. клыков не признают, Годри (стр. 51 и 52) говорит: En général chez le *Rhinoceros Schleiermacheri*... *Aceratherium incisivum* et *Rhinoceros occidentalis*, les canines sont bien dévéloppées, et entre elles il n'y a de place que pour une paire d'incisives. Enfin, dans une mâchoire d' *Aceratherium*, que j'ai recueillie à Pikermi (fig. 46), les canines sont très forts et se sont de plus en plus rapprochées, de sort qu'il n'y a plus de place pour aucune incisive".

Наша форма как раз приближается более всего к этому экземпляру.

Алексеев и Борисяк употребляют термины и „бивни" и „клыки" (см. у Алексеева на стр. 293), причем Борисяк пишет: „В предварительном сообщении о зубном аппарате E. turgaicum (Изв. акад. наук. 1915, стр. 785) были приведены соображения, почему описываемые зубы нужно рассматривать как клыки, а не как резцы" (Борисяк, Остеология Epiaceratherium turgaicum n. sp. Русское палеонтолог. общ., Монографии, I. Петроград, 1918, стр. 3).

Я не нашел в указываемой статье этого, но принимая во внимание, что в верхней челюсти подобные же бивни развиваются в кости *челюсти*, а не в *межчелюстной кости*, можно и бивни нижней челюсти считать клыками (C).

Коренные зубы нашего экземпляра очень сильно стерты, почти до воротничка, и потому внутренняя складка входит совсем незначительно. В этом главное отличие от всех зубов *Aceratherium incisivum*, изображенных в литературе, которою я располагал в Баку.

Точное видовое определение столь стертых зубов невозможно.

Значительное сходство наш экземпляр обнаруживает с *Aceratherium Zernovi* Boris., несколько уступая ему в размерах.

Жевательная поверхность севастопольских экземпляров значительно менее стерта, чем на нашей челюсти: я смерил высоту еще не стершегося зуба над „воротничком" на севастопольской челюсти и на нашей, взял отношение в длине же-

вательной поверхности и получил, что высота нестертой части нашего зуба в 4—5 раз меньше, чем севастопольских зубов, поэтому и форма жевательной поверхности иная.

Жевательная поверхность P_2 нашей челюсти представляет только треугольную площадку. Со внутренней стороны видны две складки. P_3 сохраняет лишь ничтожный след складки. На M_1 средина складки имеет глубину только 10 mm, при ширине зуба 30 mm, тогда как на всех известных мне M_1 эта складка *заходит за средину* зуба, т. е. при ширине 30 mm должна иметь глубину не менее 15 mm. (у *Acerath. Zernovi* отношение 30 : 18).

На M_3 эльдарского зуба складочка имеет глубину только 6,5, тогда как севастопольский экземпляр представляет два слившихся полулуния. Так называемые „воротнички" у основания коронки эльдарских зубов развиты очень сильно. Бивни эльдарской челюсти сильно сношены. Эмаль на внутренней стороне совершенно стерта, внутренняя сторона плоская. С наружною поверхностью она образует острые ребра с углами в 80^0 и 40^0.

Борисяк считает *Ac. Zernovi* более примитивною формою, чем *Ac. incisivum*. Три превосходно сохранившихся черепа дают возможность говорить об этом положительно, тогда как единственная и значительно поврежденная эльдарская челюсть, с очень сношенными зубами, допускает только сближение с хорошо известным видом. Нужно надеяться, что обработка хранящегося в академии наук материала из раскопок Домбровского и Прохорова, равно как и проектируемыя Общ. изс. Азербайджана раскопки дадут возможность положительных заключений.

По характеру зубов, по их эволюционной ступени, эльдарская форма занимает как бы промежуточное между *A. Zernovi* и *A. incisivum* место. Сравнение с *Aceratherium incisivum* из Новой Елизаветовки (Алексеев) показывает, что, при общей равной длине ряда зубов, размеры отдельных зубов (M_{1-3}) эльдарской челюсти – меньше (результаты стирания), а величина бивней – больше.

Отдельно найденного зуба я не описываю, так как не получил всей нужной мне для сравнения литературы.

Tragoceros aff. *Leskeviczi* Borissjak.

табл. I рис. 3—5 и табл. II, рис. 3—5.

1914. *Tragoceros Leskeviczi* n. sp. Борисяк, Севастопольская фауна млекопитающих I, таб. IV—V. Стр. 36.

Мы располагаем двумя обломками челюстей, едва-ли принадлежащими одному индивиду. Окраска их различна, но степень сохранения одинакова.

Обломок правой верхней челюсти с M_2 и M_3. Обломок правой нижней челюсти с M_1, M_2 и M_3. $M_1 - M_3 = 58$ mm. (длина ряда).

		Жевательная поверхность		Высота коронки с наружной стороны		Высота коронки со внутренней стороны	Толщина зуба у основания коронки
		Длина	Ширина	Наибольшая	Наименьшая		
Верхн.	M_3	16,5	9,5	15,5	11	13	18,5
	M_2	18,3	11,5	16,4	12,5	12,5	19,3
				со внутренней стор.		с наружн.	
Нижн.	M_1	15,5	10	14	9	11	12
	M_2	18	9,5	15	12	12,5	13
	M_3	24	9	15,5	13	13	13

Эльдарские зубы характеризуются сильно морщинистою эмалью, сильным развитием складок на наружной стороне верхних и внутренней стороне нижних зубов, очень хорошо развитыми базальными столбиками (шипами). Коренные верхней челюсти имеют сильноутолщенное основание коронки. Коренные нижней челюсти несколько более узки, чем у севастопольской формы и у *Tragoceros* из Ново-Елизаветовки.

Полулуния на жевательной поверхности эльдарских зубов сильно заострены.

Сопоставляя имевшиеся у меня описания различных видов *Tragoceros*, можно сделать заключение о большом разнообразии зубов и изменчивости их.

Считая пикермийскую фауну несколько моложе эльдарской, есть все основания сближать наш вид с севастопольским и отказаться от отожествления как с типичным *Trag. amaltheus* Gaudry, так и с *Trag. Frolovi* M. Pov. из Ново-Елизаветовки.

Все же эльдарские зубы крупнее севастопольских, наружные зубцы их коронок острее и выше, „шпорцы" и базальные столбики развиты столь же хорошо или даже лучше обособлены, и по общей форме эльдарские зубы приближается ко „второму типу „Борисяка" (см. стр. 43).

Однако при малом количестве материала и при уже отмеченной изменчивости, я затрудняюсь отожествить их.

Далее: севастопольская фауна принадлежит среднему сармату, а эльдарская—верхнему. Может быть, поэтому наблюдается у нашей антилопы уклонение в сторону *Tr. amaltheus* и

Tr. Frolovi. Я предпочитаю воздержаться от подробного описания до сбора нового материала.

Trag. amaltheus был широко распространен в Европе.

* * *

Кавказский перешеек, между двумя морями, соединяя переднюю Азию с Европою, должен был явиться мостом для переселявшихся фаун и флор.

Правда, имеется довольно богато аргументированная гипотеза понтийской суши, связывавшей анатолийское побережье с Крымом, но к северу от этой суши лежал широкий морской рукав, такой же, как и в Предкавказьи (т. е. к северу от Большого Кавказа). Следовательно, условия миграции из Азии в южную Россию не были нисколько благоприятнее, чем через Кавказ.

Я много раз говорил о кратковременной регрессии моря в среднесарматский век, когда среднесарматские известняки с *Cardium Fittoni* выступили в виде суши и подверглись речной эрозии. Верхнесарматская трансгрессия (море с *Mactra caspia* и *Mactra crassicollis*) покрыла снова эту сушу.

Кратковременной регрессии было достаточно для переселения переднеазиатской флоры и фауны в юговосточную Россию. Значение Кавказского хребта в мио-плиоценовую и постплиоценовую эпохи можно оценить по аналогии с современною эпохою.

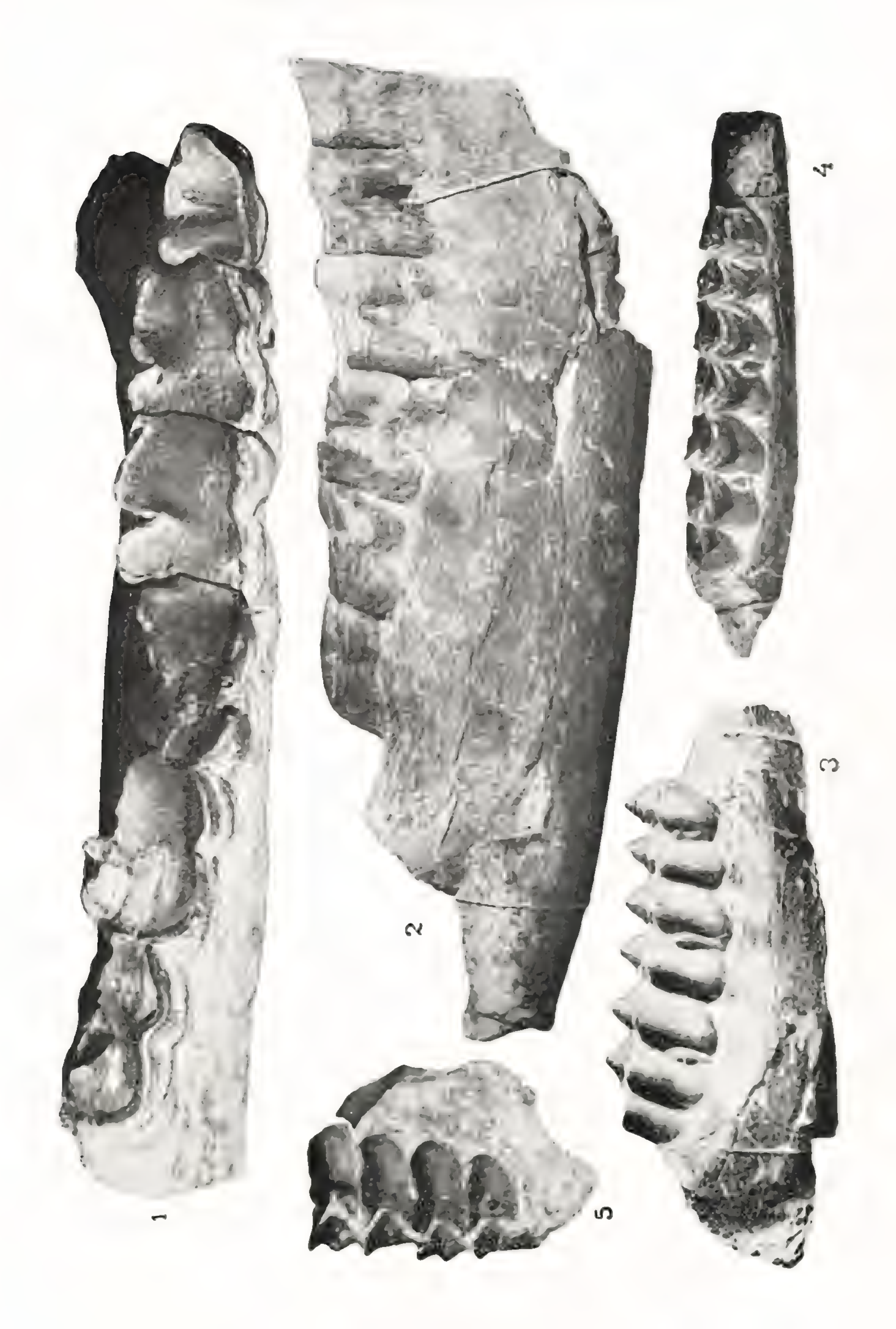
Являясь трудным барьером-препятствием на пути потоков расселения флор и фаун из центров их возникновения, Кавказ должен был играть роль своеобразного фильтра.

Одни элементы, наименее энергичные или слабейшие, не обладавшие способностью приспособления, останавливались перед Кавказом, не имея сил перейти его. Другие проникали в горы и даже задерживались в них, быстро приспособившись к данным условиям. Третьи, наконец, наиболее подвижные, сильные и энергичные, обладавшие большим запасом способности приспособляться, проникали через Кавказ в юговосточную Европу, испытанные и закаленные. Поэтому борьба за существование с аборигенами была им легка, и мы, действительно, видим вытеснение первобытных племен Европы кавказскими племенами.

Я говорю не о случайных вторжениях, не о войнах, а о настоящей миграции. Академик Марр и многие другие „яфетидологи“ разрабатывают громадный материал, придавая ему самое разнообразное освещение. Геологу, нет возможности учитывать его, но зоогеограф не может пройти мимо. Я не могу выбрать из некоторого числа знакомых мне работ в этой об-

1
2
3
4
5

Проф. В. В. Богачев, „Палеонт. зам.“ Табл. II.

ласти наиболее бесспорное, и в сказанном выше руковожусь только инстиктивно безотчетным чувством доверия.

К сожалению, в московских газетах появилась заметка по поводу нашей поездки и добытых материалов, вызвавшая запросы академии наук. Надеюсь, что академия не обвинит меня присвоении моей работе не принадлежащего ей авторитета. Вся эта газетная заметка может напомнить только одно из тургеневских „стихотворений в прозе“, и этим кончить дело.

Список использованной литературы.

A. Zittel (Broili u. Schlosser). Grundzüge d. Paläontologie. II. München-Berlin 1911.

E. Hue. Musée ostéologique, I. Paris 1907.

A. Gaudry. Les enchaînement du Monde Animal. III. Mammifères tertiaires. Paris 1878.

А. К. Алексеев. Фауна позвоночных д. Ново-Елизаветовки. Одесса. 1915.

Е. И. Беляева. Elephas trogontherii Pohl. Таманского полуострова. Труды геологич. музея росс. академии наук. Т. V, вып. 1. 1925.

В. В. Богачев. Новые материалы к истории третичных слонов юговосточной России. Изв. азерб. госуд. университета, т. 3. Баку, 1924.

А. А. Борисяк. Севастопольская фауна млекопитающих, I и II. Труды геологич. комитета, новая серия, вып. 87 (1914 г.), вып. 137 (1915 г.).

П. Н. Венюков. Фауна млекопитающих балтских песков. Записки имп. С. П. Б. минералогич. общества. 2-ая серия, т. XXI, 1903.

М. В. Павлова. Краткое описание новой третичной фауны млекопитающих юга России. Ежегодник по геологии и минералогии России. Т. XVI, вып. 7—8. Новая Александрия 1914.

И. П. Хоменко. Меотическая фауна с. Тараклии, бендерского уезда. Ежегодник по геологии и минералогии России, т. XV, вып. 4—6. Н.—А. 1913.

Ch. Dépéret, L. Mayet, L. Roman. Les éléphants pliocènes. Annales de l'Univers. de Lyon. I. N. S. Fasc. 43. Paris-Lyon 1923.

E. Kittl. Beiträge z. Kenntniss d. fossil. Säugethiere v. Maragha (Persien). I. Carnivora. Annalen d. k.-k. Naturhistor. Hofmuseums. Bd. II. Wien 1887.

I. Sinzow. Geologische und paläontolog. Beobachtungen in Südrussland. Ученые записки имп. Новоросийского университета. Одесса 1900.

G. Schlesinger. Studien über die Stammgeschichte d. Proboscidier. Jahrbuch d. k.-k. Geolog. Reichsanstalt. LXII. Wien 1912.

G. Schlesinger. Ein neues Fund v. Elephas planifrons in Niederösterreich. Jahrbuch d. k.-k. Geolog. Reichsanstalt. XLIII. Wien 1914.

M. Schlosser. Zur Kenntniss d. Säugethierfauna d. böhmischen Braunkohlenformation. Abhandl. d. deutsch. Naturhistorisch-medicin. Vereines „Lotos". II Bd. 3 Heft. Praga 1901.

M. Schlosser. Die fossile Säugethiere China's. Abhandlungen d K. Bayer. Akademie d. Wissensch. II Classe. Bd. XXII. I. Abth. München 1903.

W. Soergel. Elephas Columbi Falc. Geologische u. Paläontolog. Abhandlungen. N. Folge. Bd. 14, Heft. 1—2. Jena 1921.

P. Teilhard de Chardin. Description de mammifères tertiaires de Chine et de Mongolie. Annales de Paléontologie. 1926. XV, fasc. 1.

F. Toula. Paläontolog. Mitteilungen aus d. Sammlungen von Kronstadt in Siebenbürgen. Abhandlungen d. k.-k. Geologisch. Reichsanstalt. XX, Heft 5. Wien 1911.

A. Weithofer. Die fossile Hyaenen des Arnothales. Denkschriften d. Mathem. Naturwiss. Cl. d. K. Akademie d. Wissenschaften. Bd. LV. Wien 1889.

A. Weithofer. Die fossilen Proboscidier des Arnothales. Beiträge z. Paläontologie d. Oesterreich-Ungarns und Orients. VIII, 2. Wien 1891.

Об'яснение таблиц.—Explication des planches.

Таблица I

Рис. 1-2. *Hyaena eldarica* n. sp.
Рис. 3, 5. *Tragoceras Leskeviczi* Boriss.

Верхняя челюсть.

Рис. 4. *Tragoceras Leskeviczi* Boriss.

Нижняя челюсть, внутренная сторона.

Planche I

Fig. 1-2. *Hyaena eldarica* n. sp.
Fig. 3, 5. *Tragoceras Leskeviczi* Boriss.

Mâchoire supérieure.

Fig. 4. *Tragoceras Leskeviczi* Boriss.

Mâchoire inférieure du côté intérieur.

Таблица II

Рис. 1-2. *Aceratherium transcaucasicum* morpha nova (*Ac. incisivum* Kaupp).
Рис. 3-4. *Tragoceras Leskeviczi* Boriss.
Нижняя челюсть.
Рис. 5. Id. Верхняя челюсть.

Таблица III

Рис. 1-6. *Aceratherium transcaucasicum* m. n. (*Ac. incisivum* Kaupp).
Бивни (клыки).

Planche II

Fig. 1-2. *Aceratherium transcaucasicum* morpha nova (*Ac. incisivum* Kaupp).
Fig. 3-4 *Tragoceras Leskeviczi* Boriss.
Mâchoire inférieure.
Fig. 5. Id. Mâchoire supérieure.

Planche III

Fig. 1-6. *Aceratherium transcaucasicum* m. n. (*Ac. incisivum* Kaupp).
Les canines(?).

V. V. Bogatchev.

NOTICES PALÉONTOLOGIQUES.

Les Mactres.

Mactra bulgarica Toula. Coquille petite, triangulaire, très renflée, à crochets hauts, carène mousse, bien prononcée et une aréa postérieure large et plane. Les dents sont très courtes et massives.

Les Mactres d'Eldar se diffèrent légèrement des éspèces boulgariennes (balkaniques), constituent avec elles un groupe naturel, que l'on peut appeler *Mactra crassicollis* Sinz.

La mer du Sarmatien supérieure de la Russie méridionale n'était habitée que par deux éspèces—*M. crassicollis* Sinz. et *M. caspia* Eichw. Ces deux éspèces donnaient naissance à un nombre considérable de variétés locales. Une de ces variétés—*Mactra Abichi* n. sp. est très répandue au Daghestan, mais elle est rare à Eldar. Elle a été decrite par H. Abich sous le nom de *M. deltoidea* Lmk., mais elle n'a rien de commun avec cette éspèce là.

Elle provient de *Mactra ponderosa* Eichw. du Sarmatien moyen et son apparition a eu lieu d'une manière isolée dans un bassin fermé.

Elle se distingue par une coquille épaisse, modérément convexe, à un crochet haut et une charnière assez normale. L'éspèce d'Eldar *Mactra caspia* Eichw. ne se distingue pas de la forme normale dei cette dernère éspèce d'Eichwald (typiqe)u.

Les Unios.

Unio Neustrujevi Andrus var. *geometrica* var. nova (voir fig. à la page 199). La coquille est d'une grandeur moyenne et d'une forme largement ovale.

Elle est assez convexe et présente un crochet bas et deplacé en avant. La charnière est constituée par les dents cardinales assez massives et les dents latérales courbées, ce qui est normal pour l'*Unio*. (La charnière est pareille à celle de *Unio littoralis* Lmk.).

La surface présent une sculpture régulière. Du crochet s'étendent des côtes rayonnantes courbés et fines, dont l'intersection forme des figures chevronnées, semlables à W et M. De cette sculpture est ornée approximativement la moitié de la coquille des animaux adultés et toute la surface des individus jeunes. La carène est peu développée. Des côtes petites et courbés s'étendent de la carène vers le bord postérieur.

Ce type, provenant des couches aktchaguyliennes (pliocène moyen) du gouvernement de Samara, a été décrit en 1907 par N. Androusov. L'éspèce caucasienne se distingue de celui-là par sa coquille plus mince et la sculpture très regulière de sa surface. Parmi les autres formes lévantines comme c'est *Unio Beyrichi* Neum. qui a plus de ressemblance avec notre éspèce. On trouve *Unio Beyrichi* de la Slavonie et Roumanie jusqu'au Don (riv.)

Les restes des Mammifères.

Hyaena eldarica n. sp. Voir planche I fig 1-2.

La mâchoire inférieure d'une hyène de très grande taille, de laquelle se sont conservées seulement P_3 et P_4. Les autres dents sont cassées et perdues.

P_3 longueur 28,0 mm; largeur 18,5 mm; hauteur de la couronne 20,6 mm.

P_4 longueur 32,0 mm; largeur 19,5 mm; hauteur de la couronne 20,0 mm. Les dents sont quelque peu usées.

En 1903 M. Schlosser a décrit *Hyaena gigantea* provenant de la Chine. Malgré la ressemblance des dents l'éspèce d'Eldar se distingue de celle-là par sa taille plus petite. D'autre part *Hyaena robusta* Weithofer de Val d'Arno présente une dentition pareille à celle de l'éspèce d'Eldar, mais n'atteigne pas la aille de cette dernière éspèce.

n Ainsi, l'hyène d'Eldar doit être considerée comme une forme ouvelle, puisque la comparaison avec les éspèces décrites ne permet pas de l'identifier avec elles, outre cela, elle est la plus ancienne de toutes les véritables hyènes connues (sarmatiques, méotiques et celles le l'âge de Roussillon).

Aceratherium transcaucasicum, morpha nova.

(*Aceratherium* ex gr. *incisivum* Kaupp).

Pl. II, fig. 1—2, pl. III, fig. 1—6.

La mâchoire inférieure avec les dents très usées; par suite, l'identification et la description de l'éspèce sont difficiles. Le développement de toutes les dents et surtout des défenses, qui sont des canines d'après A. Gaudry, Borissiak et Alexeieff et incisives d'après M. Schlosser, est pareil à celui d'*Aceratherium incisivum* Kaupp, mais notre éspèce se distingue de celle-là par sa taille plus petite. Dans le Sarmatien moyen de Sébastopol ont été trouvés des crânes très bien conservés d'*Aceratherium Zernovi* Boris. (A. Borissiak. Mammifères fossiles de Sébastopol. Mém. du Com. Géologique. Nouvelle série. Livraison 87 et 137).

Cette éspèce est aussi considérablement plus grande que la nôtre. D'après la forme des dents et leur degré d'évolutions l'éspèce d'Eldar peut être placée entre *A. Zernovi* Boris et *A. incisivum* Kaupp.

Tragoceras Leskieviczi Borissiak.

Pl. I, fig. 3—5, pl. II, fig. 3—5.

(A. Borissiak, Mém. du. Com. Géolog., Nouv. série. Livraison 87, page 127. Pl. IV et V).

L'éspèce-type provient du Sarmatien moyen de Sébastopol. Les dents de l'éspèce d'Eldar sont un peu plus grandes.

* * *

L'isthme caucasien entre les deux mers, joignant l'Asie Antérieure avec l'Europe, devait servir de pont pour la migration des faunes et des flores. Il est vrai que nous avons une hypothèse solidement basée sur l'existence du continent de Pont, qui liait l'Asie Mineure avec la Crimée, mais un large bras de mer passait au Sud de la chaîne du Caucase; ce bras de mer était pareil à celui du Caucase-du-Nord, par conséquent les conditions dans les deux régions étaient aussi semblables.

A la fin du Sarmatien moyen, une régression marine provisoire a eu lieu; les calcaires du Sarmatien moyen à *Cardium Fittoni* ont émergé et ont été soumis à l'érosion fluviale. Après la transgression du Sarmatien supérieur (la mer à *Mactra Caspia* et *Mactra crassicollis*) la mer a envahi encore une fois ce continent.

Le temps court de la régression était suffisant pour que la faune et la flore pussent migrer de l'Asie Antérieure au sud-est de la Russie.

On peut éstimer l'importance de la chaîne Caucasienne pendant le miocène, pliocène et postpliocène d'après l'analogie avec l'époque actuelle.

La chaîne du Caucase, servant d'une barrière difficile à franchir, d'un obstacle sur la voie de propagation des faunes et des flores, venant de leurs centres d'apparition, devait jouer le rôle d'un filtre particulier. Les uns des éléments venus, les moins énérgiques et faibles, n'étant pas doués de capacité d'adaptation, s'arrêtaient devant la chaîne du Caucase n'ayant pas la force de la traverser. Les autres pénétraient dans les montagnes, s'arrêtaient même ici et s'adaptaient rapidement aux conditions nouvelles. Les troisièmes, enfin, les plus mobiles, forts et énérgiques, possédant la capacité d'adaptation franchissaient le Caucase et pénétraient en Europe Orientale; par conséquent, pour ces derniers la lutte pour l'existence avec les aborigènes était facile, et en èffet nous constatons le déplacement des tribus primitives de l'Europe par les tribus caucasiennes. Il n'est pas question d'invasions fortuites et provisoires, mais de véritables migrations.

К. С. Губайдуллин.

Вакуфные имущества Азербайджана.

I

О вакуфных имуществах Азербайджана мы имеем некоторые, хотя и отрывочные сведения по фонду азербайджанского машихата[1] за 1919 и 1920 г. г. Вакуфные дела этого фонда сосредоточены в двух специальных делах Госархива (№ 63—1919 г. и № 6—1920 г.). Сведения в них о вакуфах довольно неполны, сметы и отчеты не всегда ясны, доходы и расходы порою смешаны, о некоторых вакуфных имуществах иногда имеется несколько экземпляров описей, мало между собою совпадающих, а иногда недостает важных сведений. Пришлось собрать казавшиеся более важными данные по этим отрывочным и неточным сведениям, сверять их между собою и выбирать из 23 экземпляров более правдоподобные из них. Сведения имеются, главным образом, о вакуфных имуществах городов Баку, Ганджи, Шуши и других.

Вакуфными имуществами Азербайджана владели вакуфные же мечети, которые подчинялись духовному управлению—машихату, а последний, в свою очередь, был подведомствен министерству исповеданий. Машихатом эти сведения были собраны по приказу министерства исповеданий, по всей вероятности, с целью об'единения управления вакуфными имуществами и урегулирования получения дохода в пользу государства, иначе—реквизиции в государственную пользу духовного имущества.

Вакуфные недвижимые имущества Азербайджана состояли из имений, фруктовых садов, пахотных земель, сенокосов, выгонов и мелкого движимого мечетного имущества, приносимого верующими.

Вакуфные же имущества гробниц, мусульманских святых Биби-Эйбат и Хакима-хатун составлялись исключительно из вещей, приносимых верующими по данному обету نزر, как ковры, материи и др.

Сведения о вакуфных имуществах изложены нами в следующем порядке: 1) наличный состав вакуфного имущества, как

1) Машихат был мусульманским духовным правлением, преобразованным из двух бывших духовных правлений: суннитского и шиитского, на Кавказе, учрежденным во время мусаватского правительства по образцу турецкого шейх-уль-исламата, существовавшего до образования турецкой республики.

منقوله [1], так и غير منقوله [2]—вакуфы какой-нибудь мечети, 2) размер земельной площади данного вакуфа, 3) если имеются сведения, то стоимость имущества, 4) общая сумма расходов и доходов и разница между ними (положительная и отрицательная), 5) дата вакуфодарения и имя вакуфодателя. При этом цифровые данные о вакуфах (доходы и расходы) оставлены в валютах 1919 и 1920 годов.

Оставшиеся после израсходования полученных доходов суммы, как видно из смет, предложений и отчетов, расходовались на достройку мечетей, поддержание их в порядке, на обучение детей в школах при мечетях, а также сдавались в банки. Иногда на наличные деньги мечеть покупала какой-нибудь товар с целью увеличения капитала вакуфных имуществ.

Вакуфодателями обыкновенно являлись богатые ханские или бекские роды, а иногда, может быть, и купцы. Вакуфы дарились обыкновенно по духовному завещанию и оформлялись духовной властью[3].

Бывали случаи, как мы увидим ниже, что царское правительство снова возвращало часть имущества, порою слишком большую его часть, родственникам вакуфодателя, по их многолетним стараниям, после судебного разбирательства в судебных инстанциях, или же крестьянам окрестных сел вакуфных имений. Случалось, что вакуфные мечети кормили обедневших родственников или потомков вакуфодателей.

По сообщению некоторых казиев, которые доставляли сведения о вакуфных имуществах Азербайджана, во время мартовских событий погибло почти все делопроизводство о вакуфах-этому же способствовала и эвакуация банков во время занятия Баку империалистами.

Были и такие мечети, которые имели свои вакуфные имущества в других, более отдаленных губерниях, а в своей губернии не имели их вовсе. В целом ряде городов, как мы увидим ниже, а также в их уездах вовсе не имелось вакуфного имущества.

Вакуфная мечеть в городе Баку, в приходе Байрашлар, под названием Касим-бек, пожертвованная или построенная Касим-беком Манаф-оглы, имела следующие недвижимые вакуфные имущества: одну баню и два каменных, покрытых киром магазина, из которых один в 11, а другой в 5 растворов, в общей сложности размером в 326 кв. саженей или 1484 кв. метра, и имение в местности, называемой Уч-тэпэ, в бакинском уезде[4].

---

[1]) Движимое имущество.

[2]) Недвижимое имущество.

[3]) Госархив, фонд машихата, дело 63/1919 г., лист 39.

[4]) Там же, д. 63/1919 г., л. 38.

Ей же принадлежало и одно владение[1] بير ملكدار. Общий размер площади имения Уч-тэпэ составлял 1546 десятин или 1689 гек. 46 к. метр. земли, из которых пахотной земли: один участок—1175 десят. 2360 кв. саж. или 1284 гект. 7615 кв. м., другой—232 дес. 1600 кв. саж. или 264 гект. 1882 кв. м., а остальная земля непахотная—137 дес. 840 кв. саж. или 150 гект. 549 кв. м.

Магазины и бани сдавалсь в аренду, от которых мечеть имела в своей „казне“ خزينه наличные деньги и процентные бумаги в банках. Весь доход 1919 г. выражался в 187.729 рублях. К этой сумме следует прибавить сумму в сто тысяч рублей, увезенных в это время из государственного банка англичанами. В докладе бакинского казия в машихат и министерство исповеданий об этих увезенных суммах читаем:

آذربايجان جمهوريتى مشيخت اسلاميه اداره‌سى نمره ۲۲۹۰. ۲۵ تشرين اول ۱۹۱۹ سنه: ايش ۱۹/۱۷

آذربايجان جمهوريتى اديان و مذاهب نظارت جليله‌سنه. بونگله باكو قاضى‌سنك باكو قاسم بلك موقوفاتندن يوز بيك روبله‌دن فاضله پاراسى انگليسلر پادشاهلق بانگندن آپارمش اولديقلرينه عائد مشروحه‌سنى مقام سعيلرگزه قديم ايده‌رك بو بابده لازم گلن تدابير حكيمانه و تشبثات خداپسندانه‌لرينه عرض ايلرز. صحيحدر
كارگذار ——————

مشيخت ادارهٔ جليله‌سنه باكو قاضيسنك طرفندن معروضه.

۱۹۱۹ نجى سنه ۲ ايلولده آذربايجان غزته‌سنك (۲٦٧) نجى نمره‌سنده معلومات ويرمشديم اينگليسلر باكودن چيقديقلرى وقت اوزلرى ايله پادشاهلق بانكنى آپارديقده قاسم بلك موقوفه‌سندن مذكور بانكده اولان يوز مين‌دن زياده مبلغى دخى آپارمشديلر بو وقته‌دك او بانكك باكويه قايتارلماسندان بر معلومات يوقدر. بونيله مشيخت دايرهٔ جليله‌سنه معروضه تقديم ايده‌رك بو باره‌ده نه‌كبى تشبثاتده بولوناجقلرى اوز وظيفه مقدسه‌لريدر.

۲۳ تشرين اول ۱۹۱۹ سنه. باكو قاضيسى **آخوند عبدالرحيم**

Следовательно, всех наличных денег этой мечети было 287.729 рублей. На эту сумму мечеть содержала своих служителей, поддерживала в исправности мечеть и ее двор, платила налоги, содержала вакуфную комиссию, наследников (وارث) вакуфодателя, уплачивая им пособие. Весь расход ее составляли 19.400 рублей[2].

---

1) В делах имеется несколько духовных завещаний о пожертвовании владельцами в вакуфное владение лавок. Типичную форму вакуфного завещания мы имеем о дарении двух лавок.

۱۹۱۸ نجى ايلك ديكابر آينك ۱۹ گونده جعفر اوف قزاق مسجدنك جنبنده ۲ دكان .... قبله‌سى يول، شرقى محرم اوغلونيك موقوفه‌سندن بنا اولونان دكانلر مغربى مسجدك بنا اولان دكانلار هانسكه ابراهيم عباسعلى اوغلى وقف ايدوبدر. شمالى مسجد حياطى‌دور. همين دكانلارى وقف ايتدوم قزاق مسجدى ايچون، هانسكه صرف اولنسون مجاور موذنلارى خرجلرينه.

В этих дарственных вакуфных записях точно указывались: дата, место, границы (пределы), название владения, владелец и цель вакуфа.

2) Д. 63/1919 г., л. 109.

Вся сумма расходов и доходов этой мечети за 1919—1920 г.г., за вычетом ошибочно причисленных доходов, не принадлежащих этой мечети вакуфов биби-эйбатской гробницы, банковых билетов и других случайных доходов, представляется в следующем виде:

Год.	Доход.	Расход.	Разница.
1919 г.	187.729 р.	19.400 р.	168.329 р.
1920 г.	132.786 р. 93 к.	23.400 р.	113.486 р. 93 к.[1]

Вакуфное имущество бакинской мечети „Хаджи-Пир-Верды“ حاجی پیرویردی مسجدی состояло из девяти лавок, движимого же имущества она не имела. По другим сведениям она имела только шесть лавок. В 1918 и 1919 году она имела следующие цыфры прихода и расхода:

Год.	Доход.	Расход.	Разница.
1918 г.	554 р. 50 к.	703 р.	149 р.
1920 г.	554 р. 50 к.	Неизвестен.	Неизвестна.

Лавки сдавались в аренду и весь доход ее состоял из этой арендной платы. Это тип мечети, не имеющей земельной собственности. Расход ее также не велик и не разнообразен: он весь состоит из выдаваемого служителям мечети жалования[2].

Мечеть „Мухаммед-яр“ محمدیار مسجدی более бедна вакуфами, чем предыдущая: она имела только две лавки, а из движимого вакуфного имущества только два самовара, несколько стаканов, книг и т. д. Мечеть существовала на доходы с этих двух лавок. Из них же она платила налог казне, за электрическое освещение, воду и служителям.

Год.	Приход.	Расход.	Разница.
1918 г.	12.150 р.	104.550 р.	— 92.400 р.
1920 г.	28.950 р.	1.850 р.	+ 27.100 р[3].

Мечеть „Иттифак“ اتفاق مسجدی никакого вакуфного имущества не имела В документе за 1919 год сообщается, что деньги, необходимые на поддержание мечети и духовенства, собирались от прихожан во время постов рамазана и мухаррама: „Все, что имела мечеть „Иттифак“ было похищено во время мартовских событий“ читаем мы в конце сообщения о вакуфных имуществах этой мечети.[4]

---

1) Д. 6/1920 г., лист 75, 79. Эта цыфра точная, о чем имеется и в тексте:
بو مخارجی مداخلدن تفریق ایتدیکده ۱۹۲۱ نجی سنه‌یه قالور ۱۱۳.۴۸۶ منات ۹۳ قپك
т. е „по вычитании из дохода расхода за 1921 год, остается 113.486 р. 93 к.

2) Д. 63/1919 г., л. 40, 56, 61, 62 и д. 6/1920 г. л. 84.

3) Д. 6/1920 г., л. 78 и д. 63/1919 г., л. 6.

4) Д. 6/1920 г , л. 42—43.

Мечеть „Гусейн-кули“ حسین‌قلی مسجدی так же, как и предыдущая, не имела имущества и содержалась на средства прихожан[1].

О бакинской мечети „Хаджи-Джевад“ حاجی‌جواد مسجدی мы имеем сведения сметного характера за 1918—1919 годы. Мечеть владела четырьмя, сдаваемыми в аренду, лавками. Она не имела других недвижимых имуществ, как имения, фруктовые сады и др.

Весь доход состоял из аренды этих лавок и от продажи свечей молящимся (مسجد چهل چراغی). Расход состоял из выдаваемых мечетным служителям жалованья, издержек по поддержанию чистоты мечети и ее двора, уплаты государственных налогов и др. мелких расходов.

Этой мечети подведомственны были: мечеть „Назар“ نظر مسجدی и мечеть „Хаджи-баба“ حاجی‌بابا مسجدی, которые не имели никаких вакуфных доходных статей и поддерживались лишь прихожанами. Хотя они имели две вакуфные лавки, но они „все время пустовали“.

Приведем здесь таблицу прихода и расхода этих мечетей, хотя и сомнительной верности, потому что за один год получается слишком большой дефицит, а за другой - слишком большой доход.

Год.	Приход.	Расход.	Разница.
1918 г.	700 р.	2.510 р.	— 1.410 р.[2]
1919 г.	4.500 р.	1.500 р.	+ 3.000 р.

Бакинская мечеть „Таза-пир“ تازه پیر مسجدی имела шесть каменных лавок. Доходы и расходы ее выражаются за 1918 г. в следующих цифрах.

Год.	Приход.	Расход.	Разница.
1918 г.	291 р.	4.385 р. 45 к.	— 4.094 р. 45 к[3].

Недвижимые вакуфные имущества Таза-мечеть“ تازه مسجد состояло из девяти каменных лавок, сдаваемых в аренду. Из движимого имущества этой мечети было 24 „халиче-фуруш“ خلیچه فروش (ковров).

Год.	Доход.	Расход.	Разница.
1918 г.	6.998 р. 80 к.	2.674 р. 60 к.	4.324 р. 20 коп.[4]

Вакуфное имущество прихода Байрашлар в городе Баку, неизвестно какой вакуфной мечети принадлежащее, состояло из

1) Там же, л. 44—45.

2) Д. 63/1919 г., 59 л. и 6/1920 г., л. 70.

3) Там же, л. 6.

4) Там же, л. 40, 60.

четырех каменных лавок, четырех амбаров, одного одноэтажного дома, одной бани и одного кишлака. Две трети бани принадлежали частному лицу, а треть этой бани была вакуфная. Общий размер площади этих вакуфных имуществ, кроме последних двух, составляет 491 квад. саж. 7 кв. арш. или 2238 кв. м. По этой мечети, кроме указанного размера земли, цифровых данных не найдено.

Имеется сведение о вакуфном имуществе еще одной неизвестной мечети в городе Баку, имевшей три вакуфных лавки, а из движимого имущества—22 „халиче-фуруш“ (ковра).

По данным 1919 года, приходы и расходы этой мечети были следующие:

Год.	Приход.	Расход.	Разница.
1919 год.	5.000 р.	4.300 р.	+ 700 р.[1].

„Джума-мечеть“ внутри бакинской крепости, перестроенная около 1905 года, имела три вакуфных деревянных лавки.

Год.	Приход.	Расход.	Разница.
1918 г.	7.600 р.	4.300 р.	+ 3.400 р.

Доход от гробниц святых Хакима-хатун и Биби-Эйбат состоял из пожертвований вещами, деньгами в виде нэзр'а (نزر) —обетов и милостыни и садака (صدقه). В документе имеется перечень тех предметов, которые имели гробницы[2]. Отрывочные сведения о доходах и расходах гробниц выражаются в следующих цыфрах.

Название гробницы	Год.	Доход.	Расход.	Разница.
„Хакима-хатун“	С 20 сент. 1918 г. по 20 сент. 1919 г.	16.787 р.	3.213 р.	13.574 р.
	С 5 дек. 1917 г. по 20 сент. 1918 г.	1.722 р.	665 р.	1.072 р.
„Биби-Эйбат“	За 8 мес. 1919 г. и За 1 мес. 1920 г.	30.037 р.	неизв.	неизв.[3]

К этим суммам следует прибавить 92.000 рублей, которые нашлись в виде банковых билетов в государственном банке. Документы и вещи, относящиеся к меджлису и казиату, а следовательно и вакуфам гробниц, погибли в „Исмаилие“ во вре-

[1]) Там же, л. 79.
[2]) Эти сведения очень интересны, как бытовой материал, но за недостатком места, они здесь не приведены.
[3]) Фонд машихата, д. 6/1920 г., л. 12, 14, 15, л. 63/1919 г., л. 89.

мя мартовских событий, о чем и докладывает бакинский казий в управление машихата.

Следовательно, сведения, которые почерпнуты нами из дел машихата, только приблизительны, и суммы, полученные нашим подсчетом, вовсе не претендуют на абсолютную точность. Но, за отсутствием пока других данных, и эти сведения представляют некоторый интерес. В конечном итоге, по нашему подсчету, этих приблизительных цифр, с двумя пропусками, за неимением сведений о расходах мечети Хаджи-Пир-Верды и гробницы Биби-Эйбат за 1918, 1919 и 1920 года, получается со всех этих бакинских вакуфных имуществ 425.209 руб. 30 к. дохода и 186.941 руб. расхода. Как будто доход превышает расход в 2,3 раза. Этот вывод, конечно, приблизителен, принимая во внимание массу пропусков, как в доходах, так и в расходах вакуфов мечетей города Баку.

II.

Вакуфные имущества имелись и в городе Гандже. Мечети „Шах-Аббас“ в этом городе принадлежала баня „Тон-хамам“ تون حمام, переданная в 1612 году Шах-Аббасом. Размер площади этой бани равняется 148,5 квадр. саж. или 676 кв. м. Ей же принадлежали: пассаж, 15 1/2 магазинов[1] в 851.43 кв. саж. или 3.876 кв. м., три караван-сарая: а) „Большой“ بیوك б) „Малый“ بالا, в) „Таюкчи“ تویوقچی, всего в 1.4/4,49 кв. саж[2]. или 6.707 кв. м., два участка земли в 3001,5 кв. саж. или 13663 кв. м., два имения, из которых одно в 100 десятин[3] или 109 гект. 2500 кв. м., а другое в 1.500 десятин или 1638 гект. 7496 кв. м. Одно из этих имений, под названием Дарбэклю или Дэрэ-бэклю دره بکلو, в ганджинском у., передано в 1612 году Шах-Аббасом. Это имение оспаривалось между селениями Кара-Кешиш قرا کشیش и Тюрбэ. По другим сведениям, этим имением владели армяне.

Второе имение — Динараш دینارش находилось в то время во владении частных лиц (Шейхзамановых). „Несмотря на то, что по шариату это имение считалось (раньше) вакуфным имуществом“, читаем мы в одном документе, „по уступчивости (مسامحه) Духовного Собрания и в особенности по закону русских под названием „давность“ (داونوست), вышло из владения мечети (т. е. перестало быть вакуфным)“. В настоящее время во владении Динараш остался каменистый участок земли на р. Гандже, „который иногда сдается в аренду[4] دنیا راش ملکی بو حالده شیخزمانوفلاریك ید تصرفنده‌در بو ملك شرعا املاك موقوفه‌دن

1) 1/2 магазина принадлежала частному лицу.
2) или, по другим сведениям, в 3.112 кв. саж. = 14166 кв. м.
3) „ „ „ „ 800 десятин. = 873 гект. 9998 кв. м.
4) Д. 63/1919 г., л. 8, 11, 68, 72.

حساب اولونديغى حالده ادارهٔ مستبده زماننده ادارهٔ روحانيه مسامحه‌سى و خصوصا روسلاريك «داونوست» نامى ويرديكلرى عدالتسز قانون بو ملكيك الدن چيقماسنه سبب اولوبدر بو حالده دنياراش ملكينده مسجده مخصوص كنجه چاينك ايچنده كوچك بر داشلق قالمشدر كه بعضا اجاره‌يه ويريلر.

Относительно доходов и расходов данной мечети, мы имеем сведения за 1818 и 1919 года. Цифры доходов за эти два года состоят из сумм — остатков предыдущих годов, денег, собранных от сдачи в аренду лавок, караван-сараев, пассажа, от обетов, благотворительных пожертвований, процентов, полученных от этих статей, положеных в банки خزينه‌ده و بانكلاردا.

Год.	Доход.	Расход.	Разница.
1918 г.	1.640 р. 93 к.	1.411 р. 93 к.	+ 229 руб.
1919 г.	56.126 р. 91 к.	37.218 р. 36 к.	+ 18.908 р. 55 к.[1]

По сообщению председателя суннитского меджлиса бакинской губ. в управление машихата, „в 1918 году, 18 марта, во время „мартовской трагедии“ ١٨ مارت فاجيعه‌سى соборная мечеть مسجد جامع в Шамахе и его вакуфные лавки совершенно погибли во время пожара... Поэтому не представляется возможным составить и отослать (в машихат) ни подробных сведений, ни сметы, ни о настоящем, ни о прошедшем времени“. Число погибших от пожара лавок было 42. В 1916 году они еще были целы и сдавались в аренду. Этих денег в 1918 году было 12.123 рубля 03 коп.[2]

Вакуфные имущества соборной мечети гор. Кубы состояли из 14 лавок и одного подвала. Наличных денег у мечети в 1917 году имелось 384 рубля, у мечетного казначея хранились 833 рубля, в бакинском казначействе имелось 907 рублей и в кубинском казначействе—922 рубля. 98 коп. Всего она имела 2.666 рублей 98 коп. денег[3].

Казахская мечеть владела, повидимому, 25-ю лавками. У нас имеются сведения о доходах только с 14-ти лавок. В 1919 году от сдачи в аренду этих 14 лавок мечеть получила 14.446 рублей дохода. Расходы состояли из жалования учителю, служителю, повидимому, кладбища مجاور, ученикам и на отопление мечети и школы; всего на сумму 14.217 рублей.

В 1920 году доходы этой мечети составляли, с оставшимися от 1919 года 229 рублями и арендными суммами, полученными от этих лавок, — 37.959 рублей, а на содержание мечети и школы израсходовано было 37.730 рублей.

Год.	Доход.	Расход.	Разница.
1919 г.	14.446 р.	14.217 р.	+ 29 рублей.
1920 г.	37.959 р.	37.730 р.	+ 229 руб.

1) Там же, л. 65, 66 и 78.
2) Там же, л. 31, 78.
3) Там же, л. 78.

Шуша была богата вакуфами. Мечетям „Гоухер-ага“ گوهر آغا и „Масджид-уль-акса“ مسجد الاقصی принадлежали множество имений, земель, лавок и домов. В самом городе Шуше они имели 12 деревянных лавок, 4 (или по другим сведениям 3) каменных лавки, участок пустопорожней земли в 60 кв. саж. или 273 кв. м. и одну шестую часть караван-сарая. Последний был передан в вакуфное владение Гоухер-аге генерал-лейтенантом Ибрагим-ханом Джеванширом 17 июля 1865 года. В документе об‘ясняется, почему в вакуфном владении осталась только часть этого владения. Племянник вакуфодательницы[1] Хасан-ага Шекинский, по решению судебной палаты, „исторг“ одну пятую часть и только часть осталось во владении вакуфа.

Имение Максудлу, с примыкающими к нему имениями Джеваншир-ханумлу и Ахмед-агалу, состояли „из пахотных, сенокосных и выгонных земель (زراعت پچنك و اوتلاق), принадлежали этим мечетям и имели 2.398 десятин или 2.619 гект. 6143 кв. м. земли. Из этого количества к разбираемому нами периоду оставалось только 883 десятины, или 964 гект. 6773 кв. метр. Большая часть этих земель, по решению судебной палаты, была отрезана в пользу Какельбековых,(?) беков Ахмед-агалу, а также ею были наделены крестьяне этого округа.

Этим мечетям принадлежали также имения Бахарлу и Шекербеклю, состоящие из таких же угодий, как и Максудлу. После наделения крестьян ближайших деревень, в вакуфном владении осталось до 60 десятин или 65 гект. 5500 кв. м. из тех 349 десятин или 381 гект. 2824 кв. м., которыми владели мечети в названных имениях.

Им же принадлежел вакуфный сад с селе Шеллю, размер которого неизвестен.

Имение Хыдырлу (Даргалу или Рогалу) имело вначале 150 десятин или 163 гект. 8750 кв. метров. Из этого количества земли, по постановлению суда, от мечети были отняты в пользу Шекер-бека Агаларбекова 100 десятин земли или 109 гект. 2500 кв. м. Таким образом, за вакуфом осталось 50 десятин или 54 гект. 6250 кв. м. Половина земли Хыдырлу или Даргалу принадлежала собственно мечети, а остальная часть садовникам.

Вакуфное имение Ив-оглу ایو اوغلی, состоящее из 996 кв. саж. или 4.534 кв. метра земли, состояло из пашни и лугов.

В джеванширском уезде было имение Карадаглу قره داغلو, состоявшее из пахотных земель, размером 160 десятин или 174 гект. 8000 кв. м[2]. Это имение целиком или частично одно

---

1) По одним сведениям, шушинские вакуфные владения переданы в вакуф ханом Джеванширом, а по другим—его дочерью.

2) По другим сведениям (из данных того же фонда), 610 десятин или 666 гект. 4243 кв. м. земли. Которая из этих цифр вернее, определить трудно.

время было „похищено“ غصب ایتمکی اولوب но впоследствии, по решению суда, снова было возвращено мечети. Размер этой земли, отобранной крестьянами, представители вакуфной земли не могли определить; вероятно, документы погибли во время пожара в мартовские дни.

По „справке из книг на записки вакуфных имуществ“[1] видно, что кроме перечисленных имений, были еще и следующие земли: половина имения „Иова“ یوا в участке Горибсар, эриванской губерни, в 596,5 десятин или 651 гект. 6712 кв. м., Бедхувезлу—274,5 десятин или 299 гект. 8912 кв. м., там же, третья часть имения Будугурвенди-ахунд (بو دوغروا ندا آخوند) того же участка, в 6242 десятины или 6831 гект. 3831 кв. м., четтвертая часть имения Каракашлу, там же, в 167 десятин или 182 гект. 4475 кв. м., имение Чохар при селе Ашага-Шлингвет (آشاغه شلینقویت)—277 кв. саж. или 1.261 кв. м., участок земли Хараба-Сарбанлар (خرابه سربانلار) —90 десятин 600 кв. саж. или 98 гект. 5981 кв. м., в эриванской губ., фруктовый участок (сад), там же—700 кв. саж. или 3.186 кв. метров.

Приблизительная таблица количества земель двух вакуфных мечетей[2]:

До 1919—1920 г.	В 1919—1920 г.	Названия имений.
2620 гект. (2398 дес.)	965 гект. (883 дес.)	Максудлу (Джеваншир-ханумлу и Ахмед-оглу).
381 гект. (349 дес.)	66 гект. (60 дес.)	Бахарлу и Шекербеклю
—	—	Шеллю.
164 гект. (150 дес.)	55 гект. (50 дес.)	Хыдырлу (Даргалу или Рогалу).
174 гект. (160 дес.)	151 гект. (138 дес. 996 саж.)	Ив-оглу.
8353 гект. (7647 дес. 700 кв. саж.)	2784 гект.[3] (2549 дес. 233,3 кв. саж)	Семь имений, упомянутых в „Справке“.
11694 гект. (10704 дес. 700 кв. саж.)	4021 гект. (3680 дес. 1229,3 кв. саж)	

1) Эти книги, вероятно, были сводного характера; может быть, в них были сосредоточены все вакуфы Кавказа. В делах машихата их не оказалось.

2) Перевод дан с точностью до целых гектаров.

3) Цифра, искусственно уменьшенная в три раза, по аналогии с теми имениями этих двух мечетей, количество которых было уменьшено, в среднем, в три раза, после различных захватов.

Все недвижимые вакуфные имущества этих мечетей „по государственным книгам“ (?) (حكومت دفترلرى) оценивались в 26.562 рубля 75 коп. (сведения 1919 года).

Размеры расходов и доходов этих мечетей можно видеть из следующей таблицы:

I. Масджид-уль-акса.

Год.	Доход.	Расход.	Разница.
1919 г.	5.515 р.	1.990 р.	3.525 р.
1920 г.	35.000 р.	14.000 р.	21.000 р.

II. Мечеть Гоухер-ага.

Год.	Доход.	Расход.	Разница.
1919 г.	13.659 р.	13.114 р. 11 к.	344 р. 89 к.
1920 г.	85.551 р. 24 к. С наличными суммами, оставшимися от 1919 г.	14.684 р. 22 к.	70.866 р. 78 к[1]

В городе Геокчае вакуфных лавок было 18. Годовой доход от вакуфных имуществ этого города составлял в 1919 г. —2.676 руб., в 1920—2.634 рубля, а расход за 1920 год—257 р. 50 к. К ним следует прибавить и доходы от хлопка, весом в 151 пуд 5 фунтов—2475 кил., проданного за 3.249 руб. 19 коп., с целью достроить на полученные деньги недостроенную мечеть[2].

Вакуфные имущества агдашской мечети состояли из нескольких доходных домов, от которых получилось в 1919 году 300 рублей, полностью израсходованных на ремонт этих мечетных лавок[3].

В зангезурском, шекинском, ленкоранском уездах, в гор. Ленкорани, в ганджинской губ. и кубинском уезде никаких вакуфных имуществ не было. О последнем уезде сказано „ .... в этом кубинском уезде ни в каком известном нам месте вакуфов не имеется, чтобы могли об'яснить размер расходов и доходов его. Как видно, все духовные лица в этом году „закят“ ذكوة собирали в казну, не получают жалования и потому молчат, и в мечетях не слышен голос муэдзина, а потому да-

[1]) Госархив, фонд машихата, д. 63/1919 г., л. 77 и д. 6/1920 г., л. 46, 97, 100 102, 104.

[2]) Д. 63/1919 г., л. 87, 88.

[3]) Там же, л. 115.

жа петухи не поют[1]". Следовательно, до этого времени „закят", т. е. налог на имущество, взимаемый в пользу бедных, получался мечетями.

По грубому подсчету, не принимая во внимание недостающих цифр в расходах и приходах, по отсутствию в документах о них сведений, сумма всех доходов мечетей II главы будет равна 264.688 руб. 07 коп., а сумма расходов—106.567 руб. 29 коп Следовательно, доход за 1917—18—19 годы превышает почти 2,5 раза расход за те же года. Для всего Азербайджана эту цифру можем взять равной 2,4.

Общий размер земли, включая количество земель городских вакуфных имуществ, к 1919—20 годам, получается 6 829,15 десятин, или 7460 гект. 8444 кв. м. Возможно, что их было гораздо больше, потому что размеры не всех имений и земельных участков пока известным

K. S. Goubaïdoulline.

PROPRIÉTÉS VACOUFS EN AZERBAÏDJAN.

Les renseignements sur les propriétés vacoufs en Azerbaïdjan sont réunis dans deux dossiers de l'Archive d'État (№№ 63/1919 et 6/1920); ils contiennent les données, quoique pas absolument complètes, sur les vacoufs de Bacou, de Gandja, de S houcha et de quelques districts, en 1918—1920. On y trouve signalés des propriétés foncières rurales et urbaines, des bains, des caravansaraïls, des boutiques, ainsi que des biens meubles. L'auteur signale les données sur la grandeur, les revenus et les dépenses de ces propriétés, dont l'étendue atteignait jusqu'à 7461 hectars, le revenu—264.688 roubles et 7 cop., et les dépenses—106.567 r. 29 c.; mais ce total ne renferme pas toutes les données, car il y manque sur quelques unes de ces propriétés.

---

1) «... اولنجی بو قبه اویزدنده بره معلوم هیچ مکانده موقوفات یوخدرکه اونك مداخل و وارداتی و مخارج و مصارف اولونان مبالغك مقدارلرینی یازوب بیان ایدك. گەرونورکه جمیع روحانیلار بو سنه ذکوات‌لرینی بیت‌الماله طوپلنمکدن معاشرتلك و گذرانلری مشقت محتاج سرنگون سکوتی اخبار ایدوب مساجد و مهلی‌لرده آذان سەسی اولممکینه گوره خروسلارده بانلمیور...»

Дело 63/1919 г., л. 29, 43, 45, 98, 100, 130, д. 6/1920 г., л. 46, 87—88. Приведенный период не точен и значительно сокращен.

А. Алекперов.

По искусству Азербайджана.

I.

(Могильные памятники в Бузовнах).

с 3-мя таблицами.

Большим подспорьем и дополнением для понимания и изучения памятников Баку могут служить разбросанные по Апшерону мавзолеи, караван-сараи, башни, овданы (подземные водохранилища), могильные памятники и проч. Эти, с виду незначительные памятники дополняют отсутствующие моменты развития искусства Баку, ибо, естественно, при переустройстве и разрушении города, при перемене властей, исчезали и памятники старины. Например, от периода кесранидов в городе почти ничего не сохранилось, зато на Апшероне мы имеем несколько памятников, освещающих этот интересный момент в искусстве Азербайджана; недавно открытая (выкопанная из песков) в сел. Бильгя баня дополняет и освещает искусство Азербайджана в период турецкого (османского) владычества. К шах-аббасским воротам города мы имеем много дополнений по Апшерону в виде караван-сараев, могильных памятников и проч., освещающих сефевидский период искусства Азербайджана.

Не ожидая полного собрания и опубликования всех памятников Апшерона, я решаюсь познакомить, хотя бы частично, с некоторыми памятниками в Бузовнах.

Если началом расцвета азербайджанского искусства, судя по дошедшим до нас памятникам, можно считать XI и XII века (нахичеванские башни), то полный его расцвет должно отнести к XV веку (дворец ширваншахов в Баку). Сефевиды почти ничего нового в искусство не вносят. Зная дальнейшее развитие искусства Персии (также в Азербайджане), мы видим в искусстве сефевидов естественное начало упадка. Если в литературе сефевиды ушли в стилизацию, в религии достигли утонченной догматики, то в изобразительном искусстве они развивают рисунок в ущерб общей композиции, впадая в измельчание форм. Художник, чтобы показать свое техническое совершенство, начинает увлекаться деталями: искусство принимает декоративный характер. Сефевиды строили много и спешно, что,

конечно, отражалось на выдержанности стиля: часто искусство принимает характер штампа. Одни части сооружений чрезмерно преобладают над другими,—портал загромождает все строение, купол и минареты превращаются в ненужные придатки. Впечатление от сефевидского искусства—неестественность, изнеженность форм, игрушечная никчемность декораций: это—начало падения, „персидское рококо“, открывающее дорогу притоку европейских форм.

Нужно заметить, что упадочные персидские формы, попадая в Азербайджан, на почве его получают новую силу: персидский художник украшает свою работу при помощи лепки и поливного кирпича, в то время как азербайджанский художник эту работу решает в резном камне, при помощи света и тени.

Ярким примером всего вышеуказанного могут служить могильные памятники в сел. Бузовны. Странное впечатление производят эти могильники нарядностью своего рисунка. Художник, не имея большого простора, повторяет тут все детали большого строения. Насколько уместны сталактиты на портале ханского дворца, где они решают задачу перехода от верха ниши к стенам входа, настолько некстати карликовые сталактиты на этих могилах. Прорезные решетки уместны в окнах,—здесь ажурно прорезаны декоративными окошками камни надгробий.

Художник, для украшения могил, не только пользуется архитектурными формами и деталями, но и плоским орнаментом ковров. Ковровым орнаментом он украшает, главным образом, бордюры могил. Эти ковровые орнаменты для нас особенно ценны, ибо местный художник пользуется местным материалом—мотивы взяты у него из ширванских ковров, главным образом, растительного орнамента. Украшая вертикальную стелу (баш-таши), он старается придать ему вид портала, хотя бы в виде плоского рисунка и даже ставит наверху симетрично, две розетки. Замечается любовь к украшению могил, из которых на женских высечены все туалетные принадлежности молодых ханум; украшения делаются на могилах женщин, еще не успевших насытиться (арзуалмах) этой жизнью, этими предметами. На мужских могилах это заменяется изображениями коней, оружия, промысла и т. п.

Совершенно в стороне от этих могил, укрытая мавзолеем, стоит могила Сеид-Касума. Строгость форм, отсутствие украшений отличают эту могилу „потомка пророка“ от стоящих снаружи. Только тюрбан украшает могилу сеида. Верующие усердно обновляют известь на могилах, закрывая постепенно ею надписи и узоры.

A. Alekperov.

ARTICLES SUR L'ART DE l'AZERBAÏDJAN.

I.

Monuments funéraires à Bouzovny.

Beaucoup de monuments d'art à Bakou ont été supprimés; pour compléter les lacunes dans l'histoire de l'art à Azerbaïdjan on vient à étudier ceux de la péninsule d'Apchéron. Le début de l'épanouissement de cet art se rapporte aux XI—XII s. s. (les tours de Nakhitchévan); son epanouissement complet vient vers le XV s. (le palais des schirwanchahs à Bakou); l'art persan n'apporte presque rien de nouveau, ne s'interessant qu'au développement des détails ornémentaux. Quelques monuments de Bouzovny présentent des spécimens de cent art-là, dont les dessins sont reproduits sur les tables ci-jointes.

У айрумов.

Во второй половине октября 1927 года мне, с археологической экспедицией О-ва обследования и изучения Азербайджана, под руководством И. И. Мещанинова и при участии Исака Джафар-заде, удалось посетить некоторые селения айрумов дастафурского дайраисполкома ганджинского уезда. В этой заметке я не намерен затрагивать результаты богатой своими наблюдениями экспедиции, которым участники ее посвятят отдельный очерк. Сейчас я хочу лишь поделиться личными своими наблюдениями и впечатлениями от посещения селений живущих в этом районе айрумов.

1. Формы айрумского карадама.

Айрумы,—народность, говорящая на тюркском языке,—живут на горах ганджинского и казахского уездов и, отчасти, в северо-западной части Нагорного Карабаха. До завоевания Закавказья русскими, айрумы населяли области Шамшадиль и и Ганджу[1]. Те айрумы, которых нам удалось посетить, несколько отличаются своей внешностью от прочего тюркского населения Азербайджана. Они ростом выше среднего, стройны и красивее тюрок низменных районов тех же уездов. Отличительными внешними признаками служат тонкие черты лица и, особенно, нос с горбинкой. Женщины также стройны и красивы, не носят чадры, но все же сохранили „ямшах» или „яшмах“—обычай закрывания рта головным платком. По типу, айрумов можно скорее сравнить с такими горцами, как тюрки Зангезура сисианского района[2] (таб. I, 3-4, II, 1-3, III, 2-3).

В Гандже мне указывали, что отличительной чертой жизни айрумов являются их своеобразные жилища, которые похожи на пещеры. В Гандже существует даже поговорка, что „айрум живет в айруме“ (по армянски айрум—пещера). Действительно, жилища айрумов, так наз. карадамы, своеобразны. Мы имеем описание карадама карабахского[3], имеющего много общего с карадамом айрумов, но, повидимому, карабахский кара-

---

[1]) Акты кавк. археограф. комиссии, т. II.

[2]) Алекперов А.—Поездка в Зангезур и Карабах (Изв. О-ва обс. и изуч. Аз. IV, 210-216).

[3]) Лисициан С—К изуч. армян. крестьян. жилищ. (Изв. Кавк. ист. арх. инст. III, 97-108)).

дам является развитой формой айрумского: необходимо остановиться на карадаме айрумов, чтобы лучше уяснить себе эту, одну из древнейших форм жилища в Азербайджане.

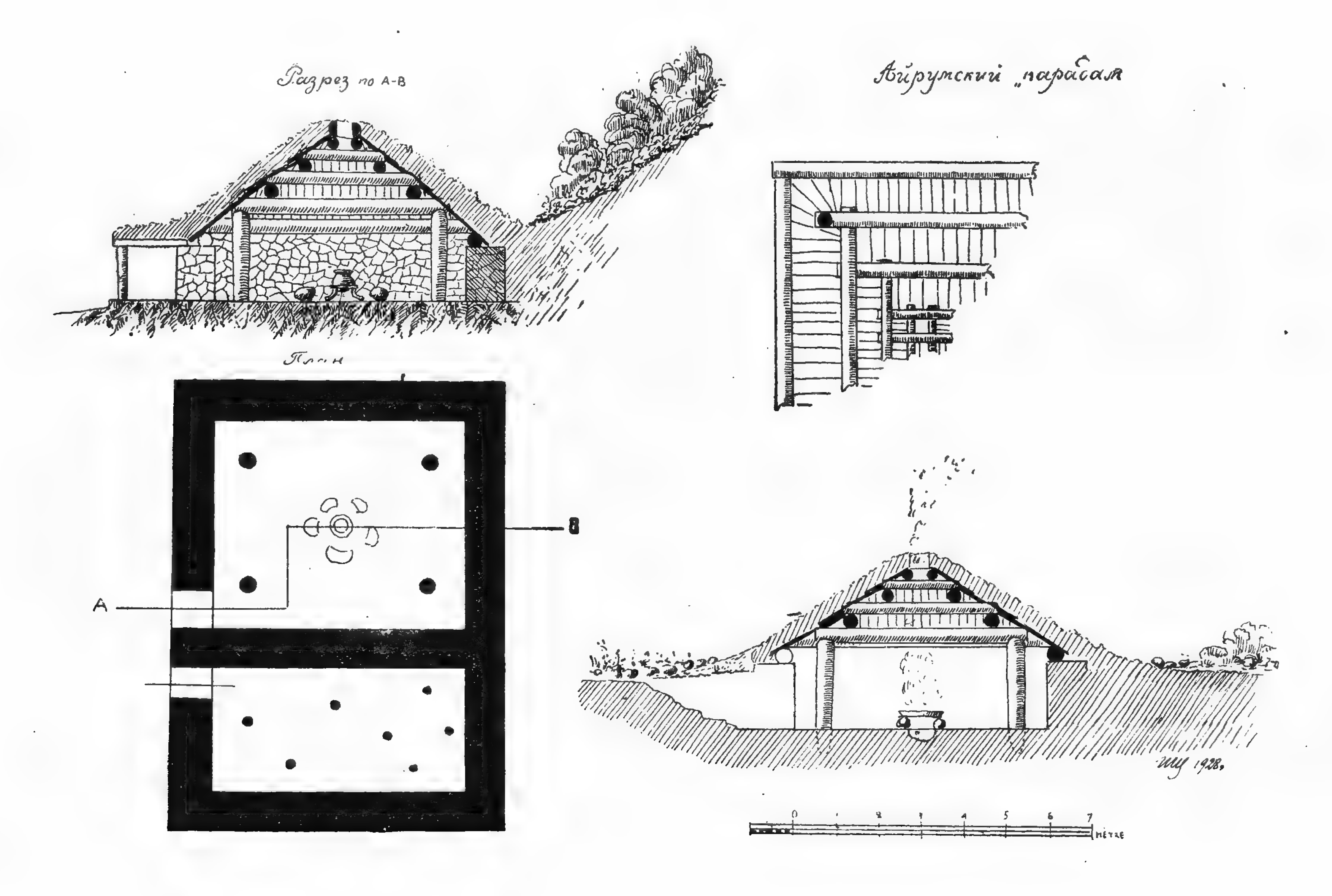
Я не согласен с тем, что слово карадам—есть слово „татарское“[1], обозначающее в переводе на русский язык „черный дом“, в смысле „прокоптившийся, черный“. Это слово,—вероятно, более древнее название жилища, осмысленное теперь тюрками. Если предположить, что это слово все-же тюркского происхождения, то „кара“ может иметь и другое значение, т. е. не черный и грязный, а в смысле „обыкновенный“, как, напр., слово кара-адам, в смысле простой человек или чернь. Интересно, что на русском языке слово „чернь“ также производится от слова „черный“. По-тюркски это слово может иметь еще и другое значение, как—каранлыкдам, в смысле темный дом, в отличие от светлого, алачига (шалаш). Это слово каранлыкдам впоследствии могло стать карадамом.

Айрумы стараются устраивать свои деревни на откосах горы, на солнечной стороне (гюней), недалеко от реки или источника, но так, чтобы река, во время весенних разливов, не могла затронуть деревни (таб. IV, 1). Двери или, точнее, выходы из этих жилищ также обращены на солнечную сторону, на юг или на юго-запад. Форма такого рода жилища могла развиться только в лесистых районах, и именно в районах крупного леса, каким были покрыты Карабах и районы Ганджи. С уходом же и истреблением лесов, форма этого жилища начинает меняться и приспосабливаться к недостатку леса, постепенно теряя основную технику своего строения, что мы и видим в карабахском карадаме. Что эти жилища исключительно являются жилищами айрумов, указывает то, что айрумы, кроме карадама, никаких других видов жилищ строить не умеют. При необходимости-же они приглашают армянских мастеров.

Не будучи в силах справиться один со всей постройкой, айрум приглашает себе в помощь соседей и знакомых, которые ему содействуют в этом деле бесплатно, пользуясь только его угощением.

Главным и своеобразным отличием этого жилища является его крыша. Постройка начинается не с основания фундамента и стен, а с устройства на ровном месте его крыши. Если рассмотрим скелет крыши, то увидим, что она состоит из четырех квадратов, расположенных один над другим, уменьшающихся постепенно кверху. Первый квадрат, хэрмэ, (от слова херремэ, круговая), в восточной и западной стенах имеет вы-

[1]) Термин „татары“ в применении к азербайджанским тюркам употреблен С. Лисицианом в цитируемой статье. В том же номере „Известий“ КИАИ, в статье Г. Ф. Чурсина, та же тюркская группа правильно именуется „тюрками“, а не „татарами“.

Айрумский „парабая"
Разрез по А-В
План
А
В
0 1 2 3 4 5 6 7
МЕТРЕ
ШУ 1928.

соту от пола 1,50 метра, а в южной и северной—1,20 метра и состоит из четырех бревен, поставленных на место предполагаемых стен этого жилища (см. разрезы и планы).

Форма этого жилища всегда бывает квадратной, размером обыкновенно 6 метров, но бывает и меньше. Этим также айрумский карадам отличается от карабахского, стены которого доходят до 9 - 10 метров. Вся тяжесть крыши опирается на второй квадрат, называемый ана-керан. Два первые бревна второго квадрата положены на четыре столба (дирек), образующие удлиненный прямоугольник 5-10 в длину и 3,20 метра в ширину, с направлением всегда с севера на юг. Высота же столбов, вкопанных прямо в землю, бывает 1,80 метра. Каждый столб в своей вершине имеет утолщение, в котором сделана выемка для уклада бревна (таб. I,3). Следующие два параллельных бревна второго квадрата кладутся на два первые, лежащие на столбах поперечно, имея длину, равную короткой стороне вышеуказанного прямоугольника. Следующий, третий квадрат, орта-керан, получается при помощи расположения последующих двух пар бревен меньшего размера, одного над другим. Таким же путем строится четвертый квадрат—торпах пасан. Строя таким образом скелет крыши, айрум пустое пространство между первым и вторым квадратами, т. е. между херме и ана-кераном, закладывает расколотыми пополам бревнами более тонких стволов дерева, обращая их плоской стороной внутрь жилища. Промежутки между пердэ (так наз. расколотые бревна) он запаковывает сучьями, ветвями, стружками (кичалах); поверх всего этого насыпается земля, которую он выбрасывает изнутри, выкапывая после основания крыши под ней землянку.

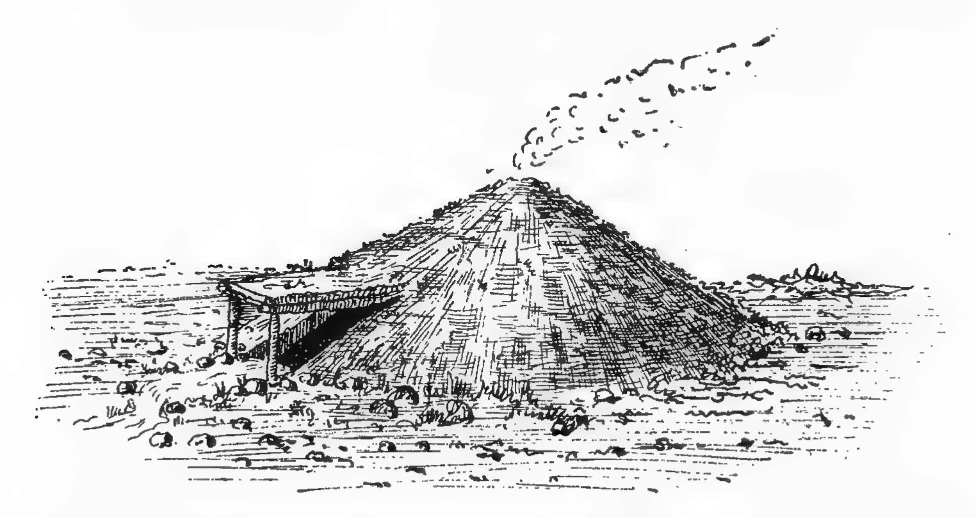
Расстояния между вторым, третьим и четвертым квадратами заполняются таким же образом: только укладываются пэрдэ меньшей длины, ибо расстояние между квадратами уменьшается кверху, благодаря тому, что выше бревна ставятся тоньше. После четвертого квадрата еще идет квадратный-же дымоход, который заканчивает собою крышу: он образуется из расколотых пополам толстых бревен, положенных также плоской стороной внутрь отверстия. Расстояние от земли до баджи (дымоход)—3,55 метра. Высота крыши составляется, таким образом, из суммы диаметров шести пар бревен, лежащих попарно одни над другими, вследствие чего крыша сильно возвышается. Сюда же прибавляется и высота баджи. При таком роде постройки все части дерева, от тонких ветвей до толстых стволов, все утилизируется, все идут в дело. Бревна кладутся одно на другое и держатся своей тяжестью, без скреплений гвоздями.

Как мы выше указывали, большинство карадамов строится на откосах гор, причем три стены карадама северная, вос-

точная и западная, уходят в землю, будучи выкопанными в горе, и только четвертая — южная строится из дикого камня и цементируется просто глиной или землей. Пол карадама этого типа--земляной, бывает на одном уровне со двором, вернее — площадкой на нижней стороне откоса, перед выходом. Рядом же с карадамом роется помещение для скота (пега), которое не имеет непосредственного сообщения с карадамом; только вход в него устраивается рядом с дверью карадама, для удобного сообщения зимою. Покрытие этого пега простое: он плоско покрывается бревнами и сучьями, поддерживаемыми беспорядочно расставленными столбами. Если можно по холму узнать местоположение карадама, то совершенно незаметно пега, который совсем ушел в землю и оброс травой и бурьяном.

К некоторым благоустроенным карадамам пристраивается над дверью небольшой навес (чардах), который поддерживается рядом столбов. Никакой огорожи двора не делают (таб. III, 1, V, 1).

Для постройки карадама не обязательна отлогость местности. Встречаются карадамы, построенные на ровном месте, благодаря чему, несколько изменяется внешний вид этого типа карадама. Уровень пола равнинных карадамов опускается ниже уровня земли, но не очень глубоко, и приходится поды-

мать стены над уровнем земли (хотя снаружи стен не видно). Поднятие стен увеличивает высоту крыши, чем и отличается он от карадамов, устроенных на откосе, хотя принцип постройки и внутренний вид его остаются теми же. Карадамы на равнине не имеют передней стены и представляют из себя строение конусообразной формы с круглым основанием, в котором сделано выходное отверстие, как бы вход в небольшой туннель, который спускается вниз и заканчивается дверью жилища. (таб. I,1). Для того, чтобы в это отверстие не падал дождь и снег, над ним ставится иногда небольшой навес, который держится на двух столбах (рис. в тексте).

Внутренний вид жилища производит еще более гнетущее впечатление. В более бедных землянках стены камнем не выложены, а представляют собою естественный обрез земли и, если и обкладываются камнем, то неотесаным. Никаких ниш и карнизов в стенах не делается. Скудная посуда ставится на две примитивные полки, сделанные из широких досок, поставленные в почетном углу, которым считается один из углов на северной стороне, против двери. Под полками ставится сундук, на который складывается бедная постель. В другом углу северной стороны хранятся запасы продовольствия. Посреди комнаты, под баджой (дымоходом), устраивается очаг (оджак). Это небольшая ямка, выложенная внутри камнем. Такая землянка лучше сохраняет тепло в зимнюю стужу, если на ночь баджа закладывается и на дверь навешивается ковер (таб. V, 2).

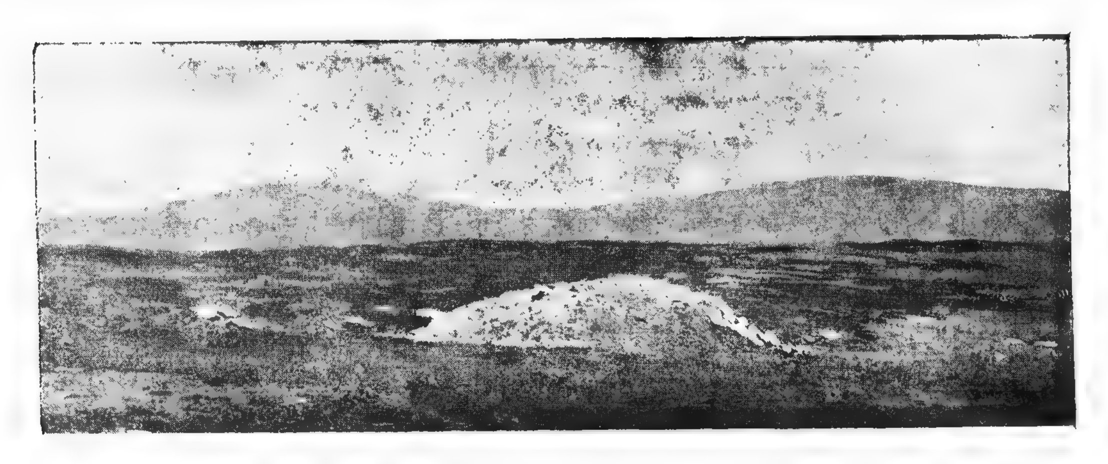
С уменьшением лесов, карадам начинает изменять свою основную форму и приспособляться к недостаче строительного материала. Крыша его опускается, число квадратов уменьшается, встречаются уже такие жилища, которые даже нельзя назвать карадамом, так как они имеют почти плоскую крышу. Для стока воды крыша этих жилищ делается несколько покатой. Иногда покатость эта бывает двусторонняя. Последнее достигается тем, что срединнсе бревно, соединящее две противоположные стены, несколько приподнимается. В дальнейшем развитии этой постройки две противоположные стены, всегда западная и восточная, посредине заканчиваются подпорками, на которых утверждается бревно. Верхние края южной и северной стен покрываются бревнами, идущими параллельно бревну, соединяющему верхние концы углов восточного и западного. Расстояние от этого верхнего бревна до южного и северного заполняется двумя рядами пэрдэ и покрывается землею, как крыша карадама. Таким образом, получается землянка с крышей, покатой с двух сторон. Сначала стены таких жилищ устраиваются так же небрежно, как стены карадама. Но в дальнейшем, стены, на которые, в отличие от карадама, опирается крыша, делаются из обтесанных камней и более или менее цементируются.

Так как в постройках такого типа нет возможности устраивать дымоход в средине крыши, ибо там проходит основное бревно,—баджа и очаг переносятся в стену: отсюда, по моему, берет свое начало наш крестьянский камин (бухара). Для света же в южной стене устраиваются отверстия, раз итие которых приводит к окну. Постепенно развиваясь далее, эти жилища, имея стены, сделанные из обтесанных камней, больше не нуждаются в опускании в землю; они выходят из нее и принимают вид избы. Изменяется и покрытие. Земля является уже плохой защитой от дождя, и крыша этих

жилищ покрывается черепицей. Эти жилища, несколько неуклюжие и окончательно не выработавшие свою форму, являются здесь все-же последним словом жилищного строительства. Дверь и окно устраиваются на южной стене, в других стенах никаких отверстий не делается, вероятно, вследствие сохранения старых традиций, когда все стены, кроме южной, упирались в землю.

2. Отношение айрумского карадама к жилищам-могилам курганных погребений.

Карадамы имеют разительное внешнее сходство с могильными курганами, и именно курганами в этих местностях. Если вы смотрите на селение айрумов с северной стороны, откуда не видно дверей, они производят впечатление курганного поля. Это, конечно, относится не ко всем селениям, а только к находящимся в глухих местах и непосредственно вблизи лесов, где карадам сохранил свою основную форму. В отселке Кабахтепе, расположенном на курганном поле, трудно различить,

представляет ли данный холм жилище-карадам или могильный курган. Нужно обойти вокруг насыпи и, только увидав дверь, можно сказать, карадам это или курган. Это внешнее сходство позволяет надеяться, что удастся найти и внутреннее сходство,—сходство в технике построения; в дальнейшем, может быть, удастся указать и сходство в назначении и, связав карадам с курганом, выяснить форму жилища древних обитателей. Что до-исторические могилы ведут свою форму от древнего жилища, на это уже давно указывалось. Это—следствие веры древнего человека в загробную жизнь: покойнику устраивали жилище-могилу со всеми, необходимыми ему в потусторонней жизни удобствами. Некоторые могилы сохранили свой первоначальный характер—жилища для потусторонней жизни, жизни, похожей на реальную жизнь. По этим погребениям и инвентарю мы можем судить о культурно-экономическом состо-

янии население того времени. Могильные формы и погребения также изменяются, развиваясь, но иногда застывают в каких-нибудь обрядовых формах. Так, напр., каменные стрелы, которые мы находим в могилах в эпоху развитого железа, указывают не на то, что в этот век употреблялись каменные стрелы, а на то, что каменные стрелы стали аттрибутом погребения. В курганах киевской губ. плоская крыша с насыпью опирается на 9 столбов, из которых 8 поставлены по углам и по сторонам стен и только 9-й стоит посредине. Эти погребения дают всю картину реального жилища, на что указывает посланный на полу могилы ковер.[1]

Особенностью могилы-жилища является то, что в него покойник не опускается сверху, а вносится через вход, как в дом. Каменные курганы Ходжалов дают такую картину: могильная камера представляет из себя удлиненный прямоугольник, размером 5×3 м., покрытый сверху брусьями. После совершения обряда погребения, входное отверстие, расположенное в могиле, в юго-восточной стороне, закладывалось громадным плоским камнем, и затем уже вся могила сверху засыпалась речным булыжником (раскопки Т. Пассек и Б. Ластынина).

Земляной курган, раскопанный И. Джафар-заде в тех же Ходжалах, обнаруживает под насыпью, повидимому, широкую камеру, покрытую бревнами, в которой скелет оказался не в средине, а в стороне.[2]

И некоторые ганджинские курганы представляют собою могилы-жилища.[3] Но тут костры, которые устраивались во время тризны, разрушали, главным образом, крышу могильной камеры, которая имеет для нас особенный интерес. Все-же оставшиеся от разрушения части дают возможность уяснить характер постройки. Например, в кургане № 9 раскопки Реслера, „на глубине 1,32 метра обнаружились остатки костра, который находился на обугленном помосте, состоящем из 4 дубовых громадных бревен, образующих четыреугольник, который был заполнен более тонкими жердями и досками". Или (курган № 4): „под слоем костра тризны, толщиной 0,65 м., была настилка из обгорелых исполинских бревен толщиною 0,65 м. По углам могильной ямы стояли дубовые столбы, немного выступавшие над слоем бревенчатого помоста, в верхней части могилы была желтая глина, в средине—второй слой бревен, частью обугленных, расположенных вкось и горизонтально... Покойник, очень большого роста, лежал в вытянутом положении... череп был окрашен желтой краской".

---

1) „Изв." имп. арх. ком., вып. 14, Бобринский А. А.—Отчет о раскопках, произведенных в 1903 г. в чигиринском уезде киевской губ. Стр. 1—43.

2) „Сообщения" госуд. акад. ист. мат. культ. I. Мещанинов И. И.—Крат. свед. о работ. экспед. в Наг. Карабах и Нахичев. край, стр. 223—24

3) Изв. И. А. К., вып. 12, „Археологические изследования Э. А. Реслера", Стр. 36—60.

Это описание разреза могилы дает нам возможность уяснить себе обряд погребения. Засыпка могилы и тот ее вид, который дошел до нас, получились не сразу: после погребения покойник некоторое время (достаточное, чтоб обнаружить кости, ибо, по описаниям, череп окрашивался) лежал в могильной камере-жилище, имевшей крышу из поперечно положенных друг на друга бревен, покрытой жердями и досками и даже засыпанной, может быть, как карадам, землею. Несмотря на то, что расстояние между стенами небольшое (2—3 м.), и крыша вполне могла держаться на этих толстых балках,—по какой-то традиции в некоторых могилах эти крыши опираются, как в карадаме, на четыре столба. Когда по покойнику устраивалась тризна (повидимому, годовые поминки), на крыше погребения разводились костры, от которых крыша загоралась, а, может быть, и нарочно поджигалась. Тогда более тонкие верхние бревна обрушивались в могилу, и эта обуглившаяся и обвалившаяся часть крыши составляет второй слой могилы.

После тризны, повидимому, вся эта могила засыпалась землею, а, может быть, она заносилась веками, образуя курганы в том виде, в каком они сохранились до нас.

Приведенные примеры показывают, что в постройке курганных погребений и карадама есть много общего; можно бы сказать,—принцип постройки один, но полной аналогии мы проследить не можем потому, что, во-первых, курганы сильно разрушены, а во-вторых, нам неизвестно, как могли измениться за эти тысячелетия карадамы.

Интересная деталь: во многих курганах покойник кладется на северную сторону камеры,—может быть, почетную, как и поныне считается она почетной в карадаме.

3. „Нейра" у айрумов.

Нейру (маслобойку) айрумы выделывают, главным образом, из дерева—ивы и липы. Это кусок целого бревна, длиною в ,10 м., окружностью 1,30 м., выдолбленный внутри, закрытый с обоих концов и только посредине сбоку имеющий продолговатое отверстие, длиною 11 сант., для наливания молока. Вместимость такой нейры бывает до 4 батманов (батман—местная мера, весом 61/2 килогр.). Она применяется при сбивании масла из кислого молока (катых), разбавляемого, в зависимости от времени года, горячей или холодной водой, для поддержания известной температуры, при которой сбивается масло. Чтобы процесс сбивания был быстрее, в нейру кладется небольшая оструганная палочка, наз. чилинк, которая, болтаясь, ускоряет сбивание масла. Этот чилинк нужно вырезать из дерева емшана, растущего от деревни настолько далеко, чтобы туда не доходил крик петуха. Нейра в этих местах не подвешивается ку-

да-либо на гвоздь, на балке потолка, перекладине двери и т. д., а имеет специальную подставку (хача, чатма), на которой подвешивается во время сбивания масла. Эта подставка состоит из трех шестов с крючьями в виде треножника, связанного, приготовленной домашним образом из шерсти, веревкой (сиджим или ӧркан) длиною 9 метров. Веревка-сиджим связывает шесты в их верхнем основании у крючьев, опускается двумя большими петлями на одинаковый уровень и охватывает ими нейру в ее выемках с обоих концов. Нейра раскачивается одной или двумя женщинами, пока не собьется масло. Молодые хозяйки свою подставку чатму иногда украшают разноцветными шерстяными кистями (таб. I,2).

Со сбиванием масла иногда связаны некоторые суеверия и легенды. Напр., для предохранения от дурного глаза, на нейру навешиваются всякие ладонки (дуа). Однажды женщина, раскачивая нейру, к своему ужасу увидела, что при сбивании масло не отделилось сыворотки (айран), а все молоко обратилось в масло. Она указала на это мужу, который посоветовал ей внимательно осмотреть масло. При промывании масла, она нашла в нем какой-то отросток, в котором ее муж (он был мулла и понимал толк в таких вопросах) признал отросток рожек змеи. Поэтому, существует поверье, что, если достать рожки змеи и положить их в нейру, то все молоко обратится в масло. Существует также другой способ увеличить процент прибыли масла—это написать „дуа“ (молитву), называемую сютыган, т. е. собиратель молока. Эти молитвы (джаду) имеют силу, все сбиваемое по деревне из молока масло собирать только в ту нейру, к которой прикреплена эта молитва. Сбивающие масло, чтобы противостоять силе этой молитвы, при малейшем подозрении, стараются сбивать масло не в те часы, когда сбивает его подозреваемая нейра или-же, в свою очередь, прикрепляют на нейру молитвы, защищающие от всяких чар.

IV. О происхождении айрумов.

Очень интересен и, в то же время, очень сложен вопрос о происхождении айрумов. В антропологическом отношении айрумский народ не дает цельной картины. Наряду с типом, который мы описывали в начале статьи, встречаются айрумы, как напр., в селении Кабах-тэпэ, со светлыми волосами и голубыми глазами. Айрумский карадам, несомненно, является жилищем оседлого народа и связывается мною даже с курганным погребением этих районов, что указывает на древнее происхождение. Но в то же время айрумы, наряду с карадамом, пользуются чисто тюркскими алачигами-кибитками (таб. IV,2).

Нейра-маслобойка, в связанных с нею легендах и суевериях об‘единяется с мифологией Кавказа, но ее подставка-тре-

ножник указывает на ее подвижность и приспособление к кочевой жизни тюрок.

Такую раздвоенность можно проследить во всей материальной и духовной культуре айрумов. Несомненно, тут много нового, тюркского, но под этой пришлой культурой чувствуется другая, более древняя, именно—местная. В связи с этим, очень важно и интересно проследить это культурное взаимодействие и наслоение и найти его источник. Вопрос о происхождении айрумов не так прост, как думает Бахарлы, который считает айрумов за тюрок, потому что „айрумы" или „эль-румы", это значит—племя из Рума (Анатолии), и поселились они в Азербайджане после падения конийского султаната сельджуков в 1301 году. Бахарлы не указывает, каким образом понятное тюркам слово „эль" они переделали в „ай". Указывая далее на расселение айрумов в Азербайджане, Бахарлы говорит, что они заняли районы Ганджи, Карабаха, и даже шахсеванов он считает за айрумов. Но, несмотря на все мои попытки найти в этих областях, кроме севера Гокчи, в названиях племен и селений, слово „айрум",—это не удалось. Повидимому, это слово присуще только северу Гокчи. Кроме айрумов, говорящих на тюркском языке, есть айрумы, говорящие на армянском. Вопрос идет не о самом слове „айрум", а о происхождении айрумского народа, как результате исторических и экономических культурных взаимоотношении. Что тюрки здесь застали народ с армянской культурой и религией, указывает то, что во многих селениях, посещенных нами, мы находили остатки армянских храмов и кладбищ; интересно, что до сих пор эти остатки старины сохранились нетронутыми и население чувствует какое-то уважение к ним.

Если мы обратимся к древней истории Армении, мы увидим, что, действительно, некоторые армяне назывались айрумами. „Со времени халкедонского собора, бывшего в 452 году, множество армян приняли обряды церкви греческой и число их более и более возростало до конца 12 столетия. Эти, присоединившиеся к церкви греческой, армяне известны в истории под именем хай-хором, т. е. армяно-греков".[1]

Области, составляющие теперь советский Азербайджан,[2] по

---

[1]) Худабашев А.—Обозрение Армении, стр. 386.

[2]) То, что древние авторы одну и ту же область теперешней республики называют разными именами, как-то: Агвания, Албания, Аран и даже Шемахия, по моему мнению, об'ясняется так: европейские источники называют эту страну Албанией, исходя, главным образом, из похода Помпея: Помпей, завоевав Иверию, через Камбизиану (Ширакская степь) направился далее по левому берегу Куры, встретив первую страну—Албанию. Это наименование европейские источники относят ко всему восточному Закавказью. Армяне, распространяя свое религиозное влияние через Эчмиадзинский монастырь, для которого ближайшей страной была Агвания, начинают говорить и обо всейстране, как обАгвании.

Арабы, начиная свои походы с Экбатаны-Хамадана, через Ардебиль и Аракс, вышли в Мильскую степь, взяв город Байлакан и провинцию Мец-Иран или Мец-Аран, входящую в область Пайтакаран. По названию первой провинции,Мец-Аран, они всю эту область называют Араном. Наконец, русские источники, говоря о Шемахии или о

армянским географам,[1] в древности назывались: Чога или Чора, или Джора,—так назывался дербентский проход, но область, повидимому, захватывала и часть Ширвана. От нее на запад, до Алазани, а иногда до Иоры, находилась область Лбиния или Албания, расположенная вся на левом берегу Куры. Мильская и Карабахская степи, с прилегающими горными местностями, составляли область Пайтакаран состолицей в Байлакане. Наконец, область Агвания обнимала Ганджу, Шамшадиль, Борчалу и Сомхетию.

Этими четырьмя областями не исчерпывалось все пространство теперешнего Азербайджана: это были главнейшие, и границы их, повидимому, были не постоянны. По Страбону мы знаем, что Азербайджан заселялся многочисленными племенами, число которых доходило до 26-ти. Из этих областей больше всего нас интересует Агования, расположенная к северу от Гокчи, с „зимней столицей в Халхале на границе Иверии"[2] Повидимому, эту же область имеет в виду и Картлис-цховреба, когда говорит о стране Сомхетии, союзнице Картлии, со столицей со сходным названием Килькила, „где царь имел зимнее пребывание.[3]"

Близкая к армянскому религиозному центру—району Арарата, Агвания должна была чувствовать влияние армянской церкви. Блаженный Месроп здесь вел упорную борьбу[4] с язычеством и постепенно, под влиянием принятой религии, племена, населяющие Агванию, начинают терять свой язык и культуру, усваивая армянскую. Но Агвания, будучи соседней (Грузии), должна была также чувствовать на себе влияние Византии, и потому здесь имело успехи халкедонитство.

Халкедонское движение получило полную свободу в Агвании после того, как арабы разрушили сасанидскую империю, нанеся этим удар и престижу армянской церкви. Тогда агванская церковь переходит официально к халкедонскому исповеданию, и во главе этого движения становится агванский католикос Нерсес. Он совершенно отделяет агвано-византийскую церковь от армянской. Но армянский католикос Илья, желая подчинить агванскую церковь григорианской, обращается к халифу мусульман со следующим письмом: „Властителю Абдал-Мелику амир-аль-мумину от Ильи, католикоса армянского. От вседержителя бога досталось подчиненно стране нашей служить Вам и вместе с агванами исповедывать одну веру божественности христовой. Теперешний католикос агванский, сидящий в Партаве, условившись с императором греческим, поминает его в молитвах и принуждает страны наши соединиться с ним в вере. Да будет это Вам известно и не пренебрегайте этим, по-

---

Шемахане, исходят из торговых сношений, которые они вели с Ширваном.

1) „История Агван" Моисея Каганкатваци, стр. 362.

2) Там же, стр. 86.

3) Hist. de la Géor. ed. Brosset, I, 81.

4) „История Агван" Моисея Каганкатваци, стр. 70.

тому что у него есть соумышленница, женщина знатная: прикажите наказать их великой властью Вашей по достойным прегрешениям их и против бога“[1].

Халиф, прочитав это „искреннее письмо“, послал ему в помощь армию, и великий католикос армянский, во главе мусульманских войск, появляется в Партаве, чтоб искоренить „ересь“. Агванцы принуждены были выдать католикоса Нерсеса армянскому католикосу Илье, который жестоко расправился с ним. После всего этого, собор „избрал Симеона, мужа кроткого, и рукоположил его в католикосы агванские. Он прекратил в стране смуты Нерсеса, передал заблудшей церкви множество постановлений истинной веры. Он приказал бросить в реку Тертер в сундуках все книги Нерсеса, полные ересей, на месте своего летнего пребывания Бердакур[2]“.

Халкедонитское движение сыграло огромную роль в истории ближнего востока, главным образом Армении, хотя официальная армянская историография старается значение этого движения умалить[3]. Религиозный разлад, усиливаясь, приводит к тому, что халкедониты скорее переходят в другую веру, чем возвращаются в лоно армянской церкви. Агвания же, подпав под влияние халкедонского направления, культурно совершенно отрывается от основной Армении. Западная часть Агвании окончательно подпадает под культурное влияние Грузии и теряет свой язык; только нынешнее название области Сомхетии и сохранившиеся в пещерах остатки армянских церквей говорят нам о когда-то живших здесь агванах, ставших потом армянами, а впоследствии грузинами. Наименование же „хай-хоромы“ (армяне-греки), так называли халкедонитов остальные армяне, могло сохраниться за агванцами, принявшими этот толк, и преемственно дойти до нас в названии „айрумы“.

Из вышеуказанной выдержки мы видим, что одним из центров ереси в Агвании был Бердакур. По историческому армянскому словарю мехитариста Эприкяна, Бердакур был частью Арцаха, занимал нагорную полосу северной части Севанского озера, на востоке доходил до Тертера, а теперь называется Айрум.

Из „Книги завоевания стран“[4] Баладзори мы видим, что арабам пришлось подавить армянское восстание в области Урма или Урума и Белюкири. Тут автор, говоря об Уруме, повидимому, не имеет в виду города Урмии, о котором он говорит дальше, и транскрипция слова у него другая. Область Белюкири—это, повидимому, Бердакур, а что касается Урума, то он

---

1) „История агван“ Моисея Каганкатваци“, стр. 239.

2) Там же, стр. 241.

3) Записки В. О. И. Р. А. О., т. XVI, вып. IV. Марр Н. Я. „Аркаун“, монгольское название христиан, в связи с вопросом об армянах халкедонитах.

4) Баладзори, „Книга завоевания стран“, изд. О-ва обсл. и изуч. Азерб., стр. 26.

сохранился в названии речки Урум-чайли, Урум-базар-чай[1], начинающейся с восточного берега Гокчи и впадающей в Тертер.

Все эти выдержки показывают, что наименование айрум могло быть здесь, на севере Гокчи, до прихода тюрок, как племенное название или же название области[2].

Области, находящиеся на левом, северном берегу Куры, труднее поддавались армянской культуре. Вместе со своими набегами, северные народы в эти области заносили и свою культуру, и эти области понемногу начинают заселяться народами северного Кавказа, подпадая под их культурное влияние. Интересно путешествие агванского епископа Израила к царю гуннов, который приносит в жертву лошадей какому-то чудовищу, называя его Тангрыханом[3].

Это указывает на то, что большой процент северных народов были тюрки. Действительно, мы знаем, что, до появления в Закавказьи с юга сельджуков, тюркский элемент был, и он шел с севера. После появления в этих местах арабов, они, для подавления и усмирения этих краев, приглашают хазар, которые принимают ислам и заселяют даже правый берег Куры, в районе Шамхора (в 854[4]). После появления тюрок здесь, с юга, процесс отюрчивания края идет быстрым темпом.

Таким образом, на территории, ныне занимаемой советским Азербайджаном, создались две „националисты"—тюрки и армяне. Первые, занимая низменности, вторые, вытесненные в нагорную часть, должны были столкнуться в вопросе о пастбищах.

Форма хозяйства этих областей была скотоводческая, и тюрки, заняв прикуринскую низменность, должны были, по климатическим условиям, вести кочевое хозяйство. Теперь опровергается то общераспространенное мнение, будто бы тюрки занесли сюда кочевую форму хозяйства. Мы из халдских надписей[5] видим, что халдские набеги уносили отсюда добычу—сотни тысяч крупного и мелкого скота: за 8 веков до европ. эры в Азербайджане основная форма хозяйства была кочевой.

---

1) Пятиверстная карта АССР.

2) В районах Гокчи находился древнейший армянский монастырь „Айрымануш", от названия которого айрумы могли получить свое наименование. Описание монастыря см. „Акты кавк. археограф. комиссии", I.

3) „История агван" Моисея Каганкатваци", стр. 193. Из этого же описания видно, что некоторые гунны поклонялись деревьям: „Князь и дворяне почитали его (дерево) спасителем богов и жизнедателем, дарователем всех благ. Этим высоким густолиственным богам поклонялись, принося им в жертву лошадей, кровь их поливали вокруг деревьев, а голову и кожу вешали на сучьях деревьев". Остатки поклонения священным деревьям у нас сохранились и до сего времени в нухинском и закатальском уездах, именно в тех местах, через которые могли проходить и делать набеги северные народы. Несколько огромных деревьев, огороженных площадкой из обтесанных камней перед ними, считаются и до сих пор священными и служат местом сборища жителей селения Фильфили, где они проводят время в общественных беседах. Хотя эти деревья находятся в некотором отдалении от деревни, но всегда там можно найти группу сельчан.

4) Баладзори, „Книга завоевания стран", стр. 14.

5) Мещанинов И. И., „Халдоведение", стр. 34.

Хазары и гунны также делали набеги, „перейдя Куру и к берегам Аракса, собрали и увели в плен не только туземцев, но и из области Араратской, из страны сюниев, пришедшие на зимний корм стада овец и скота“[1]. Последняя выдержка показывает, что не только форма хозяйства была тогда кочевая, но, как и теперь, с Мильской и Муганской степей кочевники поднимались в Карабах и Зангезурские горы.

Что скотоводство здесь вели и не тюрки, указывает то, что последние всегда приспосабливались к условиям природы. В то время, как тюрки прикуринской равнины занимаются кочевничеством, тюрки района Нухи занимаются высшей формой хозяйства—шелководством, а тюрки Ареша, Нахичевани и др. —разведением риса с очень искусным орошением.

Тюрки, постепенно занимая низменность (мы теперь будем говорить только о ганджинском уезде), вытесняли армян, вернее не армян, как мы выше указывали, а народы, подпавшие под влияние армянской культуры и языка, отуречивали их и образовали, таким образом, тюркское население. Благодаря форме кочевого хозяйства, летом они должны были подниматься на летние пастбища, вследствие чего пастбищные места и низменность были захвачены тюрками. На пространстве от озера Гокча до берегов Куры создались формы хозяйства: кочевое зимнее, полуоседлое и кочевое летнее. Географические условия также способствовали этому, ибо правая стороны Куры, по своему топографическому положению, делится на три полосы: низменную, предгорную и нагорную. Нагорная и предгорная полосы пересечены ущельями, которые идут параллельно, по направлению с юга-запада к северо-востоку. Часть предгорной полосы покрыта лесами, за пределами которых нагорная часть 8-9 месяцев покрыта снегом и только летом освобождается от него. После таяния снега эти места покрываются сочными травами, представляя собой прекрасное пастбище, к которому тюрки с низменности поднимают свой скот. Предгорную же часть также можно разделить на две части: ущелья, которые тянутся со стороны Куры по скалистым горам, в начале—в виде узкого прохода, выводят к открытым плоскогорьям. Ущелья эти, иногда расширяясь, дают возможность поселения. Но здесь, за недостатком земли, можно заниматься только садоводством. На плоскости нагорной полосы можно заниматься только скотоводством, и то в небольшом количестве, из-за недостатка зимнего корма. Население этой области также кочует, но не далее, как на 5-10 километров от своих жилищ, причем скот выводят на теневую сторону гор, где трава менее выжжена. Целью этих переходов является, главным образом, желание выбраться из своих грязных землянок. Такой характер расселения сохранился,

[1]) „История агван“ Моисея Каганкатваци.

судя по виденным нами армянским церквам до XVII века (таб. VI, 1), когда пришли сюда тюрки, вернее, когда были отюречены эти предгорные части. Сами айрумы об этом рассказывают следующую легенду: „В тех местах, где теперь живут они, были когда-то армяне. Через землю этих армян проходили кочевники тюрки с низменности на летние пастбища. Кочевники, доходя до местечка Себет-паши (повидимому, граница земель тюрок и армян) должны были надевать на голову всего скота „себет", т. е. корзинку, чтобы скот, проходя по земле армян, не делал потравы. В месте Себет-кечмез скот освобождался от этих корзинок. Однажды одна корова вернулась обратно и попала на землю армян, где и отелилась. Армяне корову задержали, а пришедшего за коровой ее хозяина повели к своему мелику. Мелик наказал его, сняв с его спины кожу размером на два „чарыка" (лапти). Наказанному удалось бежать и он пришел к хану ганджинскому, кочевавшему на этих местах,—на эйлагах. Тогда хан разрешил лезгинам разорить армян, после чего армяне здесь были уничтожены".

Выше мы указывали, что памятники армянские здесь нас доводят до конца XVII века. Из этого усматриваем, что исчезновение и отуречивание армян происходило в течение XVIII века, так как в конце XVIII века в Закавказьи прочно появляются русские войска и устанавливаются новые порядки. Мы можем точно указать дату, когда были тут особенно смутные времена, – это восстание армян от 1722 по 1728 год. Восстания продолжались до заключения Россией мира с Надир-шахом в 1735 году.

Выше мы указывали, что до конца XVII века в этих районах, т. е. в районах к северу от озера Гокчи, жили армяне, вернее не армяне, а древнейшие аборигены этих местностей, принявшие армянскую культуру и язык. Во многих деревнях зурнабадского района наша экспедиция обнаруживала памятники, указывающие, что в этих местах жил народ, исповедывающий армянскую религию. Повидимому, какие-то грандиозные события обрушились на этот край, изменив его культурно-национальный и религиозный облик.

Действительно, XVIII век был для ближнего востока особенно неспокоен. Чтобы об'яснить себе причины этих смут, мы должны вернуться к истории персидско-турецких войн.

Первая схватка между османами и сефевидами кончилась победой турок-османов, и Азербайджан как персидский, так и закавказский, достался османам. В руках персов остался только один Ардебиль, столица сефевидского государства, зажатый между владениями османов в Азербайджане и болотами Талыша и Гиляна. Такое стратегическое положение его было не-

удобно для столицы большого государства, и потому шах Аббас перенес столицу в Испагань и начал готовиться к борьбе с османами.

Шах Аббас I, как известно, старался развить в стране торговлю, для чего устраивал мосты, дороги, караван-сараи; он сосредоточивал торговлю в Испагани, откуда хотел вывести к берегам Персидского залива, где, при содействии англичан (Ост-индская компания), основал порт Бендер-Аббас. Особенно в это время была выгодна торговля шелком из-за которой европейские торговые государства вели между собой борьбу. Этот вывоз шелка из персидских областей был в руках армян, и центром этой торговли (главным образом кавказского шелка) была Джульфа на Араксе.

Некоторые историки, указывая на разрушение Джульфы и приараратской равнины, считают, что причиной этого было желание шаха Аббаса сделать эту страну пустынной и тем воспрепятствовать туркам-османам делать набеги через эту область.

Но причина была более глубокая, именно—разрушить тот центр, через который армяне Джульфы вывозили через Турцию шелк в Европу. Тут была борьба двух европейских торговых государств—Англии (Ост-индская компания) и Венеции из-за направления торгового пути шелка. Разрушив Джульфу на Араксе, шах Аббас основал новую Джульфу около Испагана и в дальнейшем заботился и пекся о жителях этой новой Джульфы. Можно предполагать, что выселение Аббасом жителей Кахетии в Персию и заселение пограничных грузинских областей тюрками, было следствие той же причины—торговли шелком. Север Куры, Ширван и Шека, имел самостоятельную торговую связь с берегами Черного моря через Грузию. Повидимому, эту связь хотел прервать шах Аббас своими опустошениями Кахетии.

Конечно, все эти искусственные мероприятия оказались нежизненными, и после смерти Аббаса вся эта система развалилась сама собой. Действительно, было бессмысленно отправлять товары в Европу, огибая Африку, когда был ближний путь.

В то же время начинает восстанавливаться древний торговый путь—Волга—Великий Новгород к берегам Балтийского моря. После захвата Иоанном Грозным начала этого пути, Новгорода, сразу же стал на очередь захват Казани и за ним Астрахани.

После восстановления этого, так называемого арабского торгового пути, связь армян с Россией все время усиливается, и армяне начинают возлагать надежду на Россию, как освободительницу. Это освободительное движение особенно усилилось

при Петре Великом, победа которого над шведами сделала Россию сильной державой.

В 1678 году тайное собрание эчмиадзинских монахов решило отправить делегацию к христианским монархам в Европу, чтоб обратить внимание на безвыходное положение армян, находящихся под игом мусульман[1]. Нужно сказать, что европейские государства часто обращались к шаху персидскому с просьбой об улучшении положения армян. Но, под видом этой христианской добродетели, скрывалась иная цель, а именно: европейские государи-католики просили облегчения положения только армян-католиков, чем давали возможность католическим миссионерам и иезуитам вести успешную борьбу в Армении с армяно-григорианской церковью. Часто на такие обращения католиков персидский шах отвечал благосклонно, благодаря чему усиливались иезуиты, которые даже в Эчмиадзине сумели открыть свою школу[2]. Венеция также часто заступалась за армян, но в этом заступничестве также было мало альтруизма. По настоянию Венеции Турция начала войну с Персией, которая препятствовала армянским купцам ввозить товары через Турцию. В этой торговле сильно была заинтересована Венеция, в руках которой была сосредоточена вся торговля союзной ей Турции.

Исраиль Орий, делегат эчмиадзинск. мон., продолжая свои посещения европейских столиц, попадает к Петру Великому. Петр Великий обнадежил Исраиля Ория, дал ему обещание поддержать армян и предложил ему готовиться к восстанию[3]. Центром этого восстания был Канцазарский монастырь в Карабахе. Из всех армянских областей, карабахские области сохранили некоторую самостоятельность, благодаря тому, что все походы как персов, так и турок в Закавказье, проходили мимо Карабаха. Турки, начиная свои походы около Карса, направляли свой удар прямо через Ганджу на Ширван, с захватом которого, все области, лежащие на запад от Ширвана, как шекинское ханство и Грузия, доставались им без боя. Персы, начиная свои походы с Ардебиля, шли обычно через Мильскую и Карабахскую степи, направляли свой удар на Грузию, на Тифлис, с захватом которого, все области, лежащие на восток от него, доставались им без боя и кровопролития. Вот каким стратегическим моментом об'ясняется кровожадность персов в отношении Грузии и опустошения турками Ширвана.

Эти два боевых направления пересекаются в Гандже, которая, не будучи почти никогда самостоятельной, часто переходила то к персам, то к туркам. Карабах, благодаря своей го-

1) Эзов Г. А.—Сношения Петра Великого с армянским народом, стр. XX.
2) Там же, стр. XIII—XVIII.
3) Там же.

ристости, почти никогда не был ареной этих боев, но когда затем Шуша была укреплена, персидским шахам иногда приходилось делать маленький крюк для овладения этой крепостью. Но и это также не затрагивало Карабаха, где сосредоточивалась армянская мощь.

В конце XVII и начале XVIII века в Персии происходили особенно большие смуты. Кровопролитные персидско-турецкие религиозные войны нанесли обоим сторонам непоправимый вред, опустошив пограничные области, Ирак и Азербайджан, игравшие в экономической жизни Персии большую роль. Эти же бои нанесли удар мощи и авторитету этих государств, значительно ослабив их. Мелкие пограничные народности Персии, которых в повиновении держала сила оружия, также вмешиваются в эту длительную междоусобицу и производят опустошение страны. В центральной Персии особенную опасность представляли афганы, главарь которых, Мир-Вейс, даже претендовал на престол Персии. В Закавказьи же это ослабление Персии и Турции дает возможность горцам северного Кавказа делать безнаказанно набеги на Закавказье и производить большие опустошения, главным образом, в христианских областях. Целью набегов был обыкновенно захват пленных, которыми оживленно торговали на берегах Черного моря.

После полтавской битвы Петр все время упорно готовился к захвату каспийского побережья, дла чего теперь было особенно благоприятное время. Безвластие в Персии и междоусобица поставили Персию в беззащитное положение, чем Петр воспользовался и заключил в 1710 году с джульфинскими армянами, с согласия персидского шаха, конвенцию, чтобы они весь персидский шелк привозили только в Россию, за что им оказано было пошлинное облегчение. Дальнейшее углубление смуты и двоевластие в Персии, борьба афганца Мир-Махмуда с шахом Гусейном, увеличили домогательства Петра, который требует еще больше прав и преимуществ в персидской торговле. Российское правительство на всякий случай ведет одновременно переговоры как с „бунтовщиками"-афганами, так с законным претендентам на персидский престол. Все же, симпатии русского правительства были на стороне сефевидов, ибо при восторжествовании афганов-суннитов в Персии, на религиозной почве, они должны были заключить союз с Турцией, что, конечно, было нежелательно России.

Турки, не имея реальной силы, чтоб выступить для захвата западного побережья Каспийского моря, для препятствования вывозу персидского и закавказского шелка в Россию, прибегли к помощи лезгин, которые захватывают Шемаху и грабят русских купцов (1720 г.).

Повидимому, турки, кроме военного нажима, предоставили какие то привилегии армянским купцам, вследствие чего армяне часть шелка начали вывозить опять через Турцию. Для наказания армянских купцов, в 1719 году, Петр отменяет все привилегии, которые были Россией предоставлены этим купцам. Это было сделано еще потому, что после заключения договора 1718 года, по которому Персия без того обязана была ввозить персидский шелк в Россию, Петр надеялся теперь обойтись без армянских купцов. Но, после разгрома лезгинами Шемахи, стал вопрос о вооруженном вмешательстве в персидские дела, и России нужно было иметь союзников в Персии. Тогда опять Петр возвращает все привилегии армянским купцам и начинает готовиться к походу в Персию.

„22 марта 1720 г. Волынский назначен губернатором в Астрахань и получил указ делать тайно приготовления к персидскому походу; узнавать подробнее всего обстоятельства, до тех персидских провинций касающиеся и склонять карталинского царя Вахтанга и прочих христиан к пользам России, уверяя их в благорасположении Петра I и, обнадеживая их в государственном покровительстве“[1].

Выше мы указывали, что из всех армянских провинций, только Карабах сохранил свою мощь; там сохранились мелкие феодальные мелики, которые подчинялись то персидским, то турецким наместникам и, кроме того, множество монастырей, имевших форму феодального хозяйства и желавших религиозного и политического освобождения. Через армянских купцов, ведших торговлю шелком в России, Петр подготавливал тайно восстание в Карабахе.

Петр Великий прибыл в Астрахань и опубликовал манифест на персидском, турецком и татарском языках, где, конечно, оказывалось, что он пришел сюда не для завоевания, а чтобы наказать бунтовщиков. Петр уведомил царя Вахтанга о выступлении своем в поход, присовокупляя: „Думаем, что Вам эта ведомость приятна будет и Вы, для пользы христианства, по ревностному своему обещанию, с Вашими войсками к нам будете“.

Известно, что Петр лично не сумел довести до конца поход. Из Дербенда он должен был вернуться назад, вследствие некоторых смут в Москве и разногласий в сенате.

В ожидании Петра, Вахтанг собрал войско из армян и грузин, прибыл к мосту на р. Храме, куда прибыли армянские войска под начальством своих меликов. Встреча этих двух армий была обставлена очень торжественно, и предполагалось пойти навстречу Петру-освободителю. Армия эта ждала около двух месяцев: воз-

---

1) Бутков.

вращение Петра в Москву произвело на нее удручающее впечатление и было моральным ударом для восставших.

Смута в Персии достигла своего апогея тогда, когда Мир-Махмуд ослепил персидского шаха Хусейна, почти уничтожив всю фамилию сефевидов в Испагани. Спасся наследник Тахмасп, начавший укрепляться в Ардебиле. Тогда русское правительство предложило Тахмаспу свою помощь, взамен чего потребовало прибрежные каспийские области. Тахмасп ухватился за это спасительное предложение и согласился на все условия.

Все эти мероприятия России серьезно встревожили Порту. Она также начала занимать персидские провинции на Кавказе Петр тогда предложил Порте заключить договор, в силу которого оба правительства разделили персидские провинции Закавказья между собою.

После возвращения Петра в Астрахань, армянско-грузинское войско разошлось, и армяне укрепились в гористых местностях Карабаха, Зангезура и Капана. Началась кровопролитная партизанская война с турками. Армяне с успехом защищались и боролись против турок, нанося им иногда чувствительные поражения, задерживая их движение к прикаспийским провинциям, которые турки имели в виду вырвать из рук русских.

Петр все время писал царю Вахтангу и карабахским армянам, чтоб они держались, обещая в следующем году им свою помощь и защиту. Конечно, этой защиты он не оказал, боясь осложнений с Турцией, которая все же была в это время сильной державой, а поражения и результаты прутского похода все же были памятны. Первым делом, Турция обрушилась на Грузию и царь Вахтанг должен был удалиться в Россию, о чем он писал астраханскому губернатору Волынскому, который именем монарха обещал помочь и принять его в Астрахани. Петр негодовал на это разрешение, но принужден был исполнить обещанное. Что же касается армян, то положение их было отчаянное: теснимые с одной стороны турецкими войсками, с другой—набегами лезгин, которые теперь имели законное основание грабить и брать в плен армян, они взывали к Петру о помощи, посылали к нему делегатов, которых Петр принимал очень любезно, наделял их чинами и подарками, но помощи никакой реальной не оказывал. Вскоре обнаружилась одна очень неприятная сторона похода—это то, что русские войска начали гибнуть от климатических условий. Почти 90% армии все время болело и 50—60% погибало, в то время, как от боев погибло всего не более одного или двух процентов.

Петр старался предотвратить или уменьшить это новое несчастье, подробно входя во всякие мелочи. Для заселения этих областей он направил сюда инородцев—татар, чувашей и

проч., которые, повидимому, также все погибли. Единственную возможность для закрепления русского владычества в прикаспийских областях он видел в удалении отсюда не-христиан и заселении этих областей армянами. Так, писал он генералу Матюшкину: „Стараться всячески, чтоб армян призывать и других христиан, если есть, в Гилян и Мазандаран оселять, а бусурман зело тихим образом, чтоб не узнали, сколько возможно убавлять". „Если Порта (писал Петр своему посланнику Румянцеву), захочет перезвать к себе бусурман из приобретенных нами от Персии провинций, то нам это не будет противно".

„В течение 1728 года открыта в Баку измена. Проведали, что юзбаша Дерга-Кули со своими кизил-башами намерение имеет изменить. Напавши на российский гарнизон, всех хочет побить, для чего переписывался с Давуд-беком". Измена была открыта. „Юзбаша и знатнейшие его сообщники ушли в протекцию Порты, а другие взяты под караул. Некоторые осуждены на смерть, а прочие все, включая только некоторых бедных людей, не имевших участия в сем преступлении, посланы в Россию и через то сей город весьма опустошен, остались почти одни индейцы да армяне". Положение в Гилане было не лучше: окрестные жители, восстав против русской оккупации, делали частые набеги на Раще (Решт) который с трудом приходилось отстаивать. Вот такое положение русской армии в прикаспийских областях принудило Петра настойчиво звать армян для заселения этих областей. Но положение армян с каждым годом становилось отчаяннее. Восстание армян не носило характера только борьбы с персидско-турецкими войсками и даже борьбы с местным ханом; мы видели, как Петр придал этой борьбе совсем другой оттенок—борьбы религиозной, борьбы за освобождение христиан от ига мусульман.

Мы знаем о кровопролитнейших боях под религиозным знаменем - борьбе сефевидских шиитов с османами-суннитами; мы знаем борьбу за Тавриз, когда в защите города участвует все население, включая женщин и детей и при взятии вырезывается поголовно все население. Но эта религиозная борьба не похожа на религиозную войну, которую поднял в Закавказьи Петр, ибо шиитско-суннитская борьба происходила внутри одной нации, турок-кизылбашей с турками-османами. Но, восстановляя „бусурман" против христиан в Закавказьи, Петр положил начало междунациональной борьбе в Закавказьи Положение осложнялось еще тем, что во главе восставшего армянского народа стояли феодальные мелики и духовенство. Эта аристократия, как духовная, так и светская, вместо того, чтоб об'единиться с бесправными тюрками для борьбы против персидско-турецкого деспотизма, натравливала армянское крестьянство на такое же бесправное тюркское крестьянство, наде-

ясь получить земли тюрок после их уничтожения. Такой характер восстания и был причиной неуспеха его, т. к. это подняло все мусульманское население Закавказья против армян.

Выше было указано, что смуты в Персии и Закавказьи давали возможность дагестанцам делать набеги на Закавказье, главным образом, на Грузию, для захвата пленных, которыми шла оживленная торговля на берегах Черного моря. Эти набеги почти не затрагивали армянских областей, ибо, при нападении лезгин на армян, защитниками армян часто являлись ханы, которые были заинтересованы в защите своих крестьян. Но после восстания, конечно, этой защиты больше нет, и лезгины, пользуясь этим, начинают делать глубокие набеги на Карабах. Турки-османы направляют сюда войска подвластного им крымского хана,—в общей сложности до 100 тысяч человек: крымские войска грабят деревни и уводят в плен жителей, но при встрече с Надир-шахом разбегаются. Привожу заявление одного из делегатов карабахских армян к Петру Великому: „Кевга Челебы просит: что тому уже четвертый год, как во время разорения армян от лезгинцев, взяли у него, кевги, в полон домашних его 19 человек".

Не в лучшем положении были армяне нухинского уезда. „Третий (делегат) армянин, поп же, Петр, житель ширванской провинции, шамахинского уезду, из волости (зовомой Кабалы, которая за Шемахою день езды, (сказал, что) послан он от тамошнего армянского народу, которого около 10000 будет, ко двору его императорского величества, просить его величества протекции, понеже их, армян, всех тамошние ширванские бусурманы привели насильно в свою веру и церкви их армянские пожгли, и хотя они армяне принуждены от страху явно бусурманскую веру держать, однакож по ночам тайно молитву по христианскому закону отправляют, и для того желают от той бусурманской неволи избавления; выехал он Петр из Шемахи вместе с помянутым попом Антонием."

Особенно безнадежно было положение армян, живущих к северу от озера Гокчи. Имея в тылу озеро и непроходимые горы, они были оторваны от основного ядра Карабаха и ни откуда не могли получить помощи. Повидимому, тогда было уничтожено христианское население окрестностей Ганджи: оно или было уводимо в плен, или должно было принимать ислам, как в нухинском районе.

С принятием мусульманства, армяне, по крайней мере, были обеспечены от невольничества. Повидимому, предгорные части ганджинского уезда были разгромлены, а нагорные, заселенные айрумами-армянами, должны были принять ислам. Из этих айрумов-армян только часть сохранила свою религию, будучи

ближе к Карабаху и под его защитой — это к северо-востоку от Ганджи в районе Аджи-кенда.

После смерти Петра, когда выяснилось, что карабахские армяне никакой помощи от России не могут получить, что Россия даже заинтересована в смутах Карабаха, которые задерживали движение турок к Каспию, что во всех мирных сношениях как с Турцией, так и с Персией, русское правительство не ставило вопрос об армянах и не включало в договор умиротворение Карабаха, тогда армянское население Карабаха разочаровалось в этом восстании и начало негодовать на тех, кто привел армян к такому несчастью.

Екатерина I пыталась продолжать политику Петра: повторялись те же слова, но они не имели уже прежней внутренней силы. Так же одаривалась мелики, делались денежные выдачи, жаловались собольи шубы и чины, но дело не спорилось, ибо армянский народ больше не хотел проливать свою кровь. Он негодовал на тех, кто подбил его на неудачное восстание, —на аристократию и духовенство; некоторым зачинщикам этого восстания пришлось даже бежать в Россию, под видом привлечения русской армии к защите армян, как Аван-юзбаши, Торхан-юзбаши со своими приспешниками. Окончательное истребление армянского населения было предотвращено Надир-шахом, который, разбив около Багдада Топал-Осман-пашу, потом Кепрюли-пашу, ослабил нажим турок на Карабах. Он даже несколько покровительствовал карабахским меликам, борясь с османами. Мелики содействовали победе Надира.

Победоносное шествие русского колонизаторского движения докатилось до своих естественной преграды—Кавказского хребта, и все попытки обойти эту преграду с востока, с берегов Каспийского моря, оканчивались неудачно, как указывалось выше, из-за климатических и географических условий, которые тогда еще были непреодолимы. Наконец, это движение сумело прорваться в Закавказье через Грузию.

Страшный разгром Грузии Ага-Мухаммед-ханом заставил грузинское правительство искать покровительства у России какой бы то ни было ценой. Раз'едаемая внутренними распрями, Грузия не была в состоянии противостоять против внешних врагов и создать внутреннюю организацию.

Нерешительность Павла в присоединении Грузии, нежелание и даже „крайнее отвращение принять эти царства в подданство России“ Александра I, почитавшего „несправедливым присвоение чужой земли“, об'ясняется тем, что Александр принужден был считаться с мнением русского общества, настроенного либерально, под влиянием великой французской революции. По настоянию государственного совета, несмотря на советы либеральных друзей императора, считавших, что следует

отказаться от обладания этим краем, т. к. „желание жителей находиться в российском подданстве было весьма сомнительно“, дело кончилось манифестом от 12 сентября 1801 года о присоединении Грузии.

Неудачное назначение первого правителя Грузии—Ковалевского, зарекомендовавшего себя человеком недобросовестным, преступные действия которого (спекуляция серебром, скупка шерсти с той целью), а также взяточничество его подчиненных, бравших пример со своего начальника,—привели к тому, что грузинский народ стал разочаровываться в русской оккупации и началось, повсеместное волнение и возмущение. Грузинские царевичи, протендовавшие на престол, бежали из Тифлиса, подготавливая восстание. Когда вопрос шел о восстании, Романовы были решительны и умели его подавлять. Нужно было поддержать славу русского оружия, чем оправдывалась всякая жестокость.

Для умиротворения Грузии, туда был направлен ген. Цицианов, грузин по национальности, но послушный русскому правительству. Доверие свое он заслужил во время польского восстания,—подвиги его так выделились тогда на общем фоне военных действий, что сам Суворов в одном из приказов предписал войскам: „сражаться решительно, как ген. Цицианов“.

За взятие Вильны он получил Георгия, золотую шпагу за поражение Грабовского, и 1500 десятин за окончательное подавления польского восстания.

Прорвавшись в Закавказье, царская армия не могла остановиться на одной Грузии, должна была продвигаться далее, чтобы открывать новые рынки для возрастающего русского торгового капитала. На пути этого движения стояли мелкие феодальные ханства, находящиеся в междоусобной войне, недисциплинированные банды которых, конечно, не могли противостоять вымуштрованным русским войскам и не могли быть серьезным препятствием для победоносного шествия Цицианова по Закавказью. Свободному захвату этих ханств также способствовали: равнодушное отношение Порты к делам Закавказья и ослабление Персии.

Крупнейшим из этих ханств была Ганджа, которая, благодаря своему стратегическому положению, была серьезным препятствием к захвату всего Закавказья. „Ганджа держала всегда в страхе весь Азербайджан и была стратегическим ключем всех северных провинций Персии и повелевала над всем Азербайджаном“[2]. Через Ганджу же грузинские царевичи и закатальские лезгины могли получать помощь и для нападения на Грузию.

---

[2]) Дубровин, стр. 235.

Нужно было Гандже нанести такой сокрушительный удар, который бы отозвался на всем Востоке и отнял бы, в дальнейшем, всякую охоту сопротивления у других ханств. Именно к такому удару, с первого дня своего прихода в Грузию, готовился Цицианов. Также готовился к отпору и Джавад-хан ганджинский, несмотря на самые любезные между ними переговоры. Цицианов свое движение в сторону Ганджи прикрывал тем, что он, будто-бы, защищает интересы и права Грузии, от имени которой он требовал сначала область Шамшадиль, а потом уже и самую Ганджу. Под натиском русской армии, Джавад-хану пришлось уступить Шамшадиль, предварительно выселив жителей его, айрумов, в ганджинскую область, ибо тогда ценились больше подданные (райет), нежели территория. Цицианов на этом не остановился и потребовал Ганджу на том основании, что, со времен царицы Тамары, Ганджа принадлежала Грузии. Джавад-хан справедливо отвечал, что не только Ганджа принадлежала Грузии, но предки Джавад-хана иногда также владели Грузией. Этот спор был излишен. Цицианов приступил к осаде Ганджи. Джавад-хан на все предложения о сдаче отвечал отказом. В течение месячной осады Цицианов разрушал, как защитительные средства крепости, так и внутреннюю спайку ее защитников, ибо до сих пор в Гандже рассказывается о какой-то измене. „Я возьму город“—писал Цицианов хану „и предам тебя позорной смерти“. „Ты найдешь меня мертвым на стене“, отвечал Джавад-хан“.

Ганджа пала 3 января 1804 года. Три раза ганджинцы отбивали аттаку. На башне Хаджи-кала был убит сам Джавад-хан, не захотевший искать спасения в бегстве. Видя свое безвыходное положение, он сел на пушку и с саблей в руке защищался, пока не был изублен. Уличный бой продолжался до полудня и в городе погибло до 3700 человек.

С Джавад-ханом погибла не только самостоятельность Ганджи, но и феодальная система, которую он так яро защищал. В городе, во время осады, было до 8000 женщин, взятых в залог („аманат“) Джавад-ханом из окрестностей Ганджи для того, чтобы их мужья и родственники ему не изменили. Заблаговременно он весь свой скот отправил в Карабах. Эти женщины, бежав в ужасе из города, увлекли за собою и окрестное население, главным образом, айрумов, которые, с оставшимся в живых сыном Джавад-хана—Угурлу-агой, поселились в Даралагезе, как его подданные. В это беспокойное время положение айрумского народа было особенно тяжелым. Персия, вернее—окрестные ханы, делала набеги против русских, от которых страдали сами же айрумы и казахцы. „Эриванский сердарь Усейн-хан, вручив Наги-беку до 2.000 чел., приказал сделать впадение в Казах, которые отогнали много рогатого скота, ло-

шадей и баранов; большая часть последних отбита теми казахами"[1]. Эти разбойничьи набеги (чапаул) вызывали отпор со стороны коренного населения и, при помощи русских, организуются отряды из казахцев, которые, в дальнейшем, уже сами делают нападения, мстя за убийства и угон скота[2]. Этим об'ясняется русофильство казахцев, которых одно время даже обвиняли в измене. Что касается оставшихся айрумов, связавших свою судьбу с сыном Джавад-хана, то положение их было еще тяжелее. К ним не было доверия со стороны русских властей, их переселяли из одной области в другую. Жители Ганджи писали: „Вашему высочеству не без'известно, что мы неоднократно лишались своего состояния и находимся без пропитания и при всем том известились мы, что вашему высочеству угодно переселить айрумцев в Шамшадиль. Мы, нижеподписавшиеся, уверяем ваше высочество и клянемся богом и здоровьем е. и. в., что айрумский народ служит нам, раззоренным, крепкою стеною и, если они будут переселены, то нас с'едят волки, собаки и чекалки; пропитание же наше зависит от них, так что, если в одну неделю прервется их сообщение, то непобедимые войска и мы все стеснены будем, потому что они доставляют нам все потребности наши, т. е. масло, сыр, молоко пресное и кислое, айран, сало, мед, скотину, баранов и лес на построение домов, которые они к нам привозят и продают здесь в городе, чем они нужду нашу удовлетворяют. Еще осмеливаемся повторить, что если они переселятся, то все солдаты и мы погибнем без пропитания. Ради бога, да соизволите оставить их в своем месте, за что мы все пребудем в совершенной благодарности и молитвах за здравие, как е. и. в. так и в. высочества"[3]. Резюмируя все вышесказанное, можно утверждать, что к северу от озера Гокчи, в областях Шамшадиль, Ганджа, и, повидимому, еще западнее, сохранились древние аборигены края, принявшие армянский язык и религию. Этот народ не мог исчезнуть окончательно во время событий 18 века, и остатки его должны были сохраниться. Оффициальная переписка Джавад-хана ганджинского с русскими правителями указывает на айрумский народ, обитающий в этих областях. В отличие от казахцев и борчалинцев, которые в русских оффициальных бумагах значатся казахскими татарами и борчалинскими татарами, айрумов эта переписка называет айрумским народом: под айрумским наро-

---

[1]) № 705. Прошение елисаветпольских татарских и армянских старшин и жителей генералу Тормасову, от 1810 года, А. К. А. К. I.

[2]) Письмо ген. Ртищева султану Насиб-беку шамшадильскому, от 5-го июля 1812 г. № 239, там же:

„Получив донесение Ваше о храбром подвиге шамшадильской конницы, которая, настигши неприятельскую партию персиан, ворвавшихся было в елисаветпольскую округу и отогнавших скот у айрюмцев, разбила совершенно, возвратила назад весь скот, побив на месте несколько человек неприятелей".

[3]) Тоже, ген. Портнягина, от 12 июня 1810 года, № 59. Караклис.

дом подразумеваются не только айрумы, говорящие на тюркском языке, исповедывающие ислам, но и айрумы, исповедывающие христианскую религию и говорящие на армянском языке. Когда же необходимо отличить айрумов тюрок от айрумов армян, то переписка их называет айрумскими татарами и айрумскими армянами. Все это доказывает, что наименование айрум присуще не только „тюркам", но и „армянам".

До появления русских в Закавказьи, „айрумский народ" жил вместе. Часть из них сумела сохранить христианскую религию, несмотря на все ужасы событий 18 века. После появления в этих районах карабахских армян, которых сюда вынудила переселиться неудачная борьба некоторых карабахских меликов с Панах-ханом, и после продвижения русского оружия вглубь Армении, которое дало толчок переселению в Закавказье уже настоящих армян, заселивших ущелья Ганджи, и Шамшадиля, началось расслоение айрумского народа, произошло слияние айрумов, исповедующих христианскую религию, с настоящими армянами.

Сами айрумы (говорящие на тюркском языке) это слово об'ясняют иначе, производя его от глагола „аирмак" (разделить или отделить). Указывают, что их называют айрумами потому, что они пришли из Казаха, т. е. отделились от казахцев. Но это не совсем правильно. Действительно, во время закрепления здесь русской власти и переселения айрумов с одного места на другое (как выше подробно указывалось), новые власти старались, чтобы район севера Гекчи был заселен густо, чтоб это могло служить преградой персидским набегам. Тогда же в эти районы пришли казахские тюрки, отделившиеся от Казаха, на что указывают названия нескольких селений, напр., Казах-эльчиляри и др. Что наименование „айрумы" они получили не от того, что они отделились от казахцев, указывает то, что в районе Казаха есть селения с такими же названиями. Это племенное название: два селения, расположенные почти рядом, называются— одно Даданис, другое Даданис-айрум. Слово „айрум" не означает здесь „отколовшийся"; в районах этих часто многие селения носят одно и то же название, но ни в одном случае к ним не прибавляется „отколовшийся", а прибавляется приставка—„верхний", „нижний", „равнинный" и проч. (напр., название Айплы носят семь селений) и тюрки, об'ясняя слово--айрум" в смысле „отколовшийся", просто осмысляют его.[1]

Очередная задача заключается в том, чтобы выделить древних аборигенов из смеси их с пришельцами-тюрками, в чем помогут нам дальнейше этнографические расследования.

1) В письме Джавад-хана (АКАК, I, 824) употребляется форма طایفه آیرومی.

A. Alekperov.

A PROPOS DES AÏROUMES.

Les aïroums sont une peuplade habitant les montagnes des districts de Gandja et de Kazakh, ainsi que le Karabagh Montueux. Ils parlent le turk, mais ils diffèrent de beaucoup des autres représentants de cette race. Le trait caractéristique de leur existence est leur demeure à demi souterraine, nommée „karadam"; l'auteur signale son analogie avec l'arrangement intérieur de quelques tertres de Transcaucasie. Parmi leurs ustensiles il décrit l'huilerie – „neïra".

En ce qui concerne l'origine des aïroums, l'auteur les suppose d'être aborigènes du pays, arménisés dans les temps mais s'étant liés aux arméniens-calcédonites que les arméniens appelaient „arméniens-grecs (haï-roum); dorenavant ils furent turkisés. L'auteur suit l'histoire des aïroums jusqu'au XIX s.

Рис. 1

Рис. 2

Рис. 3

Рис. 4

Рис. 1

Рис. 2

Рис. 3

Рис. 4

Рис. 1

Рис. 2

Рис. 3

Рис. 1

Рис. 2

Рис. 1

Рис. 2

Рис. 1

Рис. 2

Рис. 3

Проф. М. В. Беляев.

Новая этнолого-лингвистическая теория.

Человеческая речь, язык, представляет собой сложное и многостороннее образование, одновременно и индивидуальное и социальное, одновременно и физиологическое (работа органов речи), и психологическое (управляющие этой работой психические силы и способности), и логическое (выражение умственных процессов), и антропологическое (расовые влияния), и этнографическое или этнологическое (отражение жизни и быта известного народа), и социологическое (отражение жизни общества). Со всех этих сторон можно подходить к его изучению, и по всем этим направлениям растекается современная лингвистическая наука. Были и есть лингвисты-фонетики и физиологи (Руссло, Техмер, Брока), лингвисты-психологи (Вундт, Гиннекен), лингвисты-философы (Марти), лингвисты-этнологи или этнографы, лингвисты-социологи. Во всех этих областях мы имеем целые ряды важных, оригинальных и капитальных работ, написанных со всех этих точек зрения, с разной постановкой изучения и применением разных методов исследования (См. *М. Я. Немировский*, Современное языковедение и его очередная задача, Изв. Горского Педагогического Института, в. III, Владикавказ, 1926, стр. 167 и сл.). Разнообразие этих точек зрения, некоторая их несогласованность иногда создают даже впечатление глубокого кризиса, будто бы переживаемого лингвистической наукой, но, по существу, этого кризиса нет, и уже близок синтез этих направлений, в сущности, не противоречивых, но подходящих к языку или языкам с разных сторон, с разными методами и средствами исследования.

На смену прежнему психологическому, преимущественно, изучению языка, индивидуалистическому (Г. Пауль), или коллективистическому (В. Вундт), идет теперь направление социологическое, рассматривающее язык, как социальное явление и образование, глубоко и интимно связанное с жизнью общества (Мейе, Сапир, Вандриес), и намечается марксистский диалектический подход к явлениям языка, обнаруживающего в своей социальной природе, в сущности, такие же явления, какие мы имеем и в социально-экономической жизни. В самом деле: известный звуковой комплекс перестает быть личным междометием и становится словом языка именно в тот

момент, когда делается средством социального обмена, подобно тому, как известный материальный продукт делается товаром при тех же условиях. В этих условиях слово языка приобретает форму, получает своего рода „меновую ценность“, свое значение, вернее,—социальное назначение. В этих условиях социального обмена, общения, создался вообще весь язык из разрозненных индивидуальных криков, первоначально вырывавшихся из человеческих уст и предназначенных только для „собственного потребления“. В этих условиях он отделился от индивидуальных своих создателей и носителей, и создался, в параллель „товарному фетишизму“, так сказать, „языковой фетишизм“, - мистическое отношение к языку, как к таинственному небесному дару, с отождествлением имени и вещи, с верой в магическую силу слова. И как в экономике, не об‘ективные свойства называемых вещей, а их социальное назначение дает словам языка силу и жизнь, определяет их значение и роль. Разные вещи, но одного социального назначения, называются одним словом, и, наоборот, одни и те же вещи, при изменении этого назначения, меняют свое название. За языком вообще стоит общество, состоящее из различных, часто противоречивых и даже враждебных по своим частным интересам элементов, но связанных условиями труда и добычи, а не однородный, „народно-психологический“ в смысле В. Вундта коллектив, об‘единенный сходством мысли, переживаний и впечатлений. Отсюда диалектика языка, как отражение диалектики общественной жизни, перебои форм и значений в различных социальных группах, отсюда устойчивость названий орудий труда в языке и неустойчивость того, что менее связано тесно с общественной работой. Теория языка, таким образом, может быть построена и развита в связи с социально-экономической теорией, а его история может быть поставлена в прямую связь с историей общественных форм.

К этому и подходит теперь лингвистическая наука. Мы имеем в виду не так давно вышедшую работу одного из представителей т. н. историко-культурной школы этнографов, В. Шмидта: Die Sprachfamilien und Sprachenkreise d. Erde, Heidelb. 1926.

Историко-культурная школа в этнографии, наиболее видными представителями которой в настоящее время являются: Гребнер, Копперс и, особенно, автор указанной работы, В. Шмидт (журнал Anthropos), идет от Герлянда и Ратцеля и характеризуется: а) учением о культурных диффузиях (распространение культурных институтов из общих центров), б) учением об универсальности миграций и заимствований, в) теорией комплексов (связности разнородных культурных институтов), г) теорией замкнутых культурных кругов, д) применением приема

картографирования отдельных культурных институтов, не только материальных, но и социальных (см. об этой школе в ст. Л. Я. Штернберга — Современная этнология, в журн. Этнография, 1926, в. 1). С точки зрения указанных принципов и написана разбираемая работа, в которой эти принципы применены к лингвистике. К книге приложен прекрасный лингвистический атлас, с указанием распространения некоторых фонетических, морфологических и синтаксических особенностей в языках земного шара.

Первая часть работы В. Шмидта (стр. 1—267), под заглавием: Die Sprachfamilien der Erde und die Geschichte ihrer Erforschung (Языковые семейства земли и история их изучения), представляет собой обзор языков земного шара и связана с подобными работами: N. Fink'a, Die Sprachstämme der Erdkreises (Leipz. 1919), A. Trombetti, Elementi di Glottologia (Bologna, 1925), A. Meillet et M. Cohen, Les langues du monde (Paris, 1924), но отличается от них тем, что дает лишь схематическое изображение отношений языков, генетических или географических, но зато указывает полно и обстоятельно историю их изучения в руководящих исследованиях. Сопоставляя между собой названные работы, мы получаем цельный и полный обзор языков земли, причем работа В. Шмидта в этой части имеет характер прекрасной настольной справочной книги для лингвиста, вводящей его в курс его науки. Вторая часть работы, озаглавленная: Die Sprachenkreise und ihr Verhältniss zu der Kulturkreisen (Языковые круги и их отношение к культурным кругам), стр. 268—544, представляет собой изложение его этнолого-лингвистической теории.

Соответственно общему признанию наличия определенных замкнутых культурных кругов (См. Schmidt-Koppers, Völker und Kulturen, Regensburg, 1924), В. Шмидт различает 4 типа культурных областей: 1) *пракультуры*, — культуры собирания растений, без земледелия и скотоводства, 2) *примитивные культуры*, — со скотоводством, земледелием, искусством, ремеслами, 3) *вторичные и третичные культуры*, — смешанные из элементов первых двух, с изделием посуды, ткачеством, обработкой металлов и письменностью, 4) *праисторические* культуры, которые сближаются с первыми тремя. Далее, в каждом из этих культурных кругов различаются меньшие и подчиненные круги. Так, в ряду пракультур различаются: а) *центральные* пракультуры (пигмеев и пигмоидов южной Азии, Африки и Америки), б) *южные* пракультуры (ю-в. Африка, Тасмания, ю-в. Австралия, Огненная земля), в) *северные* пракультуры (с-в. Азия и с-з. Америка, центр. Калифорния), г) *младшие* или бумеранговые пракультуры (ю. Африка, Австралия, ю. Америка). В ряду примитивных культур соответственно различаются зоны:

а) *южная*,—культуры охотников с тотемическим отцовским правом (средняя Африка, острова Полинезии и Меланезии, Австралия, южная часть сев. Америки и сев. часть Ю. Америки), б) *средняя*,—культуры экзогамического материнского права с началом выкапывающего земледелия или без него, в) *северная*, культуры скотоводов-кочевников с отцовским правом. Более высокие вторичные и третичные культуры, возникшие на почве предшествующих, являются смешанными: а) из культур скотоводов - кочевников и тотемических охотников, б) культур скотоводов-номадов с культурами материнского права и выкапывающего земледелия, в) из культур всех трех типов. Пределы распространения этих культур перекрещиваются в разных направлениях по всем континентам (см. атлас, карта VIII), однако, с преобладанием скотоводства и отцовского права на севере, земледелия и материнского права на юге и смещения в средних областях. Соответственно этому различию „культурных кругов“, В. Шмидт различает параллельные и связанные с ними „языковые круги“, характеризующиеся известными особенностями, зависимыми от экономических и социальных особенностей культурных кругов.

При изучении этих особенностей языковых кругов В. Шмидт применяет принцип комплексов, стараясь установить внутреннюю связь, зависимость и необходимое сосуществование разнородных языковых элементов,—фонетических, морфологических и синтаксических. Среди этих явлений он выделяет и подробно рассматривает по всем языкам земного шара: 1) в фонетике: функциональное различие нормальных и анормальных гласных звуков (a, i, u, с одной стороны, и ä, ö, ü —с другой); различие согласных звуков звонких и глухих, взрывных и длительных; гласные, сонорные или согласные начала и концы слов; 2) в морфологии:—различие чисел имен и местоимений, различие инклюзивных и эксклюзивных форм в местоимениях дв. и множ. числа, различие рода имен муж. и женск., различие предметов живых и неживых, различие лиц и вещей, системы счета; 3) в синтаксисе: постановку определительного род. падежа до или после имени, постановку притяжательных и личных местоимений. Эти особенности изучаются по всем языкам и тщательно картографируются в приложенном к книге лингвистическом атласе. Если фонетические явления, представляющие внешнее, так сказать техническое, средство речи, стоят до известной степени отдельно от той или иной языковой структуры, то явления синтаксические и морфологические представляют самую языковую систему. Язык есть система, и не может не быть системой, иначе он не был бы языком, и система внутренно связанная, только эта связь, первоначальная и последовательная, может быть ослож-

нена и нарушена в результате позднейших изменений и смешения отдельных языковых систем между собой. Определенную психологическую связь языковых явлений, определенный языковой комплекс, В. Шмидт устанавливает между постановкой аттрибутивного род. падежа до или после имени с префиксацией и суфиксацией в системе склонений: если аттрибутивный род. пад. ставится без аффикса перед именем, которое он определяет (древнейшее состояние), то язык является субфигирующим, если же он ставится после определяемого имени, то язык является префигирующим (стр. 382 и сл.). Постановке род. падежа, далее, соответствует постановка вин. падежа об'екта перед или после глагола, постановка личного местоимения при глаголе и характер самого глагола, предикативного или аттрибутивного.

В языках первобытных культур, к которым В. Шмидт относит языки Тасмании, часть австралийских, часть папуасских, языки Огненной Земли, древнейшие языки Меланезии, Н. Каледонии, языки др.-азиатские, самоедские, древнейшие из уральских (лапландский, вогульский, черемисский, остяцкий), готтентотский и бушменский языки в Африке и древнейшие из американских (альгонкинг), замечается: а) простой и нормальный вокализм (зв. a, e, i, o, u), б) отсутствие функционального различия звонких и глухих согласных, взрывных и длительных, в) согласные начала и концы слов, г) богатое различие чисел (единственное, двойственное, тройственное, множественное), д) примитивная система счета—парная, е) инклюзивные и эксклюзивные формы местоимений, ж) отсутствие классификации имен по разрядам и родам, з) род. п. определения ставится пред именем и, соответственно, вин. пад. об'екта пред глаголом, личное местоимение суб'екта—пред предикатом. Эти особенности говорят о недостаточной психической и умственной дифференциации (недифференцированность звуков), об отсутствии понятий рода и вида (род. п. пред именем), о парной семейной жизни (парная система счета), об экзогамическом браке (инкл. и экскл. формы). Люди и животные не различаются, не различаются лица и вещи; мужчины и женщины не различаются в языке так же, как не различаются они и в жизни, в однообразных для обоих полов условиях социальных, в способах труда и добычи (культуры собирания растений без земледелия и скотоводства).

Языки примитивных культур представляют более дифференцированное состояние, указывающее на некоторое осложнение быта и социальных отношений при скотоводстве, ремеслах, земледелии. Важнейшими особенностями этих языков являются: а) осложнение системы счета, б) классификация имен,—живых и неживых предметов, лиц и вещей, мужчин и женщин, в) из-

менение места род. п. определения и постановка его после имени, а не перед ним. Эти особенности, однако, различно комбинируются с первобытными еще особенностями, в зависимости от различия культур, условий труда и социальных отношений. Языки южных примитивных культур, языки тотемических охотничьих племен, в меньшей степени удалены от языков первобытных (некоторые американские языки, папуасские, дравидские, ср.-африканские, сев.-австралийские), но вокализм здесь более развит и приведен в соответствие с консонантизмом: различаются согласные звонкие и глухие; двойственного и тройственного числа нет, нет инклюзивных и эксклюзивных форм местоимений, система счета пятеричная, но классификация имен не полна; род. п. - пред именем, вин. п.—пред глаголом. Охотничий быт дробит племена и народы, и, соответственно, здесь мы имеем массу языков небольших и разрозненных групп, не складывающихся в большие и прочные социальные организации.

С точки зрения социологической особенно характерно различие рода имен и их та или иная классификация. Это различие в разных языках комбинируется с различием названий живых и неживых предметов, лиц и вещей. Различие имен муж. и женского рода определяется не об'ективным различием полов, но указывает на известную „эмансипацию женщины“ в условиях труда и занятий и, соответственно, в социальном значении (собирательница растений и первый земледелец в отличие от мужчины—охотника или рыболова). Такое различие обнаруживается преимущественно в южных языках, племен с началом земледелия, тогда как в языках северных, племен кочевников и скотоводов, оно падает и заменяется различием живых и неживых предметов, более важным различием с точки зрения этих социальных отношений. О различии полов в условиях экономической жизни говорит затем и перестановка атрибутивного род. падежа. В первобытном обществе женщина уходит к мужчине и кочует с ним, в более высшем быте женщина делается более оседлой, и мужчина чужого племени приходит к ней. Отсюда различие мужских и женских организаций, мужских и женских языков, начало сознания обособленности, собственности, принадлежности, выражаемое в обособлении род. падежа принадлежности, поддерживаемое и условиями семейной жизни и условиями хозяйственными, в обстановке дифференциации земледелия и охоты.

В языках северных примитивных культур, скотоводческих кочевнических племен отцовского права (древнейшие из уральских, индоевропейских, часть кавказских и хамито-семитических), мы имеем: а) обилие согласных звуков, многосогласные начала и концы слов на севере, в зависимости от климата, односогласные на востоке, сонорные или гласные на западе, б) появ-

ление анормальных средних гласных в урало-алтайских языках, как особого рода функционального средства, связанного с т. н. сингармонизмом, в) функциональное различие согласных звонких и глухих (семит., индо-евр. языки). Двойственное число еще сохраняется в ряде языков, в других падает; нет инклюзивных и эксклюзивных форм. Различие имен мужск. и женск. рода или не существует (алт. яз.), или делается только условным, грамматическим (индо-евр. яз.); система счета—десятеричная; род. пад. определения иногда ставится и пред именем (алт. яз.), но в обособленной форме, с суффиксом; но часто род. п. ставится и после имени; личное местоимение соответственно ставится после глагольной основы. Этому соответствует постановка вин. падежа и прилагательного. Эти непоследовательные явления говорят уже об известном смешении разных культур и, соответственно, языковых систем.

Большее смешение обнаруживается в языках примитивных культур средней области,—начала земледелия и материнского права. Различие имен муж. и женского рода здесь комбинируется с различием названий живых и неживых предметов, лиц и вещей. Иногда различие имен муж. и женск. рода распространяется на живые и неживые предметы, иногда только на живые и выделяется третий, средний род вещей. Иногда дети и детеныши причисляются к вещам, как социально незначительные существа, иногда к вещам причисляются и женщины. Это с особенной ясностью говорит о социальном происхождении различия рода имен, а не об естественном происхождении этого различия. Устойчивость категории рода обнаруживается в различии ее об'ема, т. е. распространяется ли это различие только на имена и ограничивается ими, или же оно распространяется и на прилагательные, на местоимения и глаголы. Далее, это различие встречается с различием имен по разным другим признакам (большие и маленькие, длинные и короткие, круглые и плоские и т. д.), создающимся в условиях начала обмена, ремесл и торговли.

Более сложный вид представляют языки смешанных высших культур, вторичных и третичных, с выделкой посуды, ткачеством, обработкой металлов, с более сложными формами хозяйственного быта и социальных отношений. В отличие от языков предшествующих хозяйственно-бытовых форм, здесь мы имеем уже не массу мелких языков и наречий, а большее или меньшее сближение языков в языковые семейства, соответственно экономическому сближению племен, рас и народов. В. Шмидт образование языковых семейств, таким образом, об'ясняет не развитием их из праязыков путем их распространения, а последующим сближением первоначально различных языков. Сюда относятся, на севере, большие семейства языков

урало-алтайских (финно-угорских, тюрко-татарских, монгольских, тунгузских), индоевропейских, в средней области—языков хамито-семитических, тибето-китайских, на юге—языков банту, дравидских, полинезийских, языков ароваков и карибов. Эти языковые семейства создались на почве предшествовавшего языкового развития, в результате соединения и смешения разных языков и их элементов, соответственно тому, как из соединения и смешения создалась и культура и этнический состав их племен и народов. В системах этих языков встречаются все особенности предшествующих стадий и форм языкового развития, в разных степенях и пропорциях, соответственно характеру преобладающего смешения, т. е. тому, произошло оно в кругу северных племен отцовского права, как в языках тюрко-татарских (отсутствие родов имен), или в среднем кругу, как в языках семитических (более устойчивая категория рода), или в южном кругу, как в языках дравидских. Позднейшие переселения при этом изменили первоначальное географическое положение и отношение языков, что также необходимо принять во внимание при их изучении.

Изложенная теория дает интересный синтез тех направлений, которые теперь обнаруживаются в лингвистике, и известное разрешение некоторых антиномичных принципиальных вопросов языковедения, вопросов, напр., о том, представляет ли язык явление индивидуальное или социальное, и далее,—является ли он известной системой, все элементы которой внутренно и необходимо между собою связаны, или же это не есть система, а комплекс средств выражения, связанных только ассоциацией смежности в силу привычки и традиции. Последний вопрос связан с известным представлением языкового развития. Если язык есть система (организм, как говорили раньше), то он развивается путем *трансформации* его элементов (Мейе, Вандриес), если же он не есть система, то он развивается путем *контаминации* разных элементов (Шухардт). С последней точки зрения выдвигается смешение языков, как важнейший способ их развития. Социальная природа языка с особенной ясностью выдвигается Шмидтом, который впервые поставил в связь с развитием экономических и социальных отношений даже чисто грамматические факты (категорию рода, постановку аттрибутивного род. падежа, инклюзивные и эксклюзивные формы). Подчеркивается далее и то, что язык есть система, в существе дела однообразная и последовательная, и не может не быть системой, но эта система может быть нарушена позднейшим смешением. Отсюда—сложность и непоследовательность языковых явлений, свидетельствующая о вступивших в контаминацию элементов разных систем. Наконец, лингвистика здесь ставится в прямую связь с этнологией, и в связь с историей развития общественных форм.

В частности, тюркские языки в этой теории об'ясняются, как результат хозяйственного сближения народов-кочевников в северном кругу культур отцовского права. Отсюда, в них отсутствие рода имен существительных; родит. падеж определения—перед именем и. соответственнно, вин. падеж об'екта пред глаголом. Эти архаические особенности Шмидт об'ясняет аристократическим обособлением народов-кочевников в пору их громадных завоеваний. Этим же об'ясняется различие притяжательных и личных местоимений, имени и глагола, понятия и суждения и вместе с тем—сохранение живости представлений и мыслей, сказывающееся в компактности выражений агглютинативной речи, в легкости перехода неударяемых частиц в чисто формальные элементы. Обособленная жизнь и сохранение древних особенностей в языке сказываются далее в гармоничности и однообразии языковой системы, в отсутствии такого многообразия и непоследовательности форм, какая замечается, напр., в языках индоевропейских, создавшихся в иной экономической и социальной обстановке, под более разнообразными влияниями и при разнообразных смешениях в разных культурных кругах. Двойственное число сохранилось здесь только в названиях парных частей тела, но не развилось в грамматическую категорию. В системе счета обнаруживается умножение и обобщение групп однородных предметов,—отражение счета однородных громадных групп скота. Концы слов б. ч. многосогласные, и поэтому эти языки причисляются к активным, требующим большой энергии произношения. Это отражается и в осложнении вокализма, со средними звуками, при чем различие мягкого и твердого вокализма (сингармонизма) является словообразующим средством. Но, с другой стороны, сохраняется та архаическая особенность, что различие звонких и глухих согласных звуков не имеет здесь функционального значения, т. е. не различает значений слов и форм, а имеет только диалектическоэ значение (различие южных и северных тюркских наречий).

Этой теорией выдвигается совсем почти незатронутый вопрос о влиянии тюркских языков на индоевропейские, не о влиянии только лексическом, что не раз отмечалось, хотя и не с исчерпывающей полнотой, но о влиянии более глубоком, грамматическом, или даже „преграмматическом", о влиянии на индоевропейские языки северной языковой системы, так полно сохраненной в однообразной и последовательной тюркской грамматике.

Наконец, в теории В. Шмидта нашла себе известное признание и т. н. яфетическая теория акад. Н Я. Марра, в принципе смешения языков, в выделении круга языков яфетических (кавказских), в классификации этих языков и в предположении участия этих языков в образовании индоевропейской речи.

Схематическое отношение языков индоевропейских, хамито-семитических, урало-алтайских и кавказских В. Шмидт представляет в следующем виде:

А. Индо-европейские языки.

Индо-европейский праязык.

I. Языки—Kentum.

I. Романские языки.

Латинский — Оскско-Умбрийский

Латинский: Итальянский, Рето-Романский, Ладинский, Провансальский, Каталонский, Испанский, Португальский, Французский, Румынский

II. Кельтские языки.

Южно-Кельтские (Бритты) — Северно-Кельтские (Гойдель)

Южно-Кельтские (Бритты): Валлийский, Кимрский, Корнский, (Корнваллийский), Бретонский, Галльский (вымерший)

Северно-Кельтские (Гойдель): Манкс, Ирландский, Шоттский

III. Германские языки.

Северно-германск. — Восточно-герм. — Юго и Зап.-герм.

Северно-германск.: Норвежский, Исландский, Датский, Шведский

Восточно-герм.: Готский

Юго и Зап.-герм.: Англо-Фризский — Немецкий

Англо-Фризский: Фризский, Англо-саксонский

Немецкий: Нижне-немец. — Верхне-немец.

Нижне-немец.: Саксонский, Фламандский, Нидерландский

Верхне-немец.: Средне-нем. — Верхне-нем.

Средне-нем.: Франконский, Тюрингский, Силезский

Верхне-нем.: Баварский, Австрийск. Швабский, Немецкий

IV. Греческие языки.

Ионийский, Аттический, Дорийский, Сев.-Зап.-греческ. (Епир и др.), Элийский, Аркадийский, Кипрский, Эолийский, Памфилийский

V. Фракийский язык.

VI. Тохарский язык.

2. Языки — Satem.

I. Албано-Иллиро-Венетские языки.

Албанский язык: Геги, Тоски.

II. Балтийско-Славянские языки.

Прабалтийский: Литовский, Леттский, Древне-прусский

Праславянский:

- Восточно-слав.: Великорусский, Белорусский, Украинский, Рутенский
- Западно-сл.: Польский, Чешский (Вендский, Сорабский), Лужицкий, Кашубский, Полабский (вымерший)
- Южно-сл. Болгарский: Словинский, Сербо-Хорватский

III. Передне-азиатские языки.

Армяно-Фригийский, Осетинский (Др.-скифский), Митани, Коссейский.

IV. Арийские языки.

Иранские яз.:

- Древне-персидский, Авестийский, Пехлеви, Ново-персидский, Курдский
- Белуджский: Северн., Южн. и Западн. (Макрани)
- Афганский, Ормури, Галхах

Дардистанский:

- Шина-Ховар:
  - Шина: Гильгити, Астори, Брокра, Шина
  - Ховар: Ховар (Хитрали)
- Кафир: Башдгли, Вай, Верон, Ашкунд
- Калаша-Пашай: Калаша, Гавар-Пашай (Лахмани, Бегхани)

Индийские яз. Ведический, Санскрит, новые языки:

а) Сев.-Зап. группа: Кашмири, Лахида, Синдхи, Пахари,
б) Центральная группа: Марати, Конкани, Хандеши, Вархади, Нагпури, Халаби,
в) Восточная группа: Ория, Бихари, Бенгали, Ассамеси,
г) Западная группа: Хинди, Брай-Бхаша, Хиндустани (Урду), Райястани, Гуджарати, Панджаби

(По кн. W. Schmidt, Die Sprachfamilien und Sprachenkreise d. Erde, Heidelb. 1926, s. 42—43

Б. Семитические и хамитские языки.

I. Семитические языки.

- Новые языки
  - Северные (Арамейские)
    - Вост.-арамейск.-сирийск.
      - Сирийский, Мандейский, Вавил.-Талмудическ.
    - Западно-арамейск.
      - Таргумск., Самаритянск., Набатейские
  - Северо-Западн.
    - Хананейск., Еврейский, Финикийск.
  - Средние
    - Арабский
- Древние яз.
  - Восточные
    - Ассиро-Вавилонский (Аккадский)
  - Южные
    - Сабейско-химьяритск.
  - Юго-Западн.
    - Эфиопский (Геез-Тигрэ)
  - Переходные к хамитск. Махра
    - Сокотри, Шаури, Мехри

I. Хамитские языки.

- Берберские
  - Кабил, Тамашек, Шильх, Зенага, Зенете, Гуанче
- Ливийские
  - Сивах, Ливийск., Древне-египетск., Коптский
- Кушитские
  - Нижнекушитские
    - Бедаийе (Беджа, Бишарин, Хадендоа), Сахо, Афар (Данкали), Сомали, Галла
  - Верхнекушитские
    - Агау
      - Квара, Билин Агау
    - Сидама (Кафа), Бареа-Кунама

В. Урало-алтайские языки.

I. Финно-угорские языки.

- Прафинский
  - Лапландский
    - Норвежско-лапл., Шведско-лапл., Энарелапл. Кольско-лапл.
  - Мордовский
    - Мокша, Эрзя
  - Черемисский
    - Горно-Черемис., Дольно-Черемис.
  - Пермский
    - Зырянский, Вотяцкий
  - Финский
    - Суоми, Карельский, Олонецкий, Вепсский, (Др.-чудский), Вотьский, Эстонский, Ливский, Кревинский (Курляндский)
- Угорский
  - Западно-угорский: Венгерский
  - Восточно-угорский
    - Вогульский
      - Пелым-Вогульск., Конда-Вог., Северно-Вог.
    - Остяцкий
      - Сев.-Вост.-Ост., Иртышско-Ост., Сургут-Остяц.

II. Самоедские языки.

- Юраки
- Тавги
- Енисейск.-самоедск.
- Остяцко-самоед.
- Камасинский

III. Алтайские языки.

- Тюркские языки
  - Западные
    - Волжск.-киргизск., Башкирский, Чувашский, Иртышско-киргизск.
  - Южные
    - Османский, Туркменск., Азербайджанск., Анатолийск.
  - Средние
    - Чагатайск., Джаркендск., Кашгарск., Таранчинск., Сартский, Узбекский
  - Восточные
    - Алтайск., Барабинск., Абаканск., Сойонск., Карагасск., Уйгурск.
  - Якутский
- Монгольские
  - Зап.-монольск., Калмыцкий
  - Сев.-монольск., Бурятский
  - Вост.-монгольск.
    - Халха, Шара, Тангут
- Манджурские
  - Собственно Манджурск.
  - Тунгузский
    - Чапогирск., Орочонск., Манегирск., Даурск., Гольдский, Ламутский, Шибе

IV. Эскимосские языки.

- Пра-эскимосский
  - Алеутский
    - Западные нареч., Восточн. нареч., Аляскские, Унмак, Акута, Прибиллов-айланд., Атка
  - Собственно-эскимосский
    - Запад.
      - Кадьякский, Бристольск. зал., Юконск., Нортон-сунд, Намолло, Коцебу-сунд, Мыс Барроу, Макензи
    - Средн.
      - Гудзон-бай, Сутгамптон-айланд., полуост. Менвилль, полуост. Боотия, часть Баффин. земли.
    - Восточн.
      - Внешн.
        - Лабрадор, Ср. и Южн. Гренланд.
      - Внутр.
        - Лабрадор. Смит-сунд., Вост.-Гренл.

V. Корейский яз.

VI. Японский язык.

Г. Яфетические языки (кавказские).

I. Сибилянтная группа—Южно-кавказские (Картвельские) языки.

- S-группа
  - Грузинский
- Š-группа
  - Мегрельский
  - Лазский (Чанский)

II. Смешанная группа.

- Спирантная+S группа
  - Гайский (пра- древне-армянский)
  - Абхазский, Баскский, Вершикский
- Спирант+Š-группа
- Гайский (пра-армянский второго периода)
- Сванский
- Этрусский

III. Спирантная группа—Северо-кавказские языки.

- Сев.-западн.
  - Адыгейский, Убыхский
    - Кабардинский
- Восточные (Дагестанские)
  - Сев.-восточн.
    - Чеченский, Ингушский, Тушский
  - Юго-восточн.
    - Андо-Дидойск., Аварск. (Албанский), Лакский (Казикумухск.), Арчинск., Гирканск., Кубзчск.
    - Кюринский
      - Цахурск., Табасаранск., Агальск.
    - Удинский

IV. Смешанные языки

- Спирантно-сонантные языки
  - Халдский (Урарту-Биайна, Ванский)
  - Еламитский
    - Сев.-Эламитский (Каспийский, Касситский), Южно-Эламитский (Халлапирти)
  - Сумерийский

V. Сонантная группа.

(По ак. Н. Я. Марру).

И. И. Мещанинов.

До-историческая крашеная керамика Китая.

(По поводу работ Андерсона[1])

В последнее время многие журналы, до популярных включительно, полны сведений о начавшихся в 1921 году богатейших по своему результату раскопках шведского ученого Андерсона в северных областях Китая. Вопрос об этих замечательных находках освещается с разных сторон и затрагивает одно из коренных положений, наиболее ярко выдвигаемых наукою за последние годы. Дело в том, что в настоящее время мы перестаем стесняться расстоянием, так как материал вынуждает делать это, выявляя в различных местах образцы до чрезвычайности сходные. Оценка наблюдаемых фактов производится под различным углом зрения. Когда такое явление прослеживается в языке, то старая лингвистическая школа ограничивается поисками данных, свидетельствующих о родстве языков, и неизбежно приходит к восстановлению пра-языков, неминуемо связываемых с теоретически построяемыми пра-народами, всегда представителями единой этнической массы. Археолог же анализирует детали орнамента и, уловив сходство, сразу становится на поиски путей народных переселений с гаданиями о едином творце данной культуры и вечным спором о местонахождении его пра-родины. В итоге оказывается, что и господствующая школа лингвистов и археологи работают преимущественно одним и тем же сравнительным методом.

Так обстоит дело и по отношению к Китаю. Сравнивая китайские находки с передне-азиатскими и европейскими, и усматривая определенное в них сходство, Андерсон признал расовое единство творца их и первоначально склонен был видеть миграцию населения с запада на восток. Того же мнения придерживается Бэкстон (The Peoples of Asia, 1925), Губ. Шмидт (Zeit f. Ethn., 1925, I) и не они одни. Движение с запада, из Средней Азии, усматривает Г. Сафаров на страницах Нового Востока (кн. 18). Существуют и обратные предположения, именно, о первенстве китайского культурного очага и

[1] «An early chinese Culture», Bull. of the Geolog. Survey of China, 1923, № 5, «The Cave-deposit at Sha-kuo-t'un in Fengtien», Palaeontol. Sinica, Ser. D I, fas. 1, 1923, «Preliminary Report on archaeological research in Kansou, with a note on the physical characters of the prehistoric Kansou races, by Dav. Black», Mem. of the Geolog. Survey of China, Ser. A № 5, Juin 1925, и Dav. Black «The human skeletal remeins from Sha-kuo-t'un etc»., Palaeont. Sinica, Ser. D. I, fas. 3, 1925.

о движении народов с востока на запад. Таким образом, ответ на вопрос о переселении народов, по данным раскопок в Китае, оказался неустойчивым. Эта неустойчивость усугубилась колебаниями самого Андерсона. Хотя, не в пример Европе, китайская до-историческая керамика более совершенна в технике своего производства, и ей знаком и гончарный круг, наличие которого даже в Эламе подвергается сомнению, и, следовательно, примитивизм творчества остается за западом, но данные оказались все же шатки, и Андерсон, под влиянием Калгрена и Арне (Anthrop. 35 и 36) изменил своему первоначальному мнению и миграцию народов частично заменил миграциею культур, признав хэнаньскую культуру Китая, в своей основе, автохтонною. Здесь он основывался, между прочим, и на том, что скелеты из Хэнани и Кансу, добытые им же в процессе работ, дают, по определению Блэка (Pal. Sin. и Mem. Geol. Sur., ц. с.), монголоидный тип, мало чем отличающийся от современного населения этих же местностей. Значит, казалось бы, что жители Китая четвертого тысячелетия до христ. летосчисления неразрывно связаны с населением исторического Китая, до наших дней, включительно. Но как быть с наблюдением археологов о перерыве между культурою Андерсона и потднейшею культурою Китая? Если население оставалось тем же, то не переселения, а какие то иные причины вызвали такой перерыв, если только он в действительности имел место. Казалось бы, надлежало продолжить исследования, раньше чем приступать к каким либо выводам, но исследовательские поиски спешат осмыслить наблюдения, ограничиваясь одним наличным материалом, как бы ни неполон он ни был, и возвращаются к тем же миграционным об'яснениям. Говорят, что перерыв был; отсюда делается вывод об уходе населения и приходе нового, то есть продолжается применение миграционного подхода и, в разрез с антропологическими анализами, выискивается культуроносец, пришедший в Китай и опять ушедший из него, установивший во время своего пребывания в Китае ту культуру, которая и была обнаружена работою шведского ученого, и которая заглохла с уходом вторгшегося народа. Об'яснение кажется наивным, но оно может явиться в результате прослеживания народных передвижений, оно и проявилось в статье Ардэн-де-Тизак (Illustration, август 1927).

Археологи ссылаются на то, что эпоха палеолита все еще остается большою проблемою для Китая и что работы, в этом направлении, Лисэна и Тейар-де-Шардэн (Anthrop 35 и 36) пока мало проливают света на китайский древне-каменный век. Даже находки азильской культуры Нильсоном в западном Гоби не заставляют исследователей быть более осторожными по отношению хотя бы к соседящему Китаю. Мы видим, что и

крайне слабая изученность вообще всей восточной Азии в археологическом отношении не останавливает Бэкстона высказаться за то, что север Китая поздно заселялся пришлыми с запада племенами, почти ничем не отличавшимися от своих современников на западе. Такой взгляд полностью повторяет и Г. Сафаров. Он, ссылаясь на Кинга, по примеру господствующей школы археологов, ищет тот центр, который посылал культурные волны. Центр этот представляется в виде постоянно действующего вулкана, выкидывающего такие волны одну за другою. Вся задача сосредоточивается на отыскании культуротворческого центра, и указательный перст направляется к Средней Азии, которая „выбрасывала из своего кратера все новые и новые сгустки племен и народов“. Выходит, что Средняя Азия была необычайно занята „народотворчеством“, иначе она не могла бы из своего „кратера“ кидать по разным направлениям „все новые и новые“ народы и племена.

Утверждают, что одни из этих миграционных волн прошли через Элам, оставив здесь сузскую крашеную керамику, что они побывали в Приднепровье, создав трипольскую культуру. Одна из кочевых волн была „выброшена“ к берегам Желтой реки, принеся сюда те же „культурные завоевания“. Одна из этих волн прошла и по Азербайджану, оставив здесь крашеную керамику так называемого кызыл-ванкского типа. Следовательно, и вопрос о народе-носителе этого рода культуры в Азербайджане тоже предрешается. Он, очевидно, вышел из того же средне-азиатского очага, откуда вышли и носители хэнаньской культуры Китая. Этим об‘ясняется и сходство культур. Правда, последнего мнения не высказывает Г. Сафаров, вероятно, мало интересовавшийся Кызыл-Ванком, но я вправе включить сюда и крашеную керамику Азербайджана, вправе хотя бы потому, что это делают и другие исследователи, например, француз Ардэн-де-Тизак, очевидно знакомый с федоровскою коллекциею, хранящеюся в Историческом музее Москвы. Он об‘единяет в одно целое культуры Анау, Месопотамии, Элама, Кызыл-Ванка, Белуджистана, Индии и северного Китая, то есть дополняет схему, данную еще Е. Потье в 13-м томе трудов французской экспедиции в Персии. Какие перспективы, говорит он, открываются перед нами в вопросах о движении народов и смене культур! Эту фразу можем повторить и мы.

Но, повторяя эту фразу, можем ли мы сказать, что наличие сходных форм культуротворчества в столь отдаленных местах действительно раз‘ясняется приведенными выше соображениями. Я не торопился бы с утвердительным ответом.

Лингвистическая школа акад. Н. Я. Марра отличается от остальных тем, что она уходит в палеонтологию, об‘ясняя наличие сходных форм в различных языках позднейшим развити-

ем общих начал человеческого словотворчества, развивающегося и формирующегося в последующих этапах своего развития, в зависимости от общественных и экономических факторов, его обусловливающих. Под действием этих факторов создаются языковые группировки, обычно именуемые „семьями". Они роднятся между собою, как пережитками обще-человеческой речи, так и сходными процессами развития, в случае сходства действующих факторов, так и вечными процессами скрещения внутри языковых семей и между ними. Фактор миграционный, конечно, не отрицается, но учитывается он, главным образом, в процессах скрещения, где свою роль играют и торговые сношения и др., а не одни только переселения.

Та же картина раскрывается и в области археологических изысканий. Пока все будет толковаться только одними переселенческими волнами, и будет совершенно игнорироваться действие экономических и общественных факторов, мы останемся на прежнем пути поисков культуросозидательных „вулканов", выкидывающих миграционные волны на север, юг, восток и запад. Между тем, вся главенствующая археологическая литература, даже последнего времени, продолжает оставаться на этом же пути поисков пра-народов и пра-родин.

Следовало бы учесть и то, что развитие гончарного производства связано с переходом к земледельческому быту. Это, действительно, и учитывается археологами, но такой переход мог совершаться и без передвижения народа, единого носителя земледельческой культуры. Напротив, гончарное производство связано не с движением народа, а с движением культуры, с развитием земледелия. Усовершенствование обжига и качества глины вовсе не обусловлены приходом нового населения. Засим, если еще палеолит мог пользоваться красочным веществом, то отсюда вовсе не следует, что человек дошел до искусства окраски только в одном месте, в том культурном очаге-„вулкане", откуда двигались народы, предполагаемые культуроносцы. Движение таких народов, одних за другими, все из одного и того же культурного очага, совершенно не убедительно. Следовательно, нет еще достаточных оснований соглашаться с тем, что носители кызыл-ванкской культуры вышли из той же этнической среды, что и творцы культуры Хэнани.

Таким образом, для ответа на поставленный вопрос требуется углубление исследования каждой, отдельно взятой, культуры, с обязательным учетом всех созидательных факторов, а не одного только переселения. Требуется исследование культуры внутри ее. Такой подход одинаково обязателен, как для Китая, так и для Кызыл-Ванка. Следовательно, и у нас, в Азербайджане, этот вопрос ставится полностью. Крашеная керамика Азербайджана называется кызыл-ванкскою лишь ус-

ловно, по первому месту ее обнаружения; она имеется не в одном только Кызыл-Ванке, она богато представлена и в других местах нахичеванского края; она, как это устанавливается экспедициею Общества, текущего года, имеется и в Мильской степи. И, что не менее важно, крашеная керамика в пределах Азербайджана сама переживает несколько периодов, видоизменяется на месте. Она имеет здесь длительную жизнь не одного только тысячелетия. Поэтому, мы не можем говорить о случайной иноземной колонии на берегу Аракса. В определенный момент – это уже местная культура; значит, она обуславливается общественными и экономическими группировками на местах же. Другой вопрос, куда уходит она своими корнями. Для решения этого вопроса еще мало материала. Нужно больше добыть его на месте, выявляя облик культуры и район ее распространения путем раскопок.

Методологически правильнее, если мы, прежде прослеживания переселенческих движений, подойдем к этого рода культуре, как к определенному проявлению местных хозяйственных и культурных потребностей. Различные виды хозяйства, связанные с земледельческим оседлым и разновидностями кочевого быта, отражались на самом производстве, на нем отражалось и деление населения, с различием потребителей зажиточного слоя и бедного. Если материал богат количественно и поддается изучению в его еще ненарушенном виде, то такой подход вполне возможен, если же он незначителен, то тем более осторожным нужно быть при немедленных построениях различных гипотез о переселяющихся народах.

Это остается в силе, как по отношению к азербайджанскому Кызыл-Ванку, так и по отношению к до-историческому Китаю.

Новая книга об Анау.

(Е. Я. Кобранов — „Историческое и культурное значение Анау“. Туркменское государственное издательство. Асхабад—Полторацк, 1927. Стр. VIII+52+41 таблица и 19 рисунков в тексте).

I.

И. И. Мещанинов.

В текущем 1927 году туркменское государственное издательство выпустило книгу, представляющую известный интерес для научной работы. Она явилась в результате того под'ема археологического интереса к памятникам далекого прошлого, который в последние годы столь ярко выражается в ряде экспедиций, и который выдвинул ряд первоочередных заданий в исследовательских работах нашего Общества, воскресившего прервавшиеся археологические изыскания на почве Азербайджана. Именно в этих налаживающихся работах новая книга, хотя бы в ней и были недостатки, является желательным пособием.

Сейчас, в деле исследования до-исторических культур, выдвинулся на одно из первых мест вопрос о крашеной керамике. По ней делаются попытки определения культурных периодов, их датировки и даже прослеживания народных передвижений на громадном расстоянии, от Китая до Балкан, с захватом Индии и всей передней Азии, а в хронологическом разрезе, начиная с неолита и до веков железа. В этом интереснейшем вопросе свое достаточно видное место занимает и сам Азербайджан, обильно представляющий образцы такого же рода керамики, пока обнаруженной в нахичеванском крае и в Мильской степи. Вопрос поставлен на очередь и, для правильного его направления, необходим учет родственного материала, в особенности — из соседящих районов. Для Азербайджана одним из таких районов является Ашхабад[1] с его анаускою крашеною керамикою, обследованною американской экспедицией Помпелли. Но трудом Помпелли, как совершенно правильно указывает автор рецензируемой книги, почти не могут пользоваться работники на местах. Написанные на английском языке и имеющиеся у

[1]) Иначе — Асхабад. Ред.

нас в немногих библиотеках, тома американской экспедиции становятся в настоящее время, в краткой русской передаче, доступными широким кругам местных работников, которые, в своем труде по изучению культур, в частности и культуры Азербайджана, могут теперь познакомиться и с материалами закаспийской области. В этом несомненная заслуга Е. Я. Кобранова.

Книга Е. Я. Кобранова богато снабжена иллюстрациями, представляющими, на отдельных таблицах, образцы различных анауских культурных наслоений. Ознакомиться с этими таблицами должен каждый археолог Азербайджана, не видавший американского издания. К сожалению, рисунки воспроизведены с него, а не с подлинника, благодаря чему значительно пострадали в ясности. Все же книгу приходится рекомендовать и историку искусства и археологу. Именно поэтому я считаю долгом обратить внимание пользующегося ею на некоторые ее особенности.

Так, во-первых, автор не знает подлинного материала, между тем он свободно мог бы ознакомиться с ним; ему не следовало бы ограничиваться одними только печатными трудами американской экспедиции. Если автор и прав, утверждая, что эти труды мало доступны работникам на местах, то он совершенно не прав, полагая, что археологический материал, при том в подлиннике, был ему самому не доступен. Е. Я. Кобранов, как видно из его собственных слов, обучался в ленинградском университете в 1916-1918 годах. Он в Ленинграде убедился, что „научный интерес к Анау был уделом только немногих глубоких специалистов—востоковедов и археологов". Повидимому, он полагает, что эти специалисты так же, как и он сам, знакомились только с теми печатными томами, которые легли в основу его собственного труда, и так же, как и он сам, не знакомились с подлинными находками из раскопок Анау, „увезенными в Америку" (стр. 3). „Упущенного, говорит автор, конечно не вернешь; коллекций Анау, увезенных за границу, не возвратить!" Это ужасное положение автор пытается исправить, так как „искупить вину перед русской и местной краевой археологией все же следует". Здесь явное недоразумение, и автор, искупая вину, пошел не по тому пути. Ему надлежало лишь сделать несколько шагов от здания университета, в котором он обучался, к соседним зданиям академии наук, где, в музее антропологии и этнографии, он увидел бы подлинную коллекцию, вовсе в Америку не вывезенную. Очевидно, пребывая в Ленинграде, автор не общался с теми „немногими глубокими специалистами, уделом которых был научный интерес к Анау", так как ему об'яснили бы, что Помпелли вывез в Америку только дублеты, основной же материал поступил через архео-

логическую комиссию в названный музей, откуда только часть его, в порядке обмена, была передана в Берлин. Остается пожалеть, что подлинная коллекция осталась, таким образом, не использованною, между тем от этого зависел бы и самый текст и, что еще важнее, воспроизведения. Таблицы, даваемые в рецензируемой работе, явно пострадали от того, что они переснять с другого издания, частично даже с красочного рисунка, тогда как, если бы использованными оказались фотографии с подлинников, то таблицы получили бы совсем иной вид. Но, выражаясь словами самого автора, „упущенного не возвратить!".

Автор не без основания включает в свою работу обзор культурных очагов, современных древней культуре Анау и сходных с нею. Об этом много писалось, но все же краткая сводка не повредила цельности изложения. К тому же, Е. Я. Кобранов местами пытается осторожно подходить к Анау, считая его одним из важных неолитических очагов, но все же не единственным. Действительно, было бы странно, если бы вся культура человеческая зародилась на двух изолированно стоящих холмах близ Ашхабада. В этом отношении Е. Я. Кобранов все же осторожнее, чем Помпелли. Он разделяет мнение В. Никольского и находит культуру Анау далеко не столь древнею, как, естественно, хотелось изобразить открывшим ее американцам (стр. 50). Но исследователи часто страдают склонностью преувеличивать значение изучаемого ими пункта,—в этом отношении пострадал и сам автор. В заключительных строках своей работы он „с уверенностью" говорит, что Анау внес много важных вкладов в мировую сокровищницу достижений человеческого прогресса. Анау—„родина первоначальной культуры пшеницы и ячменя, приручения наиболее необходимых домашних животных, обработки металлов, усовершенствования техники орудий, керамики, архитектуры, выработки орнаментов, зарождения религиозно-философской идеологии" (стр. 51)[1]. Чего еще большего мог пожелать самый пристрастно влюбленный в Анау исследователь. Анау оказалось родиною наиболее существенных для человечества основ культурной жизни, оказалось даже местом зарождения религиозно-философской идеологии. Едва ли можно столь решительно говорить о заслугах Анау перед мировою цивилизацией. Хотя рассуждения автора и полны ссылками на мнения других ученых, все же, мне кажется, что он, приняв в основу своей работы принцип осторожности, мог бы провести его в значительно большей степени. Например, говоря о статуэтках „нагой богини", мог бы расширить свой кругозор в сторону срав-

[1]) Разрядка рецензента. Ред.

нения со статуэтками палеолита, и тогда Анау не оказался бы центром „зарождения“ религиозно-философской идеологии.

Вопрос о взаимоотношении культур разрешается автором в обычном виде - прослеживанием переселений: переселенцы из Анау занесли в Месопотамию длиннорогого быка (стр. 48). Юг западной Европы, Закавказье и европейско-азиатские степи наполнились эмигрировавшими из Анау круглоголовыми номадами-пастухами, ими же создана и трипольская культура (стр. 46 и 49) и т. д. Все эти сложнейшие вопросы у автора не возбуждают особых сомнений, и господствующий археологический метод им применяется всецело. Новшеством является лишь то, что Анау, по мнению Е. Я. Кобранова, входит в „поток“ расселения не арийско-индо-европейской народности, а яфетической расы. Автора, разрешившего яфетидологическое задание, смущает лишь то, что сам акад. Н. Я. Марр „стал почему то колебаться в локализации прародины яфетидов“ (стр, 51). Яфетидология была бы крайне признательна автору настоящего труда, если бы он доказал, какая именно культура является яфетическою и что именно такова культура Анау. Пока для самих яфетидологов это еще проблема.

Все же новая книга Е. Я. Кобранова дает местному работнику возможность ознакомиться с культурою Анау в кратком и популярном изложении научных выводов и построений Помпелли и Г. Шмидта.

Как несомненную заслугу туркменского государственного издательства следует отметить, что оно не поскупилось богато снабдить работу иллюстрациями. И, конечно, приходится с полным сочувствием отнестись к издательству, надеющемуся продолжить свое начинание и выпустить ряд научных и популярных работ по историческим памятникам Туркменистана.

II.

В. М. Зуммер.

Сводкой данных по раскопкам двух курганов близ городища Анау содержание книги Е. Я. Кобранова, естественно, не ограничивается: 8 страниц текста (35—42) и 12 рисунков (1—4, 12—19) посвящены главному памятнику „пятой культуры Анау“, — мечети султана Абу-л-Касыма Бабура, правнука Тимура (конец первой половины XV в. хр. э.). Значительность памятника делает необходимым выяснение, что дает книга Е. Я. Кобранова и в этом отношении, для опубликования, анализа или, хотя бы, популяризации мечети в Анау.

Из 12 воспроизведений книги, пять (рис. 12, 13, 16, 17, 18) представляют уменьшенную перепечатку рисунков статьи А. А. Семенова в „Средней Азии“ (1910, кн. I: план, первая

и вторая мемориальные доски и михраб по фот. С. И. Билькевича, фото-сепии орнаментов—по акварелям Б. Н. Литвинова). План перепечатан без сопровождающего его масштаба в аршинах и метрах; от уменьшения (с 10½×12 см. до 8×10) детали—выступы стены, стенные ниши—сплылись и неразличимы даже в лупу; ориентирующие план буквы N (север) и S (юг) изменены на В. (восток) и З (запад). На плане—и у А. А. Семенова—не выделена условными обозначениями (штриховка, пунктир) позднейшая обстройка мечети. Пять рисунков (1—4, 19)—фотографии общего вида мечети (фасад—стр. I, два снимка портала—стр. VII и 19, два снимка со стороны стены михраба—стр. VIII и 3) или совсем не сопровождены указанием точки, откуда снимок произведен, или указания эти сформулированы крайне неудачно: „с задней правой стороны" (стр. VII), „с задней левой стороны" (стр. 3). Внутренних снимков мечети, кроме михраба, не дано: за отсутствием разрезов, желающему ориентироваться во внутренней конструкции мечети придется самому комбинировать данные плана (стр. 29) с беглыми упоминаниями о сталактитовых парусах в тексте (стр. 5, 36). Отсутствующие вертикали разрезов лишь в части восполняются случайными цифрами размеров портала, наружной и внутренней арки, михраба и стенных ниш: у А. А. Семенова они приведены в аршинах (стр. 27),—Е. Я. Кобранов переводит их в метры (стр. 35—36). Но, например, высоты до зенита купола нет, и сколько нибудь отчетливого представления о размерах и пропорциях здания составить себе нельзя.

Два параллельные снимка „правой верхней части портала мечети Анау" (рис. 14, стр. 35), где плита цветочного фона над вторым изгибом дракона на правой фотографии еще на месте, а на левой—уже отсутствует, повидимому, должны иллюстрировать приводимые (стр. III и 5) слова проф. В. А. Жуковского (1894 г.), как „не был пощажен верх мечети и оттуда доставляли куски мозаики знатным лицам". В книге дважды упоминается о том, что „англичане, во время оккупации ими края, выломали из портала несколько чудных изразцовых плит и увезли их с собой" (стр. 4—5), „по рассказам очевидца, генерал, возглавлявший тогда английское командование, приказал принести огромную раздвижную лестницу, при помощи которой была снята, в его присутствии, нижняя плита мозаики драконов на портале мечети и увезена в Англию" (От издательства, стр. IV). Нижняя плита, под третьим изгибом того же дракона, ныне, действительно, отсутствует, это видно на рис. 19-м (стр. 45). Странно, что ни в подписях под рисунками это не об'яснено, ни в тексте нет ссылок на рисунки.

„Техническое исполнение издания заслуживает снисхождения, как работа молодого издательства", предупреждает Турк-

менгосиздат (стр. IV). Но и молодому издательству надо-бы иметь в виду, что при среднем качестве клише, при сером печатании, опубликование общих видов мечети в размерах $6^1/_2 \times 5$ (см. стр. VII), 7×5 (стр. 3), $9^1/_2 \times 5^1/_2$ (стр. I)—получает лишь формальное значение. Выпущенные контрагентством печати в Москве открытки Анау (Москва, Главлит 62973, тираж 2 тыс., 10 сюжж.) четче и крупнее ($13^1/_2 \times 9$ см.), чем эти воспроизведения научного издания. Мало помогает делу присоединение, неразличимых на общих снимках, деталей, не по фотографиям, а с рисунков. Заимствованные у А. А. Семенова „фото-сепии орнаментов" (у Е. Я. Кобранова на стр. 38) немасштабны, даны в произвольном и неравномерном уменьшении: к ним нужно придать графическую схему композиции всего портала, чтобы определить соотношение частей и их место в общем узоре. Рисунок дракона (стр. 37) дан с красочного оригинала, сфотографированного для клише без цветного светофильтра: цветочный тон смазался, сила сопоставленных тонов не выявлена. Впечатление красочной гаммы анауских изразцов могла бы дать обложка книги (раб. акад. А. А. Карелина), декоративно пользующая драконов портала; к сожалению, обложка не только графически упрощает узор портала, но и обедняет его колористически.

Переходя от воспроизведений к тексту, нужно прежде всего устранить авторство подписавшего книгу Е. Я. Кобранова во всей, касающейся мечети Анау, части. Е. Я. Кобранов называет две работы А. А. Семенова о мечети в Анау и, в частности, статью в 1-й книге „Средней Азии" за 1910 год (стр. VII—VIII), приводит из нее выдержки (стр. 5—6, 33), делает на нее частичные сноски (стр. 34, прим. 44; стр. 40, прим. 49; стр. 41, прим. 50), но совершенно не оговаривает ни кавычками, ни ссылками того обстоятельства, что все его изложение является последовательным, слово за слово, пересказом статьи А. А. Семенова, напечатанной 17 лет тому назад (ср. А. А. Семенова, назв. соч. стр. 35—41, Е. Я. Кобранов, стр. 36—41).

Привожу, ввиде иллюстрации, начало и конец изложения о мечети Анау параллельно из А. А. Семенова и Е. Я. Кобранова:

А. А. СЕМЕНОВ.	Е. Я. КОБРАНОВ.
„Несомненный интерес для художника, археолога и ориенталиста, среди всех этих развалин, бесспорно представляют хорошо сохранившиеся остатки мечети, очевидно, бывшей главною в городе, на что указывают ее размеры и положение. Она стоит на самом видном месте цитадели, обращенная задним фасадом на ю.-з., к горам, и ее крепкие стены из жженых кирпичей,	„Среди развалин города Анау особого внимания ориенталиста-археолога заслуживают остатки мечети, которая, судя по размерам и положению, вероятно, была главною в городе. На территории цитадели она занимает самое видное место, будучи обращена задним фасадом на ю.-з., к горам, и своими стенами, выложенными из жженого кирпича, близко примыкал

повидимому, близко примыкали к южной стене цитадели. Она царила своей громадною массою над окружающими постройками и возможно, что население города смотрело на нее, как на могучий оплот и защиту не только в религиозном смысле, но и в буквальном значении этого слова. Три рисунка, приложенных здесь, изображают мечеть с различных сторон и дают достаточное представление о ее внешнем виде“... (и т. д.). Стр. 96—97.

„Внутренняя поверхность внутренней арки украшена лепным узором обще-арабского характера. Такой-же узор, между прочим, имеется на гробнице султана Санджара в развалинах старого Мерва. Самая гробница шейха Джемаля находится здесь же, справа у входа в мечеть, и представляет собою обыкновенное надгробие из жженых кирпичей, грубо обмазанное (повидимому, в позднейшее время) глиною“. Стр. 101.

к южной стене внутренней крепостцы. Своею громадой она царила над окружающими постройками, так что население города, возможно, смотрело на нее, как на оплот и защиту города не только в религиозном, но и в стратегическом смысле. Пять приложенных... рисунков дают полное представление об ее внешнем виде и архитектуре“... (и т. д.). Стр. 35.

„Внутренняя поверхность меньшей арки покрыта лепным узором обще-арабского стиля. Между прочим, такой орнамент имеется на гробнице султана Санджара, сохранившейся среди развалин старого Мерва. Справа от входа в мечеть расположена и самая гробница шейха Джемаля, представляющая собою обыкновенное надгробие из жженых кирпичей, грубо обмазанное, очевидно, в позднейшее время, глиной.“ Стр. 41.

Отличаясь от старой статьи А. А. Семенова лишь перестановкой или заменой некоторых слов, изложение Е. Я. Кобранова ни для описания, ни для анализа форм мечети, естественно, не дает ничего. Обращаясь к описанию и анализу мечети А. А. Семенова, хотелось бы дополнить их по сути указаниями на то, что мечеть в Анау открытая мечеть, типа „мусалля“, где „местом склонения“ является площадка перед мечетью; что угловые сталактитовые паруса смыкаются под куполом в сплошное кольцо сталактитов; что купол—глухой и снаружи имеет цилиндрический барабан; что китайские драконы в парной зеркальной композиции извиваются и на сельджукских Баб-эль-Талисм в Багдаде (1221 г.), и на воротах Гу-юн-гуань (1345 г.),—передатчиками дальне-восточных элементов в искусстве ислама являются по преимуществу турки; что неопределенно-общие термины, вроде „обще-арабского“, „персидско-арабского“ стиля, „восточно-мусульманской“ архитектуры, лишены сейчас реального содержания... На это проф. А. А. Семенов с правом возразит, что статьи не рецензируются через 17 лет после их написания; что он никого не уполномачивал перепечатывать свою старую статью; что его краткий „очерк“ и не претендовал быть исчерпывающей монографией; что, пиши он его сейчас, он написал бы его по иному.

Кстати сказать, Е. А. Кобранов знает, что „А. А. Семенов в „секции этнографии и археологии“, образованной в составе туркестанского отдела русского географического общества в Ташкенте, прочел доклад „О мечети в Анау“,—но не знает, что доклад этот напечатан в вышедшем в том же 1924 г. XVII томе „Известий туркестанского отдела русского географического общества“ (стр. 209—215, проф. А. А. Семенов—„Некоторые данные к истории мечети в Анау“). Здесь, со слов „наиболее уче-

ного из туркменов, Молла Дурды, проживающего в Кеш'ах", сообщается, что в 1447-1448 г. хр. э., по распоряжению Абду-л-Касыма Бабура, был восстановлен из развалин и снабжен водой древний город, получивший, вследствие этого, название Аб-и-Ноу = перс. „новая вода". В 1454 г. в Анау умер и был похоронен св. шейх Джемал-ад-дин (по другим сведениям,—он потомок или родственник имама Али-ар-Ризы); через два года после его смерти (1455-1456) его родной сын, Мухаммед, построил на свои средства на месте могилы отца „Гумбет-мечеть" и назвал ее „Да̊р-ал-Джема̊л" (стр. 212). Далее, столь же подробно рассказывается, как, по захвате города туркменами-теке, победители сперва мирно владеют им, но затем, мстя за изменническое убийство нескольких родовитых и почетных текинцев, осаждают и разгромляют город (1861-1862 г.); население, не выдержав режима текинского хана, разбегается,—и нищая поэтесса Саиб воспевает разорение Анау текинцами в приводимом (стр. 214) стихотворном плаче. Главное же—в статье приводится (стр. 210—211) прочтенный проф. А. Э. Шмидтом текст и новый, „более отвечающий точному смыслу", перевод мемориальных досок, тогда как в книге Е. А. Кобранова дан, „по собственноручной рутописи А. А. Семенова, хранящейся в полторацкском государственном музее", черновой подстрочный перевод (стр. 39—40 и прим. 49-ое).

„Ознакомление трудящихся масс с историческими памятниками старины является одной из важных задач культурного строительства" (стр. III); с точки зрения этих задач, Туркменгосиздат признает труд Е. Я. Кобранова первой попыткой дать на русском языке сравнительно обширную популярную работу об Анау" (стр. IV). В части, касающейся мечети Анау, труд Е. Я. Кобранова совпадает со своим первоисточником, статьей А. А. Семенова,—и по языку, и по размерам, и по степени популярности. Присоединение двух стихотворных цитат—из „Трех пальм" и „Илиады" (стр. 47)—едва-ли существенно приближают мечеть Анау к трудящимся массам.

Наконец, из предисловия Туркменгосиздата читатель с удовлетворением узнает, что в Ашхабаде не собираются больше „разобрать весь мозаичный портал мечети и восстановить его на новой кладке, как вход в будущее здание гос. турк. художественного музея". Средне-азиатский комитет охраны памятников старины и искусства командировал в Анау, в сентябре 1926 г., проф. А. Э. Шмидта, архит. А. П. Удаленкова и проф. А. А. Семенова, которые, ознакомившись на месте с состоянием памятника, нашли возможным его ремонтировать. Организованная комиссия по ремонту мечети „произвела ее очистку, построила временно три арки для поддержания барабана и купола мечети, сделала точные обмеры всей этой древней постройки,

зафиксировав их в ряде чертежей, зарисовок и фотографий" (стр. IV). Будем надеяться, что этот научный материал ляжет в основу нового, углубленного исследования о мечети в Анау, тем более, что туркменское государственное издательство рассматривает выпущенную им книгу Е. Я. Кобранова, как „начало ряда научных и популярных работ, как по Анау, так и по другим историческим памятникам Туркменистана" (стр. IV).

В. М. Сысоев.

К вопросу об издании „Гюлистан-Ирам“ А.-К.-А. Бакиханова.

В т. CCVII № 1 Journal Asiatique (juillet-septembre 1925, p. 149), напечатана интересная не только для ориенталистов, вообще, но особенно важная для нас, азербайджанцев, заметка, под заглавием: „Un historien azerbaïdjanien du debut du dix-huitième siècle—Abbas Kouli Agha Bakikhanoff (Азербайджанский историк начала XVIII-го века—Аббас-Кули-ага Бакиханов). Конечно, здесь простая опечатка: „XVIII-го“ века вместо „XIX-го.“ Эта заметка подписана не безизвестным в Баку Джейхун-беем Хаджибейли, который доложил ее в заседании Société Asiatique в Париже, 3 апреля 1915 г[1].

В этой заметке докладчик прежде всего отметил скудость исторических сведений о прошлой жизни народов Кавказа, особенно для периода от появления на мировой исторической сцене монголов до прихода русских в Закавказье, вообще, и тем более в восточном Закавказьи. Однако, он полагает, что этот пробел в исторических данных о судьбах побережья Каспийского моря и района, занятого тюрками азери, в некоторой степени восполняется в начале XIX в. работой высоко образованного азербайджанца А.-К.-а. Бакиханова, носящей название „Гюлистан-и-Ирем“. Приведу далее точный перевод заметки Хаджибейли: „Счастливый случай дал мне возможность найти русский перевод этой работы у одного из кавказцев, нашедших себе убежище в Париже. Я не могу точно сказать ни того, было ли когда-либо опубликовано сочинение Гюлистан-и-Ирем, ни того, на каком языке было оно написано, на тюркском или персидском, которые были одинаково родными для образованного азербайджанца. Однако сомнительно, чтобы эта работа была напечатана на Кавказе, потому что, в ту эпоху, когда она была написана, около 1840 г., там не существовало ни одной типографии или литографии для арабского шрифта. Во всяком случае, если она не была напечатана в Персии, то там можно найти ее рукописи, потому что труд Аббас-Кули-аги достаточно известен среди интеллигентных азербайджанцев, так как сам автор был сын бакинского хана Мирзы-Мухаммеда II. Эта работа равно известна и под заглавием „Дербенд-намэ“, но это ошибочно. Русский перевод, который я имею в руках, на-

[1]) Journal Asiat. t. CCVI № 2, avril-juin 1925, p. 379.

печатан на машинке, в переплете, рукопись имеет 320 страниц малого in-folio. Она написана по-русски, но оставляет желать многого в отношении стиля и грамотности, что понятно, так как автор начал изучать русский язык довольно поздно и не владел им с такой свободой, как персидским".

„Русский перевод имеет заглавие: „История Ширвана и Дагестана". Он начинается 2 страницами посвящения царю и 3 страницами предисловия. Историческому предисловию предшествует довольно длинное введение: 21 страница отведена определению и географическому описанию страны, о которой идет речь. Далее идет изложение событий, разделенное на пять периодов и, соответственно этому, на пять глав. I-я глава говорит вообще об истории края „от древнейших времен до появления арабов на Кавказе". Она занимает 30 страниц. Вторая глава, занимающая 40 страниц, посвящена периоду от появления арабов (в средине VII столетия) до нашествия монголов (в начале XIII века). Третья глава, 27 страниц, излагает историю страны от монголо-татарского нашествия до утверждения династии сефевидов в Персии (в XV веке), со списком шахов из этой династии. Четвертая глава самая большая—96 стр., излагает события от этой эпохи до смерти Надир-шаха (в средине XVIII столетия). Наконец, глава пятая, имеющая 75 страниц, описывает исторические события от смерти Надир-шаха до гюлистанского договора между Россией и Персией (в начале XIX-го века—12 окт. 1813 г.). Прибавление, на 17 страницах, посвящено краткому изложению жизни „замечательных людей, образованных или ученых, уроженцев Ширвана и соседних областей". В нем помещено 20 биографий лиц, из коих некоторые известны во всем мусульманском мире, как Хакани, Фелеки, Низами, Абул-'Ала и т. п. Особенно там отмечена одна женщина, Мехсети ганджинская, которая, повидимому, пользовалась большой славой при дворе султана Санджара сельджукида, и многие произведения которой включены в Атешкеде. Автор приводит еще около 30 имен писателей, столь же известных, как и предыдущие, исключительно уроженцев Ширвана, не давая биографических сведений о них. В конце прибавления Бакиханов сообщает также некоторые сведения о себе, не из чувства честолюбия, а следуя общему приему авторов".

Далее Хаджибейли в своей заметке сообщает краткие биографические данные о Бакиханове, пользуясь его автобиографическими данными, а также приводит перечень печатных и написанных Бакихановым работ под 9 заглавиями, которые почти целиком совпадают с теми данными, которые помещены в русском тексте „Гюлистан-Ирам", изданном „Обществом обследования и изучения Азербайджана" в виде 4-го выпуска своих

„Трудов“ (Баку, 1926 г., 8°, 181+7+6), на стр. 177—178. Хаджибейли прибавляет следующее: „В библиотеке Школы восточных языков—L' Ecole des Langues Orientales—я нашел еще произведения Аббас-Кули-аги, которые помещены под именем „Кудси Бакинского“;

10° *Эсрар-ал-малакут*—„Тайны мира ангелов“, переведенное на тюркский язык Гайати-заде Сейид-Шереф-Халилем под заглавием: *Эфхар-ал-джабарут*=„Мысли о высшем мире“ (Космография, география), Константинополь 1848, Государственная типография.

11°. *Хадис-и-кудси* (перевод с арабского на персидский Мухаммед-хана),—предания пророка для шиитов, литографирована, 1862“.

Хаджибейли правильно отмечает, что Гюлистан-Ирем, как большая часть восточных исторических произведений, слишком мало дает сведений о социальной жизни изображаемых эпох. Он соглашается, однако, с автором, что предпринятая Бакихановым работа должна быть признана особенно трудной при скромности, вообще, тогдашних средств и научных сил (стр. 17 издания О-ва изучения Азербайджана), когда нет налицо ни обстоятельных летописей, ни хроник, ни надежных преданий. Бакиханов смотрит на свою работу, как на скромную попытку осмыслить ход исторических событий, собрать материалы и т. д.

Хаджибейли считает самым ценным в работе Бакиханова тот материал, который касается истории самостоятельного ширванского ханства, т. е. территории современного АССР=советского Азербайджана, отмечая, что и за этот период не указаны детали внутренней жизни ханства. Между прочим, Хаджибейли указывает, что после смерти Надир-шаха в Азербайджане проявляется большая воля к централизации (?) и созданию независимых политических единиц.

Наконец, Хаджибейли приводит несколько наиболее характерных моментов из истории Азербайджана: 1) благородное поведение шекинского хана Хаджи-Челеби по отношению к своим врагам,—ханам ганджинскому, карабахскому и др., которые были вероломно захвачены в плен Ираклием грузинским в 1749 году, но освобождены при вмешательстве Хаджи-Челеби; 2) благородство кубинского хана Гусейн-Али, который не принял власть над ширванским ханством, хотя хан предложил ему ключи от своей столицы; 3) неустрашимость Тути-бике, жены Фет-Али-хана кубинского, которая в 1774 г., запершись в Дербенде, не поверила ложному известию о смерти мужа и гордо ответила отказом сдать Дербенд своему родному брату —усмию Эмир-Гамзе. Этот последний факт относительно Тути-бике изложен в рукописи Хаджибейли, как-будто бы, несколько иначе, чем в издании Общества, где сказано: „Усмий... при-

близившись к Дербенду, ложно известил сестру, Тути-бике, о смерти Фет-Али-хана и требовал сдачи крепости; но она отвергла с презрением предложение брата и, одевшись в мужское платье, везде являлась на стенах города и своей неустрашимостью ободряла защищавшихся жителей" (стр. 133). Это место в рукописи Хаджибейли, повидимому, изложено так (в переводе): „Эмир-Гамза тогда приблизился к крепости Дербенду и предложил вступить в переговоры своей сестре, которая, в отсутствие своего мужа, командовала гарнизоном, хотя и была беременной. В этот момент она находилась на стенах крепости. Усмий потребовал сдать город ему, говоря, что Фет-Али-хан, ее муж, убит. Но храбрая женщина, ударяя себя по бедрам и, напомнив, что она скоро будет матерью, крикнула своему брату: „Один Фет-Али-хан умер, но жив другой Фет-Али-хан". И она мужественно отвергла нападения горцев".

Текст рукописи Хаджибейли, по крайней мере в данном месте, отличается большей драматизацией, сравнительно с изданием Общества.

В издании Общества не напечатано „посвящение русскому царю" и „вступление"—религиозного характера; это было в рукописи, но опущено просто, как не представляющее ценности. Мы, конечно, не видели рукописи Хаджибейли, поэтому приходится о ней судить только условно, но, повидимому, она в общих чертах совпадает с нашим текстом, изданным Обществом, который в подлинных 2 русских рукописях тоже отличался обилием грамматических ошибок и описок, устраненных в печатной редакции, без искажения смысла текста. Вероятно, эти ошибки и описки в рукописях произошли от невежества и незнания переписчиков, которые особенно были затруднены смыслом текста, а еще чаще—незнакомы с трудными именами: рукописи написаны красивым, писарским почерком, но очевидно людьми сильными в технике письма, но не в грамотности. Рукописи, по которым было напечатано издание Общества, имели: одна 375 страниц, другая 553 страницы, а у Хаджибейли 320 страниц, напечатанных на машинке с какого-то, несомненно, рукописного оригинала. Так как текст первой рукописи Общества на 375 страницах почти буквально равен тексту другой рукописи на 553 страницах, писанных разгонисто, то можно думать, что и рукопись Хаджибейли не может сильно отличаться от изданного текста. Но какая-то разница есть: в издании Общества напечатано 24 биографии ширванских ученых и поэтов, а Хаджибейли говорит, что в его тексте дано только 20 биографий; точно также различен текст рассказа о Тути-бике, приведенный выше. В издании Общества те же: введение и заключение или прибавление, 5 глав, как и у Хаджибейли, и размеры этих глав, повидимому, соответственно равны

размерам глав у Хаджибейли (в издании Общества число страниц напечатанных таково по глазам: 14, 19, 22, 15, 51, 38 и 18, а у Хаджибейли соответственно: 21, 30, 40, 27, 96, 75, 17, т. е. пропорциональность одинаковая)

По существу своему, заметка Хаджибейли не представляет для нас ничего особенно нового, неожиданного, но она чрезвычайно показательна в том отношении, что Общество обслед. и изуч. Азербайджана осуществило одну из тех задач, которые вызвали интерес к себе у одного из старейших европейских востоковедных обществ.

Пользуюсь случаем, чтобы отметить, что русский текст Гюлистан-Ирам'а Бакиханова до 1926 года не был напечатан, а его персидский оригинал не издан и поныне. О значении отдельных глав его я уже высказал свое мнение вкратце во второй половине предисловия к этому изданию. Сейчас я хочу сказать только несколько слов о заключительной главе труда Бакиханова, которая очень важна, так как дает первый опыт рассуждения „Об отличившихся ученостью и другими достоинствами уроженцах Ширвана и соседних с ним провинций" (стр. 163—180). Здесь автор, кроме обзора деятельности знаменитых поэтов Низами, Фелеки и т. д., еще сообщает чрезвычайно интересные, и, может быть, иногда единственные, о многих известных местных бакинских уроженцах, как: а) *Шейх-Абу-'Абдулла-'Али-бин-Мухаммед,* бакинский ученый (1-й по его списку); а) *Мюджир-аддин биляганский,* поэт (4-й); в) *Абу-С'аид-'Абдал бакинский,* дервиш (5-й); 2) *Сейид-Яхья бакинский,* ученый (6-й); г) *'Абдул-Рашид-бин-Салех бакинский,* ученый (11-й); д) *Молла-Мухаммед-бин-Молла-Неджеф-'Али бакинский,* ученый. Упоминается еще *Ахунд-Неджеф бакинский,* шейх.

На эту главу желательно было бы обратить особое внимание, пополнив материалы Бакиханова новыми данными, если к тому есть возможность, и издав в дополненном виде, как первую попытку обобщить сведения о начальном периоде поэзии, науки и культуры в Азербайджане вообще, и в Баку, в частности.

В. М. Сысоев.

„Азербайджан“ в I томе „Большой советской энциклопедии“.

В I томе „Большой советской энциклопедии“ (издание акционерного общества: „Советская энциклопедия“, Москва, 1926, под общей редакцией О. Ю. Шмидта, а также Н. И. Бухарина, В. В. Куйбышева, М. Н. Покровского и др. Издание расчитано на 30 томов, в 1800 печатных листов, цена каждого тома около 7 р. Вышло 6 томов) помещен ряд очерков, касающихся Азербайджана, под общим заглавием: „Азербайджанская советская социалистическая республика“, а именно: 1. Физико-географический очерк (колонки 638—641); 2. Демография (641 – 643); 3. Экономический очерк (643—657); 4. Народное образование (657—659). Этот ряд очерков дополняется еще очерком: „Азербайджанский язык или наречие азери“ (665—666). Всего 28 колонок, размещенных на 14 страницах. К этому приложена небольшая карта АССР.

Уже из счета колонок-страниц видно, что обзору АССР не отведено много внимания. Правда, тот масштаб („читатель с уровнем знаний в об‘еме школы 2-й ступени или рабфака“), который себе наметила редакция словаря, не позволяет особенно много останавливаться на многих, иногда, может, важных подробностях того или другого предмета и заставляет экономить место и сообщаемые сведения, - это общий масштаб, прилагаемый ко всему, помещаемому в словаре. Действительно, мы в том же I томе видим, что Абиссинии, напр., отведено всего 12 колонок, Абхазской ССР. и абхазцам — 16, Австралии и австралийцам — 62, Австрии—45 и т. д. Количественно, значит, материал, данный об Азербайджане, можно признать, в общем, достаточным. Но по качеству не всегда можно примириться с тем, что дано в этой „Большой советской энциклопедии“, которая имеет очень широкое распространение (сейчас до 40.000 подписчиков) и, как всякая энциклопедия широкого, академического характера, должна иметь особый вес и особое значение.

Прежде всего приходится отметить, что карта Азербайджана (АССР, приложенная к очеркам, является совершенно неудовлетворительной. На карте простая пометка: „Научно-технический отдел ВСНХ, Государств. картография, Ленинград, Пряжка“, из которой нельзя установить, кто является ответственным за те промахи, которые допущены в ней. В тексте очерков тоже нигде нет никаких указаний на это. Карта дана

в обычном для таких изданий масштабе—25 кил. в 1 см., воспроизводит обычный контур гор, рек и пределов Кавказа; это дано все правильно. Но что касается названий, то карта пестрит опечатками, повидимому. В таком крупном и ответственном издании, как БСЭ, опечатки—вещь недопустимая: в заграничных изданиях их не бывает.

На карте дано всего около 200 названий; из них 29 перепутаны, иногда до неузнаваемости. Эти опечатки следующие:

I-я категория, где названия слегка изменены:

напечатано:	нужно:	где:
1. Альпаут	— Алпаут	— на Куре;
2. Хатынлу	— Хатанлу	— на Куре;
3. Хильмли	— Хильмили	— к с. в. от Шемахи;
4. Сумгаито	— Сумгаит	— к сев. от Баку;
5. Сангичал	— Сангачал	— к югу от Баку;
6. Тивы	— Тива	— в Нахкрае;
7. Агджабет	— Ахджабеды	— около Ганджи;
8. Пиразы	— Пираза	— на Куре;
9. Борисов	— Борисовка (Бориси, Борисы)	— около Тертера;
10. Калбаджан	— Кяльбадж	— верховья р. Тертера;
11. Мегры	— Мегри, Мигри	— на Араксе.

В этой категории сравнительно легко разобраться человеку, хотя бы несколько знакомому с изменчивостью (иногда капризной) местного произношения.

II-я категория, где названия совершенно неправильны:

напечатано:	нужно:	где:
1. Лях	— Ляки	— к с.-в. от Гачджи;
2. Пинис	— Пипис	— гора около Казаха;
3. Курткашин	-- Куткашин	— к с. от Геокчая;
4. Тудар	— Гудар	— к с. в. от Шемахи;
5. Талбуз	— Шалбуз	— гора к сев. с. з. от Шемахи (показана к с. вост.);
6. Алты-ага	— Алты-агач	— к с. в. от Шемахи;
7. Кунах	— Конаг-кенд	— около Дивичи;
8. Амарханлы	— Амирханлы	— около Дивичи;
9. Корванглы	— Ковратлы	— около Джевата;
10. Ах-гула	— Ах-чала	— около Сальян;
11. Биляги-чай	— Виляш-чай	— около Ленкорани;
12. Бат	— Ватага	— в устьях Куры;
13. Хиджаваид	— Ходжавенд	— около Гиндарха, Мильск. степь;
14. Карга-чай	— Каркар-чай	— в Мильской степи и около Шуши;

15. Калуджик — Капуджих — гора в Нахкрае;
16. Кирваг — Кивраг — селение к с. от Нахичевани;
17. Бергушек — Бургушет (Баргушет) — река около Герусов;
18. Шотулянны — Бала-солтанлу — около Герусов.

Кроме того, на карте помещены условные знаки для обозначения мест Азербайджана, особенно богатых: нефтью, хлопком, виноградом и т. п. Эти знаки расставлены тоже небрежно. Просматривая их (следовательно, всякий читатель,—особенно тот, который мало знает Аз-н), мы узнаем, к своему удивлению, что *около Балаханов нет нефти*, но нефти много (?!) к сев. зап. от Маштагов; что хлопка очень много около Амирханлы в горах кубинского уезда и к сев. от Ганджи около сел. Лях (Ляхи), но его нет в районе Агдама, Евлаха и т. д.

Что касается очерков Азербайджана, то нужно сказать, что статистический цифровой материал в них едва-ли можно считать удовлетворительным, так как все данные большею частью относятся к 1923-24 годам, редко ближе. Ведь эти сведения предназначены не для удовлетворения праздного любопытства, а для серьезного познания края во всех отношениях и в свете последних данных науки. Физико-географический очерк не может быть считаем удовлетворительным. При обозрении устройства поверхности автор характеризовал три категории поверхности: горную—северную, низменную—среднюю и горную —юго западную и юго-восточную, но не дал, хотя бы приблизительных, цыфр, показывающих, какую именно долю всего края занимает каждая область. Орография оставлена совершенно в тени, совсем нет цифровых данных: правда, они есть на карте. Климатология, в общем, дана в достаточном виде, но гидрография описана только в очень общих выражениях. Геология тоже очень туманна: едва-ли „читатель со средним образованием" разберется в том, что именно означают термины: „смятая в складки горная область", „изверженные горные породы" и т. п.

В отделе ископаемых богатств автор очерка говорит, что „белым углем" Азербайджан сравнительно беден, и что в крупном масштабе могут быть использованы лишь средние течения Аракса и Самура, предназначеные для электрофикации бакинских промыслов. Мы теперь знаем, что предполагается использовать для гидростанций р. р. Тертер, Куру, Шамхорку и т. д. Бледны также очерки растительного и животного мира. Не упомянуто, например, о важности, во всесоюзном масштабе, заповедника в Кызыл-агачском заливе. Фраза: „В лесах Талыша встречаются тигр и дикообраз" требует исправления: тигр давно уже не бывает в лесах Талыша.

Очерк по демографии вообще полнее и удачнее, но и здесь цифровые данные запаздывают: для 1/I 1925 г., хотя можно было бы ожидать данных на 1/I 1926; населенность городов

указана по 1923 г. Население Азербайджана указано на 1/I 1925 в 2.084.000, и только потом отмечено, что в эту цифру не вошло население Нах. ССР—90.310; вообще, при составлении очерка, почему-то Нах. ССР. оставлен без внимания. Не указано распределение населения по уездам.

Экономический очерк обстоятелен, но цифры сильно опаздывают; например, под хлопком указано 92.850 гк (85.000 десятин), заложенных в 1924 г. Разве нельзя было дать, если не по 1926, то, по крайней мере, по 1925 г., тем более, что хлопководство быстро растет. Данные по рыболовству ограничиваются только 1923 и даже 1922 г. Автор экономического очерка сам говорит: „Необходимо отметить, что данные (сельско-хоз.) переписи 1921 г., в части, относящейся к размерам землепользования, устарели“[1] или: „За последние годы уловы (рыбы) непрерывно растут, и можно считать несомненным“ и т. д. Точно также по виноделию, текстильной промышленности, мукомольному делу, табачному—даны цыфры, только кончая 1923-4 или 1924 г.

О бакинской нефтепромышленности почти ничего не говорится, потому что весь материал намечен к помещению в будущем самостоятельном очерке: „Бакинская нефтяная промышленность“. Но непонятно, почему ровно ничего не сказано о Каспаре, о пароходном и заводском рабочем деле, о размерах таузской цементной промышленности, добыче квасцов, баритовой выработке и т. д.

В отделе экспорт-импорт—цемент почему-то попал в разряд продуктов, ввозимых в Азербайджан из РСФСР и западной Европы. Солодковый корень вывозится в Америку, а машины преимущественно ввозятся из Америки, о которой в обзоре совсем нет речи.

В очерке „Перспективы“ автор оказался не особенно провидящим, считая, что западное Закавказье „значительно“ богаче Азербайджана и белым углем и ископаемыми, кроме нефти; что „главное внимание Азербайджана должно быть направлено на развитие сельского хозяйства“. В настоящее время оказывается, что на ряду с предстоящим широким развитием сельского хозяйства в Азербайджане—на Мугани, в Ширванской степи, Мильской и т. д., в нашем крае намечается и широчайшее развитие индустриализации: кроме колоссальной, имеющей широчайшее всесоюзное значение, нефтедобычи и нефтепереработки, здесь предстоит широкое развитие обработки хлопка—текстильное производство, а также суконное—с центрами в Баку, Гандже и др. Кроме того, дашкесанские месторождения железной руды обещают дать необычайное, опять-

---

[1]) Кол. 645.

таки во всесоюзном масштабе, развитие железодобывающей и железообрабатывающей промышленности. Серный колчедан, который недавно в Баку привозился с Урала, делается теперь предметом вывоза в РСФСР, покрывая, кроме того, всю потребность бакинских нефтеперегонных заводов и т. д.

Очерк „Народное образование" дает сведения только 1924—25 г.; кроме того, он очень краток: всего одна колонка (полстраницы); нет ни слова ни о библиотечном, ни о клубном деле в Баку, почти ничего нет об азербайджанском гос. университете и политехникуме, роль которых велика не только для Азербайджана, но и для ближнего востока.

Профсоюзам, партии и комсомолу отведена в общем, тоже одна колонка: ничего не сказано о количественном и качественном весе бакинского пролетариата, рабочего движения; о компартии—короткая заметка; о роли тюрок компартии в жизни края ничего нет; о женском движении решительно ни слова.

В начале тома, в статье от редакции, отмечено, что очерк „Азербайджанская ССР" есть работа И. С. Щукина, В. Н. Худадова, Н. Н. Баранского, В. А. Гурко-Кряжина, под ред. научного совета Наркомпроса Азербайджана", а на стр. 659 в примечании указано еще раз, что (все в очерке) „редактировано научным советом АССР". Очевидно, что научный совет Наркомпроса АССР несколько неосторожно поставил свою „визу" на этих очерках, приняв на себя всю ответственность за чужую (в центре) работу.

„Исторический очерк" Азербайджана, подписанный единолично В. А. Гурко-Кряжиным, тоже не без недочетов. Обзору древнейшей истории Азербайджана посвящено всего десять строк; нет ни слова о сасанидах, о начале связи Рима с Закавказьем и Албанией и т. д. Фразу: „В VIII веке арабы, *окончательно* завоевав ю.-в. часть Закавказья, *первым делом* (курсив мой—В.С.) отстраивают сильную крепость в Дербенде," конечно, следовало изложить так: „В седьмом веке, арабы, завоевав ю.-в. часть Закавказья, первым делом отстраивают" и т. д. Нет в историческом очерке ни слова ни о сельджуках, ни о ширваншахах, ни о сефевидских шахах, ни о самостоятельных ханствах в Азербайджане, ни о культурных центрах края в XI-XIII в.; наивный читатель будет думать, что Баку и в древности был столицей Азербайджана. Девятнадцатому веку и особенно двадцатому отведено гораздо больше внимания, но и тут не без недочетов. Так, губернатор Накашидзе, убитый 11 мая 1905 г., назван бакинским полицмейстером[1]. Есть такая фраза „Стремясь завладеть Баку, муссаватисты, в лице местных богачей (кочи)[1]"... Конечно, местных богачей можно было бы за

---

1) Кол. 661.
2) Кол. 662.

характер их деятельности назвать „кочи", но это слово „кочи" не имеет такого значения: оно значит вообще „бандит", „головорез".

Очерк „Азербайджанский язык" подписан: „ред. Н. Марр" Оставляя в стороне правильность заметки: „Наречие азери или азербайджанский язык", лингвистические выводы и предположения, отмечу, что при обзоре азербайджанской литературы допущен ряд опять досадных опечаток: Молла-Папах-Вакиф вместо М. Панах-В.[1], или Мулла-Наер-Эд-Дин вместо Молла Наср-Э. и др. Конечно, неправильно освещает положение резкая формула: „приказ Совнаркома о переходе на латинский алфавит".

Библиография к этому очерку, с датами только 1806, 1857 и 1909 г. г., разумеется, очень устарела.

Таковы сведения об Азербайджане в I т. БСЭ. В настоящее время выходит также 7-м изданием *Энциклопедический словарь* библиографического института *Гранат*. Там пока об Азербайджане нет даже помина. В 4-м томе говорится по-прежнему о бакинской губернии, о бакинском уезде и т. д. В 41-м томе дано общее обозрение Закавказья, где говорится об Азербайджане вообще.

Баку. 7 мая 1927 г.

---

1) Кол. 666.

Е. А. Пахомов.

Цамбаур Е.—Руководство генеалогии и хронологии по истории ислама.

(E. de Zambaur Manuel de généalogie et de chronologie pour l'histoire de l'Islam. Av. 24 tabl. généal. hors de texte et 5 cartes. 2 parties. Hanovre 1927. 4°, XII+338 p.+20 pl.+5 cartes).

Подписка на эту книгу была об'явлена еще год тому назад германской издательской фирмой Heinz Lafaire в Ганновере, но поя илась она в продаже лишь весною текущего года. „Руководство“ состоит из двух выпусков, с общей нумерацией страниц, небольшого предисловия и отдельного, формата текста, атласа из 20 генеалогических таблиц и 5 карт. Автор—известный европейский ориенталист, видный деятель венского востоковедного общества; его перу принадлежит ряд ценных статей по востоковедению, преимущественно по нумизматике. Как видно из предисловия, книга явилась результатом накопления заметок и дополнений к известной работе Стенли Лэн-Пуля о мусульманских династия [1], при чтении автором восточных хроник, особенно труда ибн-ал-Асира. Таким путем составились не только списки многих династий, опущенных у Лэн-Пуля, но и перечни правителей некоторых крупных мусульманских городов и провинций, везиров и т. п. Все это издается в разбираемой труде в виде списков, снабженных указанием годов правления каждого упоминаемого лица, если эти года известны, и с добавлением генеалогических таблиц. Даты указаны только годами хиджры, а имена—европейской транскрипцией, с передачей арабских букв условными над- и подстрочными знаками. Условные же знаки отмечают, упоминается ли данное лицо в надписях или на монетах. Для каждого списка указываются также главнейшие источники и пособия, в том числе и русские. С внешней стороны книга издана превосходно, а богатство собранного материала несомненно надолго удержит за нею значение необходимого для историков-ориенталистов справочника, наряду с трудом Лэн-Пуля, который, особенно в издании акад. В. В. Бартольда, все же остается незаменимым.

Отделы расположены по большей части по тому же историко-географическому принципу, что и у Лэн-Пуля, лишь с небольшими изменениями; только глава о Малой Азии и Турции,

[1]) Цамбаур использовал и русское издание этой работы акад. В. В. Бартольда.

стоящая у Лэн-Пуля после главы о сельджукидах, здесь вынесена вперед, так что о сельджукидах Рума и их преемниках говорится задолго до того, как заходит речь о появлении первых сельджукидов Персии.

Наиболее важна для нас глава IX, касающаяся Кавказа и Каспийского моря (стр. 177—194), но, к сожалению, наиболее слабая в научном отношении. Она начинается списками (№№ 161 и 162) халифских правителей Азербайджана и Армении (в состав последней входил, при арабах, и кавказский Азербайджан), первый—по ибн-ал-Асиру, второй – по нему же и по работам М. Газарьянца и Р. Р. Фасмера, но интересный труд Ж. Лорана [1] остался автору неизвестным. Наиболее надежной частью является список арминийских наместников 132—200 г. г., составленный по Р. Р. Фасмеру [2], но остальные части требуют значительных дополнений. Неточно также категорическое замечание о том, что резиденцией этих правителей был Двин: чаще, особенно при аббасидах, они сидели в Барда'а. Саджиды (№ 163) перечислены по Гюарту и Дефремери, и их список отличается от данного у Лэн-Пуля лишь добавлением имени Дивдада II. Са'лукиды [3] (№ 164) напрасно помещены в этом отделе, так как их владения не доходили ни до Кавказа, ни до Каспийского моря. По династии саларидов (№ 165), игравших в свое время крупную роль, готовится к печати Р. Р. Фасмером специальное исследование, по появлении которого можно будет судить, насколько полон список, даваемый Цамбауром. Под № 166, последний, под названием „ширваншахов", дает очень странное соединение списков арабских мез'ядидов II-V в. хиджры (по Э. Захау [4]), персидских беглярбегов и турецких пашей Ширвана X-XI в. х. (по Дорну [5]) и ширванских ханов 1180—1236 г. г. по А. К. Маркову [6]. Особенно неудачен список ширванских ханов, все пробелы и неточности которого перечислять здесь излишне, так как мною готовится особая работа по этому вопросу. Отмечу только, что ни беглярбеги и паши XVI-XVII веков, ни ханы XVIII в. никогда не титуловались ширваншахами. По отношению к ханам, как Ширвана, так, далее, Ганджи, Шеки и Карабаха, автор допускает еще другой крупный промах, помечая условным знаком, что имена этих ханов упоминаются на монетах: как известно, все монеты закавказских ханств анонимны; ошибка автора зависит, очевидно, от невнимательного пользования каталогом А. К. Маркова, державшегося системы приурочивания таких монет современным

[1]) Laurent J.—L'Arménie entre Byzance et l' Islam etc. Paris 1919.
[2]) Фасмер Р. Р.—Хрон. нам. Арм. при первых аббасидах.
[3]) В заголовке, вероятно по опечатке, стоит а без апострофа.
[4]) Sachau E.—Ein Verzeichniss muhamm. Dynastien. Ber in 1923.
[5]) Dorn B.—Gesch. Schirwan's etc
[6]) Марков А. К.—Инв. Кат. Эрмитажа. СПБ 1896 г., но стр. не 307, как указано Цамбаура, а 779—782.

правителям, но вовсе не говорящего, что на монетах стоят их имена. Этот промах Цамбаура тем более непонятен, что он сам является знатоком восточной нумизматики и сам, в одной из своих статей о чекане тахиридов, указывал на ошибочность метода приурочивания анонимных монет тому или иному лицу только по дате, метода, к сожалению, очень распространенного и поныне.

Пробелы в списке правителей Ширвана между мез'ядидами и беглярбегами, а также между последними и ханами XVIII в. заполнены автором списком № 167, под общим заглавием „хаканидов". Сюда входят кесраниды и ширваншахи дербендской династии. Моя статья о кесранидах [1] осталась автору неизвестной, и потому список получился более краткий, хотя и полнее, чем у Дорна, благодаря привлечению нумизматических данных. Очень ненадежна хронология, неизвестно откуда заимствованная. Ширваншахи дербендские не отличаются от перечисляемых В. В. Бартольдом [2], но некоторые даты слегка изменены. Что касается генеалогии, то отцом Менучехра показан легендарный Кесран, а Фаррухзад II назван ошибочно братом, а не сыном Ахситана II. Согласно с А. Бакихановым [3], автор считает Фаррухзада II отцом Кай-Кубада, а последнего—отцом Мухаммеда, отца Шейх-Ибрахима I. За ширваншахами следуют ханы Ганджи (№ 168), Шеки (№ 169) и Карабаха (№ 170), относительно которых приходится повторить все, сказанное выше о ханах Ширвана. Ханы Дербенда, Кубы, Баку и др. пропущены. Под № 171 поставлены шеддадиды, а под № 172—хашимиды; обе династии взяты без изменения у Захау, но в литературе к № 172, кроме Захау, ошибочно упомянут и В. В. Бартольд, у которого сведений о хашемидах нет. Последующие №№ 173—182 посвящены южно-каспийским династиям. № 183, под названием „цари Карабаха", охватывает меликов, известных пока почти исключительно по монетам; А. К. Марков считает их сельджукидами Азербайджана. Приводимые Цамбауром даты царствований не известно на чем основаны. За ними идут мелики Ахара (№ 184), данные по А. К. Маркову, исхакиды Гилана (№ 185) и, наконец, „персидские правители Грузии", под которой в данном в случае надо понимать только Кахетию, по М. Броссе [4], но хронология требует некоторых поправок. Все вышесказанное показывает, что несмотря на массу затраченного труда, работа Цамбаура все же имеет много недочетов, и далеко не все в ней может быть принимаемо без проверки; несмотря на это, она является очень ценным и полезным пособием для исторических и особенно нумизматических справок.

---

1) Пахомов Е. А.—Крат. курс ист. Азерб., Баку 1923 г.
2) Бартольд В. В.—Мус. дин. С П Б 1899 г. с. 296.
3) Бакиханов А.—Гюлистан-ирам, Баку 1926, с. 71.
4) Brosset M.—Hist. de la Géor., на стр. 638 указана ошибочно.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Поправки и дополнения.

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
16	1	**А. И. Ашмарин**	**Н. И. Ашмарин**
20	4	احکم	الحکم
23	5	(866 г.	(866) г.
»	18	Авшин	Афшин
»	19	*Авшин*	*Афшин*
»	40	1982	1892
»	44	Tabar	Tabari
25	23	Авшина	Афшина
26	14	*Авшин*	*Авшин*
27	36	Namehbuch	Namenbuch
»	39	Encyelopaedia	Encyclopaedia
»	40	Ja'qybi	Ja'qubi
28	10	Муфлихи [12]	Муфлихи [4]
30	13	Рей [5]	Рей [6]
»	30	774	474
»	37	67—77	76—77
»	38	32—83	82—83
31	13	1926 (из	1925, 43 (из
»	38	M. 977 n° 1 в	M. 977 n° 1b
32	19	середины,	середины—ر ,
»	39	Sotheby n° 399	Sotheby n° 299
38	37	M. 978	M. 878
39	3	сбора и	сбора хараджа и
»	4	لضياع.....حقيقه	الضياع.....حقيقة
»	38	Zambaur, Contr. n° 35	Zambaur, Contr. n°35, Erman, ZN XI 66.
40	34	484 e	984 c
»	42	297 n°17.	297 n°17; без описания—Erman, ZN XI 66.
»	43	M. 176 n° 4 *и*	M. 176 n°4 и вариант
»	43	M. 176 n° 3 и	M. 176 n°3, ср. Erman, ZN XI 66 и
»	47	наверху с	наверху ں
»	48	BASP IV 2 sér.	BASP 2 sér.
41	1	*Кахи*	*Каки*
43	4	в *Васифа*	а *Васифа*
45	13—14	Побоясь	Победив
»	32	авересным	аверсным
47	2	scinces	scienses
»	9	Goll.	Coll.
»	27	Iвn-al-Athir	Ibn-al-Athir
«	32	Gibb Memorial, series	Gibb Memorial series
48	7	Konigliche	Königliche
»	10	Tersler	Terslev
»	25	Tornberg—Symbolae	Tornberg, Symb.--C. J. Tornberg Symbolae
50	3	Meraga	al-Meraga
»	4	von historischem	vom historischen
»	35	al-Mardi	-ibn-Mardi
»	36	Mersban	Merzban
51	3	Abrissen	Abrisse
123	10	XVIII	XVII
»	36	персидскому	русскому
126	42	начались персидско-русские войны	началась персидско-турецкая война
таб. 8, пр. 2	2	многим	моим

Цена 3 р. 20 к.

СКЛАД ИЗДАНИЯ
в О-ве Обследования и Изучения Азербайджана.
Баку, Коммунистическая, 10,
ДВОРЕЦ ТЮРКСКОЙ КУЛЬТУРЫ.